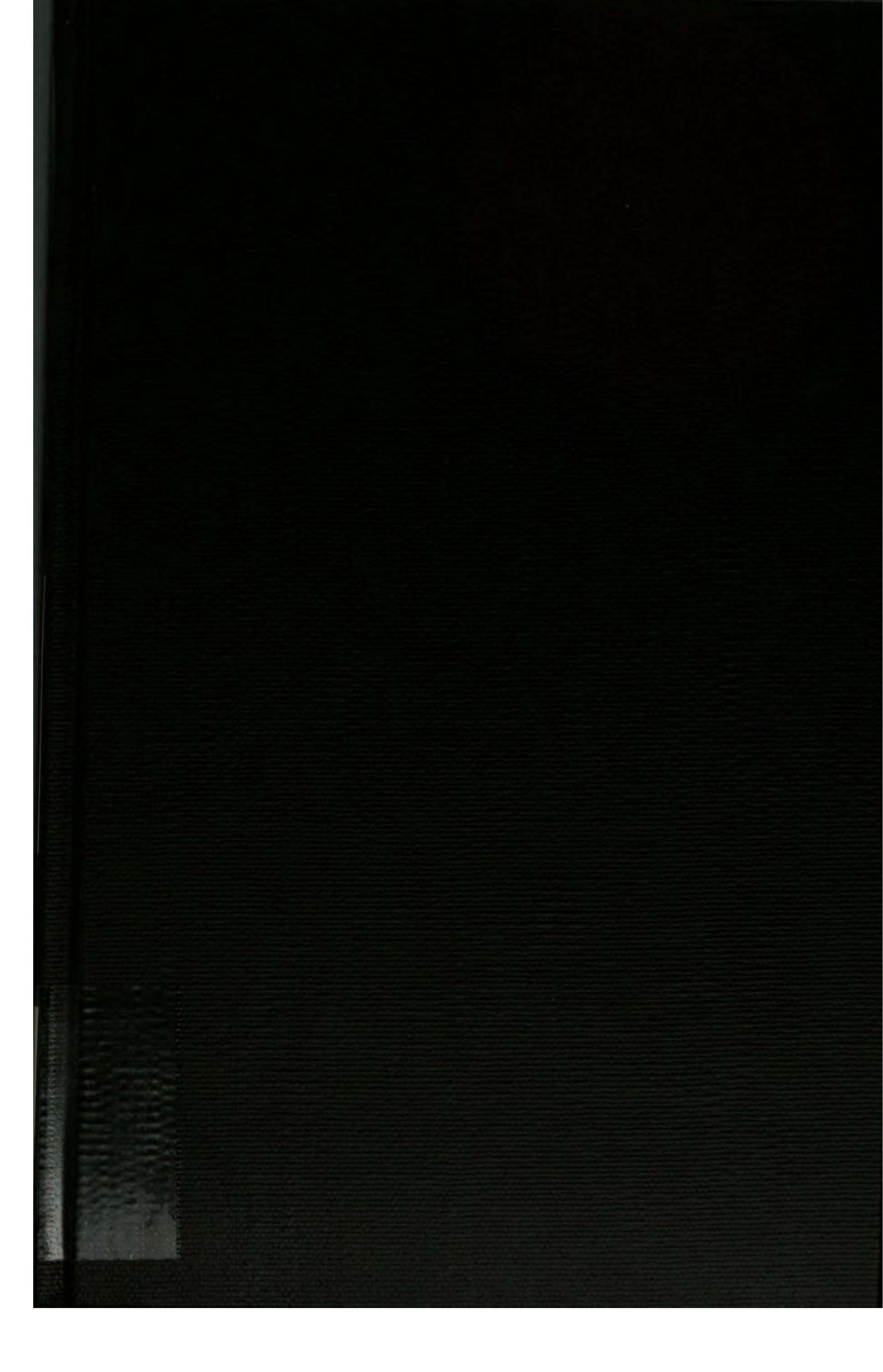
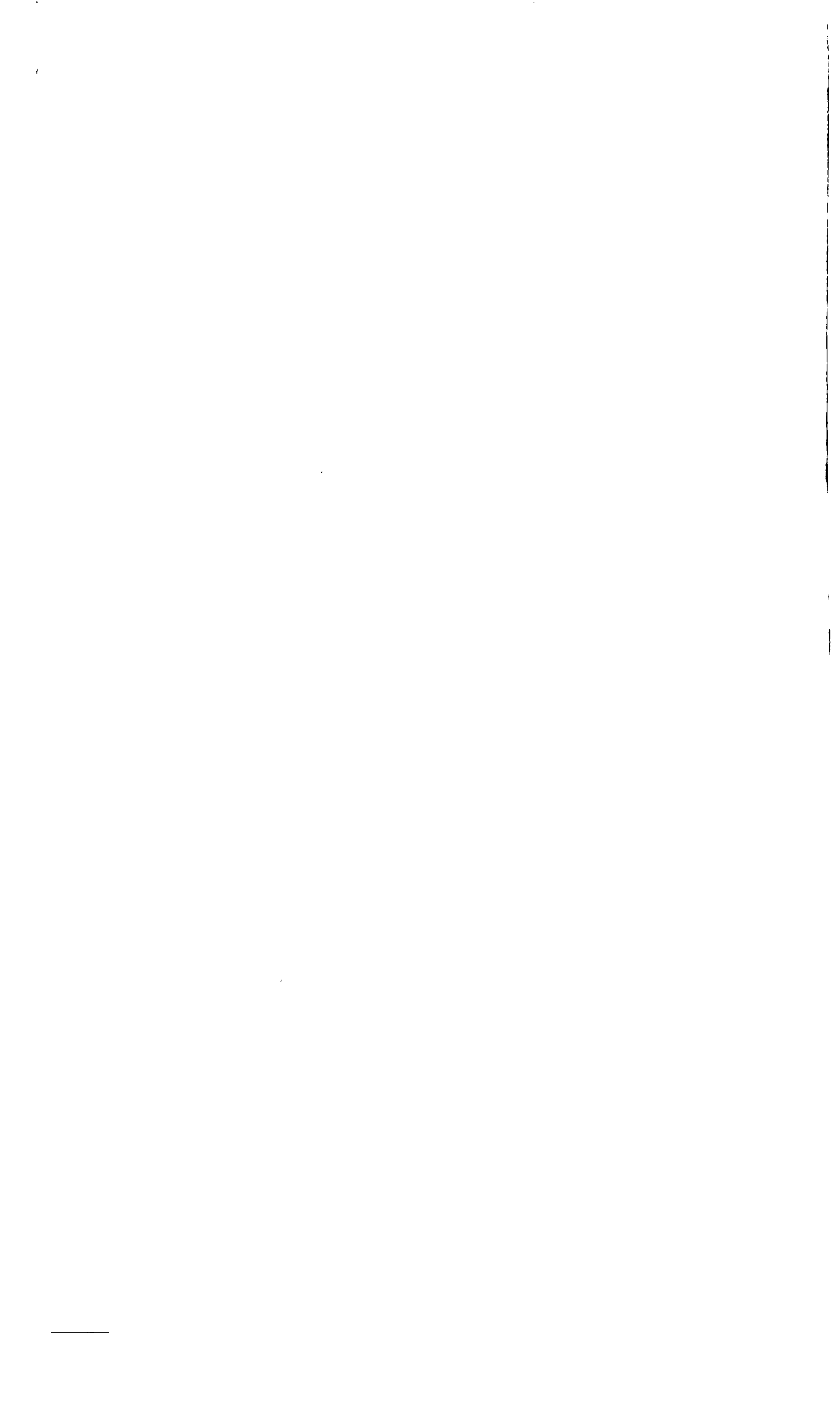

№ 8. АВГУСТЪ

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 8.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1916.

СОДЕРЖАНІЕ.

АМАЗОНКА.

Романъ

XXIV.

Я медленно и нерѣшительно писала адресъ Миши на конвертѣ. Что-то здѣсь не такъ. Но что именно? Во всякомъ случаѣ письмо должно быть послано и его содержаніе не можетъ быть инымъ.

Сейчасъ я, въ сущности, счастливѣйшая женщина въ мірѣ; все случилось какъ разъ такъ, какъ я этого хотѣла, но на душѣ у меня тяжело: я чувствую себя виноватой передъ Мишей и никакія разсужденія и оправданія не помогаютъ. Разсудокъ, логика, даже справедливость на моей сторонѣ, противъ меня только совѣсть, и я ничѣмъ не могу ее образумить.

Таня крѣпко спитъ въ моей постели, ея лицо мертвенно блѣдно, почти не отличается отъ подушки, длинная коса свѣсилась на полъ. Я любуюсь выраженіемъ горестной кротости на ея лицѣ, такое выраженіе бываетъ у нея только во время сна.

Мысль о Мишѣ становится все мучительнѣе. Я ясно представляю себѣ его радость при полученіи письма и его ужасъ по прочтеніи. Онъ покраснѣетъ, закуситъ губы, будетъ быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, стараясь преодолѣть первую боль. Потомъ, вѣрно, сядетъ писать, напишетъ десять писемъ и ни одного не пошлетъ. Можетъ быть, сейчасъ же пріѣдетъ, но каково ему будетъ ѣхать?

Нѣтъ, такъ нельзя. Надо объясниться лично. Я навѣрное знаю, что это легче.

Потомъ я подумала, что еслибы кто-нибудь другой, а не я, поступилъ такъ съ Мишей, я не нашла бы словъ для выра-

женія гнѣва и негодованія. И я рѣшила не отправлять письма, не посовѣтовавшись еще разъ съ Андреемъ.

Кто-то пришелъ и тихо разговаривалъ съ Леной въ столовой. Я вышла. Это былъ Никитинъ. Онъ обернулся, но не поздоровался со мной.

— Таня спитъ?

— Да,—отвѣтила я—она спитъ и лучше, если вы сейчасъ уйдете и не покажетесь ей на глаза подольше. Мы будемъ сообщать вамъ о ней. Она вчера нервничала уже по поводу того, что вы за ней слѣдите, и надо ее пощадить.

— А меня можно и не щадить? — усмѣхнувшись со злобой, спросилъ онъ.

— Можно. Вы сильнѣе, и притомъ, это вы лишаете ее свободы и спокойствія, потому что вы не въ состояніи взять себя въ руки. Вы, значитъ, и должны уступить.

— Хорошо разсуждаете, но не слишкомъ ли много мы ее щадимъ? Она шагаетъ прямо и всякое препятствіе считаетъ за личную обиду; всѣ должны молча сторониться, уступать, угождать, щадить. И это вы ее такъ избаловали, а истеричкамъ куда полезнѣе чья-нибудь твердая воля.

«Онъ глупъ или поглупѣлъ»,—подумала я, и сказала вслухъ:

— На мой взглядъ вамъ надо бы испытать вашу твердую волю сначала надъ самимъ собой.

Онъ измѣнился въ лицѣ:

— Это ужъ мое дѣло, сударыня. Вѣдь, какъ бы то ни было, Таня—моя жена, и хочетъ она этого или не хочетъ, а отъ моего великодушія тутъ многое зависитъ. Очень странно, что вы не видите этого и играете на моемъ великодушіи слишкомъ ужъ безцеремонно.

Я хотѣла перебить его, боялась, что услышитъ Таня, но онъ не далъ мнѣ раскрыть рта.

Еслибы въ ней была еще хоть искра человѣческаго отношенія ко мнѣ, ну хоть деликатности, такта... Этого нѣтъ, и я тоже перестаю миндальничать. Она никуда не уйдетъ отъ меня. Никуда. И если даже мы оба умремъ, насъ похоронятъ рядомъ...

Таня показалась въ дверяхъ въ накинутомъ наскоро халатѣ съ растрепанной косой.

Господи, какой злобой, какой неслыханной ненавистью горѣло ея лицо. Такъ ненавидѣть можно только человѣка, раньше любимаго и оскорбившаго эту любовь.

— Карликъ!—вся дрожа, крикнула она.—Отвратительный карликъ! Или забылъ, какъ валялся у моихъ ногъ и умолялъ остаться и дѣлать, что хочу! Это я-то твоя жена? Какъ бы не

такъ! Можетъ быть, была, но за то, что не буду больше твоей женой, я ручаюсь.

— Посмотримъ.

— Ахъ, даже вотъ какъ! Даже еще «посмотримъ»! Очень хорошо. Но тогда смотри въ оба. Впрочемъ, ты собираешься, кажется, не оставить меня въ покоѣ и послѣ смерти. Это ты можешь, а я постараюсь при жизни вознаградить себя за это удовольствіе. Наши могилы пускай будутъ рядомъ, но пока я жива, со мной рядомъ будутъ другіе. И много другихъ. Надо же мнѣ забыть, что меня обнималъ паукъ, что паукъ съ револьверомъ въ рукахъ выпрашивалъ у меня ласкъ. И зачѣмъ ты пришелъ сейчасъ? Вѣдь я не вернусь къ тебѣ больше никогда и ни за что. Я хочу тебѣ всякаго зла, хочу, чтобы ты умеръ, и я избавилась бы отъ тебя...

Точно градъ камней сыпался на наши головы. Страшныя незабываемыя слова, издѣвательства, нестерпимо злыя и безобразныя, были точно нарочно заранѣе придуманы обоими.

— Ты не нужна мнѣ, но каждую минуту я буду около тебя,—кричалъ Никитинъ.

— Будь. На твоихъ глазахъ мнѣ еще веселѣе топтать твое проклятое имя!

Она лгала и клеветала на себя, пока онъ не бросился къ ней съ крикомъ:

— Уберите ее отъ меня, продажную, подлую дѣвку. Я...

Таня быстро отскочила, а я должна была схватить его за кисти рукъ и держать такъ съ чувствомъ стыда и отвращенія, какихъ не испытывала еще ни разу въ жизни. Онъ вырывался, но я была вдвое сильнѣе, и ему не удалось даже сдвинуть меня съ мѣста. Онъ похожъ былъ на пьянаго или сумасшедшаго, растрепанный, красный, съ безумными, безсмысленно остановившимися глазами. Онъ пытался даже укусить меня, что дѣлаютъ въ борьбѣ только очень слабые люди, и это было совсѣмъ ужь отвратительно.

Я бросила его на стулъ и сказала Танѣ почти съ ненавистью:

— Иди!

Она послушно вышла за мной въ мою комнату, и я заперла за нами дверь. Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, Таня упала на постель за ширмой, закрывъ лицо простыней, и осталась лежать такъ, изрѣдка вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Гнѣвъ противъ нея во мнѣ скоро погасъ.

«Она страдаетъ,—думала я,—и страдаетъ тѣмъ сильнѣе, что въ будущемъ, кажется, ничего не предвидится. Все изуродовано надолго, можетъ быть, на всю жизнь. Вѣдь эти вещи не забываются».

Изъ столовой слышенъ былъ тихій голосъ Леночки, говорившей что-то Никитину. Его голоса не было слышно.

Таня позвала меня. Я подошла и взяла ея руку. Но лица она не открыла и спросила меня страннымъ, хоть и твердымъ голосомъ:

— Тебѣ не кажется, Маша, что я упала въ грязь и никогда уже больше не подымусь, не вернусь къ себѣ самой? Теперь мнѣ остается только ѣсть руками и плевать на полъ. Я не противна тебѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтила я.—Мнѣ тяжело, но ты не противна мнѣ. Никто изъ насъ не избавленъ отъ такихъ вещей.

— А какъ быть дальше?

— Теперь это ясно. Вы не должны даже пытаться наладить совмѣстную жизнь. Ника пойметъ это. Разойдитесь и заставьте себя забыть вашу ошибку. Время поможетъ обоимъ.

— Ахъ, еслибы такъ!

Она затихла, и я не стала продолжать разговоръ. Въ окно я увидѣла, какъ по двору прошелъ Никитинъ, въ распахнутой шубѣ, съ шапкой въ рукахъ, точно бѣжалъ отъ преслѣдованія.

Въ столовой задребезжалъ телефонъ. Леночка показалась въ дверяхъ, блѣдная и растерянная.

— Тебя просятъ къ телефону, Маша.

Она постояла съ минуту, посмотрѣла на Таню и, видимо боясь расплакаться, ушла.

— Какъ дѣла, Маша?—услышала я голосъ Штурма и вздрогнула отъ радости.

— Хорошо... то есть очень плохо, дорогой. Не мнѣ самой, а намъ вообще... Нельзя ли мнѣ увидѣть тебя скорѣе?..

— Конечно, если ты захочешь пріѣхать сама. Но въ чемъ дѣло, скажи въ двухъ словахъ.

— У насъ Таня... Былъ сейчасъ Никитинъ... Она ушла отъ него совсѣмъ. Я страшно боюсь, не сдѣлалъ бы онъ что-нибудь съ собой.

— Ну вотъ еще. Еслибы всѣ супружескія ссоры такъ кончались, улицы были бы усѣяны трупами самоубійцъ.

— Да вѣдь она серьезно ушла.

— Давно пора. Оба отдохнутъ и черезъ мѣсяцъ будутъ наслаждаться покоемъ и счастьемъ.

— Послѣди, все-таки, за Никой, поговори съ нимъ. Мало ли что бываетъ. Потомъ ужъ не поправишь.

— Это я могу. Къ тому же мы съ нимъ увидимся сейчасъ. Онъ точенъ, и никакія домашнія драмы ему не помѣшаютъ. А ты пріѣзжай черезъ часъ... очень ужъ долго ждать до вечера. Кстати, посмотришь, какимъ дуракомъ я умѣю себя вести. Ты этого еще не видѣла. А письмо ты послала?

— Нѣтъ. Оно показалось мнѣ слишкомъ холоднымъ. Ты продиктуй мнѣ его самъ. Тогда ты и будешь отвѣчать за послѣдствія.

— Ну, и трусиха же ты. Послушать тебя, такъ у Тани, Миши и Никитина всѣ резоны застрѣлиться.

Онъ говорилъ такъ увѣренно и спокойно. На душѣ у меня стало легче.

— Черезъ часъ или два я буду у тебя,—сказала я.

— Отлично. Но поторопись, мнѣ хочется увидѣть тебя скорѣе.

Стыдясь своей радости и гордости, я пошла взглянуть на Таню. Она лежала все такъ же неподвижно. Лена стояла у окна. Мнѣ неловко было сразу собраться и уѣхать. Но вѣдь такъ могло продолжаться до вечера.

— Таня,—спросила я—ты не въ обморокѣ?

Она сбросила простыню и встала во весь ростъ.

— Нѣтъ. И очень жалѣю, что нѣтъ. Но знаете что: я уѣду за границу. Умирать не хочу, а жить такъ дальше не могу.

Мнѣ никогда не удавалось уловить, чѣмъ объяснялась смѣна настроеній у Тани. Сейчасъ она была такъ спокойна, точно ничего не случилось. Она продолжала:

— Хорошо бы сдѣлать это такъ, чтобы Арлекинъ не зналъ и не потащился за мной, но придется вѣдь заручиться его согласіемъ на поѣздку, можетъ не дать мнѣ паспорта. Обезпечили себя, лицемѣры, рабовладѣльцы. За одно только это ногами бы топтала...

Она уже разсердилась не на шутку.

Обернулась Лена:

— Будетъ тебѣ. Знаешь отлично, что онъ слова не скажетъ и не воспользуется своими правами. Только зря клевещешь на человѣка.

— Ты уже на его сторонѣ!—вспыхнула Таня

Лена пожала плечами:

— Ни на чьей я сторонѣ,—тихо сказала она.—Всѣ вы хороши. Всѣ и безжалостны, и грубы, и глупы. Бранитесь, какъ мѣщане, лжете, обманываете. Я не могу разобрать, кто правъ и кто виноватъ. Но къ чему мы всѣ учились, читали, думали? Чѣмъ мы отличаемся отъ простыхъ и неграмотныхъ людей? Не дождусь, когда уѣду въ деревню. Тамъ у самой послѣдней старухи больше чистоты и порядочности въ сердцѣ, чѣмъ у всѣхъ Аспазій и Амазонокъ вмѣстѣ.

Я осталась равнодушной къ ея проповѣди, но Таня слушала, какъ школьница.

— А мы развѣ виноваты въ этомъ?—со слезами на глазахъ, сразу смирившись, спросила она.—Ты говоришь: мы читали, учились, но всего, что происходитъ съ нами, мы не могли

ни предупредить, ни приготовиться къ этому заранѣе. Мнѣ казалось, что жизнь гораздо проще и люди гораздо послѣдовательнѣе и яснѣе. Мнѣ немного было нужно, но нашелся для меня только Арлекинъ. Всѣ остальные были хуже.

— Это вздоръ.

— Это правда, Лена. Ты знаешь, сколько пошлостей и глупостей я слышала отъ самыхъ умныхъ и порядочныхъ людей. Ты сама была свидѣтельницей. Я видѣла шутовъ, павіановъ, рабовъ, нахаловъ, и почти ни одного настоящаго человѣка, который не напоминалъ бы мнѣ то и дѣло о какомъ-нибудь животномъ.

— А ты не считаешь себя немного причиной, Таня? Ты сама не похожа на Цирцею? Точно мало людей ты обратила въ свиней.

— Можетъ быть, если причиной воровства считать не воровскія наклонности вора, а наличность денегъ у обокраденнаго.

— Какой любви или какого отношенія ты хотѣла? Этого никто вѣдь не знаетъ, даже и ты сама.

— Не знаю. Но мы всѣ не знаемъ любви, раньше, чѣмъ она придетъ. Ко мнѣ она пришла, и я вижу, что не это мнѣ нужно. И почему меня такъ явно любятъ только за наружность? Смотрите, какая я дрянь для Ники, а вѣдь онъ ни за что не промѣняетъ меня на хорошую, добрую жену.

— За что же ты хочешь, чтобы тебя любили?

— Такъ себѣ, ни за что, ни про что...

Мнѣ было скучно слушать все это, хотѣлось иной атмосферы, иныхъ настроеній, и какъ-то неловко было оставлять Таню въ такую трудную минуту. Я не совсѣмъ тактично попыталась утѣшить ее и на минуту разсѣять:

— Попробуй взглянуть на это проще, Таня. Передъ нами еще такая длинная жизнь, стоитъ ли такъ ужъ разматывать нервы и здоровье? Я увѣрена, что Ника примирится съ этимъ. Штурмъ обѣщалъ повліять на него, а ты знаешь, какъ онъ склоненъ во всемъ соглашаться съ Штурмомъ? Черезъ годъ встрѣтитесь съ Никой, какъ ни въ чемъ не бывало и разведетесь мирно.

Таня выслушала внимательно.

— Какъ ты боишься всякихъ затрудненій и осложненій. Все хочешь, чтобы жизнь прошла безъ сучка и задоринки. Но почему и не исчерпать до дна несчастье, разъ оно случилось? Я предпочитаю...

— Не путайся, Таня. Сама ты пробовала забывать всѣми средствами и хорошо дѣлала. Ну, какъ ты сейчасъ или мы вмѣстѣ съ тобой будемъ «исчерпывать» это несчастье? Ну-

хорошо, будемъ сидѣть и ныть, каяться, плакать, придумывать способы уладить дѣло, по тысячѣ разъ объясняться. Къ чему это поведетъ? Только затянемъ развязку. Твой планъ поѣздки за границу мнѣ куда больше по душѣ. Уѣзжай, и дѣло съ концомъ. Захвати съ собой Кернъ или Гончарову.

— А ты не поѣдешь?

— Теперь не могу.

— Ага. Я совсѣмъ и забыла, что не до насъ теперь.

— И это не вѣрно. Только я была бы плохой спутницей, я вся переполнена Андреемъ, не отъ васъ же съ Леной скрывать это.

— Ну, хоть ты меня утѣшаешь, я начинаю думать, что и со мной не такъ ужь плохо обстоятъ дѣла. Не теперь, такъ послѣ я увижу лучшіе дни.

— Непремѣнно увидишь. И за Нику не бойся.

— Все было бы хорошо, еслибы я была увѣрена, что онъ справится...

— За это я ручаюсь, его легко заинтересовать чѣмъ-нибудь.

— А ему ты говорила, что хочешь его смерти,—вмѣшалась Лена.

Мы съ Таней невольно улыбнулись обѣ. Таня сказала:

— У Маши не было на этотъ счетъ сомнѣній.

Лена сконфузилась:

— То есть?

— Неужели кто-нибудь могъ думать, что я серьезно хочу его смерти?

— Но онъ повѣрилъ, а это всего страшнѣе.

— Милая моя! Меньше всѣхъ повѣрилъ именно онъ.

И на этотъ разъ Таня дѣйствительно разсмѣялась. Леночка вздохнула съ облегченіемъ.

— Вѣчно вы меня перепугаете на смерть, а самимъ только смѣшно. Никогда я не выучусь различать у васъ правду отъ лжи. Да и учиться не стану.

Теперь я могла уйти и стала собираться.

— Кто выручитъ мой гардеробъ изъ пещеры дракона?—спросила Таня.—Не могу же я ходить съ утра въ кружевномъ черномъ платьѣ.

Я предложила ей привезти вещи, разъ я уже буду въ тѣхъ краяхъ. Да, кстати, поговорю еще съ Никой.

Когда я уходила, Таня выбѣжала въ прихожую и шепнула мнѣ:

— Милая, пусти въ ходъ все, что можешь, и постарайся какъ-нибудь утѣшить Нику, хоть немного

Я обѣщала.

Андрей встрѣтилъ меня въ пріемной лечебницы, гдѣ онъ работалъ, пока отстраивается санаторій.

Когда я увидѣла его въ бѣломъ халатѣ, какимъ еще не видала раньше, среди незнакомой обстановки, онъ показался мнѣ нѣсколько чужимъ и, пожалуй, именно потому особенно дорогимъ.

Онъ затворилъ дверь, указалъ на кресло противъ себя. Я сѣла прямо, какъ передъ классной дамой, и не знала даже, съ чего начать разговоръ и можно ли говорить на ты.

Очень тихо онъ сказалъ мнѣ:

— Какъ жаль, что мы не одни, не знаю, что я далъ бы за то, чтобы поцѣловать тебя сейчасъ.

Я сжала руки и чуть не сломала себѣ пальцы.

Потомъ начала разсказывать обо всемъ, что произошло, такимъ тономъ, точно читала протоколъ. Онъ выслушалъ до конца и спросилъ:

— Но какое дѣло до этого и тебѣ, и мнѣ, и всѣмъ намъ?

— Они наши друзья.

— Изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны вмѣшиваться въ ихъ дѣла.

— Невозможно не принять въ этомъ участія... они оба страдаютъ, надо какъ-нибудь помочь.

— Ну, знаешь, Маша, я сужу по себѣ; я выбросилъ бы за дверь всякаго, кто вздумалъ бы принимать участіе въ моихъ интимныхъ дѣлахъ. Каждый изъ насъ можетъ и долженъ переживать всѣ эти вещи въ одиночку, самое большое вдвоемъ. Ты можешь развлечь Таню, я могу завалить Никитина работой, такъ, чтобы у него не оставалось времени на ссоры и сцены съ Таней, но дальше этого мы оба не пойдемъ, не правда ли?

Я согласилась.

— Но сейчасъ я зайду къ нему за вещами для Тани. Неужели ты находишь, что не нужно какъ-нибудь...

Онъ перебилъ:

— Я не сказалъ бы ни слова. Но если ты найдешь, что это необходимо, то утѣшай его сколько угодно. А сейчасъ забудь о нихъ обоихъ, я хочу слушать и говорить только о тебѣ. Бантикъ у твоего воротничка для меня гораздо дороже, чѣмъ Никитинъ и Таня со всѣми ихъ истериками.

— Ты большой эгоистъ, Андрей.

— Ужасный. И ты должна имѣть это въ виду. Теперь скажи, какъ ты поступила съ письмомъ, то есть что именно написала?

— Я не отправила письма, Андрей. Оно показалось мнѣ слишкомъ холоднымъ. По моему, надо вызвать Мишу и объясниться съ нимъ лично. Такъ будетъ легче для него, я знаю.

Ну, къ чему я буду доставлять человѣку такъ много горя, когда все это можно смягчить и сгладить.

— Незачѣмъ ни смягчать, ни сглаживать. Все это только осложняетъ дѣло, создаетъ тьму лишней лжи и фальши. Не любишь, и кончено. Вѣдь для него это самое главное, и никакіе разговоры и уговоры ни къ чему повести не могутъ.

— И все-таки разрѣши мнѣ увидѣться съ нимъ. По моему это совершенно необходимо. Какъ ты хочешь.

Онъ нахмурился:

— Я не допускаю мысли, что ты увидишься съ нимъ. Не хочу этого. Въ крайнемъ случаѣ предоставь объясненія мнѣ, или говори съ нимъ въ моемъ присутствіи.

Изумленіе лишило меня на минуту языка. Потомъ я еле выговорила:

— Но почему же? Чему это мѣшаетъ? Или ты не довѣряешь?

— Не обижайся, Маша, и не смущайся. Попробуй взглянуть на это проще. Я знаю, что ты все же любила его, что онъ былъ твоимъ женихомъ. И я никакъ не могу представить себѣ, какимъ образомъ произойдетъ это объясненіе. Я знаю, что послѣ ты мнѣ все разскажешь и не скроешь ничего. Но легко можетъ случиться, что я не примирюсь съ правдой...

Онъ путался въ словахъ, краснѣлъ, заикался, былъ неубѣдителенъ. Закончилъ онъ совершенно неожиданно.

— Мнѣ всѣ почти глупы въ любви, а я особенно. Впрочемъ скажи мнѣ, хотѣла бы ты, чтобы я теперь какъ бы то ни было объяснялся съ Ириной? Помни, что мы съ ней не враги. Она никогда не перестанетъ быть мнѣ дорогой и близкой. Даже, какъ женщина, она кажется мнѣ привлекательной и милой. Совсѣмъ, какъ Миша для тебя.

— Сколько угодно.

— Ты не знаешь ревности?

Я вспомнила день свадьбы Тани, и даже сейчасъ это воспоминаніе отозвалось во мнѣ легкимъ уколомъ: я ясно представила себѣ сцену въ церкви и выраженіе тревоги и любви въ лицѣ Андрея, когда онъ наклонился къ Иринѣ. Съ огромнымъ трудомъ я подавила желаніе обнять Андрея, чтобы заглушить минутную тоску, и прошептала:

— Да, да, ты правъ. Я вызову Мишу, и ты поговори съ нимъ самъ. Только будь съ нимъ мягче. Не суди о всѣхъ по себѣ.

Онъ засмѣялся теперь:

— Объ этомъ не думай. Я не такой ужъ тигръ. Но покончить съ этимъ надо все-таки скорѣй. Постой, я дамъ тебѣ черновикъ письма.

Онъ вырвалъ листокъ изъ блокъ-нота и началъ быстро писать, я слѣдила за его рукой:

«... есть важное дѣло, которое необходимо скорѣе обсудить вмѣстѣ. Поспѣши пріѣхать и непремѣнно дай телеграмму о днѣ выѣзда. Маша».

Я взяла листокъ. Андрей прибавилъ:

— Напиши такъ, по возможности безъ измѣненій. Мы будемъ знать, когда онъ пріѣдетъ и вмѣстѣ встрѣтимъ его, а я уже буду знать, что дѣлать дальше. Но теперь мы должны проститься, я пропустилъ всѣ сроки. Знаешь ли ты, что не было, кажется, ни единой минуты, когда бы я не думалъ о тебѣ и не чувствовалъ тебя?

Одной рукой онъ взялся за ручку двери, другой притянулъ меня къ себѣ и поцѣловалъ крѣпко. Но я боялась дать себѣ волю, я прошептала только:

— Я люблю тебя очень сильно, Андрей, тебѣ нечего бояться. Но еслибы ты зналъ, какъ необходимо сейчасъ, чтобы случился какой-нибудь страшный взрывъ или большой пожаръ.

Онъ еще разъ наклонился ко мнѣ, и я угадала слова:

— Или мы оба умерли бы.

Уходя, я думала:

«Я сдѣлаю все, что онъ хочетъ, и всю жизнь буду дѣлать только то, что онъ хочетъ и приказываетъ...»

Туманъ стоялъ у меня въ головѣ, благодарность и радость жизни кричали о себѣ.

Поѣхала къ Никитину за вещами Тани.

Какъ нарядно, свѣтло и уютно было раньше въ его домѣ. Всюду цвѣты, красивая пестрота, стильная мебель. Портреты Тани, то веселой, то серьезной, были во всѣхъ комнатахъ, гдѣ все говорило о его любви къ ней. И эту любовь надо было вырвать изъ сердца и сжечь.

Никитинъ почти выбѣжалъ ко мнѣ:

— Что случилось?

— Ничего, Ника. Таня проситъ прислать ея вещи, платья...

Онъ испугался такъ, что у меня не хватило мужества продолжать такъ.

— То есть, одно какое-нибудь платье, простое. Вѣдь она въ кружевномъ... Надо корсетъ надѣвать...

Онъ облегченно вздохнулъ, точно все это мѣняло дѣло. Неужели онъ надѣялся, что она вернется?

Онъ пошелъ впереди меня, открылъ шкафъ.

— Свезите ей синее... и вотъ еще юбку съ блузкой, а то пожалуй, закапризничаетъ. Захватите, кстати, англійскіе ботинки, она въ туфляхъ.

Онъ былъ утомленъ и измученъ съ виду, но старался держаться хорошо. Ему хотѣлось спросить о Танѣ, но трудно было рѣшиться.

Въ домѣ ощущалась пустота, вѣяло печалью и холодомъ. Самъ Ника казался маленькимъ, жалкимъ въ слишкомъ высокихъ и огромныхъ комнатахъ. Перебивъ меня въ серединѣ какой-то фразы, онъ неожиданно спросилъ:

— Скажите, Маша, она вернется?

Какъ я могла сказать правду?

— Только не сейчасъ, Ника. Если вы хотите хоть что-нибудь спасти, вамъ остается одно.

Онъ встрепенулся:

— Что?.. что?..

— Только одно, и помните, что я знаю это навѣрное. Не старайтесь пока съ ней видѣться. Пошлите ей паспортъ, отправьте заграницу, а сами будьте веселы, какъ ни въ чемъ не бывало. Она отдохнетъ, перестанетъ нервничать и сама захочетъ васъ увидѣть.

Онъ нахмурился:

— Заграницу, одну?

— Конечно. Она н дитя, наконецъ, я могу съ ней поѣхать. Вы отпустите ее со мной.

— Нѣтъ, не вѣрю я этому, и паспорта она не получитъ,— съ внезапной злобой сказалъ онъ.

— Тогда ждите драмы. Только зачѣмъ вамъ это? Тутъ у васъ есть надежда и очень основательная, а если вы будете противорѣчить, то все пропало. Не раздражайте ее. Сейчасъ она еще боится и тревожится за васъ, цѣнитъ васъ, какъ хорошаго и благороднаго человѣка... и это связываетъ ее... а тогда...

Какъ хитрая лисица, я старалась уговорить его, не скупясь на выдумки и забывъ добрый совѣтъ Андрея. Онъ слушалъ и сдавался понемногу:

— А жить она будетъ пока у васъ?

— Я думаю.

— И вы обѣщаете каждый день телефонировать мнѣ и сообщать о ней?

— Непремѣнно.

Въ концѣ-концовъ, онъ согласился со мной въ томъ, что надо дать Танѣ возможность на время совсѣмъ забыться, поправить нервы и поискать новыхъ впечатлѣній. Онъ даже самъ предложилъ мнѣ захватить еще нѣкоторыя необходимыя вещи, и надо было видѣть, какъ зналъ онъ каждую мелочь, какъ изучилъ всѣ вкусы и привычки Тани. Онъ даже написалъ мнѣ, гдѣ именно нужно покупать какое-то мыло и другія туалетныя принадлежности.

— А лучше всего, скажите тогда мнѣ, я пришлю.

Тяжелыя это были минуты для меня и, прощаясь съ нимъ, я обняла его съ самой искренней нѣжностью.

— Славный мой Ника. Вѣрьте мнѣ, что все устроится хорошо. Жизнь коротка и прекрасна, нѣтъ никакого смысла ее портить. Вы еще десять разъ будете счастливымъ человѣкомъ, вы такъ молоды, и талантливы, и умѣете цѣнить все хорошее. Неужели для васъ не найдется ничего лучше неудачной любви?

Но на него подѣйствовали не слова.

— Вы сами такъ явно счастливы,—сказалъ онъ—что, глядя на васъ, и мнѣ самому хочется быть во что бы то ни стало счастливымъ. Ну, какъ не вѣрить въ жизнь, когда видишь такіе глаза, какъ у васъ?

Мнѣ все-таки удалось помочь ему немного.

Радость Тани, когда она узнала, что Ника не будетъ больше напоминать о себѣ, меня непріятно задѣла.

Скоро онъ прислалъ ей ея паспортъ... на шесть мѣсяцевъ.

Но, спрашивается, гдѣ же все-таки та книга, тѣ люди, та наука, которыя научатъ меня жить?

XXV.

Сквозь призму любви выявляется настоящее лицо человѣка, освѣщается его душа. Любовь возвышаетъ, очищаетъ, обостряетъ наши способности, заставляетъ насъ совершать подвиги.

И если любятъ другъ друга люди сильные, съ твердой волей и дѣятельнымъ умомъ, то сердца ихъ должны выйти изъ этого испытанія законченными и отшлифованными, какъ дорогіе алмазы.

Такъ вотъ...

Жили-были онъ и она. Жизнь обоихъ была достаточно полна и разнообразна. Онъ былъ старше и шелъ по избранному пути труда и науки, она была моложе и шла по пути исканій. На какомъ-то перекресткѣ они встрѣтились.

И это она остановила его, чтобы взглянуть на него ближе и показать ему себя. Она хотѣла любви.

Онъ не былъ сказочнымъ героемъ, но такіе, какъ онъ, не встрѣчаются каждый день. У него былъ ясный умъ, чистая совѣсть, мягкое отношеніе къ людямъ, любимый научный трудъ. И, кромѣ того... ахъ, нѣтъ, надо было поставить это вначалѣ, не «кромѣ того», а прежде всего, онъ точно отвѣчалъ съ внѣшней стороны ея представленію о мужчинѣ, какъ о возлюбленномъ: мужественный, сильный и увѣренный.

Она не могла похвастать такимъ обиліемъ положительныхъ качествъ. Ея умъ путался въ противорѣчіяхъ, ея совѣсть нуждалась въ хорошей провѣркѣ, у нея не было установившихся убѣжденій и душа ея рвалась во всѣ стороны разомъ. Она искала чего-то, что помогло бы ей привести въ строй-

ный порядокъ хаосъ и смятеніе ея духа. Можетъ быть, это была книга, идея, чувство, человѣкъ...

Она была женщиной, существомъ несовершеннымъ, не завершеннымъ, отставшимъ отъ мужчины, находящимся въ періодѣ роста, исканій, сомнѣній, заблужденій...

Она прочла много книгъ, узнала много идей и прекрасныхъ словъ, но они не помогли ей.

«Вѣроятно, это любовь придетъ ко мнѣ на помощь»,—думала она,—то есть не она сама, а авторы прочитанныхъ ею книгъ внушили ей это. Сама она не могла сказать о любви ничего путнаго, кромѣ, развѣ, того, что она мѣшаетъ заниматься дѣломъ и готовиться къ экзаменамъ.

Любовь и тотъ, кого полюбишь, должны помочь.

А онъ, на ея счастье, нашелъ въ ней все, чего искалъ въ женщинѣ, ибо женщина, по его мнѣнію, и должна быть мятущейся и хаотичной, пока не придетъ ея возлюбленный и не дастъ ей душу, созданную по образу его и подобію, потому что онъ и есть творецъ ея души. Онъ же приведетъ въ порядокъ и систему ея внутренній міръ. Словомъ, все будетъ такъ, какъ это было съ Наташей Ростовой въ романѣ Толстого. Женщина, которую онъ любилъ однажды, не была похожа на Наташу, и никакого толку изъ этой любви не вышло. Но тамъ замѣшалась чуть ли не дѣтская дружба, а тутъ этого не было.

Тѣмъ не менѣе вслухъ онъ не напоминалъ ей о Наташѣ. Она заблуждалась на свой счетъ и находила, что «мыслить и страдать ради того, чтобы сдѣлаться Наташей Ростовой, совсѣмъ не стоитъ». Она мѣтила выше. Всѣ мы мѣтимъ выше. И онъ терпѣливо ждалъ, когда она перебѣсится.

Онъ подходилъ очень издалека къ ея подозрительному уму

— Человѣчество должно быть прежде всего здорово,—говорилъ онъ ей.—Я вѣрю въ здоровую душу въ здоровомъ тѣлѣ. И вотъ, еслибы женщины захотѣли, онѣ могли бы оказать человѣчеству услугу, куда большую, чѣмъ вся наука и искусство, вмѣстѣ взятыя. Пусть только онѣ заботятся о здоровомъ новомъ поколѣніи. Я взялъ на себя задачу, соотвѣтствующую моимъ силамъ: я ищу путей къ оздоровленію человѣчества и остановился на томъ, какимъ идетъ медицина, потому что тутъ я могу сдѣлать всего больше. Неправда ли, ты пойдешь со мной рядомъ и будешь матерью здоровыхъ дѣтей?

Она ничего не имѣла противъ самой идеи, но... ей не хотѣлось, да и только. Безъ всякихъ другихъ объясненій. Совершенно такъ же, какъ многимъ молодымъ мужчинамъ не хочется быть отцами и они всячески отдѣлываются отъ этого почетнаго званія.

Если такъ, то ее больше привлекала идея духовнаго оздоровленія. Ахъ, дать человѣчеству зажигательную, увлека-

тельную идею, которая подняла бы въ немъ радость жизни и творческія силы. Оно такъ пассивно, малодушно и безпомощно, оно не умѣетъ ярко и смѣло жить. А жить стоитъ только ради того, чтобы использовать себя въ высшей мѣрѣ, дать себѣ полный х..ъ, развить все, что заложено въ душѣ иногда въ самомъ зачаткѣ.

И вотъ этой идеѣ должны служить наука, искусство, литература, каждый отдѣльный человѣкъ съ искрой творчества въ душѣ.

Постойте, сударыня! Вы хотѣли разсказать намъ исторію любви. При чемъ тутъ творчество, оздоровленіе расы, духовный подъемъ?

Но это и есть исторія любви, самой захватывающей, пылкой, ревнивой, съ непреодолимыми препятствіями, мѣшающими сближенію двухъ любящихъ сердецъ.

Строгіе родители, высокія стѣны, глубокія рѣки, въ концѣ концовъ, не великая помѣха для двухъ влюбленныхъ, жаждущихъ броситься въ объятія другъ друга. И почти всегда хитрость, золото или случай приходятъ къ нимъ на помощь.

Гораздо хуже, если они уже встрѣтились и сидятъ рядомъ въ одной и той же комнатѣ, и никто не мѣшаетъ имъ, потому что они—женихъ и невѣста. Но они не могутъ обнять другъ друга, потому что онъ находитъ для нея лишними и вредными ея литературныя занятія, говоритъ, что будетъ радъ, если ея попытка издать большую повѣсть окончится неудачей и она не будетъ проводить надъ работой безсонныхъ ночей, не будетъ нервничать, волноваться и опаздывать на свиданія...

Все это онъ говоритъ полушутя, потому что боится за ея здоровье и знаетъ напередъ, что ее ждетъ немало огорченій и разочарованій. Вѣдь она добилась своихъ маленькихъ завоеваній долгимъ упорнымъ трудомъ, напряженіемъ всѣхъ ея силъ. Ну что, если она сломится?

И чтобы помѣшать ей сломиться, онъ доказывалъ ей, что съ маленькими силами не стоитъ браться за большое дѣло, будетъ куда лучше, если она...

Но она возмущается, протестуетъ. А онъ занятой человѣкъ и ему больше некогда оставаться съ ней.

Они прощаются. Смотрятъ другъ на друга холодно и враждебно, но ихъ сердца, ихъ уста горятъ, и еслибы только она захотѣла первая... Но она думаетъ, что первымъ долженъ быть онъ, потому что это онъ обидѣлъ ее.

Они разстаются, какъ враги.

Ночью она мечется въ лихорадочномъ жару, призываетъ его, мысленно произноситъ самыя убѣдительныя рѣчи и даетъ себѣ слово не говорить съ нимъ о вещахъ, въ которыхъ онъ не хочетъ ничего понимать.

Мысль о томъ, что онъ хочетъ, но не можетъ понять, не приходила еще ей въ голову.

Утромъ по телефону они мирятся. Онъ пріѣдетъ вечеромъ, а пока что, онъ каждую минуту вызываетъ ее на два-три слова, спроситъ, дома ли она, что сейчасъ дѣлаетъ и правда ли, что не сердится за вчерашнее. Онъ отрываетъ ее отъ работы, пуска всего на минуту, но она часто теряетъ нить мысли, забываетъ удачныя выраженія и слова. Но пока нѣтъ основаній считать ея трудъ священнодѣйствіемъ. Она не Богъ знаетъ какая величина, и не имѣетъ еще ни успѣха, ни имени.

Онъ находитъ, что она ускользаетъ отъ него, слишкомъ ужъ у нея много интересовъ, помимо любви къ нему, слишкомъ много мыслей, которыми она не хочетъ съ нимъ дѣлиться. Она своевольна и ни за что не хочетъ считаться съ самыми серьезными его требованіями.

И изъ страха потерять ее онъ мучительно ревнуетъ, боится, какъ бы не явился кто-то, кто будетъ уступать ей во всемъ, чтобы завоевать ее. Поэтому она должна давать ему полный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Она это дѣлаетъ. Но она такъ безконечно, такъ страстно предана ему одному, что рѣшительно не въ чемъ упрекнуть или заподозрить ее.

А гдѣ-то она все-таки ускользаетъ.

Ужъ не въ мысляхъ ли. Что такое она пишетъ? О чемъ мечтаетъ и думаетъ?

И хотя онъ не поклонникъ литературы и не читаетъ ничего, кромѣ небольшихъ разсказовъ Джерома и русскихъ классиковъ (научныя книги въ счетъ не идутъ), но онъ начинаетъ прочитывать все, что выходитъ изъ-подъ ея пера. Всѣ наброски, черновики, случайныя замѣтки.

Это не исторія любви, это исторія цензуры.

Нѣтъ, это именно исторія любви.

Всѣ черновики и замѣтки, не говоря уже о статьяхъ и разсказахъ. И нѣтъ строчки, которую бы онъ не подвергъ своей критикѣ.

Ея гнѣвъ, ея возмущеніе и ужасъ пойметъ всякій, кто знаетъ, что такое критика человѣка съ неопредѣленнымъ вкусомъ. Совершенно въ одинаковыхъ выраженіяхъ онъ расхваливалъ Толстого, Чехова, Шеллера-Михайлова и какого-то Горича, «у котораго попадаются очень глубокія сужденія».

Ей въ это время хотѣлось не то плакать, не то хохотать до истерики. А если доходило при этомъ до поэтовъ, то она переживала поистинѣ трагическія минуты, рискуя назвать его идіотомъ и съ пѣной у рта потребовать, чтобы онъ разъ и навсегда закаялся говорить при ней о литературѣ.

У сказочныхъ и романическихъ героевъ испытаніемъ любви считается какой-нибудь подвигъ. Герой убиваетъ дракона, бе-

ретъ неприступную крѣпость, исполняетъ десятокъ головоломныхъ порученій красавицы, явно стремящейся отъ него отдѣлаться, зажигаетъ толпу краснорѣчіемъ, словомъ, такъ или иначе доказываетъ, что положительно имѣетъ смыслъ поручить ему судьбу, отдать руку и сердце.

Въ нашей исторіи любви герой долженъ былъ прочесть повѣсть своей возлюбленной и высказать о ней свое сужденіе.

Увѣряю васъ, что онъ рисковалъ гораздо больше, чѣмъ молодой человѣкъ, появившійся среди львовъ и тигровъ, чтобы поднять перчатку красавицы.

Рыцарь, какъ ни какъ, былъ вооруженъ мечомъ и отлично зналъ, на что онъ идетъ.

Нашъ герой былъ безоруженъ, ибо не имѣлъ въ распоряженіи ничего похожаго на критическій масштабъ и былъ наивно убѣжденъ, что его восторгъ передъ тѣмъ, что она написала такъ «гладко» такую длинную вещь,—изысканный комплиментъ.

И еслибы еще онъ ограничился этимъ. Но, очевидно, приставленный къ нему бѣсъ не дремалъ, а ангелъ-хранитель не догадался или не смогъ оцѣнить размѣровъ опасности.

И герой приступилъ къ сужденіямъ болѣе обстоятельнымъ.

Прежде всего, дѣйствующія лица пространно разсуждаютъ. Это слабая сторона романа. Они не послѣдовательны, и многіе изъ нихъ рѣшительно безнравственные люди, въ то время, какъ авторъ точно не замѣчаетъ этой безнравственности, и невозможно опредѣлить, осуждаетъ онъ ихъ или нѣтъ. Многое преувеличено. Одна сцена, которую онъ вмѣстѣ съ ней наблюдалъ на улицѣ, описана совсѣмъ не вѣрно.

Но это, въ концѣ концовъ, не важно, главное въ томъ, что слишкомъ много парадоксовъ и неправильныхъ мыслей.

Болѣе безпомощной критики бѣдная «она» не слыхивала за всю свою жизнь.

Онъ въ это время сидѣлъ въ большомъ креслѣ, а она помѣстилась у его ногъ и держала его руку въ своей и любовалась его красивыми глазами, ломая голову, какъ бы это поделикатнѣе измѣнить направленіе разговора.

— Но въ общемъ показалось это тебѣ интереснымъ?

— Конечно, разъ ты это написала! Вѣдь мнѣ интересно же знать всѣ твои мысли.

— Это самое главное. Ты не могъ сказать ничего лучше, мое дорогое сокровище.

И она расцѣловала его съ нѣжностью матери, которой хочется прекратить милую болтовню ребенка.

При этомъ она подумала:

«Когда онъ будетъ разсказывать мнѣ о своихъ опытахъ, ни за что не выскажу ему ни одного «собственнаго сужденія»,

а то онъ... впрочемъ, онъ не предъявляетъ къ женщинамъ большихъ требованій».

Къ чести ея нужно сказать, что она выдержала это испытаніе, какъ ни смѣялась послѣ.

Потомъ онъ сознался, что почувствовалъ уваженіе къ ней за способность упорно и серьезно работать:

— И знаешь, когда ты откажешься отъ манеры преувеличивать и не совсѣмъ точно придерживаться истины, все пойдетъ куда лучше. Да вотъ еще, но это ужъ я беру на себя: не заставляй героевъ сыпать парадоксами и какими-то прямо безнравственными разсужденіями. Обыкновенно такъ думаютъ только отрицательные персонажи, а у тебя даже и положительные. Можетъ быть, ты просто не справилась еще съ формой. И твой конецъ во что бы то ни стало нужно передѣлать, иначе книга произведетъ самое нежелательное впечатлѣніе.

Всѣ эти вещи прошли ему безнаказанно потому, что вскорѣ затѣмъ онъ прочелъ блестящій докладъ о новѣйшемъ способѣ леченія какой-то отвратительной болѣзни.

Она была въ полномъ восторгѣ, но «свое сужденіе» она всетаки высказала:

— Только ужъ очень противно ты описывалъ эту болѣзнь. Меня даже немножко тошнило. Неужели нельзя было сдѣлать это какъ-нибудь иначе?

И вотъ тутъ-то настала его очередь погладить ее по головкѣ, назвать милой дѣвочкой и расцѣловать ее съ величайшей нѣжностью.

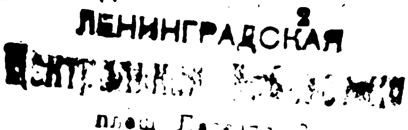
Разница была въ томъ, что у нея уже былъ опытъ и она не сказала, что въ будущемъ беретъ на себя исправить кое-что въ его манерѣ давать описаніе болѣзней.

Такъ или иначе, но на этой почвѣ они въ концѣ-концовъ могли сойтись, ничего не имѣя противъ нѣкоторыхъ уступокъ. Потому, что любовь шла рядомъ и подсказывала слова примиренія.

Гораздо хуже обстояло съ міромъ фактовъ и поступковъ: тамъ любовь мѣшала безпристрастію и справедливости и скоро превратилась въ единоборство. А такъ какъ силы оказались равными, то борьбѣ не предвидѣлось конца.

Скоро онъ началъ находить ее женщиной вздорной и опасной, лишенной правильныхъ понятій о добрѣ и злѣ, о жизненныхъ устояхъ и морали. А ей онъ казался отсталымъ, слишкомъ банальнымъ, готовымъ упрятать всѣхъ въ прокрустово ложе ходячихъ истинъ.

А любовь шла рядомъ и подсказывала, что если одинъ изъ двухъ не смирится, то царству ея настанетъ конецъ. Проиграетъ отъ этого тотъ, кто разлюбитъ послѣднимъ.

Онъ думалъ:

«Если я не овладѣю ея душой, ея мыслями и не направлю ихъ на вѣрный путь, я потеряю ее. Но я долженъ побѣдить, чего бы это мнѣ не стоило».

Она думала:

«Если я уступлю сейчасъ, я все равно не выдержу долго. Надо одолѣть его, заставить признать за мной право думать и дѣйствовать по-своему, безъ его указаній и контроля».

И она спорила, возражала, упорствовала, тяжко страдая, оттого что душа ея была переполнена любовью и жаждой ласки. Но какъ обнять человѣка, котораго только что сама же назвала близорукимъ и отсталымъ?

И какъ отвѣтить на ласку человѣка, который только что сказалъ, что женщина вообще едва-ли способна возвыситься до пониманія высшихъ моральныхъ проблемъ?

Такъ оставались они оба въ постоянно болѣзненномъ тяготѣніи другъ къ другу, но точно забронированные, раздѣленные толстой стѣной.

Не правда ли, какая грустная и горестная исторія? И надо же было ей случиться именно со мной, такъ жаждавшей глубокаго, яснаго чувства.

Въ одномъ французскомъ юмористическомъ журналѣ я увидѣла какъ-то очаровательный рисунокъ перомъ: водолазъ и сирена пламенно обнимаютъ другъ друга. Но одежда водолаза непроницаема, она дѣлаетъ его недоступнымъ для сирены. Подпись: «безплодныя усилія любви».

Расхохоталась и показала рисунокъ Танѣ:

— Скажи, развѣ это не мы съ Андреемъ?

— Вы. Но водолазъ-то ты, а не онъ. Давно пора тебѣ послать къ чорту твои теоріи. Соглашайся съ нимъ и поступай по своему. Повѣрь, что онъ попросту привыкнетъ.

— Спасибо за совѣтъ. Насколько я знаю, Ника не очень-то привыкъ къ твоимъ теоріямъ.

— Вотъ и вздоръ. Мои теоріи его интересовали не больше, чѣмъ взглядъ на бракъ абиссинскаго негуса. За мои ласки онъ простилъ бы мнѣ людоѣдство. То же сдѣлаетъ и Штурмъ. Повѣрь, что «мужчина—это мужчина», какъ говоритъ Сусанна Петровна. Не зря она трудится всю жизнь въ области любви и красоты. Пользуйся тѣмъ, что тебѣ самой одно удовольствіе любить Андрея и... Ахъ, еслибы я могла любить Нику. Жизнь моя, душа Тряпичкинъ, текла бы въ эмпиреяхъ.

— Ну, нѣтъ. Это орудіе борьбы не для меня. Мы сразимся, какъ два человѣка, а побѣдить мужчину... фью-ю... велика корысть!

— Уфъ! Опять разсуждаешь. И надоѣли же мнѣ всѣ умствованія и «размышленія по случаю грома».

— Милочка, съ наслажденіемъ размышляла бы я лучше по случаю грима, но я несчастная жертва рока. Сама же зовешь меня умнымъ Пильцемъ, значитъ понимаешь, что это такое.

— Понимаю, мой безвременно погибшій въ пучинахъ философіи другъ! Скажи мнѣ теперь, какъ идетъ дѣло съ Мишей? Что онъ отвѣтилъ на твое письмо, которое продиктовалъ повелитель?

Давно ждала я этого вопроса.

— Я не послала того письма, Таня.

Таня отшатнулась, точно я приставила ей къ носу револьверъ.

— Какъ это не послала? Ты написала другое?

— Да. И ни намека о событіяхъ. Понимаешь, не могу. Пусть онъ пріѣдетъ и тогда...

Таня сдѣлалась краснѣе своего шелковаго капота.

— Вѣрить ли мнѣ ушамъ? Ты ведешь двойную игру?

— Ну, не совсѣмъ. Я пишу, какъ... какъ старый другъ что ли...

— Уволь, Маша. Не води за носъ хоть меня. Видитъ Богъ, тебя я никогда не обманывала. Но что будетъ, если узнаетъ Штурмъ?

— Откуда?

— Ты сама скажешь. Долго не протянешь. Боже мой, или собственныя гадости не кажутся намъ такими, или у каждаго свой взглядъ на гадость, но я увѣрена, что такой штуки я не могла бы сдѣлать, хоть и дрянь первосортная.

Ея волненіе заразило меня, теперь ужъ я и сама видѣла въ моемъ поступкѣ много скверпаго.

— Пожалуй, это и правда нехорошо, Таня, навѣрное нехорошо. Что же дѣлать?..

— Напиши сейчасъ же, сію минуту. И непремѣнно скажи объ этомъ Андрею. Все, что я навѣрняка знаю о любви, Маша, это то, что въ ней должна быть правда. Сама я не была правдива и искрення до конца, и вотъ... Пиши.

Она попросту заставила меня писать, а я слушалась, какъ подъ гипнозомъ.

— Миша. Постарайся немедленно пріѣхать въ Москву. У меня есть важное и серьезное дѣло. Предупреди о днѣ выѣзда телеграммой. Маша.

Таня прочитала.

— Такъ. И я сама пойду опустить письмо.

— Но тутъ опять ни слова объ Андреѣ.

— Это на тотъ случай, если онъ захочетъ объясниться съ Мишей самъ, что будетъ куда умнѣе. Сегодня же ему все это скажи. Глупая, ты боишься уступокъ въ спорѣ, что тебя рѣ-

шительно ни къ чему не обязываетъ, и не боишься солгать. Это ужь не теорія, а скверный поступокъ.

Она захватила письмо и пошла одѣваться, совершенно разстроенная. Недурная сценка ждетъ меня сегодня.

Я старалась не думать о предстоящемъ объясненіи, чтобы не потерять мужества, а вечеромъ выпалила сразу, какъ только вошелъ Андрей:

— Слушай, дорогой, я обманула тебя и не хочу больше скрывать это. Я не послала Мишѣ того письма.

Онъ понялъ меня не сразу, и его глаза потемнѣли:

— Какое письмо? Неужели то, что я продиктовалъ тебѣ тогда?

— Да. Я послала другое. И недавно, сегодня утромъ, почти такое же...

Онъ сѣлъ, крѣпко схватилъ руками колѣна, какъ всегда при сильномъ волненіи:

— Что же ты написала?

Я добросовѣстно повторила со[...]жаніе письма.

— Только это?

— Ты не вѣришь мнѣ.

— Не вѣрю. Не могу при всемъ желаніи. Ты обманула меня и не имѣешь права обижаться. Но вѣдь ты переписывалась же съ нимъ и онъ писалъ тебѣ?

— Да. Но о любви не было сказано ни слова. Прочти его письма, онъ упрекаетъ меня за это.

— Боже мой! Да вѣдь ты издѣваешься надо мной!

— Слушай, Андрей. Ты преувеличиваешь немного. И неужели у тебя есть хоть маленькое сомнѣніе въ моей любви?

Я напрасно спрашивала. Онъ уже нервно ломалъ пальцы, кусалъ губы, потомъ вставъ, то собирался что-то говорить, то останавливался, стараясь не глядѣть на меня. Я пыталась успокоить его:

— Будетъ, дорогой. Ну что это за нелѣпыя подозрѣнія? Вѣдь все дѣло въ томъ, что я труслива, и мнѣ смертельно не хотѣлось объясненій, разговоровъ и прочихъ хлопотъ. Да и Мишу было жаль огорошить сразу. Не умѣю я такъ объясняться и не считаю возможнымъ предоставить это тебѣ: ты же совсѣмъ не знаешь Мишу. Какъ бы ты подошелъ къ этому?

Андрей остановился около меня, весь дрожа, неузнаваемъ, чужой и гнѣвный:

— Какъ бы я подошелъ? Прежде всего, прямо и честно. Я не лживая подлая женщина, онъ тоже. Мы, можетъ быть, разстались бы врагами, но не потеряли бы уваженія другъ къ другу. Но ты... И ты еще споришь со мной, ты... Мнѣ трудно сейчасъ не оскорбить тебя, но ты знаешь твою власть надъ мной и пользуешься ей. Я не узнаю себя. Не вѣрю, что с

мной это дѣлается и что я не могу побѣдить себя. Такимъ меня сдѣлала ты. Ирина была честна и правдива, она не мучила меня, не обращала въ животное, не заставляла меня унижаться до грубости, хотя никогда я не любилъ ее и наполовину такъ, какъ тебя. Я часто притворяюсь спокойнымъ, но развѣ я могу быть спокойннымъ, пока мы не обвѣнчаны и я не запру тебя, не позволю тебѣ видѣться съ твоими друзьями?

Я въ ужасѣ перебила его:

— Не говори такъ, Андрей, не говори. Вѣдь я всего на всего не послала письма. Что же будетъ дальше? Какъ можно придавать значенiе пустякамъ?

Онъ задыхался:

— Не въ этомъ дѣло. Ты мало любишь меня. У тебя тьма друзей, тьма какихъ-то постороннихъ интересовъ. Я на второмъ или на третьемъ планѣ. И теперь ужь поздно отказываться. Какъ ты мучила меня всегда, и какъ ужасно, что ты этого ни разу не замѣтила.

Онъ остановился у окна и сталъ смотрѣть въ темноту, видимо, стараясь овладѣть собой.

Потомъ обернулся и продолжалъ болѣе спокойно:

— Ты жалѣешь Мишу, боишься за него, ясно представляешь, какъ онъ приметъ извѣстiе объ отказѣ, но я страдаю рядомъ съ тобой, и даже Таня, даже Таня это видитъ и даетъ мнѣ понять, что сочувствуетъ мнѣ. Я говорю, что запру тебя, но я вздоръ говорю. Твою душу я не запру и не завоюю, а она не моя. Мнѣ и надо уйти, а вмѣсто этого я съ каждымъ днемъ все больше и больше теряю почву подъ ногами... Пощади меня, Маша. Сдѣлай какъ-нибудь такъ чтобы я хоть собрался съ силами.

Такимъ я не могла его видѣть. Я слишкомъ любила его. И все-таки въ какомъ-то самомъ темномъ уголкѣ души я ощутила странное чувство торжества, похожее на злорадство.

«Теперь я могу пойти на уступки»,—почему-то подумала я. Взяла его руку и притянула къ себѣ:

— Я сдѣлаю все, что ты хочешь, Андрей.

Онъ слегка пожалъ плечами съ вялой гримасой.

— Ничего ты не сдѣлаешь. Ты не хочешь почему-то вѣнчаться раньше будущей осени, время отъ времени подносишь мнѣ сюрпризы вродѣ сегодняшняго...

— Надо же намъ примѣниться другъ къ другу хоть немного. Ты мало меня знаешь, и очень можетъ быть, что самъ же откажешься отъ меня.

Онъ крѣпко сжалъ мои руки:

— Невозможно. И сама ты этому не вѣришь. Ты просто боишься потерять свободу и все оттягиваешь. Но я-то убѣжденъ, что, когда мы станемъ мужемъ и женой, все наладится. И по-

чему не боюсь я? Возьми меня и распоряжайся мной, какъ хочешь; но тебѣ это не нужно...

Вспышка ревности перешла въ бурную вспышку любви, и мы примирились безъ объясненій и обѣщаній. Но даромъ это не прошло. Андрей точно сдвинулся съ рельсъ.

XXVI.

Когда на моихъ глазахъ любовь превратила взрослаго, уравновѣшеннаго и очень занятого своимъ дѣломъ человѣка въ сумасшедшаго мальчишку, ревниваго, нервнаго, совершающаго одну глупость за другой, я начала сомнѣваться въ ея благотворномъ вліяніи на душу человѣка.

Когда та же самая любовь меня, самолюбивую и далеко не склонную подчиняться, превратила въ трусливую дѣвчонку, которая лжетъ изъ страха, не смѣетъ уйти изъ дома, не предупредивъ, куда именно идетъ и когда вернется, не сумѣетъ поѣхать въ театръ въ любомъ обществѣ и спрашиваетъ разрѣшенія носить тотъ или иной фасонъ шляпы, когда все это случилось со мной самой, я увѣровала въ жестокую и совсѣмъ не благодѣтельную силу любви.

Я видѣла другихъ людей, куда менѣе благоразумныхъ и интеллигентныхъ, которые вели себя много достойнѣе, оставались свободными, умѣли уважать желанія и вкусы другихъ. Но что мнѣ было до нихъ? Ясно, что я создана иначе, и если я не освобожусь отъ любви, я должна проститься со всѣми моими мечтами, дѣлами, планами. Въ награду я получу его мучительную любовь. Вотъ и все.

Правда, это очень много. Такъ много, что я не спѣшу и не пытаюсь освободиться. Какъ бы мы ни поссорились наканунѣ, я не могу допустить мысли, что онъ не придетъ во время на другой день, что онъ даже не опоздаетъ больше, чѣмъ на пять минутъ. Но онъ и не опаздываетъ никогда. Послѣ ссоры онъ обычно приходитъ раньше, жалуется, что не могъ работать, долгое время молчитъ, припавъ къ моимъ рукамъ, изъ страха, какъ бы первыя же слова не вызвали какихъ-нибудь новыхъ недоразумѣній.

Ни одно мужское имя не срывается съ моихъ губъ. Даже о Никѣ я говорю съ осторожностью.

И самое безобразное, самое страшное: я передѣлываю конецъ повѣсти. Я подделываю мою мысль, топчу ногами свою правду, ради его правды. Неужели такъ онъ велъ себя съ Ириной?

Таня увѣряетъ меня, что нѣтъ. Ирина не подавала поводовъ. А я развѣ подаю ихъ? Должно быть, такъ. Онъ утверждаетъ по крайней мѣрѣ, что никогда, ни единой минуты не

ощущалъ съ увѣренностью, что я принадлежу и буду принадлежать ему всю жизнь. Часто ему казалось, что онъ не достоинъ меня, не достаточно нравится мнѣ, и я ищу кого-то другого, помимо его, что я вотъ, вотъ уйду отъ него, не предупредивъ даже, какъ это было съ Мишей.

Я же не могу освободиться отъ настоящаго дурмана: лишь бы видѣть его, все остальное не важно.

Исторія съ письмомъ окончательно нарушила его довѣріе ко мнѣ, и теперь стоило большихъ трудовъ убѣдить его иногда въ какомъ-нибудь пустякѣ, если ему казалось, что я хочу отъ него что-то скрыть.

То и дѣло онъ ловилъ меня на противорѣчіяхъ, требовалъ педантическаго отчета въ томъ, какъ я провела время. Мудрено ли, что когда Миша написалъ мнѣ, что онъ заболѣлъ инфлуэнцой въ довольно тяжелой формѣ, а потому пріѣхать не можетъ и проситъ меня пріѣхать къ нему. Андрей заподозрилъ тайный уговоръ: это я же и попросила Мишу написать о болѣзни, чтобы у меня былъ законный предлогъ выѣхать.

Блѣдный и нервно ломая пальцы, Андрей спросилъ меня, скоро ли я намѣрена «ѣхать возобновлять свои старыя шашни».

Я посмотрѣла въ его лицо, въ ненавидящіе глаза, на дрожащія, до крови закушенныя губы и неожиданно для себя холодно отвѣтила:

— Ты грубъ и глупъ. Простой рабочій сумѣлъ бы лучше разобраться во всемъ и велъ бы себя благороднѣе. Уйди отъ меня скорѣе и разъ навсегда. Ты унижаешь меня. Мнѣ стыдно сознаться передъ самой собой, что я не могу сразу отказаться отъ тебя. Я сегодня же ѣду въ Петербургъ.

Во мнѣ съ небывалой силой бился гнѣвъ, я точно освобождалась отъ тяжелаго груза, становилась странно весело на душѣ, мелькнула мысль, не схожу ли я съ ума.

Сейчасъ должны были посыпаться упреки и оскорбленія, сейчасъ наступитъ моментъ разрѣшенія невозможнаго.

Но онъ вдругъ отступилъ, закрылъ лицо руками и медленно опустился въ кресло. Я смотрѣла съ изумленіемъ, какъ дрожили его голова и широкія сильныя плечи, и злоба уступала иному чувству. Мнѣ было жаль освободительнаго гнѣва, хотѣлось поддержать его и раздуть, и, боясь поддаться обычной слабости, я быстро пошла къ двери. Но онъ крикнулъ:

— Не уходи, дай мнѣ сказать тебѣ одно слово.

Я остановилась у двери. Онъ заговорилъ, путаясь и заикаясь:

— Прости меня. Я ни одной минуты не думаю того, что говорю. Прости. Дай мнѣ время овладѣть собой. Ты вѣдь вѣришь моему слову. Я даю тебѣ слово взять себя въ руки, чего бы это мнѣ ни стоило. Подойди ко мнѣ.

Не трогаясь съ мѣста, я спросила:

— Какъ это ты возьмешь себя въ руки? Не можешь же ты переродиться.

— Но я хочу этого. И этого довольно. Въ глубинѣ души я могу переживать что угодно, но ты не будешь больше страдать отъ моей грубости и ревности. Ты вѣришь?

— Даже, если я поѣду въ Петербургъ?

Онъ всталъ во весь ростъ, сразу осунувшійся, съ горящими глазами. Онъ смотрѣлъ поверхъ моей головы и медленно, точно думая о чемъ-то другомъ, произнесъ:

— Даже, если ты оскорбишь меня такъ ужасно.

Вся моя любовь, жалость и нѣжность поднялись во мнѣ рамъ. Никогда я не оскорблю его такъ. Какъ могъ онъ думать?

Въ нашемъ примиреніи было, однако, такъ много горечи, такъ много недосказаннаго, что не могло быть и сомнѣній въ его значеніи: такъ ведутъ себя люди, отказавшіеся сами управлять жизнью и рѣшившіе предоставить все судьбѣ.

Наши встрѣчи стали проходить въ молчаніи или въ самыхъ незначительныхъ разговорахъ. Мы сидѣли всегда рядомъ, рука съ рукой, и каждый думалъ свое. Время отъ времени я пугалась собственныхъ мыслей и притягивала его къ себѣ, чтобы поцѣловать крѣпко, убѣдиться, что онъ еще здѣсь. И въ томъ, какъ онъ отвѣчалъ на это, въ его молчаливой, пламенно-горестной ласкѣ, въ нервности и боязни сказать лишнее слово, я угадывала ходъ мучительной борьбы, на какую способны только сильные люди.

Легче всего было сидѣть въ театрѣ или концертѣ, отдаваясь ощущенію близости, или въ обществѣ Тани и Лены, когда мы говорили о постороннихъ предметахъ, изрѣдка улыбаясь одинъ другому.

Таня и Лена все видѣли и все понимали, Лена молчала, но Таня требовала объясненій:

— Что же дальше? И гдѣ выходъ изъ этого положенія? Ты точно посторонній свидѣтель собственныхъ приключеній; читаешь романъ и съ нетерпѣніемъ ждешь, чѣмъ онъ окончится.

— Такъ оно, приблизительно, и есть.

— Глупо, но за то отъ чистаго сердца. Ты меня разочаровываешь, Маша. Мы всѣ, правда, были безформенными туманностями, но теперь даже у меня объявилось ядро и намѣтилось кое-какое будущее. Одна ты мѣняешь формы, какъ Фата-Моргана.

— Не хвастай зря.

— И не думаю. Хорошо или плохо, я намѣтилась. Сегодня я—Марина Мнишекъ, завтра—Катерина, потомъ—Юлія, Татьяна Рѣпина...

— Только не Татьяна Грановская.

— Вѣрно! И надо сознаться, что это самая неблагодарная роль въ моемъ репертуарѣ. Никакъ не могу угадать замысла автора и вообще удивляюсь, почему онъ взялся за такой неудачный образъ. Никакой зацѣпки для артистки, никакихъ руководящихъ нитей. Но я —другое дѣло. А вотъ почему колесишь ты, непонятно.

Ничего сколько-нибудь вразумительнаго я сказать ей на это не могла: единственная роль моего репертуара оказалась мнѣ не по плечу. Я не могу понять замысла автора.

А Лена жаловалась, что она одна среди насъ пустоцвѣтъ:

— Я ѣздила недавно съ Никой смотрѣть новый санаторій: глазамъ не вѣрится, что все это создано маленькимъ Никой. Онъ точно переродился, когда дѣлалъ объясненія. Еслибы ты видѣла, Маша, какъ свѣтло, бѣло, тихо. Будетъ много цвѣтовъ, комнаты обставлены, хотя еще не всѣ, такъ изящно, и все одновременно и просто, и затѣйливо. Жаль, что Штурмъ не хочетъ показать тебѣ зданіе теперь же. Оно уже имѣетъ самый привлекательный видъ. Онъ показывалъ мнѣ операціонную, рентгеновскій кабинетъ, и мнѣ такъ ясно стало, что я жалкій и маленькій человѣкъ передъ ними двумя. И такъ грустно отъ этого. Вотъ и вы съ Таней. Я не могла бы написать и двухъ строчекъ, не могла бы сыграть ни одной роли. Почему я такъ обидно обойдена?

Мнѣ тоже казалось, что она чѣмъ-то обижена, и я не находила для нея словъ утѣшенія. Чѣмъ можно утѣшить человѣка, когда онъ лишенъ минутъ вдохновенія, острыхъ радостей творчества?

Таня говорила даже, что когда Андрей и Ника говорили при ней о санаторіи, ей начинало казаться, что ихъ подмѣнили:

— Вѣдь они оба далеко не хватаютъ звѣздъ съ неба въ обычное время и сплошь да рядомъ говорятъ и дѣлаютъ глупости. Но тутъ, моя милая, на нѣкоторое время становится яснымъ, что весь смыслъ и смакъ жизни въ стройкѣ. Безо всякой скуки и утомленія я слушала росказни Ники о «его городѣ». Какъ волшебную сказку. И мнѣ до смерти хотѣлось выучиться строить. Даже пыталась разбираться въ этомъ дѣлѣ. Куда тамъ! И тебѣ, Маша, не должно казаться невѣроятнымъ, что это именно Ника сдѣлалъ меня актрисой.

Мнѣ не казалось это невѣроятнымъ.

Я не видѣла Андрея за работой, потому, что онъ могъ работать только одинъ, но за то я наблюдала его тотчасъ послѣ того, какъ онъ выходилъ изъ лабораторіи, возбужденный и разсѣянный, и долго еще не могъ перевести мысль на другой путь.

Такимъ я любила его больше, чѣмъ когда-либо, гордилась и восхищалась имъ. Потому, что вѣчно мужественное всегда

представлялось мнѣ воплощеннымъ не въ сильномъ воинѣ, а именно вотъ въ такомъ образѣ разсѣяннаго, охваченнаго пожаромъ мысли человѣка.

Но меня онъ такой не любилъ, потому, что его вѣчно-женственное связано было съ представленіемъ о Маргаритѣ и Дездемонѣ.

Спросите его, почему въ теоріи онъ мечталъ о Маргаритѣ, а въ жизни смотрѣлъ мимо всѣхъ Маргаритъ на такихъ, какъ я или Ирина, и онъ могъ объяснить это только злымъ издѣвательствомъ рока. Совсѣмъ, какъ и Таня, мечтавшая о безплотномъ духѣ и остановившаяся на великолѣпномъ самцѣ Луневичѣ.

А Луневичъ весь ушелъ въ интересы Тани и готовъ былъ перегрызать горло всякому, кто помѣшалъ бы ей въ чемъ бы то ни было. Онъ впервые въ жизни любилъ по настоящему, съ большой дозой человѣческаго, безполаго элемента въ любви, ничего не требуя, желая только служить своей госпожѣ, какъ вѣрный и скромный пажъ.

Таня, ея успѣхи, ея капризы сдѣлались содржаніемъ его жизни, и онъ сумѣлъ стать для нея до того необходимымъ, что она совсѣмъ терялась безъ него.

Она не стѣснялась заставлять его по сту разъ выслушивать ея роли, продѣлывать передъ нимъ всю подготовительную работу, какъ передъ зеркаломъ.

Ника ни за что не хотѣлъ видѣть Таню на сценѣ, и въ немъ она не встрѣтила сочувствія.

Андрей, между прочимъ, передалъ мнѣ слова Никитина о его встрѣчѣ и знакомствѣ съ нами:

— У меня такое впечатлѣніе, точно меня поймали на улицѣ, обыграли, ограбили, измучили и потомъ выбросили за дверь. Вотъ такъ «впечатлѣніе»!

Мнѣ хотѣлось увидѣться съ Никой. Вѣдь я-то ему не сдѣлала никакого зла. Но онъ отказался, онъ видѣлся только съ Леночкой. Они остались добрыми друзьями и иногда она проводила съ нимъ цѣлые вечера, даже уносила къ нему книги и занималась тамъ, какъ я бывало. Дома ей мѣшала Таня. Она имѣла привычку репетировать во все горло, точно упражнялась въ развитіи легкихъ. А вдвоемъ съ Луневичемъ они ухитрялись поднять невообразимый шумъ, переставляя мебель, разыскивая по всему дому вещи, нужныя имъ для невѣдомыхъ мнѣ цѣлей.

Андрей говорилъ, что Ника проводитъ дни и ночи за чертежами и никогда еще онъ не работалъ такъ удачно.

Все какъ-то наладилось и устроилось у всѣхъ, у неудачниковъ и у счастливыхъ, ихъ жизнь шла полнымъ ходомъ, ни о какихъ катастрофахъ не было и помину, хотя раньше мнѣ ка-

залось, что безъ нихъ не обойдется, и одна я сбилась съ дороги, я и Андрей, самые сильные и устойчивые съ виду.

Мысли о бракѣ я стала побаиваться, мысль о разлукѣ заставляла меня зябнуть самымъ настоящимъ образомъ.

Единственная мѣрка добра и зла для меня—это ощущеніе ихъ. Но здѣсь я ничего опредѣленнаго не ощущаю. Мнѣ противно украсть, тяжело убить, вѣрнѣе — невозможно убить, больно обидѣть, и когда стоятъ передо мной подобные вопросы, у меня все ясно: конечно, обидѣть скверно.

Но хорошо ли я веду себя по отношенію къ Андрею, я не знаю. Правда на лицо: онъ освѣдомленъ о томъ, что я не такая женщина, какую онъ хотѣлъ бы имѣть женой. Но и онъ не идеалъ мужа для меня. Насъ связываетъ любовь не вслѣдствіе, а вопреки тому, что мы не отвѣчаетъ требованіямъ другъ друга. Надо, будто бы, уступать, но для меня уступать значитъ лицемѣрить, что и было много разъ подтверждено. Для него—тоже, какъ бы онъ ни возражалъ. И теперь его поведеніе со мной—сплошное лицемѣріе и насиліе надъ совѣстью. Ему хотѣлось бы запереть меня, оставить для себя одного, прочитывать всѣ мои письма, всѣ мои рукописи и требовать, чтобы я исправляла ихъ по его вкусу. Ему хотѣлось бы этого, и только въ этомъ случаѣ онъ могъ бы быть счастливъ со мной. Но онъ культурный человѣкъ, и ему неловко смотрѣть на жену, какъ на безличную служанку. Я буду поступать приблизительно, какъ хочу, а онъ смотрѣть на все это и мучиться.

Я слишкомъ много разсуждаю. Это скучно, утомительно, мой собственный мозгъ меня преслѣдуетъ, какъ сыщикъ, и сторожитъ каждый мой шагъ, я до смерти надоѣла себѣ и никакъ не могу установить момента, когда я изъ непосредственной живой дѣвушки обратилась въ «умнаго Пильца», чортъ бы его взялъ.

Кто-то отравилъ меня. Городъ, книги, люди! Не могу догадаться, а виновный скрылся безъ вѣсти.

И пусть бы еще у меня вмѣсто стараго правила: поступай по совѣсти и по завѣту Бога, было хоть одно единое неоспоримое жизненное правило.

Нѣтъ! А совѣсть молчитъ.

Должно быть, судьба подслушала мои мысли и рѣшила побаловать меня разокъ своимъ вмѣшательствомъ.

И однажды, когда я стояла передъ зеркаломъ и любовалась новымъ платьемъ (фасонъ «посовѣтовалъ» выбрать Андрей), въ ожиданіи Андрея, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ театръ, кто-то позвонилъ, потомъ постучались ко мнѣ и вошелъ... Миша.

Я отшатнулась отъ зеркала и остановилась, пустая, окаменѣвшая, какъ новая кукла. Всѣ мысли и чувства вылетѣли и

оставили меня на произволъ судьбы, на произволъ услужливой, коварной судьбы. А сейчасъ придетъ Андрей.

Миша подошелъ и взялъ обѣ мои руки:

— Не ждала? Это и видно. Но какая же ты нарядная и эффектная!

Еле собирая мысли и слова, я начала говорить, улыбаться, даже спрашивать о чемъ-то и отвѣчать на вопросы. Но вѣдь надо было немедленно объясниться, времени оставалось слишкомъ мало. И я начала, хотя сердце у меня такъ и трепетало:

— Ты знаешь, зачѣмъ я вызвала тебя? Ты не догадываешься?

— Нѣтъ. Но надѣюсь, ты не собираешься объявить мнѣ, что я напрасно перевелся въ Москву? Это было бы немного поздно.

— Почему ты не предупредилъ меня, какъ я просила, о пріѣздѣ? Вотъ видишь, я должна ѣхать въ театръ.

— Должна! Пошли къ чорту театръ. Въ другой разъ поѣдемъ вмѣстѣ.

— Я обѣщала...

— Да ты шутишь, Маша! Или не хочешь меня видѣть? Пускай Таня ѣдетъ за тебя. Неужели ты не останешься?

— Слушай, зачѣмъ я хотѣла видѣть тебя.

— Начинаю догадываться. Ты охладѣла ко мнѣ. Я, пожалуй, и не разсчитывалъ ужь очень на тебя, и моей лѣтней выходкѣ не придавалъ большого значенія. Но надежду я не потерялъ, попытаюсь завоевать тебя снова.

Я набрала побольше воздуху въ легкія:

— Теперь тебѣ будетъ труднѣе. Придется отнимать невѣсту у доктора Штурма.

Онъ измѣнился въ лицѣ:

— Ты помнишь, что говоришь?

Близкая къ нервному припадку, я заговорила, совсѣмъ не то, что хотѣла:

— Не мучь меня. Прости. Я поступила по отношенію къ тебѣ очень скверно, такъ скверно, что хуже и не придумаешь. Сама не знаю, чего я такъ боялась. Кажется, и того, что я потеряю тебя навсегда.

Онъ стоялъ противъ меня. Красныя пятна выступали у него на щекахъ; прищуривъ глаза, онъ смотрѣлъ на меня поверхъ пенснэ, и его взглядъ былъ лихорадочно ярокъ.

— Такъ вотъ, въ чемъ дѣло. Невѣста доктора Штурма. И давно?

— Уже четыре мѣсяца.

— И я узналъ объ этомъ только сейчасъ?

— Я страшно виновата передъ тобой.

— Не сомнѣваюсь. Но дѣло, конечно, не въ томъ. Дѣло въ

томъ, что вотъ я увидѣлъ тебя сейчасъ и... ни за что не хочу уступать тебя доктору Штурму. Не намѣренъ. Ты измѣнила мнѣ, измѣнишь и ему. Для тебя это не такъ невозможно. И ты понимаешь, что разлюбить тебя сразу и молча уступить кому бы то ни было я не могу, тѣмъ болѣ, что ты же и держала меня на такой именно случай въ резервѣ, втеченіе четырехъ мѣсяцевъ. Почему бы мнѣ не подстроить этотъ случай?

Въ прихожей звонили. Сейчасъ войдетъ Андрей.

— Ради Бога уйди,—заговорила я,—уйди сейчасъ и завтра придешь. Я умоляю тебя.

— Ты трусишь? Не узнаю тебя. Или эскулапъ ревнивъ? Тогда простись со мной.

Онъ обнялъ меня силой и поцѣловалъ. Этимъ поцѣлуемъ и закончились два романа разомъ, потому, что въ тотъ моментъ, какъ я оттолкнула Мишу, въ дверяхъ появился Андрей.

Мы въ упоръ смотрѣли другъ на друга, Миша криво улыбнулся и церемонно раскланялся:

— Докторъ Штурмъ, если не ошибаюсь? Мой уважаемый преемникъ. Очень извиняюсь за то, что причинилъ вамъ неожиданное безпокойство.

И онъ прошелъ мимо Андрея.

Наступила пауза, во время которой я разсматривала свои ногти и думала:

«Ну, вотъ и конецъ. Просто и страшно, какъ смерть».

Потомъ Андрей, кажется, подошелъ ко мнѣ, что-то сказалъ и удалился. Но я ничего не видѣла и не слышала, стояла, какъ въ столбнякѣ, до тѣхъ поръ, пока не пришла Таня и не принялась трясти меня за плечи.

Вбѣжала и Лена на крикъ Тани, но все это меня не касалось.

Е. В. Бровцына.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Подоходный налогъ на Западѣ и у насъ.

(Окончаніе).

VI.

Борьба за подоходный налогъ происходившая во второй половинѣ XIX и въ началѣ XX вѣка, напоминаетъ во многомъ ту борьбу, которую пришлось выдержать за нѣсколько десятилѣтій раньше желѣзнымъ дорогамъ. И у желѣзныхъ дорогъ вѣдь было весьма много враговъ, которые называли ихъ изобрѣтеніемъ дьявола и находили, что безбожно передвигаться паромъ, когда Богомъ созданы для этого лошади и другія животныя. Первоначально строились въ Англіи конно-желѣзныя дороги для перевозки руды и каменнаго угля изъ рудниковъ на заводы, попытки же построить паровыя повозки оканчивались неудачей. Но, даже послѣ того, какъ Стефенсонъ отдѣлилъ машинную часть отъ груза и помѣстилъ ее въ самостоятельную повозку-локомотивъ, даже послѣ того, какъ оказалось, что локомотивъ его не только самъ передвигается, но и можетъ везти нѣсколько вагоновъ (первоначально совѣтовали на подъемахъ замѣнять его лошадьми),—даже послѣ этого отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ не измѣнилось: ихъ называли весьма ограниченнымъ и второстепеннымъ средствомъ сообщенія, игрушкой, непригодной для серьезныхъ цѣлей. Мало того, предсказывались всякіе ужасы. Передвиженіе при помощи пара должно вызвать у пассажировъ, вслѣдствіе чрезвычайной быстроты движенія, тяжелыя заболѣванія мозга; но такимъ же заболѣваніямъ будутъ подвержены и мирные жители, мимо которыхъ будетъ проходить поѣздъ, почему необходимо, по крайней мѣрѣ, окружать полотно деревянными заборами. Въ 1825 г. при разсмотрѣніи въ англійскомъ парламентѣ проекта постройки первой желѣзной дороги, многіе настаивали на томъ, что конную тягу слѣдуетъ предпочесть паровой, ибо въ послѣднемъ случаѣ пассажиры задохнутся въ туннеляхъ, вагоны, вслѣдствіе сильнаго тренія, заго-

рятся, поля будутъ сожжены искрами паровоза, скотъ, пасущійся на поляхъ, погибнетъ отъ страха при отвратительныхъ свисткахъ локомотива, а куры перестанутъ нестись. Довѣрить свою жизнь такой транспортной машинѣ, несущейся съ двойной скоростью дилижанса, писалъ Quarterly Review, это то же, что поѣхать на ядрѣ, выброшенномъ изъ пушки.

Вскорѣ вопросъ о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ возникъ и на континентѣ Европы. Но Тьеръ, самъ видѣвшій желѣзную дорогу въ Англіи, находилъ еще въ 1835 г., что этотъ способъ передвиженія годится, пожалуй, для перевозки пассажировъ и для нѣкоторыхъ линій, ведущихъ въ столицу, но ни въ коемъ случаѣ не для всей страны; въ Пруссіи директоръ почтъ Наглеръ высказывался противъ постройки желѣзной дороги между Берлиномъ и Потсдамомъ, такъ какъ даже шестимѣстные дилижансы, отходящіе туда нѣсколько разъ въ день, часто идутъ наполовину пустыми. А въ Бельгіи, гдѣ была сооружена первая желѣзная дорога на континентѣ въ 1839 г., при разсмотрѣніи этого вопроса въ парламентѣ заявляли, что желѣзныя дороги будутъ мчаться мимо городовъ и деревень, не доставляя имъ никакой выгоды, и сооружать ихъ столь же безразсудно, какъ строить пирамиды. Къ этому еще прибавляли, что желѣзныя дороги уничтожатъ коннозаводство, обезцѣнятъ сѣно и овесъ и этимъ нанесутъ огромный ущербъ землевладѣльцамъ, что провозимое по желѣзной дорогѣ молоко превратится въ сливки, а яйца сварятся [1]).

Всѣ эти опасенія поддерживались и въ Англіи и на континентѣ особенно сильно владѣльцами каналовъ и дилижансовъ. Каналы въ Англіи были построены въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія и находились въ рукахъ немногихъ компаній, выручавшихъ крупные дивиденды; для нихъ желѣзныя дороги были весьма опасны. Не меньшей угрозой они являлись для владѣльцевъ дилижансовъ послѣдніе и въ Англіи, и въ Германіи, и въ Бельгіи, убѣдившись въ невозможности воспрепятствовать въ парламентѣ выдачѣ концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ, прибѣгли къ другому, упрощенному способу борьбы. Они стали нанимать людей, которые должны были производить нападенія на рабочихъ, сооружающихъ полотно, и мѣшать дальнѣйшему производству работъ; они возбуждали и мѣстное населеніе, доказывая ему, что отъ желѣзныхъ дорогъ получатся всякіе ужасы. Государство вынуждено было посылать вооруженные отряды, такъ какъ между рабочими, строившими линіи, и мѣстнымъ населеніемъ происходили кровопролитныя столкновенія.

Такимъ образомъ, суть дѣла заключалась не въ томъ, что пассажиры задохнутся въ туннеляхъ, а поля будутъ зажжены искрами

---

[1]) См. Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта. 4 изд. 1916. Стр. 497 и сл.

локомотива, а въ томъ, что компаніи, соорудившія каналы, и владѣльцы дилижансовъ могли лишиться своихъ доходовъ. Но интересы послѣднихъ не могли имѣть рѣшающаго значенія, ибо желѣзныя дороги выгодны были для возникающей фабричной промышленности, нуждавшейся въ болѣе широкомъ рынкѣ, для крупныхъ компаній, строившихъ желѣзныя дороги, для банковъ, ихъ финансировавшихъ, для биржи, ими созданной—половина котировокъ состояла изъ желѣзнодорожныхъ акцій.

Не менѣе фантастичны были—какъ мы видѣли выше—и доводы, приводимые противъ подоходнаго налога. Тираническій налогъ, убивающій торговлю и кредитъ, уничтожающій всю современную цивилизацію,—это еще лучше, чѣмъ желѣзныя дороги, гдѣ вагоны зажигаются отъ тренія, скотъ дохнетъ отъ свистковъ локомотива, а сѣно и овесъ теряютъ всякую цѣнность. И въ смыслѣ неискренности соображенія, высказываемыя противъ введенія подоходнаго налога, стоятъ на одномъ уровнѣ съ тѣми, которыя раньше выдумывали и пускали въ ходъ владѣльцы и сторонники дилижансовъ.

Такимъ характеромъ отличается одно изъ важнѣйшихъ возраженій, приводимыхъ повсюду противъ подоходнаго обложенія: установленіе чистаго дохода—дѣло весьма нелегкое; плательщику нетрудно обмануть казну, подать неправильную декларацію, но гораздо труднѣе податнымъ органамъ обнаружить скрытый доходъ, взять то, что слѣдуетъ, съ каждаго. Въ результатѣ налогъ оказывается „обложеніемъ честности и преміей за ложь и обманъ", вызываетъ всеобщую деморализацію. Доходы такихъ лицъ, какъ представители либеральныхъ профессій—врачи, адвокаты, художники, артисты, „собираются, какъ пчелами медъ, капля по каплѣ, отъ сотенъ кліентовъ или заказовъ, и не могутъ быть раскрыты помимо ихъ желанія никакими драконовскими законами". Столь же неуловимы и доходы всякаго рода дѣльцовъ и спекулянтовъ; и ихъ величину податные чины могли бы опредѣлить „лишь при помощи рентгеновскихъ лучей".

Но развѣ другіе налоги не обладаютъ тѣмъ же недостаткомъ? развѣ стремленіе плательщика заплатить возможно меньше налога, всячески обмануть казну, не обнаруживается при всякаго рода налогахъ? Возьмемъ хотя бы наше поземельное или промысловое обложеніе. Какъ часто вдругъ появляются на сцену обширныя пространства земли, за которыя плательщики до сихъ поръ ничего не платили. Сплошь и рядомъ податной ревизоръ, проходя по улицамъ города, находитъ то лавку, то мастерскую, то трактиръ, которые пропущены при промысловомъ обложеніи или вносятъ налогъ совсѣмъ не по тому разряду, къ которому они относятся, а иногда оказываются цѣлые рынки, гдѣ владѣльцы лавокъ сумѣли укрыться отъ взоровъ податныхъ учрежденій и гдѣ они съ появленіемъ ревизора поспѣшно запираютъ двери и улетучива-

ются. А вся система косвеннаго обложенія! Развѣ подоходный налогъ въ состояніи выдержать хотя бы отдаленное сравненіе съ таможенными пошлинами въ отношеніи господствующаго тамъ обмана и ложныхъ показаній? „Стоитъ только войти въ лондонскій таможенный музей,—говоритъ проф. Озеровъ—чтобы увидѣть, сколько ума и изобрѣтательности затрачено было на то, чтобы найти способы уклоняться отъ обложенія. Вотъ, напр., мраморная глыба; но это не мраморъ—она сдѣлана очень искусно изъ какой-то мастики, внутри ея перевозились безпошлинно сигары. Вотъ вязанка дровъ, перетянутая веревкой, которая служила для переправки черезъ границу спирта; каждое полѣно представляетъ изъ себя внутри металлическій сосудъ, удивительно похожій на простое полѣно... Наконецъ, ваше вниманіе привлекаетъ джентльменъ, молчаливо сидящій у дверей. Изъ разсказа проводника вы можете узнать, что онъ ѣздилъ на козлахъ долгое время въ качествѣ лакея съ однимъ господиномъ и такъ какъ этотъ господинъ часто переѣзжалъ черезъ границу и у него почти никогда не было багажа, то его стали пропускать, почти не останавливая и не подвергая таможенному досмотру. Только разъ лошади понесли, чего-то испугавшись, коляска перевернулась, и всѣ очутились на землѣ. Господинъ и его кучеръ тотчасъ же встали, но лакею не поздоровилось, у него при паденіи отлетѣла голова и... изъ его шеи полился настоящій финь-шампань, а изъ шинъ сломанной коляски текъ чистый спиртъ“ [1]).

Сосуды со спиртомъ подъ видомъ младенцевъ, золотыя вещи въ бочкахъ съ масломъ или орѣхами, сапоги съ подошвами, напоминающими слѣдъ звѣря, чтобы затруднить преслѣдованіе, цѣлыя предпріятія для перевозки товаровъ контрабандой, страховыя общества по застрахованію такихъ грузовъ и многое другое,—вотъ къ чему приводятъ таможенные сборы. Если подходить къ нимъ съ той мѣркой, какую прилагаютъ къ подоходному налогу, то ихъ слѣдовало за безнравственность давнымъ давно упразднить.

И борьба съ обманами въ этихъ случаяхъ чрезвычайно затруднительна; единственный или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе дѣйствительный способъ—пониженіе таможенныхъ пошлинъ или акцизовъ, ибо оно уменьшаетъ выгодность контрабанды или утайки подлежащихъ акцизу товаровъ. Напротивъ, въ подоходномъ обложеніи созданъ рядъ мѣръ, значительно облегчающихъ контроль надъ плательщиками, провѣрку поданныхъ ими декларацій. Подоходное обложеніе вводитъ контроль общественнаго мнѣнія, ибо „во всемъ, что касается обложенія, не должно быть тайны“. Такимъ средствомъ является обязанность всякаго рода лицъ и учрежденій сообщать податнымъ органамъ свѣдѣнія о лицахъ, состоящихъ у нихъ на службѣ, и указывать размѣръ получаемаго ими

[1]) См. Озеровъ. „Основы фин. науки“, I, 4 изд. Стр. 258—59.

вознагражденія. Это т. наз. косвенная декларація. Если при обыкновенной деклараціи плательщикъ самъ участвуетъ въ исчисленіи облагаемаго дохода, то въ этомъ случаѣ къ опредѣленію дохода привлекаются болѣе широкіе круги населенія—всѣ тѣ, у кого плательщикъ получаетъ заработную плату, жалованье и т. д. Вмѣсто уплаты самаго налога у источника—какъ въ Англіи—въ другихъ странахъ источникъ лишь оказываетъ содѣйствіе фиску, указывая ту сумму, которую плательщикъ долженъ внести. Сюда относится и обязанность банковъ и кредитныхъ учрежденій сообщать податнымъ органамъ, по требованію ихъ, свѣдѣнія о находящихся у нихъ вкладахъ и иныхъ суммахъ, принадлежащихъ плательщику, противъ чего особенно сильно возражаютъ капиталисты, желая скрыть свои доходы отъ взоровъ казны.

Не менѣе существенна т. наз. инвентаризація наслѣдственныхъ массъ—сообщеніе наслѣдниками цѣнности оставленнаго наслѣдства (подъ присягой). Казна пользуется данными, устанавливаемыми для взиманія другихъ налоговъ, но по общему правилу это дѣлается лишь для опредѣленія размѣровъ дохода, получаемаго плательщикомъ изъ различныхъ источниковъ; для этой цѣли служатъ свѣдѣнія объ уплаченномъ промысловомъ налогѣ, таможенныхъ пошлинахъ, акцизахъ. Налогъ же съ наслѣдствъ даетъ возможность впослѣдствіи провѣрить, правильно ли плательщикъ выполнялъ свои обязанности въ области подоходнаго обложенія. Онъ является угрозой для плательщика: если окажется противорѣчіе между тѣмъ, что онъ платилъ въ послѣдніе годы, и размѣрами наслѣдства, то изъ наслѣдства будетъ взыскана недополученная сумма. Угроза эта можетъ быть, конечно, и очень сильна, и слаба; это зависитъ отъ того, за сколько лѣтъ назадъ взыскивается недостающая сумма подоходнаго налога, какъ опредѣляется несоотвѣтствіе между наслѣдствомъ и уплаченнымъ подоходнымъ налогомъ, и берется ли недополученная сумма въ однократномъ размѣрѣ, или къ ней присоединяется еще штрафъ, въ видѣ той же суммы, въ нѣсколько разъ увеличенной.

Наконецъ, въ цѣляхъ провѣрки „самообложенія" практикуется въ послѣднее время и публичность оцѣночныхъ списковъ. Списки плательщиковъ, съ указаніемъ установленнаго для каждаго изъ нихъ дохода, выставляются на 2—4 недѣли въ какомъ-либо учрежденіи, гдѣ всякій имѣетъ возможность ихъ обозрѣвать. „Въ обложеніи всѣ люди—партнеры: что одинъ не доплатилъ, то приходится платить другому. Поэтому публикація списковъ составляетъ обязанность казны. Въ этомъ случаѣ, если кто-либо случайно или намѣренно пропущенъ или обложенъ слишкомъ низко, эта ошибка будетъ исправлена". Поэтому-то каждому плательщику предоставляется право не только осматривать списки, но и обжаловать ихъ, если онъ находитъ, что другой обложенъ слишкомъ низко.

Иначе вѣдь онъ самъ пострадаетъ—придется повысить ставки подоходнаго налога или ввести иные налоги.

Конечно, не всѣми этими средствами пользуются въ равной мѣрѣ. Косвенная декларація и инвентаризація наслѣдственныхъ массъ въ настоящее время широко распространены; напротивъ, сообщеніе свѣдѣній кредитными учрежденіями, а тѣмъ болѣе публичность оцѣночныхъ списковъ вызываютъ сильнѣйшую вражду, какъ разоблаченіе „коммерческой тайны", и поэтому примѣняются до сихъ поръ лишь въ нѣкоторыхъ государствахъ.

Уже одна необходимость сообщенія казнѣ суммы своего дохода и повѣрка этого сообщенія оцѣночными коммиссіями представляетъ собою,—по словамъ противниковъ подоходнаго налога,—вторженіе въ частную жизнь плательщика, посягательство на индивидуальную свободу, свидѣтельствуетъ о томъ инквизиторскомъ характерѣ подоходнаго налога, о которомъ вопили въ Англіи еще сто лѣтъ тому назадъ. Плательщикъ обязанъ подать заявленіе о совокупности своихъ доходовъ; именуется оно офиціально деклараціей, на самомъ дѣлѣ—это своего рода гражданская исповѣдь. Но она не принимается на вѣру; ее контролируетъ фискъ, который является одновременно и стороной, и судьей въ своемъ дѣлѣ. „Въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ,—говоритъ Жюль Рошъ,—даже тамъ, гдѣ муниципальный совѣтъ придерживается ученій коммунизма, коллективизма или анархизма, провозглашающихъ конфискацію и уничтоженіе капитала и собственности, всякій гражданинъ, мужчина и женщина, старый и молодой, женатый, холостой, вдовый, наконецъ, всякое живое существо, имѣющее образъ и подобіе человѣка, можетъ быть вынуждено предстать предъ „коммунальной коммиссіей". Послѣдняя, по своему усмотрѣнію, составитъ списокъ „осужденныхъ" уплатить налогъ. „Положимъ, налогу подлежатъ всѣ лица, имѣющія свыше 2.500 фр.; коммиссія нарочно опредѣляетъ доходъ плательщика въ 3.500 фр., хотя онъ значительно меньше. Плательщикъ протестуетъ, кричитъ, возмущается. Коммиссія ему заявляетъ:—Хорошо, представь свои книги, счеты, квитанціи, докажи намъ, что ты выручилъ менѣе 3.500 фр. дохода.—Но я не веду торговыхъ книгъ и едва умѣю читать,—отвѣчаетъ плательщикъ—и я не могу вамъ сообщить своихъ коммерческихъ тайнъ, вы мои конкуренты, вы ими воспользуетесь.—Тѣмъ хуже для тебя; я имѣю право оцѣнки твоего дохода и имъ пользуюсь, ты внесенъ въ списокъ заложниковъ, ты въ немъ останешься. Такъ гласитъ рѣшеніе оракула, святой, безпартійной коммунальной коммиссіи, a priori рѣшающей, сколько у каждаго дохода". „Вотъ та свобода миръ, справедливость, которую сулитъ намъ подоходный налогъ" „Таковъ прогрессъ, такова реформа; да здравствуетъ Коммуна!" [1])

---

[1] Jules Roche. Contre l'impôt sur le revenu, p. 37—41.

„Адвокатъ, нотаріусъ, врачъ, аптекарь,—перечисляетъ Жюль Рошъ—журналистъ, драматургъ, поэтъ, живописецъ, скульпторъ, теноръ, актеръ оперный, опереточный или кафешантанный, музыкантъ, модистка, портной, швея, виноторговецъ оптовый или розничный, аристократъ изъ Берси или какой-нибудь проходимецъ, всякій, кто что-либо дѣлаетъ своими десятью пальцами, кто ѣстъ, ходитъ, дышитъ,—кто, наконецъ, живетъ подъ свѣтлымъ небомъ Франціи, въ свободномъ воздухѣ этой страны, которая до сихъ поръ считалась самой мягкой, самой гуманной, самой культурной во всемъ мірѣ,—всякій становится вещью новаго тирана, современнаго Діонисія Галикарнесскаго, именуемаго мѣстной коммиссіей, во всѣхъ 36.000 коммунахъ Франціи, на основаніи „реформы", проповѣдуемой во имя безсмертныхъ завѣтовъ 1789 года и декларація правъ человѣка [1])".

Англійскій подоходный налогъ,—подчеркиваютъ противники подоходнаго обложенія на континентѣ—это налогъ съ доходовъ, а не съ дохода: никогда еще множественное число не отличалось столь рѣзко отъ единственнаго числа, какъ въ данномъ случаѣ. Англійскій народъ, народъ свободный, пуще всего презирающій рабство—Britons newer will be slaves—создалъ и обложеніе не личное, не людей, ибо оно сопряжено съ произволомъ и насиліемъ, а обложеніе реальное, отъ слова „res"—вещь, обложеніе, характеризующее свободу и независимость населенія. Противоположность англійской системы составляетъ прусская, гдѣ облагается весь доходъ цѣликомъ, по усмотрѣнію фиска; это вполнѣ соотвѣтствуетъ прусскому феодальному строю, деспотизму и милитаризму, гдѣ нѣтъ гражданъ, а есть только подданные [2]). Однако эти разсужденія относятся къ прошлому, такъ какъ,—какъ мы видѣли,—и въ Англіи Income-tax сталъ налогомъ со всего дохода. Недаромъ Леруа-Болье возмущается новымъ подоходнымъ обложеніемъ въ Англіи: „во что превратился созданный Питтомъ и Гладстономъ подоходный налогъ!"—восклицаетъ онъ.

Требованіе же помимо простой деклараціи еще и косвенной отъ торговцевъ, промышленниковъ, всякаго рода работодателей равносильно,—по мнѣнію противниковъ подоходнаго налога,—требованію, чтобы они были доносчиками на своихъ служащихъ и рабочихъ. Но прямо въ изступленіе приводитъ ихъ постановленіе о томъ, что кредитныя учрежденія обязаны открывать счеты своихъ кліентовъ, и о томъ, что свѣдѣнія объ установленіи коммиссіей доходовъ выставляются для публичнаго обозрѣнія.

Первое есть не только нарушеніе коммерческой тайны, имѣющейся и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, но и нарушеніе тайны, установленной закономъ, такъ какъ по закону никто, кромѣ су-

---

1) Ibid., p. 38.

2) Kergall. L'impôt démocratique sur le revenu. 1906.

дебныхъ властей, не въ правѣ пользоваться данными, имѣющимися у кредитныхъ учрежденій; ихъ счеты покрыты сугубой тайной, и вдругъ эта тайна, въ угоду подоходному налогу, разоблачается. Это значитъ уничтожить кредитъ и выгнать капиталъ изъ страны. Но—спросимъ мы—куда пойдетъ этотъ капиталъ, куда онъ дѣнется? Въ другія страны, гдѣ нѣтъ подоходнаго налога. Такой совѣтъ можно было дать капиталу во времена Пиля, но теперь, когда подоходный налогъ имѣется повсюду, ему укрыться некуда—вездѣ врагъ его, подоходный налогъ, сторожитъ его и старается взять съ него возможно больше.

А публичность списковъ! Вѣдь это значитъ развивать шпіонство, шантажъ и тому подобныя добродѣтели. Люди будутъ только и думать о томъ, не обложенъ ли кто-либо ниже, чѣмъ они, будутъ преслѣдовать своихъ враговъ, подавая заявленія о томъ, что они обложены слишкомъ слабо, будутъ грозить всякому разоблаченіемъ его дохода! Куда дѣваться тогда порядочному человѣку? Что станетъ при такихъ условіяхъ съ промышленностью и торговлей, съ прогрессомъ и цивизизаціей!

Болѣе спокойные противники подоходнаго налога говорятъ о томъ, что плательщиковъ „заставляютъ раскрыть тщательно оберегаемую всѣми во всемъ мірѣ тайну получаемаго дохода, отвѣчать на вопросъ, который считается вездѣ верхомъ безцеремонности и безтактности“. Огласка дохода можетъ и неблагопріятно отразиться на интересахъ многихъ лицъ: „обнаруженіе у врача, адвоката, художника, торговца менѣе значительнаго дохода или оборота, чѣмъ это предполагалось, можетъ совершенно незаслуженно уменьшить его кліентуру и нанести ему непоправимый вредъ“. Совершенно иного мнѣнія придерживался по этому вопросу Дж. Ст. Милль еще въ 50-хъ годахъ, хотя его и выставляютъ нерѣдко рѣшительнымъ врагомъ подоходнаго налога. На самомъ дѣлѣ, признавая этотъ налогъ справедливѣйшимъ изъ всѣхъ видовъ податей, онъ находилъ лишь, что налогъ наиболѣе тяжело ложится на самыхъ честныхъ людей, ибо большинство людей, даже добросовѣстныхъ въ повседневной жизни, въ этихъ случаяхъ на совѣсть обращаютъ весьма мало вниманія,—онъ забывалъ только, что при другихъ видахъ обложенія эта честность фигурируетъ въ еще меньшей степени. „Однако—прибавляетъ Милль—я весьма мало придаю значенія жестокости, которую усматриваютъ въ томъ, что люди вынуждены раскрыть дѣйствительный размѣръ своего дохода. Одно изъ соціальныхъ золъ Англіи состоитъ въ стремленіи, ставшемъ почти привычкой, казаться передъ всѣмъ свѣтомъ владѣльцемъ большаго дохода, чѣмъ что есть на самомъ дѣлѣ. Для тѣхъ, кто страдаетъ этой слабостью, было бы гораздо полезнѣе, если бы дѣйствительный размѣръ ихъ средствъ былъ извѣстенъ и вслѣдствіе этого исчезло бы у нихъ искушеніе тратить больше, чѣмъ они въ состояніи, или отказы

вать себѣ въ удовлетворенiи необходимыхъ потребностей, чтобы казаться не тѣмъ, чѣмъ они есть" [1].

Иногда указываютъ даже на то, что многiя лица намѣренно показываютъ въ декларацiи болѣе значительный доходъ, чѣмъ они имѣютъ на самомъ дѣлѣ, для того, чтобы это стало извѣстнымъ и они могли бы расширить свой кредитъ или выгоднѣе выдать дочь замужъ. Приходится лишь пожалѣть тѣхъ кредиторовъ или тѣхъ жениховъ, которые заключили невыгодную сдѣлку и попались на удочку, будучи введены въ заблужденiе подоходнымъ налогомъ. Но неужели все-таки изъ-за нихъ отказаться отъ этого налога?

Неужели же предпочесть ему другiе налоги? Вѣдь и тамъ раскрытiе тайнъ частной и профессiональной жизни, подача декларацiи, всевозможныя неудобства и стѣсненiя имѣются на каждомъ шагу. Промысловый налогъ въ настоящее время повсюду требуетъ декларацiи, провѣрки ея самыми разнообразными способами вплоть до осмотра предпрiятiя и затребованiя свѣдѣнiй изъ всевозможныхъ правительственныхъ и частныхъ учрежденiй. Пруссiя, въ отличiе отъ Австрiи, Италiи, Соединенныхъ Штатовъ и т. д., не признаетъ публичности оцѣночныхъ списковъ въ подоходномъ обложенiи, но она же выставляетъ списки плательщиковъ промыслового налога для осмотра ихъ конкурентами, нарушаетъ, слѣдовательно, торговую и промышленную тайну. Гдѣ же тутъ послѣдовательность?

Какъ обстоитъ дѣло съ косвеннымъ обложенiемъ? Въ той самой Францiи, гдѣ заявляли, что подоходный налогъ противорѣчитъ священнымъ традицiямъ великой французской революцiи и не совмѣстимъ съ французскими нравами, не терпящими вмѣшательства въ имущественныя дѣла гражданъ,—въ той самой Францiи въ интересахъ обложенiя табаку табаководство обставлено такими стѣсненiями, которыя ни одному составителю проекта подоходнаго налога и не снились. Разведенiе табаку допускается лишь въ 19 департаментахъ, каждая плантацiя должна быть не менѣе 20 аръ, сѣмена не могутъ выращиваться плантаторомъ, а выдаются ему администрацiей; табакъ на плантацiи долженъ садиться по прямой линiи при помощи веревки и не смѣшиваться съ другими растенiями, разстоянiя между табачными растенiями должны быть равны; предписывается не только опредѣленное количество растенiй на данномъ пространствѣ, но и извѣстное число листьевъ на каждомъ растенiи—всѣ лишнiе листья должны быть сорваны. „Говорятъ, подоходный налогъ отличается инквизиторскимъ характеромъ,—читаемъ у американскаго экономиста Или—но какой налогъ не имѣетъ этого характера? Налогъ на виски или табакъ развѣ соединенъ съ меньшимъ вмѣшательствомъ? Напротивъ, владѣлецъ табачной фабрики или завода, выдѣлываю-

[1] Mill. Principles. B. V. Ch. III. § 5.

щаго водки, обязанъ показывать каждую операцію, окруженъ шпіонами; за тѣми, которые пытаются уклониться отъ налога, охотятся, какъ за дикими звѣрьми, и взиманіе налога соединено съ кровопролитіемъ, причемъ страдаютъ и плательщики, и сборщики. А таможенный тарифъ? Въѣзжая въ американскій портъ, вы обязаны вскрыть свой сундукъ и показать все, что у васъ имѣется, въ случаѣ же подозрѣнія васъ могутъ подвергнуть обыску". „Когда я себѣ представляю тотъ моментъ,—говорилъ одинъ изъ членовъ сѣверо-американскаго конгресса при обсужденіи законопроекта о подоходномъ налогѣ—когда вы спускаетесь на пристань и препровождаетесь въ отдѣльную комнату, гдѣ васъ раздѣваютъ до того состоянія, въ какомъ васъ мать родила, осматриваютъ вашъ багажъ и все ваше имущество, то я долженъ сказать, что никакой подоходный налогъ никогда не сопровождается даже на одну десятую такими инквизиторскими пріемами, съ какими соединено взиманіе таможенныхъ пошлинъ. А теперь, когда хотятъ потребовать отъ лицъ съ доходомъ свыше 4 тыс. долл., чтобы они вскрыли свое имущественное положеніе, кричатъ, что это налогъ инквизиторскій".

Что же касается пресловутой коммерческой тайны, которую якобы необходимо охранять, то вся суть заключается въ томъ, что такой тайны нѣтъ, что въ настоящее время ничего нельзя скрыть и ничего не скрываютъ. Не скрываютъ въ интересахъ того самаго кредита, который якобы отъ разоблаченія тайны страдаетъ. Современный кредитъ покоится не на неизвѣстности, а на выясненіи кредитоспособности лицъ, нуждающихся въ кредитѣ, на установленіи ихъ дохода, ихъ имущества, капиталовъ и хода дѣлъ предпріятія. Наиболѣе крупныя предпріятія—акціонерныя, въ публикуемыхъ ими въ газетныхъ отчетахъ сообщаютъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, а въ общихъ собраніяхъ ихъ публично обсуждаются вопросы, касающіеся состоянія предпріятія, его будущихъ плановъ и т. д. А, кромѣ того, въ настоящее время существуютъ въ Европѣ и Америкѣ многочисленныя справочныя бюро по выясненію кредитоспособности. Они не только даютъ всякому интересующемуся справки о состояніи любого предпріятія, но и составляютъ и печатаютъ справочныя книги со списками фирмъ и съ указаніемъ противъ каждой ея кредитоспособности, т. е. вмѣшиваются въ частныя дѣла, раскрываютъ имущественное положеніе людей передъ ихъ кліентами и конкурентами. При этомъ они собираютъ свѣдѣнія самыми разнообразными способами, но прежде всего обращаются къ самому предпріятію съ просьбой сообщить о себѣ все необходимое, т. е. подать декларацію, а затѣмъ уже провѣряютъ послѣднюю. И предпріятія не только не отказываются отъ подачи такой деклараціи, но, напротивъ, очень охотно идутъ на встрѣчу этому, нисколько не опасаясь, а подчасъ и домогаясь „вмѣшательства въ ихъ дѣла". „Итакъ, — говоритъ Н. Н. Покровскій—жизнь идетъ

быстрыми шагами по пути раскрытія имущественныхъ тайнъ, между тѣмъ отъ податныхъ законовъ почему-то требуется соблюденіе полнѣйшаго въ этомъ отношеніи секрета. Получается совершенно странное положеніе: то, что всѣмъ и безъ того извѣстно, облекается, когда приступаютъ къ обложенію, въ непроницаемую тайну" [1]).

VII.

Остаются еще два послѣднія возраженія противъ подоходнаго налога: взиманіе его обходится весьма дорого, почему финансовые результаты не могутъ быть значительны, и во многихъ странахъ населеніе не настолько культурно, чтобы оно было въ состояніи дать правильныя показанія о своемъ доходѣ. Мы приводимъ эти доводы вмѣстѣ, ибо они тѣсно связаны между собою: они устраняются весьма легко введеніемъ не слишкомъ низкаго прожиточнаго минимума, освобождаемаго отъ налога. Въ этомъ случаѣ тѣ группы населенія, для которыхъ веденіе счетоводства и сообщеніе правильныхъ свѣдѣній о своемъ доходѣ наиболѣе затруднительно, отпадаютъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ сильно сокращаются и издержки взиманія, такъ какъ онѣ вызываются въ особенно сильной степени мелкими плательщиками, отличающимися чрезвычайной многочисленностью и доставляющими много хлопотъ податному надзору, но мало денегъ; взысканія съ нихъ оказываются нерѣдко совершенно безрезультатными. Въ Вюртембергѣ, напр., на каждаго плательщика приходится 1,10 мар. расходовъ по исчисленію и взиманію налога, почему свыше половины всѣхъ поступленій отъ плательщиковъ съ доходомъ въ 500—650 мар. идетъ на расходы, тогда какъ съ поступленій отъ доходовъ въ 950—1.000 мар. расходы составляютъ всего 18 проц. Этимъ-то и объясняется въ сущности установленіе прожиточнаго минимума въ подоходномъ налогѣ—не стоитъ возиться съ массой мелкихъ плательщиковъ. Лишь впослѣдствіи финансовая теорія—заднимъ числомъ, какъ это нерѣдко бываетъ, — старалась мотивировать освобожденіе мелкихъ доходовъ отъ обложенія моральными соображеніями, необходимостью освободить бѣдное населеніе, уже обремененное косвенными налогами, отъ подоходнаго обложенія.

Поэтому совершенно нелогично заявленіе тѣхъ же лицъ, которыя жалуются на недостаточную фискальную продуктивность подоходнаго налога, что свободный отъ обложенія минимумъ недопустимъ, такъ какъ нельзя создавать классъ привилегированныхъ людей, которые не будутъ платить налоговъ. Тотъ, кто это говоритъ, забываетъ не только о томъ, что при отсутствіи минимума, свободнаго отъ налога, податная администрація совершенно не

[1]) Покровскій. О подоходн. налогѣ, стр. 116—17.

въ состояніи справиться съ милліонами мелкихъ и мельчайшихъ плательщиковъ, но и о томъ, что всѣ эти свободныя отъ подоходнаго обложенія группы населенія вовсе не изъяты отъ налоговъ и не являются привилегированными,—онѣ платятъ налоги на потребленіе и платятъ ихъ въ очень большомъ, по сравненію съ ихъ имущественной состоятельностью, размѣрѣ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что налоги на потребленіе ложатся на различные слои населенія обратно пропорціонально ихъ доходу,—чѣмъ бѣднѣе человѣкъ, тѣмъ большую часть его средствъ поглощаетъ косвенное обложеніе. Налоги на сахаръ, чай, табакъ, спиртъ, пошлины на хлѣбъ, кофе и т. д. Конечно, косвенные налоги, облагая все населеніе, въ томъ числѣ и неимущее, составляютъ тотъ „рогъ изобилія, который даетъ болѣе, чѣмъ отъ него ожидаютъ". Конечно, они уплачиваются мелкими частями изо-дня въ день, такъ что плательщикъ „не видитъ тѣхъ ножницъ, которыя его стригутъ и поэтому не издаетъ криковъ и не дѣлаетъ конвульсивныхъ движеній". Но можно ли все-таки на основаніи этой „фискальной анестезіи" утверждать, что „косвенные налоги являются неизмѣримо болѣе гуманными", чѣмъ подоходный налогъ? Не говоря уже о томъ, что этими свойствами обладаютъ наравнѣ съ подоходнымъ налогомъ и всѣ прочіе прямые налоги, ибо всѣ они уплачиваются не тогда, когда можно это сдѣлать, а тогда, когда казна этого требуетъ,—не говоря уже объ этомъ, гуманными являются вовсе не тѣ налоги, которые взимаются „подъ хлороформомъ", нечувствительнымъ для плательщика образомъ, а тѣ, которые облагаютъ населеніе по степени его состоятельности,—не трогаютъ людей, у которыхъ едва хватаетъ на пропитаніе, и заставляютъ платить и основательно платить того, у кого большое состояніе; таковъ именно прогрессивный подоходный налогъ. Мало того, незамѣтная уплата косвенныхъ налоговъ, выпусканіе крови изъ плательщика, безъ того, чтобы онъ это чувствовалъ, весьма вредна, ибо усыпляется политическое самосознаніе; напротивъ, прямой налогъ вообще и подоходный въ особенности являясь весьма осязательной, жестокой операціей для плательщика, пробуждаетъ въ немъ интересъ къ общественной жизни, заставляетъ его слѣдить за государственными расходами и за системой управленія, имѣетъ въ политическомъ отношеніи воспитательное значеніе [1]).

Изъ приведеннаго совѣта замѣнять подоходный налогъ „гуманными" косвенными налогами мы можемъ уже усмотрѣть, къ чему клонится аргументація противниковъ подоходнаго обложенія—свалить бремя съ себя, съ состоятельнаго населенія, на неимущихъ, на плательщиковъ косвенныхъ налоговъ. Особенно настаиваютъ на этомъ капиталисты и крупные промышленники. Первые до сихъ поръ почти совсѣмъ не облагались, а теперь имъ придется платить

[1]) См. Озеровъ. Основы фин. науки. I. 257.

вторые опасаются, что къ сравнительно легкому, а иногда и весьма легкому, промысловому обложенію теперь присоединится чувствительный прогрессивный налогъ. Вотъ въ чемъ заключается весь смыслъ ихъ борьбы. Подобно тому, какъ владѣльцы каналовъ и дилижансовъ, проливая слезы о пассажирахъ, гибнущихъ въ туннеляхъ, и о поляхъ, зажигаемыхъ искрами паровоза, въ дѣйствительности имѣли въ виду свои собственные карманы, — капиталисты и промышленники для виду жалуются на деморализацію населенія и инквизиторскіе пріемы, связанные съ подоходнымъ налогомъ, вопятъ о нарушеніи коммерческой тайны и гибели кредита, на самомъ же дѣлѣ стараются всячески избѣгнуть того налога, который ляжетъ прежде всего на нихъ и который сообразуется съ размѣрами дохода, слѣдовательно, особенно опасенъ для крупныхъ капиталистовъ и крупныхъ промышленниковъ. Поскольку же они сознаютъ безплодность своихъ усилій, невозможность предотвратить введеніе подоходнаго налога, они стараются достигнуть своей цѣли окольнымъ путемъ—сдѣлать невозможной провѣрку декларацій; отсюда столь сильная вражда къ сообщенію кредитными учрежденіями свѣдѣній о счетахъ кліентовъ, отсюда паническій страхъ передъ публичностью оцѣночныхъ списковъ. Уничтоженіе тайны въ отношеніи вкладовъ, помѣщенныхъ въ банкахъ,—это единственный способъ нащупать крупные денежные капиталы, а публичность списковъ—общественный контроль, средство отыскать новыхъ плательщиковъ и новые доходы.

Не смотря на протесты капиталистовъ и промышленнаго класса, подоходный налогъ повсюду осуществляется, ибо, — какъ и при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ—имѣются другіе классы населенія, которые, напротивъ, заинтересованы въ скорѣйшемъ его введеніи. Это рабочій классъ и крупные землевладѣльцы,—комбинація довольно своеобразная, ибо по общему правилу эти два класса вовсе не идутъ рука объ руку. Но въ данномъ случаѣ они оказываются союзниками; однимъ нужно сбросить этимъ путемъ часть податнаго бремени, на нихъ лежащаго, другимъ по крайней мѣрѣ, предотвратить дальнѣйшее его увеличеніе. Крупные землевладѣльцы страдаютъ отъ чрезвычайно сильной задолженности, отнимающей у нихъ значительную часть того дохода, который даетъ земля. Между тѣмъ поземельный налогъ, будучи построенъ не на дѣйствительномъ доходѣ, получаемомъ отъ земли, а на средней кадастровой доходности земель той или другой категоріи, не принимаетъ и не можетъ принимать въ соображеніе задолженности владѣльцевъ и поэтому особенно тяжелъ для крупнаго задолженнаго землевладѣнія. Подоходный налогъ сулитъ послѣднему возможность сокращенія и даже полнаго уничтоженія поземельнаго налога, слѣдовательно, замѣну весьма тяжелаго бремени гораздо болѣе легкимъ въ видѣ подоходнаго налога, изъ котораго вычитаются долги и который облагаетъ лишь чистый доходъ, дѣйствительно остаю-

щійся землевладѣльцу. Государство вынуждено считаться съ этими требованіями. Усматривая въ крупныхъ землевладѣльцахъ наиболѣе консервативный элементъ, опору существующаго строя, оно всячески идетъ имъ на встрѣчу,—вводитъ тяжелыя для населенія пошлины на привозный хлѣбъ, устанавливаетъ для нихъ всевозможныя льготы въ области кредита. Неудивительно, если оно выполняетъ и требованіе ихъ ввести подоходный налогъ, поземельное же обложеніе понижаетъ, передаетъ общинамъ или вовсе упраздняетъ; поступленія отъ подоходнаго налога позволяютъ это сдѣлать. Но и требованія рабочаго класса государство не можетъ игнорировать; рабочіе же прекрасно понимаютъ, что при отсутствіи подоходнаго налога имъ грозитъ дальнѣйшее повышеніе налоговъ на потребленіе. Поэтому-то, когда государству нужны средства, они настаиваютъ на подоходномъ налогѣ, почти совсѣмъ не затрогивающемъ рабочій классъ. Соединенными силами крупныхъ землевладѣльцевъ и рабочихъ подоходный налогъ проходитъ въ парламентахъ, не смотря на всѣ тѣ бѣдствія для страны, которыя предсказываютъ враги его, хотя въ угоду противникамъ и приходится дѣлать различныя уступки—уменьшать прогрессію, отказываться отъ публичности оцѣночныхъ списковъ, облегчать обложеніе акціонерныхъ обществъ и т. д.

Но, конечно, это мыслимо лишь тамъ, гдѣ оба эти класса обладаютъ достаточной силой. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ законопроектъ о подоходномъ налогѣ долженъ либо вовсе провалиться, либо выйти изъ парламентскихъ дебатовъ въ такой формѣ, что отъ него остаются лишь кожа да кости, и еслибы не надпись „подоходный налогъ", то никто не узналъ бы въ немъ этой формы обложенія. Такъ это было дѣйствительно во Франціи. Крупное землевладѣніе играетъ тамъ сравнительно гораздо меньшую роль, мелкое же и среднее, преобладающія во Франціи, хотя также сильно задолжены, но въ послѣднія десятилѣтія добились значительныхъ сбавокъ въ области поземельнаго налога. Рабочіе же лишь недавно сорганизовались въ парламентѣ въ крупную политическую партію. А въ то же время французская финансовая буржуазія пользуется большимъ вліяніемъ, причемъ сильнымъ оружіемъ въ ея рукахъ является демократизація государственной ренты. По подсчетамъ Неймарка, именныя свидѣтельства государственной ренты, дающія годовой доходъ въ 471 милл. франковъ, распредѣлены среди 5 милліоновъ держателей, изъ которыхъ болѣе 4 милл. получаютъ доходъ въ размѣрѣ отъ 2 до 50 фр. въ годъ, т. е. рента находится въ рукахъ мелкихъ собственниковъ. „Буквально всякій консьержъ" имѣетъ ренту; послѣдняя въ настоящее время совершенно освобождена отъ обложенія. Благодаря этой демократизаціи ренты, правительство считаетъ своей нравственной обязанностью заботиться о томъ, чтобы курсъ ея не колебался слишкомъ рѣзко, опасаясь неудовольствія мелкихъ капиталистовъ. По той же причинѣ оно

весьма неохотно рѣшается на конверсіи (пониженіе процента). Неужели же при такихъ условіяхъ можно облагать ренту подоходнымъ налогомъ? Та популярность послѣдняго въ широкихъ массахъ населенія, которою онъ пользовался въ другихъ странахъ, здѣсь, очевидно, не могла имѣть мѣста [1]).

Если къ этому еще прибавимъ тѣ предразсудки, которые распространены во Франціи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и которые сумѣли использовать биржевые, банковые и промышленные круги противъ подоходнаго налога, разсужденія вродѣ того, что „прогрессія—позорное орудіе временъ Террора", что декларація общей суммы дохода „несовмѣстима съ чувствомъ свободы и независимости, свойственнымъ французскому народу",—то мы не удивимся тому, что свыше ста проектовъ подоходнаго налога, появившихся во Франціи съ начала XIX вѣка, провалились, когда же наконецъ, въ нынѣшнемъ году былъ введенъ подоходный налогъ, онъ оказался въ сущности лишь обрубкомъ подоходнаго налога, лишь намекомъ на подоходный налогъ. Ни прогрессіи, ни обязательной деклараціи, ни дѣйствительныхъ мѣръ выясненія дохода онъ не признаетъ. Значеніе его заключается лишь въ томъ, что здѣсь впервые выражена идея impôt global, что французъ облагается — horribile dictu — по общей суммѣ своего дохода, идея, которая въ будущемъ, при благопріятныхъ условіяхъ, и во Франціи можетъ пробить брешь въ устарѣлой податной политикѣ, привести къ созданію дѣйствительнаго подоходнаго налога и къ организаціи прямого обложенія на новыхъ, болѣе раціональныхъ основаніяхъ.

VIII.

И у насъ идея обще-подоходнаго обложенія появилась и высказывалась уже весьма давно [2]), попытки осуществить подоходный налогъ дѣлались уже сто лѣтъ тому назадъ. Въ 1811 году, во время войны съ Наполеономъ, министромъ финансовъ былъ предложенъ въ качествѣ временнаго военнаго сбора проектъ подоходнаго налога, отъ котораго ожидалось 30 милліоновъ рублей. Мысль была заимствована, несомнѣнно, изъ Англіи и налогъ имѣлъ въ виду привлечь къ участію въ несеніи государственныхъ расходовъ „всѣ состоянія по мѣрѣ ихъ достоянія". По примѣру Англіи, онъ распредѣлялся на 5 группъ, по характеру доходовъ (съ помѣщиковъ; съ фабрикъ, домовъ, лавокъ; съ капиталовъ; съ разночинцевъ, стряпчихъ, лекарей и т. д.; съ жалованій и пенсіоновъ). Но Госу-

[1]) См. Смирновъ. Подоходный налогъ во Франціи. 1912.

[2]) См. Труды коммиссіи, высочайше учрежденной для пересмотра податей и сборовъ. Т. III, ч. 2 и т. XVI. 1869. Ходскій. Основы государств. хозяйства, ч. I, гл. 16 и его-же статьи въ Рус. Мысли. 1894, кн. 1 и 2. Алексѣенко. Дѣйст. законодательство о прямыхъ налогахъ. 1879. Покровскій. О подоходномъ налогѣ. 1915.

дарственный Совѣтъ не согласился съ этимъ предложеніемъ, не находя „никакой достовѣрности основать ежегодные и положительные расходы (государства) на такомъ доходѣ, который даже и приблизительно не можетъ быть исчисленъ“, и опасаясь при повѣркѣ заявленій о доходахъ (рѣчь шла, слѣдовательно, о подачѣ деклараций) доносовъ, ябедъ, клеветы и притѣсненій, для разбора которыхъ необходимо было бы учредить особые суды. Въ виду этого рѣшено было ограничиться—по примѣру прежнихъ лѣтъ—сборомъ съ помѣщичьихъ доходовъ и основать его на однихъ добровольныхъ объявленіяхъ по совѣсти, не допуская какихъ бы то ни было доносовъ на утайку доходовъ. Сборъ однако былъ прогрессивный— отъ 1 проц. (при доходѣ въ 500 руб.) до 10 проц. (при доходѣ въ 18 тыс.), со свободнымъ отъ обложенія прожиточнымъ минимумомъ въ 500 руб., и былъ распространенъ на всѣ недвижимости, въ томъ числѣ на „удѣльныя и прочія принадлежащія Императорской Фамиліи имѣнія“. Хотя „ревность и усердіе дворянскаго сословія къ пользамъ отечества всегда предшествовали всѣмъ другимъ сословіямъ и служили имъ примѣромъ и поощреніемъ“, но въ данномъ случаѣ это не вполнѣ оправдалось: налогъ превратился въ добровольное приношеніе каждаго по его усмотрѣнію, и далъ въ 1813 г. всего 5 милл. руб., позже 3,8 и даже 2 милл. руб., такъ что въ 1820 г. оказалось наиболѣе благоразумнымъ отмѣнить его вовсе. „Даруя сіе облегченіе отмѣною прямого налога на недвижимую собственность, Мы желаемъ и надѣемся, да послужитъ оное къ приращенію общаго довольствія и изобилія и къ умноженію богатствъ государственныхъ“—гласилъ указъ 1812 г.

Въ этомъ нѣтъ, конечно, ничего страннаго, если имѣть въ виду, что даже пошлина на наслѣдства и даренія, которую проектировалось ввести въ 1821 г., по мнѣнію Государственнаго Совѣта, произвела бы „чувствительнѣйшее огорченіе и всеобщее негодованіе, ибо она поражаетъ въ начальномъ образованіи право собственности и оскорбляетъ природою вдохновенный между кровными законъ“. Такіе налоги, которые „не щадятъ ни сына, ни дочь, ни отца, ни мать, ни вдову, ни вдовца, ниже бѣдностью удрученнаго человѣка, какого бы состоянія онъ ни былъ“, возможны были только „въ дикія и непросвѣщенныя времена или нынѣ у турокъ“, въ особенности же пострадали бы дворяне, которые „будучи государственнымъ постановленіемъ обращены на военную или гражданскую службу и получая весьма скудное жалованіе, передаютъ по большей части, въ наслѣдство имѣнія съ великимъ прежней цѣнности ихъ ущербомъ“.

Пока господствовало крѣпостное право и взималась подушная подать, едва-ли мыслимо было подоходное обложеніе. Но съ отмѣной крѣпостного состоянія въ 1861 г. былъ поставленъ на очередь и вопросъ о замѣнѣ подушныхъ сборовъ иными налогами и въ учрежденной въ томъ же году коммиссіи для пересмотра системы

податей тотчасъ же возникъ вопросъ объ установленіи подоходнаго налога, по примѣру какъ Англіи, такъ и Пруссіи (въ которой также существовала съ 1851 г. классно-подоходная подать). На разсмотрѣніе коммиссіи поступилъ проектъ правилъ о подоходномъ налогѣ, согласно которому предполагалось обложить всѣ доходы съ недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ, съ предпріятій, съ литературныхъ, художественныхъ и иныхъ занятій, со службы всякаго рода. Налогъ долженъ былъ быть прогрессивный, начиная съ 2 проц. при доходахъ свыше 1000 руб. и доходя до 5 проц. для доходовъ свыше 15 тыс. руб. Податная коммиссія отнеслась къ проекту отрицательно, однако не по тѣмъ мотивамъ, которые высказывались противниками подоходнаго обложенія на Западѣ, а по совершенно своеобразнымъ основаніямъ. Коммиссія указывала на то, что „всѣ отрасли промышленной дѣятельности, вслѣдствіе многихъ особенностей нашего административнаго порядка и народнаго характера, подвержены у насъ элементу случайности, непостоянства, непредвидѣнныхъ или накладныхъ расходовъ производства болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Извѣстно, что, можетъ быть, нигдѣ, развѣ исключая Америки, люди такъ легко не обогащаются и нигдѣ такъ легко не разворяются, какъ въ Россіи". Въ данный же моментъ—по мнѣнію коммиссіи—эта неопредѣленность еще гораздо сильнѣе, чѣмъ когда-либо, „даже всѣ доходы и прибыли, доселѣ считавшіеся у насъ самыми несомнѣнными, подверглись сомнѣнію". Самые разнообразные моменты—отмѣна крѣпостного права и измѣненія въ бытѣ всего помѣщичьяго класса, колебанія въ цѣнности монетной единицы, „коммерческія и кредитныя затрудненія на всемъ пространствѣ Имперіи, акціонерный кризисъ", широкія преобразованія во всѣхъ областяхъ управленія, наконецъ, „умственное броженіе во всѣхъ слояхъ общества", — все это „потрясаетъ условія производства, всѣ классы и всѣ частныя хозяйства". „Едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать,—заключаетъ коммиссія—что теперь рѣшительно никто, начиная отъ крестьянина и помѣщика и до самаго могущественнаго столичнаго капиталиста и государственнаго сановника, не можетъ сколько-нибудь приблизительно опредѣлить, каковъ его чистый годовой доходъ, т. е. доходъ, остающійся у него для израсходованія и потому подлежащій налогу".

Такимъ образомъ, если стоять на точкѣ зрѣнія податной коммиссіи, въ эпохи реформъ въ области законодательства и управленія, въ эпохи промышленныхъ кризисовъ, въ эпохи колебанія монетной единицы введеніе подоходнаго налога немыслимо—хотя именно Англія установила его въ такое время, въ 40-хъ годахъ. Но если во всѣхъ этихъ случаяхъ налогъ является „несвоевременнымъ", то когда же онъ возможенъ? Въ эпоху полнаго застоя въ государственной жизни? Въ эпоху, когда господствуетъ металлическая валюта? Австрія и Италія, страны бумажнаго обращенія и рѣзкихъ колебаній въ цѣнности монеты, все-таки включили подо-

ходный налогъ въ свою податную систему. Любопытнѣе всего, что такое состояніе являлось у насъ, очевидно, не временнымъ и преходящимъ, а чѣмъ-то весьма длительнымъ, такъ что, „своевременность“ никогда бы не наступила, если исходить изъ такого рода соображеній. По крайней мѣрѣ, и семь лѣтъ спустя, въ 1869 г. командированный за границу, для изученія подоходнаго налога въ иностранныхъ государствахъ, М. П. Веселовскій (докладъ его напечатанъ въ XVI томѣ Трудовъ коммиссіи) пришелъ къ такому же выводу относительно примѣнимости у насъ подоходнаго обложенія. Не отрицая того, что многія препятствія, на которыя указывалось въ 1862 г., исчезли съ тѣхъ поръ—организація статистическихъ работъ сдѣлала успѣхи, установлено земское самоуправленіе, совершилась судебная реформа,—онъ все же полагаетъ, что „если обратиться къ сущности вопроса, то нельзя не убѣдиться, что успѣхи, сдѣланные въ разныхъ сферахъ государственной и общественной жизни Россіи, не настолько еще переработали ту почву, на которой могло бы прочно водвориться подоходное обложеніе“.

Ссылаясь на неустойчивость всѣхъ главныхъ условій, всѣхъ отраслей доходовъ, на разстройство денежной системы, Веселовскій указываетъ на то, что даже доходъ землевладѣльца продолжаетъ еще во многихъ случаяхъ „стоять на степени вопроса“ и землевладѣлецъ, по совѣсти, не можетъ иногда опредѣлить своего дохода въ настоящемъ году, а тѣмъ болѣе дохода будущаго времени. Противъ подоходнаго налога, по мнѣнію его, говорятъ и такіе факты, какъ оставленіе пахотныхъ земель необработанными въ виду дороговизны рабочихъ, голодъ, одновременно съ которымъ хлѣбъ вывозился за границу, такъ что „Рыбинскъ, мимо котораго проходятъ милліоны пудовъ хлѣба, рисковалъ среди зимы остаться безъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ“. Наконецъ, препятствіемъ являлось учрежденіе желѣзнодорожныхъ и банковыхъ предпріятій, спекуляція фондовыми бумагами, „общая страсть къ лотереямъ и скорой наживѣ“; все это „отразилось въ послѣднее время быстрымъ перемѣщеніемъ денегъ изъ рукъ въ руки, внезапнымъ обогащеніемъ однихъ и раззореніемъ другихъ, сильнымъ возбужденіемъ рискованныхъ начинаній и охлажденіемъ къ серьезному труду“...

Но какое отношеніе—спроситъ удивленный читатель—все это имѣетъ къ подоходному налогу? Можетъ быть, всѣ эти явленія весьма печальны, но при чемъ тутъ подоходное обложеніе? И когда не бываетъ спекуляціи, стремленія къ наживѣ, быстраго обогащенія однихъ и раззоренія другихъ? Или, быть можетъ, Веселовскій полагалъ, что все это временныя, преходящія явленія, которыя съ теченіемъ времени исчезнутъ, когда наступитъ устойчивость во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни? Къ этому онъ прибавляетъ, что даже наиболѣе опредѣленный изъ всѣхъ видовъ доходовъ—доходъ чиновниковъ—не годится въ качествѣ объекта подоходнаго налога, вслѣдствіе недостаточности жалованія; между

тѣмъ „званіе должностного лица налагаетъ на него извѣстныя условія общежитія, пренебрегать которыми нельзя безъ опасенія уронить достоинство власти; тѣмъ выше служебное положеніе человѣка, тѣмъ эти условія требовательнѣе и тѣмъ нарушеніе ихъ вреднѣе для служебнаго принципа".

Отвергнувъ мысль о введеніи подоходнаго налога, податная коммиссія ограничилась предложеніемъ замѣнить подушную подать и государственный земскій сборъ подворнымъ налогомъ и поземельной податью, оставляя ихъ однако по прежнему на одномъ крестьянскомъ населеніи, т. е. сохраняя всю господствовавшую и ранѣе систему обложенія. Напротивъ, земства, которымъ проектъ коммиссіи былъ переданъ на разсмотрѣніе, отнеслись къ этому предложенію отрицательно, настаивая на необходимости уничтоженія различія между податными и неподатными сословіями и на обложеніи всего населенія, соотвѣтственно его платежной силѣ. При этомъ нѣкоторыя земства предлагали поразрядный налогъ въ качествѣ переходнаго къ подоходному, другіе находили возможнымъ—аналогично прусской системѣ—установленіе поразряднаго налога для низшихъ ступеней и подоходнаго налога для болѣе крупныхъ доходовъ; большинство земствъ однако высказалось за немедленное введеніе подоходнаго налога. За подоходное обложеніе подали свой голосъ и многіе губернаторы и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ цѣляхъ же правильнаго распредѣленія податей нѣкоторыя земства совѣтовали учредить въ одной изъ столицъ съѣздъ представителей отъ земствъ всѣхъ губерній и областей Россіи, признавая необходимымъ участіе въ податномъ дѣлѣ наряду съ уполномоченными отъ правительства и представителей отъ плательщиковъ.

Вотъ къ чему клонилось, слѣдовательно, дѣло! Выборные отъ населенія для участія въ податномъ дѣлѣ—желаніе весьма революціонное для того времени! Неудивительно, если подоходный налогъ былъ признанъ неблагонадежнымъ и изъ проекта ничего не вышло. Въ началѣ же 80-хъ годовъ даже Н. Х. Бунге, признававшій необходимость коренной реформы прямого обложенія, относился скептически къ идеѣ подоходнаго налога. Образованная въ 1879 г. новая податная коммиссія предлагала уже ограничиться обложеніемъ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, торговли и промышленности, отъ службы и либеральныхъ профессій. Бунге отказался и отъ этого проекта, ограничившись отмѣной подушной подати и пониженіемъ выкупныхъ платежей съ крестьянъ. Но нѣсколько позже, въ 1885 г., такое частичное податное обложеніе, въ еще болѣе урѣзанномъ видѣ, было осуществлено: оно приняло форму 3-проц. промысловаго налога съ акціонерныхъ и другихъ подобнаго рода предпріятій и 5-проц. налога съ денежныхъ капиталовъ; въ обоихъ случаяхъ обложеніе устанавливалось по чистому доходу

Конечно, это были лишь суррогаты обще-подоходнаго налога, свидѣтельствовавшіе лишь о томъ, что почва для подоходнаго обложенія подготовлена и есть возможность ввести дѣйствительно подоходную подать со всѣхъ видовъ дохода. Попытка въ этомъ смыслѣ была вновь сдѣлана въ началѣ 90-хъ годовъ.

Согласно составленному министерствомъ финансовъ проекту, налогу подлежали только лица съ доходомъ свыше 1.000 руб., причемъ обложеніе начиналось съ 1 проц. и прогрессировало до 4 проц. (при 30 тыс. дохода). Если на попеченіи плательщика находятся лица моложе 18 лѣтъ, то на каждое такое лицо доходъ, подлежащій обложенію, уменьшается на 250 руб. Плательщикъ обязанъ подать декларацію относительно общей суммы своего дохода; неподача ея влечетъ за собой опредѣленіе дохода податнымъ присутствіемъ съ надбавкою 25 проц. Присутствія собираютъ необходимыя для выясненія дохода свѣдѣнія, причемъ судебныя и административныя учрежденія, а также нотаріусы, обязаны сообщать имъ всѣ данныя, касающіяся имущественнаго положенія плательщиковъ.

Какъ мы видимъ, проектъ подоходнаго налога былъ вполнѣ разработанъ, на основаніи данныхъ и опыта Западной Европы; но противниковъ у него было много, и министерство финансовъ, ссылаясь на неурожай 1891 г., какъ на обстоятельство, не позволяющее думать о новыхъ налогахъ, отказалось отъ своего проекта. Между тѣмъ—какъ справедливо указываетъ проф. Ходскій—именно это утвержденіе, вполнѣ справедливое относительно акцизовъ, поземельнаго налога и т. д., совсѣмъ не примѣнимо къ подоходному налогу, такъ какъ онъ вовсе не затрагивалъ бы тѣхъ группъ, которыя пострадали отъ голода, а, напротивъ, падалъ бы на тѣхъ, кто получилъ барыши, и нерѣдко крупные барыши, вслѣдствіе того же неурожая. Это соображеніе необходимо имѣть въ виду и въ настоящее время: подоходный налогъ будетъ взиматься съ тѣхъ, кто нажился, благодаря войнѣ, а тѣ, кто раззорился, его платить не будутъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и на отсутствіе матеріала, необходимаго для опредѣленія имущественнаго положенія плательщиковъ, теперь уже, во всякомъ случаѣ, нельзя было жаловаться послѣ того, какъ въ 80-хъ годахъ было установлено обложеніе акціонерныхъ предпріятій и денежныхъ капиталовъ по доходу и введены были пошлины съ наслѣдствъ; въ это время существовала уже и институтъ податныхъ инспекторовъ, вполнѣ подготовленныхъ для такой дѣятельности, какъ оцѣнка доходовъ населенія. Между тѣмъ, ссылаясь на крайнюю недостаточность свѣдѣній мѣстныхъ финансовыхъ органовъ о тѣхъ доходахъ, которые должны были быть привлечены къ обложенію, С. Ю. Витте рѣшилъ замѣнить общеподоходный налогъ квартирнымъ налогомъ, который и былъ установленъ въ 1894 г.

Онъ находилъ, что обложеніе общей совокупности доходовъ можетъ быть до нѣкоторой степени достигнуто и безъ подоходнаго налога, если найдется извѣстный внѣшній признакъ, на основаніи котораго можно было бы составить достаточно вѣрное для податной цѣли представленіе о совокупности доходовъ каждаго плательщика; въ качествѣ такого признака можно признать наемную стоимость занимаемыхъ плательщикомъ жилыхъ помѣщеній. На самомъ дѣлѣ квартирный налогъ оказался весьма плохимъ суррогатомъ подоходнаго налога, ибо характерная для подоходнаго обложенія всеобщность отсутствовала — облагались лишь городскія поселенія, тогда какъ лица, живущія въ усадьбахъ, на дачахъ и вообще внѣ городовъ, были совершенно изъяты отъ налога. Но, кромѣ того, положенное въ основаніе квартирнаго налога предположеніе, что между наемной стоимостью помѣщенія и доходомъ лица, занимающаго его, есть извѣстное соотношеніе, не подтвердилось. Величина квартиры зависитъ отъ числа членовъ семьи, отъ профессіи даннаго лица. Нерѣдко квартира нанимается сознательно не по состоянію, а для отдачи комнатъ въ наймы, чтобы пополнить скудный заработокъ квартирохозяина; въ послѣднемъ случаѣ налогъ превращается въ промысловое обложеніе, перелагаемое на жильцовъ меблированныхъ комнатъ. Такимъ образомъ стоимость квартиръ, по которой устанавливался налогъ, оказывалась величиной фиктивной; во многихъ случаяхъ квартирный налогъ находился не въ прямомъ, а въ обратномъ отношеніи къ состоятельности плательщика. Единственнымъ основаніемъ къ введенію этого налога оставалось то, что онъ составлялъ—по указанію С. Ю. Витте—первый шагъ къ общеподоходному налогу. Но въ такомъ „первомъ опытѣ“— какъ мы видѣли выше—къ этому времени едва-ли была надобность: необходимые для подоходнаго налога матеріалы уже имѣлись и русское общество было вполнѣ подготовлено для такого налога.

Вмѣсто этого оно получило въ видѣ квартирнаго налога новый налогъ на потребленіе, заимствованный изъ Франціи, гдѣ квартира всегда при обложеніи являлась излюбленнымъ внѣшнимъ признакомъ, дѣлающимъ излишними „инквизиторскіе“ пріемы по исчисленію дѣйствительнаго дохода. Наряду съ обложеніемъ сахара, чая, табаку, спиртныхъ напитковъ, теперь было создано обложеніе еще одного предмета первой необходимости—квартиры, получилось обремененіе одной изъ главныхъ потребностей населенія— жилищной. Это, впрочемъ, вполнѣ гармонировало съ общей финансовой политикой С. Ю. Витте, который, какъ онъ самъ открыто признавалъ, старался покрывать дефицитъ въ бюджетѣ посредствомъ усиленія косвенныхъ налоговъ и лишь въ крайнемъ случаѣ прибѣгалъ къ прямому обложенію. Неудивительно при такихъ условіяхъ, если наше косвенное обложеніе равнялось въ 90-хъ годахъ XIX ст. и въ первое десятилѣтіе XX вѣка половинѣ всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, тогда какъ прямое обложе-

ніе (въ которое ошибочно включенъ и квартирный налогъ), сравнительно съ общей суммой государственныхъ доходовъ, составляло все болѣе убывающій процентъ: въ 1880 г. еще 19,6 проц., въ 1894 г. уже только 16,9 проц., а въ 1903 г.—11 проц. и въ 1913 г. всего 8 проц. общей суммы обыкновенныхъ доходовъ.

Но и непрерывное увеличеніе налоговъ на потребленіе имѣетъ свой предѣлъ и, когда грянула японская война и понадобились крупныя средства, пришлось вновь обратить вниманіе на прямые налоги и, прежде всего, на общеподоходное обложеніе. Пожеланія о введеніи его были высказаны во многихъ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и въ 1906 г. министерствомъ финансовъ былъ выработанъ законопроектъ и внесенъ въ созванную въ томъ же году Государственную Думу. Судьба этого проекта была долгое время весьма неопредѣленна—въ первой и второй Думѣ онъ, въ виду кратковременности ихъ существованія, не могъ быть разсмотрѣнъ; третья же Дума отнеслась къ нему рѣзко отрицательно, да и въ четвертой Думѣ правое большинство рѣшило похоронить его въ коммиссіи, и еслибы не начавшаяся въ 1914 г. міровая война, законопроектъ, быть можетъ, и не увидалъ бы свѣта. Но война и тѣсно связанная съ ней отмѣна питейной монополіи, доставлявшей казнѣ свыше 900 милл. чистаго дохода, заставили подумать о новыхъ источникахъ доходовъ—прямые налоги, поземельный, подомовый, промысловый, съ денежныхъ капиталовъ были механически увеличены въ полтора раза, пришлось вынуть изъ-подъ спуда и законопроектъ о подоходномъ налогѣ. Въ Государственной Думѣ онъ прошелъ сравнительно легко, но въ „усыпальницѣ“, именуемой Государственнымъ Совѣтомъ, встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе. Не отвергая самаго проекта, правые предложили передать его въ коммиссію для устраненія различныхъ „недостатковъ“ вродѣ прогрессивности въ обложеніи, для „пересмотра“ его, послѣ котораго получилось бы нѣчто, не имѣющее ничего общаго съ подоходнымъ налогомъ. Противъ подоходнаго обложенія въ томъ видѣ, какъ оно было принято въ Думѣ, высказывались всевозможныя соображенія. Говорилось, что прогрессивное обложеніе есть отрицаніе труда и собственности; приводились авторитеты вродѣ Менделѣева, который былъ, какъ извѣстно, знаменитымъ химикомъ, но не знаменитымъ экономистомъ, Тьера, который былъ противникомъ и желѣзныхъ дорогъ; цитировался Монтескье, хотя въ цитатѣ изъ него—какъ указалъ покойный М. М. Ковалевскій — не упоминается ни о прогрессивности, ни о подоходности, ни о налогахъ вообще, а говорится лишь о неограниченномъ образѣ правленія и деспотизмѣ и въ качествѣ примѣра такихъ порядковъ приводится поведеніе дикарей Луизіаны, которые для полученія плодовъ рубятъ самое дерево. И въ заключеніе была пущена въ ходъ тяжелая артилле

рія: налогъ демагогическій, соціалистическій; пугали именами Маркса и Энгельса, Каутскаго и Жореса, и сторонникамъ подоходнаго налога приходилось доказывать, что Робертъ Пиль въ Англіи и Микель въ Пруссіи, которые провели этотъ налогъ, вовсе не были соціалистами. Наконецъ, подоходный налогъ, который можетъ дать всего 70 милл. руб., предлагали замѣнить единовременной подушной податью въ размѣрѣ 10 руб. со всѣхъ лицъ мужского пола въ возрастѣ 16 — 65 лѣтъ, отъ котораго должно получиться нѣсколько сотъ милліоновъ; т. е. налогъ, построенный на началахъ справедливости замѣнить налогомъ, составляющимъ верхъ несправедливости, жестокости и неуравнительности: вся та огромная масса неимущаго населенія, которая при подоходномъ налогѣ изъята отъ обложенія, подлежала бы тяжелой 10-рублевой подати.

Но всѣ эти „окопы и проволочныя загражденія", возведенные въ Государственномъ Совѣтѣ, подоходному налогу удалось взять и такимъ образомъ послѣднія преграды были устранены: большинство отказалось передать проектъ въ коммиссію и перешло немедленно къ постатейному чтенію его. Не смотря на свыше 100 поправокъ, внесенныхъ при этомъ, налогъ въ общемъ не измѣнилъ своего первоначальнаго характера, его не удалось испортить, хотя и было сдѣлано все возможное для достиженія этой цѣли. 6 апрѣля 1916 г. проектъ положенія о государственномъ подоходномъ налогѣ сталъ закономъ.

Подробный анализъ его мы отлагаемъ до другого времени. Здѣсь ограничимся въ заключеніе указаніемъ лишь на то, что нашъ подоходный налогъ, не смотря на различные недостатки его, на нѣкоторыя неудачныя и даже противорѣчивыя статьи закона, все же долженъ быть признанъ однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе прогрессивныхъ актовъ нашей законодательной дѣятельности. Подоходный налогъ вноситъ новую, живую струю въ нашу податную систему; хотѣлось бы надѣяться, что онъ явится первымъ шагомъ къ коренной перестройкѣ ея на болѣе уравнительныхъ, болѣе соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ этики, началахъ.

І. Кулишеръ.

МОЛОДОЕ.

I.

ДОМА.

Послѣдніе дни передъ роспускомъ тянулись ужасно долго. Аля высчитывала сначала дни, а потомъ часы, остающіеся до конца занятій, и когда, наконецъ, кончился послѣдній урокъ, она схватила книжки и, ускользнувъ изъ-подъ носа классной дамы, строившей пары, помчалась внизъ по лѣстницѣ, расталкивая и сбивая съ ногъ приготовишекъ, роняя тетрадки, ручки, гребешки, такъ что солидныя дѣвицы, которыхъ она весьма невѣжливо столкнула съ дороги, охали и злобно шипѣли ей вслѣдъ:

— Вотъ сумасшедшая!

А сумасшедшая, растерявъ половину гребешковъ и шпилекъ, съ растепавшейся косой, уже натягивала шубу и черезъ двѣ секунды, сама не зная какъ, уже перебѣгала черезъ улицу, увязая по колѣни въ снѣгу.

„Свободна! свободна!„ — думала Аля, напрасно стараясь сдержать расплывшуюся по лицу глупо-восторженную улыбку.

— Фу, какая у меня глупая рожа... Прохожіе обращаютъ вниманіе.

Дѣйствительно, встрѣчные съ недоумѣніемъ оглядывались на растрепанную, улыбавшуюся кому-то гимназистку.

— Да ну ихъ! Сегодня домой, домой...

И Аля, жмуря глаза, представляла себѣ широкую накатанную дорогу, скрипъ саней и спину Юхима въ засаленномъ кожухѣ. Быстро-быстро бѣгутъ сани, и вотъ уже видна милая Утковка, пахнетъ дымомъ, соломой, лаютъ собаки— знакомыя, деревенскія. Вотъ и домикъ поповскій съ красною крышей... снѣгу-то сколько во дворѣ!.. Юхимъ отворяетъ

скрипучія ворота, Рексъ и Милка летятъ съ радостнымъ лаемъ. На крыльцѣ все тѣ же знакомыя перила съ поломанной перекладинкой и такъ же топчутся на немъ куры. Юхимъ сердится и замахивается на нихъ кнутомъ: кш, проклятыя...

— Э-эй!..

Аля въ испугѣ отскакиваетъ назадъ. Замечталась, чуть подъ лихача не попала.

Нѣтъ, все-таки хорошо. Впереди цѣлыхъ двѣ недѣли отдыха, и можно сегодня же уѣхать изъ этого надоѣвшаго чужого города, изъ тѣсной, неуютной комнаты; сегодня же туда, въ тихую бѣлую деревню, съ гладкой дорогой, санями, сугробами и радостнымъ перезвономъ родныхъ деревенскихъ колоколовъ. Надоѣлъ шумный, нервный городъ, надоѣла и утомила вѣчная сутолока, пестрота и грохотъ. Милыя, родныя, бѣлыя поля, хочется къ вамъ отдохнуть...

Остальная часть дня проходитъ почти незамѣтно въ поспѣшныхъ сборахъ и радостномъ волненіи. Что-то еще нужно уложить, что-то купить, не забыть третьяго... Скоро ли? Кажется, все. Можно посылать за извозчикомъ.

Выходя изъ своей комнаты, Аля чувствуетъ радостное облегченіе, какъ будто все утомленіе, тяжесть и скука будней остались тамъ, за дверью, въ маленькой, такой надоѣвшей комнатѣ, а впереди радостный отдыхъ и уютъ родного дома.

Попрощалась торопливо съ хозяйкой и на радостяхъ сунула горничной Дашѣ цѣлый полтинникъ. Даша улыбается:—Домой ѣдете, барышня? Веселыхъ праздниковъ...

И уже исчезъ подъѣздъ, Даша, посыпанный пескомъ троттуаръ; позваниваетъ бубенчикъ, мелькаютъ мимо дома. Алѣ не сидится. Кажется, сегодня всѣ прохожіе знаютъ, что она ѣдетъ домой, и смотрятъ какъ-то особенно, только что не улыбаются,—веселыхъ праздниковъ!

Пестрый шумъ и суета вокзала, билеты, носильщики, торопливые звонки. Все мелькаетъ такъ быстро, и Аля не замѣтила, какъ уплылъ куда-то городъ, извозчики, вокзалъ. Мѣрно стучатъ колеса, и Аля, прижавшись лицомъ къ стеклу, смотритъ, какъ кружатся медленно снѣжныя поля и перелѣски, окутанные сѣрой мглой сумерокъ. Та-тà-та, та-тà-та,—торопятся колеса. Все быстрѣе и быстрѣе:—та-тàхъ, та-тàхъ... скорѣй, скорѣй... домой, домой... та-тàх, та-тàх...—сыпетъ сердитый голосъ. Онъ торопится: вѣдь Аля ѣдетъ домой и Юхимъ, навѣрное, уже ждетъ на станціи.

Темно. Окно вагона совсѣмъ черное, и мѣрно колеблется въ немъ, словно въ черномъ зеркалѣ, матовый блинъ фонаря. Вагонъ покачиваетъ мѣрно, какъ люльку. Сердитый

голосъ уже не сыпетъ отрывисто, а гудитъ успокоительно и твердо. Словно кто-то огромный и сильный, везущій на себѣ непомѣрную тяжесть желѣзнаго змѣя, говоритъ: — „Я мчусь, я мчусь... Я мчусь впередъ, быстро, быстро, и рельсы бѣгутъ назадъ, а кругомъ ночь и снѣгъ. Я мчу тебя сквозь ночь и метель домой, домой... Будь спокойна. Ты будешь дома... Дома, дома... А я все буду мчаться дальше, дальше, въ темную ночь... Скорѣй, скорѣй“...

Глаза смыкаются сами собой, сердитый голосъ замолкаетъ. Скрипятъ сани, фыркаетъ сѣрый Васька и что-то мурлычитъ себѣ подъ носъ Юхимъ. Алѣ хорошо подъ теплой полостью, щеки горятъ отъ мороза. Юхимъ хлопаетъ рукавицами... Но уже нѣтъ Юхима и саней, а знакомая низенькая зала и розовая лампадка въ углу. Какая она милая, розовая лампадка, что-то въ ней наивное и успокаивающее... Шевелятся тѣни въ углу, сверчокъ сонно поскрипываетъ за печкой. А въ столовой свѣтъ, голоса. Мама священнодѣйствуетъ съ кутьей и узваромъ; толстая Мотря тащитъ блюдо еще не остывшихъ постныхъ пироговъ. Кошка Ниска, чинно выгнувъ хвостъ, трется о стулъ. Мишка опрокинулъ рюмку, старинную рюмку на толстой ножкѣ,—и она зазвенѣла... Отчего она такъ звенитъ... Дани-дани... Кто это толкается?..

— Барышня, вамъ гдѣ вставать?—Аля съ трудомъ открываетъ глаза и вдругъ вскакиваетъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло.

— Господи, чуть не проспала.., Ну да, конечно, здѣсь!..

Схватываетъ свой саквояжъ и торопливо бѣжитъ къ выходу.

Дани-дани-дани, третій звонокъ, свистки, ревъ паровоза, и поѣздъ исчезаетъ съ замирающимъ гуломъ, посвѣчивая краснымъ фонаремъ послѣдняго вагона. Аля остается на платформѣ. Темно, идетъ снѣгъ, странно опускаясь изъ бархатной тьмы, которая кажется еще чернѣе отъ яркихъ фонарей.

Въ станціонномъ залѣ тускло горятъ керосиновыя лампы.

Сторожъ мокрой шваброй размазываетъ грязь на блестящемъ плиточномъ полу. Въ углу, на деревянномъ диванѣ дремлетъ мужикъ въ кожухѣ.

— Юхимъ, ты?

Мужикъ вскакиваетъ, таращитъ глаза и сдергиваетъ шапку. Изъ-подъ рыжихъ щетинистыхъ усовъ расплывается радостная улыбка.

— Барышня... Ото жъ заждався... Три поізда пропустивъ.

Юхимъ подхватываетъ саквояжъ и, стуча сапогами, выходитъ на мокрое, скользкое крыльцо.

— Темно какъ,—жмется Аля—ты не боишься ѣхать?

— Та хіба ж мені по-первàхъ? Тамъ вже батюшка й матушка заждались...—говоритъ Юхимъ, укутывая Алю полостью.

— Ну, что, какъ тамъ? Здоровы всѣ? Ничего не случилось?

Юхимъ степенно взлѣзаетъ на облучокъ и разматываетъ вожжи.

— Та всі слава Богу... Вже й панычъ прыихали...

— Миша? раньше меня? Что такъ?

— Та, кажутъ, у семынаріи шкарлатынъ, чи що... Воны ще позавчора прыихали.

— Ишь, счастливый!..

Юхимъ опять поворачивается и говоритъ съ лукавой улыбкой:

— А яку гору зробылы—панычъ и я... Тилько ще не дуже замерзла...

— Ну-у?—Аля ерзаетъ въ саняхъ отъ восторга.—Да разсказывай же, Юхимъ...

И Юхимъ, полуобернувшись къ закутанной Алѣ, подергивая изрѣдка вожжами, разсказываетъ своимъ скрипучимъ, простуженнымъ, такимъ домашнимъ, голосомъ о томъ, что Нѣмка отелилась недавно, и теленокъ весь пестрый, что купили сани — ковровыя, на подрѣзахъ, такія, какъ у тростянскаго батюшки; а что лавошникову сыну Василю хлопцы коломъ голову проломили; новая „учительша" въ земскую школу пріѣхала; Павлащиха погорѣла—подъ самого Мыколу—„така біда, усе якъ есть, і істы нічого, та ще й діти"...

Аля живо интересуется деревенскими новостями, этими новыми санями, и телушкой, и несчастьемъ погорѣвшей Павлащихи. Такое все родное, всѣ эти несложные интересы и житейскія мелочи. А сани все бѣгутъ, бѣгутъ, поскрипывая на ухабахъ; Васька пофыркиваетъ, и снѣгъ нѣжно прикасается мягкими хлопьями къ разгорѣвшимся щекамъ Али, Юхимъ уже не разсказываетъ; согнулся на облучкѣ, свѣсивъ ноги въ огромныхъ обмерзлыхъ сапогахъ, и поклевываетъ носомъ. Дремлетъ и Аля; снится ей низенькая зала, розовая лампадка, мама, лохматый Мишка, веселый голосъ отца... Сани встряхиваютъ на буграхъ, раскатываются; Юхимъ усиленно работаетъ локтями, покрикиваетъ на Ваську, иногда соскакиваетъ и бѣжитъ рядомъ. Ночь и снѣгъ. Впереди ничего не видно.

Аля жмуритъ глаза, и, когда снова открываетъ ихъ—черезъ минуту, какъ ей кажется—впереди привѣтливо мигаютъ огоньки.

— Юхимъ, Утковка?

— Эге-жъ,—бурчитъ Юхимъ и покрикиваетъ на Ваську, который прибавляетъ шагу. Огоньки все ближе; вотъ и Утковка, колодезный журавль на выѣздѣ, плетни, огороды; сонныя хаты, занесенныя снѣгомъ; кой-гдѣ огни. Пахнетъ дымомъ, навозомъ и прѣлой соломой. Собаки съ яростнымъ хрипящимъ лаемъ набрасываются на сани; Юхимъ оправляется, вытаскиваетъ кнутъ и вдругъ, перегнувшись назадъ, быстрымъ, хищнымъ движеніемъ вытягиваетъ ближайшую дворняжку. Та взвизгиваетъ, сани мчатся, и стая остается позади. Вотъ и площадь, темнѣющая громада церкви и веселые, привѣтливые огни поповскаго дома.

Вечеръ. Въ маленькой залѣ полумракъ. Въ углу чуть мерцаетъ розовый свѣтъ—любимая Алина лампадка.

Аля лежитъ на кушеткѣ и слушаетъ монотонное чириканье сверчка. Спать не хочется, но мысли, какъ передъ сномъ: лѣнивыя, неясныя. О чемъ? Аля не знаетъ. О чемъ думать, когда кругомъ тишина и полумракъ, и даже страннымъ кажется, что, гдѣ-то есть грохотъ, огни, толпа, а здѣсь—тишина, розовый полусвѣтъ лампадки и монотонная пѣсня сверчка.

Шевелятся тѣни въ углу. Это было? Давно-давно знакомое. Такая знакомая, старая тишина... А, можетъ быть, все это только такъ, во снѣ?

Аля открываетъ глаза. Нѣтъ. Но почему такая тишина?

И вдругъ почему-то представляется Алѣ — прямая, широкая улица въ рѣзкомъ электрическомъ свѣтѣ.

Два бѣлые, яркіе фонаря у подъѣзда огромнаго зданія, такая толпа, которая все идетъ, идетъ, вливаясь въ широкія двери... Безчисленныя, незапоминаемыя чужія лица...

Нѣтъ, не то. И опять... что это?

Бархатная тьма южной ночи и шопотъ листьевъ. Кругомъ чужія лица, шорохъ и плещущій говоръ. Въ ослѣпительно-яркомъ свѣтѣ—эстрада. Бѣлая, холодная, безсмысленно-нѣмая. А толпа рокочетъ, какъ сердитое море. Но вотъ—на бѣлой эстрадѣ въ холодномъ свѣтѣ—кто-то черный. Какой онъ маленькій и жалкій... Короткій, властный жестъ. Задрожалъ смычокъ въ тонкой, блѣдной рукѣ. Странная, мгновенная тишина—окаменѣло море. И, брошенная тонкой, властной рукой, взвилась надъ нимъ звенящая мысль. Острымъ мечомъ разсѣчена нѣмая пустота—слышишь? Изъ ночи, изъ ночи летятъ на серебристыхъ крыльяхъ жгучіе звуки, кружатся въ безумной пляскѣ. Быстрѣе, быстрѣе... Какъ пламя, взвивается и улетаетъ сверкающій танецъ уносится въ огненной бурѣ туда, гдѣ въ невѣдомой дали плачетъ голосъ... Кто это плачетъ, заломивъ безсильныя

руки? Изъ черной ночи прилетѣла смертельно раненая птица и кричитъ въ предсмертной тоскѣ, трепеща крыльями...

Кто-то черный идетъ, и тяжко звучатъ его шаги. Изъ ночи, изъ ночи идутъ черные, грозные, и мрачно замираютъ подъ низкими сводами глухіе голоса. Уходятъ. За ними въ смертельной тоскѣ вознесся серебристый голосъ и растаялъ въ самой глубинѣ... Тишина... Ночь, толпа, музыка—только сонъ. Ничего нѣтъ, только тишина и мирныя тѣни въ розовомъ полусвѣтѣ. Поетъ сверчокъ. Домашній, милый сверчокъ...

— Та-та-та, та-та-та... сердитый голосъ гудитъ:

Я мчусь... я мчусь... Кругомъ ночь и снѣгъ, а я мчу тебя домой, домой... Вотъ ты дома, а я все буду мчаться дальше, дальше, въ темную ночь...

— Куда же, куда?

... Аля вздрагиваетъ и открываетъ глаза... Задремала—почудился стукъ колесъ.

— Ты дома?

— Конечно. Вотъ и пальма въ кадкѣ та самая, домашняя, и лампадка моя... И безсмертники, что я собрала прошлымъ лѣтомъ—все тѣ же. Даже тѣни — онѣ знакомыя, старыя, и маминъ голосъ за стѣной... Что она дѣлаетъ?—хлопочетъ, вѣрно, все...

Аля закрываетъ глаза и видитъ—такъ ясно видитъ—синее-синее небо и темныя иглы кипарисовъ. Слѣпитъ знойная синева, застыли кипарисы. А вонъ—море, широкое, голубое въ дали...

Жемчужно-сиреневое на горизонтѣ, и въ дымкѣ—рыбачій парусъ. Уходитъ парусъ—куда жь уходитъ?..

Далеко. Летятъ за нимъ чайки, сверкая крыльями. Свободныя, смѣлыя чайки; хорошо вамъ летать, обгоняя вѣтеръ, надъ тяжелымъ шумливымъ моремъ. А парусъ ушелъ. Пусто, только море и небо, и рокочутъ холодныя зеленыя волны. Рокочутъ и бѣгутъ, встаютъ одна за другой, вздымая шипящіе бѣлые гребни, уходятъ все дальше и дальше... Куда?

Нѣтъ, вѣдь это только сонъ. Вѣдь Аля дома, и мирную домашнюю пѣсню поетъ сверчокъ.

Сверчокъ, а ты знаешь ли синее море? Ты видѣлъ бѣлые паруса, уходящіе отъ береговъ, и пляски веселыхъ дельфиновъ? Ты слышалъ, какъ кричатъ бѣлоснѣжныя чайки? Онѣ кричатъ: мы летимъ! мы летимъ!

А ты видѣлъ высокія горы—на нихъ ночуютъ облака и строятъ тамъ свои бѣлые замки—высокія, высокія горы, на которыхъ сосны, какъ мохъ, а ущелья—маленькія трещины.

На закатѣ онѣ надѣваютъ пурпуровыя мантіи—какъ цари.

Оттуда пролетаетъ вѣтеръ—безумный и вольный вѣтеръ горъ, который гнетъ, какъ тростникъ, гордые кипарисы; отъ него пьянѣетъ море, хохочетъ и воетъ, и бьется въ веселой злобѣ о черныя скалы...

Ты видѣлъ, сверчокъ, безкрайныя вольныя степи, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ зеленаго простора и синяго неба? Ты знаешь ли тишину степи—тишину, которая звучитъ, какъ музыка... Это степь поетъ—о солнцѣ и свободѣ, а высокія травы сонно грезятъ о чемъ-то—можетъ быть, о веснѣ и жаркихъ поцѣлуяхъ молодого солнца...

Что ты знаешь, домашній сверчокъ?

Ты знаешь ли эту музыку—музыку, которая похожа на тягучее, густое вино... и вливается въ душу страстная, красная струя, алыя звѣзды вспыхиваютъ въ хрусталѣ звенящаго бокала?..

Кружится голова отъ яркаго и жгучаго вина... Уплываетъ и кружится прекрасный, обманчивый танецъ цвѣтовъ, огней и улыбокъ.

А ты знаешь, мирный сверчокъ—ты знаешь тѣ страшныя и прекрасныя молніи, что сжигаютъ душу? Тѣ минуты, когда весь міръ черенъ, какъ ночь, когда онъ, заколдованный дивною властью, уходитъ въ бездонную глубь единственныхъ и прекрасныхъ глазъ... Знаешь ли ты, что въ глазахъ этихъ—море, и нѣтъ ему конца?..

Ты знаешь безсонныя ночи, когда мысли бьются и падаютъ, какъ черныя птицы, какъ безсильныя птицы въ желѣзной клѣткѣ?.. Когда бездны подъ ногами, и тьма кругомъ, и слабѣютъ силы въ борьбѣ съ неумолимымъ врагомъ... Ты не знаешь, что за страшный врагъ приходитъ незримо въ ночи, и какъ тяжелъ его молотъ...

Но не знаешь ты также, какъ звучитъ душа, когда коснется ея безумный и вольный вѣтеръ царицы-жизни... Какъ звонкая струна, напряжена душа, и чѣмъ напряженнѣй она, тѣмъ прекраснѣе звукъ... Ахъ, развѣ можно жалѣть, если она оборвется?

А ты все поешь, сверчокъ, свою старую, давно знакомую пѣсню.....

— Аля, заснула?..

Мама стоитъ и трогаетъ за плечо.

— Да-а... Немножко.

Сладко потягивается Аля, стряхивая сонныя грезы.— Ты что, мама?

— Иди чай пить.

Въ столовой свѣтло. Шумитъ пузатый самоваръ, звенятъ

ложки. О. Павелъ шелеститъ газетой и подсмѣивается над Мишкой.

Мишка, лохматый, долговязый семинаристъ, съ мрачнымъ видомъ уписываетъ сдобные коржики, придерживая одной рукой толстую, внушительнаго вида книгу.

— Ты хоть Алѣ-то коржиковъ оставь...—смѣется о. Павелъ:—ишь, увлекся Спенсеромъ...

Аля останавливается въ дверяхъ и потягивается, заламывая худенькія руки.

— Ми-ишка... обжора... мнѣ коржиковъ не оставилъ...—тянетъ она, капризно оттопыривъ губы. Мишка поднимаетъ одну бровь и разсѣянно взглядываетъ на опустѣвшую тарелку.

— А, чортъ... Коржики... Да ну тебя!..

И снова погружается въ чтеніе.

— Философъ долговязый!—ворчитъ Аля:—мама, дай коржиковъ.

Тоненькимъ голоскомъ напѣваетъ самоваръ, Аля хруститъ коржиками и разсказываетъ о себѣ, о гимназіи, подругахъ, городской жизни—все, что придетъ въ голову, какъ разсказываетъ почти каждый вечеръ. Мать интересуется и разспрашиваетъ, о. Павелъ снисходительно улыбается, изрѣдка вставляя замѣчаніе. Мишка читаетъ и презрительно сопитъ носомъ.

Здѣсь, въ мирной тишинѣ, подъ тоненькую пѣсенку самовара, какъ-то не хочется да и странно разсказывать о чуждой, яркой жизни, обо всемъ, что носитъ на себѣ печать города, его огней и грохочущей суеты—и тѣ яркія, безпокойныя, напряженныя мысли, которыя рождаются въ тѣснотѣ каменныхъ зданій и кипящихъ улицъ—здѣсь блѣднѣютъ, стираются и замираютъ, усыпленныя монотонной пѣсенкой самовара.

И Аля подъ конецъ уже лѣниво и неохотно говоритъ объ этомъ и, машинально помѣшивая ложечкой въ стаканѣ, слушаетъ привычные домашніе разговоры о хозяйственныхъ дѣлахъ, о скирдахъ соломы, новой клунѣ и собранныхъ яйцахъ, и деревенскія новости, которыя такъ не сложны, такъ понятны и близки и этому пузатому самоварчику, и пѣнію сверчка, и тѣмъ пожелтѣвшимъ выцвѣтшимъ фотографіямъ какихъ-то дамъ въ кринолинахъ, которыя висятъ здѣсь какъ будто съ незапамятныхъ временъ.

Но кончается чаепитіе; у Али слипаются глаза, о. Павелъ зѣваетъ и бережно снимаетъ очки въ толстой никилевой оправѣ. Мишки давно уже нѣтъ: грызетъ въ своей комнатѣ Спенсера и немилосердно смолитъ папиросу за папиросой.

Аля идетъ къ себѣ черезъ залу. Лампадка чуть мерцаетъ, и къ маленькимъ окнамъ приникла тьма. Аля подходитъ къ окну и смотритъ въ ночь. Ничего не видитъ. Поетъ сверчокъ, а откуда-то—можетъ быть, изъ темной снѣжной ночи—закрадывается въ душу непонятная тоска.

Дни проходили своимъ чередомъ. На праздникахъ бывало много гостей, пріѣзжали знакомые батюшки—сѣдые, рыжіе, черные, дебелыя попадьи въ модныхъ шляпкахъ съ розами и шуршащихъ шелкахъ, поповны-епархіалки къ Алѣ, а къ Мишкѣ—товарищи-семинаристы, такіе же домовитые, лохматые и серьезные, какъ и онъ. Устраивали катанья, гадали, много смѣялись и визжали отъ восторга, какъ могутъ визжать только жизнерадостныя поповны—и праздники проходили весело и быстро.

Аля много смѣялась и дурачилась, но было ли ей весело или скучно,—она не знала, можетъ быть, потому, что вся жизнь кругомъ была такъ проста и несложна, и такъ знакома, что въ ней нечего было понимать. Не было мыслей—тѣхъ безпокойныхъ и неотвязныхъ мыслей, которыя часто бились въ ея семнадцатилѣтней головкѣ; и это было странно, такъ странно, что Аля часто, даже среди гостей, останавливалась въ своей любимой позѣ, заломивъ руки, и сдвигала брови въ какомъ-то недоумѣніи. Потомъ вдругъ встряхивалась, точно отъ сна. и окидывала всѣхъ скучающими, безучастными глазами.

Былъ день, бѣлый и туманный, какъ будто весь заполненный мягкой тишиной оттепели. Беззвучно капали съ крышъ мутныи капли, и влажный снѣгъ упруго и беззвучно подавался подъ ногою.

Аля сидѣла въ саду на старой, прогнившей скамейкѣ подъ большой мохнатой елью.

Садъ былъ на горѣ, и отсюда хорошо было видно разсыпанное въ балкѣ село, занесенный снѣгомъ прудъ съ вербами на плотинѣ, а за нимъ уходящіе изввы дороги и бѣлая мгла полей, сливавшихся съ низкимъ бѣлымъ небомъ.

Старая была ель, давно знакомая; такія же знакомыя были и приземистыя хаты, и вербы, и однообразныя поля И стояла подъ ними знакомая печаль—но не жгучая, невѣдомая печаль утратъ и разлукъ, разрывающая сердца, а все та же старая, спокойная, бѣлая печаль полей и низкаго неба, отъ которой засыпаетъ душа и холодѣетъ сердце.

Словно говорили ей родныя хаты и вербы и тихія поля: ты дома, ты наша...

Аля прижалась лицомъ къ холоднымъ колючимъ лапамъ ели. И ель сказала: ты дома, ты моя.

— Милая моя елочка... Ты родная... И хаты люблю, и вербы старыя, и вотъ тотъ смѣшной старый журавль надъ колодцемъ... Я все люблю. Я васъ знаю всѣхъ давно-давно...

Въ туманные тихіе дни, когда оттепель или дождь, часто слышны очень отдаленные звуки: шумъ поѣзда, дальній звонъ, лай собакъ.

И вотъ Аня неожиданно услыхала доносящійся откуда-то—должно быть, съ полотна, пролегавшаго верстахъ въ шести—отчетливый дробный шумъ поѣзда. Мѣрно отбивали тактъ колеса—та-тà, та-тà, та-тà—куда-то мчался поѣздъ; и, когда сталъ затихать шумъ колесъ, то, словно на прощаніе, зазвучалъ протяжный и жалобный свистокъ и долго дрожалъ въ мглистомъ, влажномъ воздухѣ надъ просторомъ свѣжихъ полей.

Была въ немъ непонятная тоска, словно въ этомъ крикѣ слились печали всѣхъ, кто мчится среди чуждыхъ полей все дальше и дальше отъ родного дома.

Какъ будто оттуда, изъ-за дальняго бора, съ жалобнымъ протяжнымъ крикомъ прилетѣла бѣлая птица... Она здѣсь, близко, и слышитъ Аня трепетъ большихъ бѣлыхъ крыльевъ. И въ душѣ задрожала, какъ задѣтая струна, нестерпимая, безумная печаль.

Эту печаль принесла съ собою незримая, бѣлокрылая птица. Откуда прилетѣла она, вольная, безвѣстная странница?

По прежнему тихи бѣлыя поля, и молчитъ темная ель. Но здѣсь кто-то чужой.

Незримо стоитъ тоска и смотритъ въ душу бездонными темными глазами.

— Откуда пришла ты? Я тебя не звала.

— Издалека прилетѣла я къ тебѣ. На бѣлыхъ трепетныхъ крыльяхъ неслась я къ тебѣ—ты слышала, какъ плакала я. Бѣлы крылья мои, но въ глазахъ моихъ ночь.

Загляни въ нихъ. Ты знаешь меня? Я зову тебя отъ бѣлаго покоя родимыхъ полей... туда... туда... въ печаль безвѣстныхъ путей. Я всегда съ тѣми кто уходитъ. Загляни въ мои глаза. Они—какъ черное вино, какъ черное и огненное вино, какъ пламенное вино жизни, отъ котораго сгоритъ твое сердце...

Что это? Замечталась Аля.

Ничего нѣтъ. Молчитъ небо, молчатъ бѣлыя поля. И беззвучно шепчетъ темная, мохнатая ель: ты моя.

— Родная моя... Старая-старая, милая ель...

Твоя ли я? Я тебя люблю, родная... Но что тамъ далеко?

Кто зоветъ меня туда? Я люблю васъ, поля родныя... Но почему вы молчите? Вы слышали, какъ плакала бѣлая птица? Куда улетѣла она?

У нея темные глаза—темные, какъ ночь, и жгучіе, какъ огненное вино... Отчего вы молчите? Я хочу знать! Я хочу знать, куда улетѣла она? Я хочу заглянуть ей въ глаза. Она сказала, что отъ огненнаго вина сгоритъ мое сердце. Вы молчите... Вы ничего не знаете. Вы не видѣли птицы съ бѣлыми крыльями.

Какія холодныя, колючія вѣтки у ели. Какія широкія лапы разостлала она на снѣгу. Вѣтеръ ли прилетѣлъ—отчемъ вздохнула она? И печально качнулись тяжелыя, мохнатыя вѣтки.

— Бѣлая птица — обманъ. Не было ничего. Ты наша. Въ тяжелыхъ вѣтвяхъ схорони твое сердце. Бѣлой сказкой убаюкаютъ тебя родныя нѣмыя поля.

Чего ты хочешь? Ты наша. Ты дома. Мы не знаемъ жгучей печали и огненной радости.

Прижмись ко мнѣ. Въ темныхъ вѣтвяхъ схороню я твое сердце; бѣлые сны навѣютъ тебѣ снѣжные просторы полей. Ты наша. Что же ты молчишь, Аля? Вѣдь ты наша.

Молчитъ Аля, и темныя узорчатыя вѣтви неподвижно застыли надъ ней.

— Я не знаю...

Аля встаетъ и потягивается, какъ отъ сна, перегибаясь тонкимъ станомъ.

— Ску-ушно...

И медленно идетъ по узкой дорожкѣ, отстраняя гибкія вишневыя вѣтки.

Въ раскрытыя ворота вползаютъ широкія сани; темногнѣдой Мальчикъ чинно переступаетъ толстыми ногами. Юхимъ вылѣзаетъ изъ саней и почесывается.

— Юхимъ, куда ѣздилъ?—спрашиваетъ Аля.

— До отца Спиридона. Батюшка посылали.

Аля зѣваетъ. О. Спиридонъ—толстый рыжій батюшка сильно пьетъ и въ школѣ, на урокахъ Закона Божьяго разсказываетъ ученикамъ тяжеловѣсные семинарскіе анекдоты.

А матушка у него маленькая, тощая, съ ястребинымъ носомъ и быстрыми, жадными глазками. Любитъ считать яйца и паляницы и каждой приходящей бабѣ суетъ въ губы свою сухую, костлявую руку.

— Фу... ну къ чему это?

И Аля останавливается, съ досадой передернувъ плечами.

— Какъ глупо. На что мнѣ этотъ отецъ Спиридонъ и какія-то яйца...

ни
ка

ла
вѣ
въ
ное
твое

безз

Т

Гдѣ твои мечты, Аля? Вѣдь ты дома... дома...

Вѣдь правда—старая ель укроетъ твое сердце въ пыш ныхъ вѣтвяхъ. И ничего не узнаетъ Аля — убаюкаютъ ея сердце бѣлые сны.... Зачѣмъ? Не все ли равно? Сегодня завтра, вчера... Здѣсь хорошо.

Темно, совсѣмъ темно въ саду; а въ окнахъ свѣтится Почему же ты стоишь здѣсь? Вѣдь ничего не скажетъ старый садъ. Молчатъ старыя, приземистыя вишни, низко опустили тонкія вѣтви, и ноги ихъ окутаны тяжелымъ снѣжнымъ покровомъ. Черная тишина застыла въ глубинѣ сада.

Какъ она неподвижна, эта тишина. Она неподвижна и холодна, какъ черный сонъ, какъ тяжелый забытый сонъ. Да, это сонъ; все было во снѣ.

Но кто же говорилъ?.. Кто же говорилъ —я вспоминаю. Бѣлая птица... Бѣлая птица—обманъ? У нея темные глаза У нея большія бѣлыя крылья. Она смотрѣла на меня.

Бѣлая птица—обманъ? Но кто говорилъ мнѣ... Мое сердце... Кто постучался въ него? Кто здѣсь со мной? Или это тишина такъ смотритъ на меня — но развѣ у нея темные глаза? Развѣ у нея глаза—какъ вино, какъ черное и огненное вино?..

Но отчего дрожитъ тишина? Я слышу взмахи крыльевъ—ольшихъ бѣлыхъ крыльевъ. Это ты? Ты зовешь меня? Но куда же, куда?.. Кругомъ ночь. Ночь и снѣгъ. Надъ темными полями угрюмое черное небо.

Я ничего не знаю. Ты смотришь на меня. Чего ты хочешь?

Ты уже взяла мое сердце. Ушла изъ него тишина. Оно запокойно, какъ птица, опьяненная пламеннымъ виномъ. но дрожитъ, какъ птица, которая хочетъ умереть. Темно кругомъ. Свѣтится сквозь тьму окно.

Пора домой. Темно и холодно—пора домой.

А въ сердцѣ печаль. Проникли въ него властные темные глаза, и нѣтъ уже покоя—трепещутъ бѣлыя крылья.

О чемъ ты плачешь, бѣлая птица? Зачѣмъ ты такъ смотришь? Вѣдь это сонъ.

— Ты не дома. Ты — чужая. Ты теперь моя. Я возьму тя съ собой...

Куда же?

— Не знаю. Ты моя... Ты пойдешь за мной.

О, посмотри... Закипитъ черное вино — огненное вино зни, и алыя звѣзды вспыхнутъ въ хрустальныхъ граняхъ. Восторгъ и страданіе—полный бокалъ подымешь ты во

„Пацъ-пацъ-пацъ...“

Толстая Мотря въ подоткнутой юбкѣ, съ корытцемъ въ рукахъ, сзываетъ визгливыхъ поросятъ.

Куры расхаживаютъ по крыльцу, и Юхиму лѣнь замахнуться на нихъ кнутовищемъ.

Вѣроятно, сейчасъ обѣдъ, потому что Мотря уже тащитъ изъ погреба миску съ огурцами. Изъ кухонной форточки тянетъ борщомъ и пригорѣлымъ масломъ.

— Барышня, обидать.

— Иду,—лѣниво откликается Аля.

Мишка громко хлебаетъ борщъ и откашливается басомъ.

— Чего же вздыхаешь?

— Да такъ. А ты вотъ ѣшь больше. Скоро ѣхать, а ты худая какая. Совсѣмъ не поправилась.

— Что, на городскихъ-то обѣдахъ не очень растолстѣешь?—смѣется о. Павелъ:—вонъ Мишка какъ старается. Наголодался на семинарской юшкѣ...

— Завтра надо будетъ пирожковъ напечь,—озабоченно вставляетъ старушка:—Марья Евлампіевна пріѣдетъ, о. Спиридонъ тоже навѣрно, Соня съ Тосей...

Аля вспоминаетъ рыжую бороду о. Спиридона, и ей становится скучно.

Въ залѣ, на столикѣ громко тикаетъ старенькій будильникъ. Глупо застыло на жердочкѣ чучело филина съ желтыми стеклянными глазами.

— Вчера то же... И завтра будетъ... Ну, пріѣдетъ о. Спиридонъ, Соня, Тося, еще кто-то; будутъ разговаривать, накурятъ, и въ залѣ станетъ жарко отъ набившихся гостей. Потомъ накроютъ столъ для ужина... Опять... Фу, глупо!..

Аля тоскливо морщится.

Скучно. Вчера, сегодня, завтра—не все ли равно?

Незамѣтно темнѣетъ. Окна становятся мутными. Сѣрѣютъ поля и сливаются съ мутнымъ небомъ.

Приземистыя хатки привѣтливо замигали огоньками. Тянетъ сквернымъ кизячнымъ дымомъ.

По улицѣ ѣдутъ мужики съ пустыми санями; лѣниво переругиваются и хлопаютъ вожжами.

Мишка въ своей комнатѣ тренькаетъ на балалайкѣ. И какъ ему не надоѣстъ?

Аля перегибается черезъ рѣшетку, отряхивая влажный снѣгъ, и смотритъ въ садъ. Подъ вишнями мутно сѣрѣетъ. Какія они приземистыя и широкія, эти старыя вишни: словно дебелыя попадьи въ широкихъ платьяхъ, съ неизмѣнными бисерами, ридикюлями и цѣлымъ арсеналомъ ключей.

Глупо. При чемъ тутъ попадьи?..

Гдѣ твои мечты, Аля? Вѣдь ты дома... дома...

Вѣдь правда—старая ель укроетъ твое сердце въ пыш ныхъ вѣтвяхъ. И ничего не узнаетъ Аля — убаюкаютъ ея сердце бѣлые сны.... Зачѣмъ? Не все ли равно? Сегодня завтра, вчера... Здѣсь хорошо.

Темно, совсѣмъ темно въ саду; а въ окнахъ свѣтится Почему же ты стоишь здѣсь? Вѣдь ничего не скажетъ старый садъ. Молчатъ старыя, приземистыя вишни, низко опустили тонкія вѣтви, и ноги ихъ окутаны тяжелымъ снѣжнымъ покровомъ. Черная тишина застыла въ глубинѣ сада.

Какъ она неподвижна, эта тишина. Она неподвижна и холодна, какъ черный сонъ, какъ тяжелый забытый сонъ. Да, это сонъ; все было во снѣ.

Но кто же говорилъ?.. Кто же говорилъ —я вспоминаю. Бѣлая птица... Бѣлая птица—обманъ? У нея темные глаза У нея большія бѣлыя крылья. Она смотрѣла на меня.

Бѣлая птица—обманъ? Но кто говорилъ мнѣ... Мое сердце... Кто постучался въ него? Кто здѣсь со мной? Или это тишина такъ смотритъ на меня — но развѣ у нея темные глаза? Развѣ у нея глаза—какъ вино, какъ черное и огненное вино?..

Но отчего дрожитъ тишина? Я слышу взмахи крыльевъ—ольшихъ бѣлыхъ крыльевъ. Это ты? Ты зовешь меня? Но куда же, куда?.. Кругомъ ночь. Ночь и снѣгъ. Надъ темными полями угрюмое черное небо.

Я ничего не знаю. Ты смотришь на меня. Чего ты хочешь?

Ты уже взяла мое сердце. Ушла изъ него тишина. Оно безпокойно, какъ птица, опьяненная пламеннымъ виномъ. Оно дрожитъ, какъ птица, которая хочетъ умереть. Темно кругомъ. Свѣтится сквозь тьму окно.

Пора домой. Темно и холодно—пора домой.

А въ сердцѣ печаль. Проникли въ него властные темные глаза, и нѣтъ уже покоя—трепещутъ бѣлыя крылья.

О чемъ ты плачешь, бѣлая птица? Зачѣмъ ты такъ смотришь? Вѣдь это сонъ.

— Ты не дома. Ты — чужая. Ты теперь моя. Я возьму тебя съ собой...

Куда же?

— Не знаю. Ты моя... Ты пойдешь за мной.

О, посмотри... Закипитъ черное вино — огненное вино жизни, и алыя звѣзды вспыхнутъ въ хрустальныхъ граняхъ.

Восторгъ и страданіе—полный бокалъ подымешь ты во

славу царицы-жизни, и прольются въ душу страстныя красныя струи.

Но сгоритъ твое сердце.

МГНОВЕНІЯ.

I.

Такъ! сдѣлай жизнь единой дрожью..
Брюсовъ.

Сашка лежалъ на кровати, положивъ ноги на перила, и въ сотый разъ разсматривалъ давно знакомый рисунокъ на потолкѣ: зеленыя деревья на розовомъ фонѣ и гирлянды грубо намалеванныхъ розъ.

Въ комнатѣ было сильно накурено, пахло столярнымъ клеемъ, кожей и еще какой-то кислятиной.

Лежать было неудобно; одѣяло сбилось, жесткіе прутья перилъ давили ноги, и назойливо лѣзли въ глаза пухлыя курчавыя гирлянды безобразныхъ розъ. Сашка начиналъ раздражаться. Онъ заерзалъ ногами и перевелъ глаза съ потолка на бѣлобрысую голову Петьки, торчавшую надъ столомъ. Петька быстро писалъ, изрѣдка шелестя страницами тетради. Лампа съ низко спущеннымъ зеленымъ абажуромъ освѣщала его наклоненную голову и безпорядочно наваленныя на столѣ тетради.

Сашка посмотрѣлъ на его широкую согнутую спину и торчащіе на затылкѣ вихры—и презрительно скривилъ губы.

— Сидитъ... Зубрила несчастный.

Устало закрылъ глаза. Опять поползли лѣнивыя, скучныя мысли. Гимназія, шпіонъ—Валетка, костлявый, тихенькій, съ прилизанными височками и вѣчной записной книжечкой въ рукахъ...

Уроки, скука, лѣнь, единица по математикѣ... Катя, вчерашній кинематографъ...

Сашка вздохнулъ и открылъ глаза. Опять въ желтомъ свѣтѣ лампы торчала надъ столомъ Петькина голова. Поскрипывало перо.

Сашка потянулся, неловко снялъ ноги съ перилъ и сѣлъ. Кровать заскрипѣла. Смятое одѣяло свалилось на полъ. Онъ со злостью швырнулъ его на кровать и всталъ.

— Долго ты будешь тетрадку мозолить?—спросилъ онъ съ лѣнивой насмѣшкой.

— Не мѣшай.—отвѣтилъ Петька серьезно и, поднявъ свою

вихрастую голову, холодно взглянулъ на Сашку своими свѣтлыми глазами. Вообще Петька весь былъ какой-то серьезный: крѣпкій, широкоплечій, тяжеловѣсный, съ нескладной вихрастой головой, упрямымъ подбородкомъ и вѣчными черненькими пятнами на пальцахъ.

Сашка же, тонкій, высокій, съ впалой грудью и нервнымъ подвижнымъ лицомъ, совсѣмъ не походилъ на брата.

Сашка подошелъ къ зеркалу, пригладилъ волосы и взялъ фуражку.

— Знаешь, Петька, брось ты къ чорту свои тетрадки— пускай ими Крокодилъ подавится! Идемъ-ка пройдемся... А Петька? — сказалъ Сашка, улыбаясь, отъ чего лицо у него вдругъ сдѣлалось дѣтскимъ и задорнымъ.

— Нѣтъ, не могу. Самъ видишь—занятъ. А мама опять будетъ недовольна, что ты уходишь вечеромъ.

— Мама... — заворчалъ Сашка, надѣвая поясъ: —что я, институтка? Сиди тутъ, математикъ несчастный, чернильная крыса, логариѳмъ засушенный...

— Ну и дуракъ, — спокойно отвѣтилъ Петька и снова погрузился въ тетрадки.

— Я—вольная птица,—воскликнулъ Сашка съ театральнымъ жестомъ и хлопнулъ дверью.

Покосившись на дверь столовой, Сашка быстро прошелъ въ переднюю, накинулъ шинель и вышелъ.

Во дворѣ было темно. Подъ ногами хлюпала невидимая вода и сквозь мракъ чуть свѣтились окна гдѣ-то въ верхнемъ этажѣ.

Выйдя изъ воротъ, Сашка облегченно вздохнулъ. Онъ посмотрѣлъ на свѣтлую, оживленную улицу, сдвинулъ фуражку на затылокъ и весело зашагалъ по тротуару.

Сашка любилъ ночныя улицы, любилъ электричество— дерзкій бѣлый свѣтъ, отъ котораго страшнымъ, бездонно-чернымъ казалось небо, любилъ ослѣпительный блескъ витринъ, оживленную толпу и грохотъ огромнаго города.

На углу онъ столкнулся съ высокимъ длинноногимъ гимназистомъ въ разстегнутой шинели.

— Гришка! А я къ тебѣ!

— Тѣмъ лучше. Идемъ вмѣстѣ... И что я тебѣ скажу!— таинственно шепнулъ Гришка и подмигнулъ.

— Ну?

— Да тише ты. Вонъ видишь—Катя, Ира и Шурка...

— И гдѣ ты ихъ подцѣпилъ? — лукаво сказалъ Сашка и, завидя подходившихъ дѣвицъ, галантно раскланялся. Послышался смѣхъ, шутки, остроты. Сашка былъ въ ударѣ. Веселая гурьба двинулась впередъ. Сашка толкалъ встрѣч-

ныхъ, насвистывалъ опереточныя арiи и смѣшилъ гимназистокъ. Гришка, которому было двадцать лѣтъ, старался держаться солидно, но иногда не выдерживалъ и хохоталъ такимъ густымъ басомъ, что прохожіе оглядывались, а Сашка говорилъ со смѣхомъ:—Ну-ну, Діогенъ въ бочкѣ!..

— Вы представьте себѣ, господа,—ораторствовалъ Сашка, поблескивая глазами, — какую нашъ Крокодилъ штуку удралъ! Сногсшибательно! Надо вамъ сказать, — онъ любопытенъ, какъ старая баба..—Э-э, господинъ Альбицкій, паазвольте вашу тетрадку-съ, гдѣ вы задачки геометрическія рѣшали... — пропѣлъ Сашка козлинымъ голосомъ. — А кой чортъ! у меня ихъ и въ поминѣ не было! „Извольте-съ, говорю, Кириллъ Владимировичъ". Развернулъ, понюхалъ. Вижу—улыбочка ехидная.—Э-э, господинъ Альбицкій, это у васъ тетрадочка для геометрическихъ задачъ?—Да.—Гмъ! Уткнулся и читаетъ. И что онъ тамъ, думаю, нашелъ? Ужь не письмо ли!

— Да что же тамъ было?—не выдержала Катя, заранѣе улыбаясь Сашкиной „штукѣ".

— А какъ вы думаете—что?—сурово прищурился Сашка!

— Письмо? Карикатура?

— Нѣтъ-съ, господа, футуристическое стихотвореніе! Но если бы вы видѣли его рожу! Читалъ, читалъ, вспотѣлъ даже!—Разумѣется, ничего не понялъ...—„Это, говоритъ, что такое? Бредъ сумасшедшаго или ваше собственное сочинхніе?"—Тоже - съязвить вздумалъ, каналья! Ну, я, конечно, невиннымъ младенцемъ: ни то, ни другое, Кириллъ Владимировичъ. Это—Игоря Сѣверянина, извѣстнаго поэта...—Вскипѣлъ, очки затряслись: „Можетъ быть, Игорь Сѣверянинъ и извѣстный поэтъ, но въ геометрію прошу его не совать-съ!.. Глупостями занимаетесь — пожалуйте къ доскѣ!.."—Наши, понятно, грохочутъ. Ну, и стоялъ весь урокъ—за Игоря Сѣверянина, чортъ возьми!

Компанія хохотала, а Сашка самодовольно улыбался и щурилъ глаза.

II.

Вѣтеръ свистѣлъ въ улицахъ, поднимая тучи пыли. Сѣрыя низкія тучи быстро бѣжали по небу. Было холодно, сѣро и скучно; деревья уныло качались, ожидая дождя.

Сашка медленно шагалъ по тротуару, наклонивъ голову и жмурясь отъ налетавшей пыли. Пыль забивалась въ глаза, въ ротъ, непріятно скрипѣла на зубахъ. Сашка фыркалъ протиралъ глаза и злился.

Онъ чувствовалъ себя скверно.

Весь прошедшій день казался какимъ-то тяжелымъ лип-

кимъ комомъ, осѣвшимъ въ душѣ. Сѣрая муть подымалась оттуда и заволакивала мысли.

Сашка вспоминалъ ехидную рожу Валетки, его скрипучій голосъ и брезгливо морщился.—„Такъ-съ, господинъ Альбицкій. Бальничекъ изволили подписать... Похвально, похвально“...

„У, ехида проклятая! — со злобой думалъ Сашка.—Дернуло же меня съ этимъ бальникомъ... Ну, пускай двойки... Матери ужь навѣрное послалъ письмо. А впрочемъ, ну его къ чорту! Наплевать“.

Сашка отогналъ непріятную мысль о бальникѣ и о предстоящемъ объясненіи съ матерью.—Въ сущности, вѣдь, это пустяки. Неважно. Стоитъ ли изъ-за всякой дряни... Ну, сбавитъ отмѣтку за поведеніе—эка бѣда. Есть гораздо болѣе важное и интересное, чѣмъ какія-то отмѣтки. И вообще...

Но сколько ни старался Сашка думать о томъ важномъ и интересномъ, что есть въ жизни,—все казалось скучнымъ глупымъ и нелѣпымъ, какъ этотъ день.

Онъ нарочно замедлялъ шаги; чѣмъ ближе подходилъ онъ къ дому, тѣмъ сильнѣе охватывала его тоска.

Войдя въ комнату, Сашка сразу догадался, что все извѣстно.

Петька ни сказалъ ни слова, но по его нахохленной фигурѣ и угрюмому лицу было видно, что онъ сердитъ на брата.

Сашка бросилъ книжки, сѣлъ на кровать и сталъ снимать сапоги.

Петька молчалъ и смотрѣлъ въ окно. Это молчаніе и укоризненный видъ доводили Сашку до бѣшенства.

— Какъ тебѣ, ей Богу, не совѣстно...—заговорилъ Петька Сашка не выдержалъ.—„Иди ты къ чорту со своими наставленіями... Тоже добродѣтель... Безъ тебя знаю“...—и Сашка изо всей силы швырнулъ сапогъ въ уголъ.

— Не кричи, пожалуйста, — холодно сказалъ Петька:— мать и такъ разстроена.

За дверью послышался шорохъ, покашливаніе и, наконецъ, нерѣшительный шопотъ:—„Саша, мама зоветъ“.

— Сейчасъ,—угрюмо отвѣтилъ Сашка, не глядя на дверь,

Петька отвернулся и дѣлалъ видъ, что ищетъ что-то на столѣ. Сашка продолжалъ сидѣть на кровати, разсматривая свои стоптанные штиблеты.

За стѣною кто-то говорилъ вполголоса; словъ нельзя было разобрать, и слышалось только ровное, надоѣдливое жужжанье; и отъ этого еще скучнѣе казалась застывшая тишина комнатъ.

Петька кашлянулъ и посмотрѣлъ на дверь. — Чего жъ ты сидишь?.. Мать звала.

Сашка поднялъ на него усталые, злые глаза, передернулъ плечами и, сдѣлавъ равнодушное лицо, медленно вышелъ изъ комнаты.

III.

Петька храпѣлъ спокойно и монотонно.

Сашка не спалъ и, подложивъ руки подъ голову, смотрѣлъ въ темному открытыми глазами. Темнота наполняла все, и, казалось, отъ нея ползли въ мозгъ неотвязныя мысли, такія же тяжелыя и темныя.

Чѣмъ больше думалъ Сашка, тѣмъ непонятнѣе для него становилось все то, чѣмъ онъ жилъ.

Казалось, все это было такъ просто, обыкновенно и понятно: скучные уроки, двойки, бальникъ, подписанный Сашкой, скрипучій голосъ Валетки... Но когда онъ старался объяснить себѣ все это и перебиралъ въ памяти все происшедшее — простыя, обыденныя вещи, настолько ясныя, что ихъ даже смѣшно было объяснять, вдругъ превращались во что-то нелѣпое, запутанное, безсмысленное, котораго уже нельзя было объяснить.

Выходило, что виноватъ учитель, поставившій Сашкѣ двойки; но Сашка зналъ, что учитель былъ не виноватъ въ томъ, что онъ, Сашка, не зналъ урока. Значитъ, виноватъ былъ онъ самъ.

И опять Сашка не могъ понять, что же было дурного въ томъ, что онъ любилъ стихи и огни вечернихъ улицъ больше, чѣмъ сухія математическія выкладки...

Но, вспоминая упреки матери и злополучную подпись на бальникѣ, Сашка убѣждался, что поступилъ скверно. Было жалко матери.

„Но вѣдь я же не хотѣлъ...—съ тоскою думалъ Сашка:—какъ это глупо"... Когда мать послѣ бурной сцены, гнѣвныхъ упрековъ и угрозъ вдругъ затихла и безпомощно, по-дѣтски заплакала, вытирая платкомъ мелкія, частыя слезинки, Сашка опустилъ голову и угрюмо молчалъ. И теперь, вспоминая ея худое, измученное лицо и запавшіе страдальческіе глаза въ мелкихъ старческихъ морщинахъ,—Сашка чувствовалъ, какъ сердце его сжималось отъ невыносимой жалости. Хотѣлось пойти къ ней, положить голову на колѣни и сказать по-дѣтски:—Мама, я не буду...

Но этого нельзя было сдѣлать. — Почему? — спросилъ Сашка въ темнотѣ.

И кто-то опять сказалъ беззвучно и насмѣшливо: нельзя.

Сашка приподнялся и, охвативъ колѣни руками, неподвижно уставился въ темноту.

Съ неумолимой ясностью вставало передъ нимъ все, чѣмъ были наполнены дни,—такое простое и обыденное. И въ этой обыденности было столько безсмысленности и ужаса, что онъ сжималъ голову руками и стискивалъ зубы, чтобы не кричать...

Ему хотѣлось крикнуть тому темному, злому и безпощадному, кто запуталъ его въ эту кошмарную безсмыслицу:

— Я не хочу. Уйди отъ меня. Я ничего не понимаю—зачѣмъ ты давишь меня?

И опять тотъ же беззвучный, насмѣшливый и страшный голосъ сказалъ: это ты.

Сашка закрылъ глаза и усмѣхнулся.

Глупые, пустые дни, которые онъ ненавидѣлъ, сѣрыя плоскія лица, лживыя фразы, все, что вызывало тоску, скуку и злобу, все такое темное страшное, гнетущее — и это— онъ!..

„Кто это сказалъ? — подумалъ онъ съ ужасомъ:—я ничего не понимаю"...

И въ послѣднемъ отчаянномъ усиліи сбросить эту ужасную безсмысленную ложь — его мысль вспыхнула однимъ словомъ, въ которомъ были и ужасъ, и отчаяніе, и мольба:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Петька храпѣлъ. Сашка неподвижно смотрѣлъ въ темноту и не чувствовалъ, какъ изъ-подъ судорожно стиснутыхъ пальцевъ медленно капаютъ тяжелыя холодныя слезы.

IV.

Сашка возвращался домой поздно вечеромъ. На вечеринкѣ у Раевскихъ, гдѣ онъ былъ, собралось много молодежи; много смѣялись, кричали, спорили, играли въ фанты и немножко флиртовали, какъ это всегда бываетъ на вечеринкахъ.

Сашка смѣялся черезчуръ громко, ожесточенно спорилъ съ восьмикласникомъ Ширяевымъ, говорилъ шаблонныя фразы и ухаживалъ за Катей Раевской.

И теперь, какъ это всегда бываетъ послѣ нервнаго возбужденія, Сашка чувствовалъ утомленіе и какую-то непріятную пустоту. То, о чемъ говорили у Раевскихъ, и то, что говорилъ онъ самъ, представлялось ему невыносимо пошлымъ, глупымъ и мелкимъ. Сашку раздражалъ громкій смѣхъ товарищей, подвитые локоны Кати, свои собственныя пустыя шаблонныя фразы, неловкости, фальшивый тонъ.

И теперь, когда уже не нужно было рисоваться и шу-

тить, Сашка чувствовалъ, какъ въ немъ поднимается нестерпимая скука и раздраженіе.

Въ переулкѣ было тихо и безлюдно. Издали доносился глухой тяжелый рокотъ города и надъ темными домами стояло блѣдное зарево электрическихъ огней.

Сзади грубо задребезжалъ извозчикъ. Проходя мимо углового дома съ колоннами, Сашка уловилъ обрывки музыки, заглушенные дребезжаніемъ дрожекъ. Онъ съ досадой оглянулся на извозчика. Тотъ медленно проѣхалъ и завернулъ за уголъ.

Сашка остановился. Откуда-то сверху, гдѣ чуть свѣтилось сквозь тяжелую штору окно—плыла заглушенная, чуть слышная, красивая и нѣжная музыка...

И Сашка забылъ все: и темный переулокъ, и грохотъ близкаго города, все пустое, лживое и ненужное, что наполняло сегодняшній вечеръ... Не было ничего, кромѣ этой тихой, какъ шелестъ вѣтра, музыки, отъ которой вдругъ мучительно-сладко затрепетало сердце. Оно говорило... О чемъ оно говорило?.. О томъ, что было такъ далеко отъ грохота чужого холоднаго города, отъ обычной ежедневной лжи и пошлости... О чемъ-то миломъ и понятномъ, какъ ласка матери, прекрасномъ и нѣжномъ, какъ небо. Какъ небо надъ темной землею—была эта музыка...

Была въ ней тихая печаль осени и бездомная синева неба надъ золотомъ умирающихъ листьевъ... Красота уходящаго свѣта, красота умиранія, — такая нѣжная, такая строгая,—какъ послѣднія краски увядающихъ цвѣтовъ.

У ней были крылья — бѣлыя сверкающія крылья, и далеко отъ темной скорби земной уносила она очарованную душу...

А Сашка, прислонившись къ подъѣзду и смотря передъ собой широко открытыми невидящими глазами, переживалъ тѣ ослѣпительныя незабываемо-прекрасныя мгновенія, когда въ душу человѣка, побѣждая тусклую ложь будней, властно и страшно входитъ красота.

V.

Съ деревьевъ, росшихъ надъ обрывомъ, облетали листья На глинистомъ размытомъ откосѣ кое-гдѣ торчали кусты жалко протягивая тонкія дрожащія вѣтки; и только задерживавшійся гдѣ-то на кончикѣ вѣтки одинокій листокъ весь трепеталъ и вспыхивалъ золотомъ подъ неяркимъ осеннимъ солнцемъ.

Съ обрыва было видно далеко кругомъ.

Свѣтло и свободно разстилались дальнія поля. Далеко-

далеко, на самомъ краю горизонта, неясно темнѣла сизая полоса бора. Надъ бурыми пустыми полями и темнѣвшими перелѣсками висѣло плоское свѣтлое небо, и облака медленно ползли по нему, темнѣя и сливаясь съ туманною далью полей.

А вверху надъ головой, въ прорывахъ облаковъ, оно было чистое, яркое и нѣжное.

— Однако, Сашка, я усталъ.

— А вотъ скамейка.

Маркъ устало опустился на расшатанную, почернѣвшую отъ времени, скамью.

— По моему здѣсь гораздо лучше, чѣмъ на этихъ ду рацкихъ аллеяхъ, — сказалъ Сашка и, прищурившись, посмотрѣлъ передъ собой. — Мнѣ до чортиковъ надоѣли эти вѣчныя парочки, костюмы, стада дѣвицъ и пшюты въ желтыхъ ботинкахъ...

Маркъ улыбнулся.

Есть люди, при встрѣчѣ съ которыми не замѣчаешь того, что называется внѣшностью человѣка: его красиваго или некрасиваго лица, роста, походки и т. п.

Изъ всего этого почему-то бросается въ глаза одна особенность; и потомъ, когда вспоминаешь этого человѣка даже черезъ долгій промежутокъ времени, то передъ гла зами воскресаетъ не внѣшность его, уже давно стертая временемъ, а именно эта единственная, странно-характерная, особенность.

Такой особенностью Марка были его глаза.

У него было обыкновенное смуглое, неправильное лицо; но на этомъ лицѣ, обычно имѣвшемъ выраженіе усталости и равнодушной скуки, странны и какъ-то неумѣстны были глаза—глубокіе и страдальческіе.

Нигдѣ во всемъ лицѣ нельзя было найти объясненія этимъ глазамъ. Во внѣшности Марка была другая особенность: онъ былъ горбатъ.

Сашка сидѣлъ верхомъ на скамейкѣ и старательно вырѣзывалъ ножомъ свой вензель.

— Охота тебѣ, Сашка... Все равно—черезъ мѣсяцъ, если не раньше, скамья повалится, и твое имя не перейдетъ къ потомству,—сказалъ Маркъ шутливо.

Сашка молча окончилъ работу, тщательно смахнулъ кусочки дерева и повернулъ къ Марку свое нервное подвижное лицо—длянное, худое, съ красивыми измѣнчивыми глазами, то печальными, то смѣющимися, то холодными въ одно и то же мгновеніе.

— Къ потомству? Чортъ его дери, это потомство... В[illegible] придетъ какая-нибудь мечтательная барышня и проч[illegible]

что сидѣлъ здѣсь поэтъ—шалопай Сашка...—засмѣялся онъ.

— Скучно, Маркуша...—сказалъ Сашка черезъ минуту другимъ тономъ.—Что у васъ новенькаго? Разскажи.

Маркъ приподнялъ брови.

— Собственно интереснаго я ничего не знаю... Позавчера поспорили немножко съ Максомъ на счетъ... Ну, однимъ словомъ философію зацѣпили... Стась горячился ужасно...

Маркъ сталъ разсказывать, а Сашка слушалъ, посмѣиваясь, изрѣдка подавая реплики.

На самомъ интересномъ мѣстѣ Маркъ замѣтилъ, что Сашка совсѣмъ не слушаетъ и смотритъ передъ собой разсѣяннымъ взглядомъ.

— Эге, да ты замечтался...

Сашка вздрогнулъ, посмотрѣлъ на Марка, потомъ вверхъ и улыбнулся странной разсѣянной улыбкой.

— Золото и лазурь... Ты помнишь, Маркъ, „Профессора Сторицына"? Помнишь—Самойловъ игралъ?... „Мнѣ кажется, что надо мной раскрывается небо, и я вижу осіянные чертоги моей мечты!.." Красиво, Маркъ...

— Да, хорошая вещь,—серьезно сказалъ Маркъ.

Оба молчали довольно долго. Маркъ курилъ, пуская дымъ въ носъ, и любовался колечками, а Сашка, по своей привычкѣ, барабанилъ пальцами. Свѣтлая осенняя тишина стояла кругомъ и беззвучно падалъ съ дерева легкій сухой листокъ.

За дальнимъ лѣсомъ, должно быть, съ желѣзнодорожной линіи, раздался тонкій, протяжный и печальный свистокъ паровоза. Но оттого, что кругомъ была такая чуткая грустная тишина, и такъ пустынны были уходящія въ даль осеннія поля—казалось, что тамъ кричитъ кто-то живой и печальный, затерявшійся въ тоскливомъ просторѣ полей.

— Маркъ, ты философъ?—неожиданно спросилъ Сашка.

— Что за вопросъ!—удивился Маркъ и, стряхнувъ пепелъ съ папиросы, посмотрѣлъ на него.—Почему я философъ?

— А какъ же! Забылъ развѣ, какъ попъ у тебя съ парты Ницше стибрилъ?!.

— Странная логика... Читать Ницше еще не значитъ быть философомъ.

Сашка наклонился къ нему и продолжалъ со странной, злой усмѣшкой:

— Ты философъ, Маркъ!.. Ищешь смысла жизни у Ницше и Шопенгауэра... Ищешь его въ книгахъ... „Человѣкъ, твое дѣло не спрашивать у жизни смысла, а самому придать ей смыслъ"... Смѣшно, Маркуша.

— А ты, поэтъ, ищешь его въ кинематографахъ и шатаньѣ по улицамъ,—въ тонъ ему отвѣтилъ Маркъ.

— Да, мой другъ—въ кинематографахъ и шатаньѣ по улицамъ... Въ каждомъ человѣкѣ и въ каждомъ словѣ. И, чѣмъ больше ищу, тѣмъ больше убѣждаюсь, что я дуракъ.

— Сашка, у тебя скверная привычка—смѣяться надъ всѣмъ, а надъ собою въ особенности.

Сашка сдвинулъ брови и продолжалъ тѣмъ же тономъ, не сводя съ Марка напряженнаго, остраго взгляда:

— Ты помнишь, что сказалъ профессоръ Сторицынъ?

...„Такъ значитъ красота и нетлѣнное—все, чего я искалъ все это—ложь, а эта грязь—правда?..“ Вѣдь это страшно..

— И чего ты горячишься, Сашка,—спокойно сказалъ Маркъ:—ничего тутъ страшнаго нѣтъ, а все обыкновенно. Тебѣ, какъ поэту... Да не гримасничай, пожалуйста, я вѣдь знаю, что ты помѣшанъ на Бальмонтѣ, а твои стихи мнѣ, ей Богу, нравятся—тебѣ, понятно, куда непріятнѣй сталкиваться съ дѣйствительностью, которая даетъ себя знать... Возьми хоть свои двойки по математикѣ...

Сашка засмѣялся. Маркъ продолжалъ:

— Фантазеръ ты, увлекающаяся натура—ну, и вопишь о безсмыслицѣ и ужасѣ, чуть тебя жизнь противъ шерсти погладитъ. А въ сущности все это—чепуха.

— Ахъ, не то...—Сашка тоскливо взглянулъ на Марка

— Маркъ, ну зачѣмъ ты врешь? Ну, хорошо, я маль чишка, восторженный гимназистъ, вооображающій себя поэтомъ. Но ты, Маркъ, ты вѣдь не поэтъ, не увлекающаяся натура... Зачѣмъ ты говоришь, что все это чепуха, строишь изъ себя философа, напускаешь на себя равнодушіе?.. Вѣдь это неправда. Ты понимаешь все, Маркъ... Ты читаешь мои стихи, ты видишь тамъ, гдѣ другіе проходятъ мимо. Ты любишь красоту...

Сашка не замѣтилъ, какъ нервно передернулись губы Марка.

— Ты думаешь, я вѣрю, будто ты равнодушенъ?

— И что тебѣ скажутъ Ницше, Шопенгауэръ, Толстой,—когда жизнь можно понять только въ жизни...

— Я знаю,—сказалъ Маркъ со своей обычной саркастической усмѣшкой и бездной тоски въ потемнѣвшихъ глазахъ.—Я знаю и понимаю. Смыслъ? Я, уродъ, любящій красоту,—развѣ это не безсмыслица?

— Да вѣдь красота... въ душѣ у тебя...

— Нѣтъ. Я не знаю, гдѣ она. Въ жизни ищу—и нѣтъ ея. И, можетъ быть, она тоже ложь.

Сашка поблѣднѣлъ и нервно сжимая тонкіе пальцы, заговорилъ напряженно и страстно:

— Ложь. Какая безсмыслица! И жизнь—ложь? Я ничего не понимаю... Но вѣдь я знаю—есть нетлѣнное. Я знаю

безуміе творчества — ослѣпительное, прекрасное безуміе. И оно—ложь? Вѣдь жизнь и творчество — одно. Но почему же они такъ страшно далеки, такъ чужды другъ другу? Почему я понимаю красоту въ пѣвучихъ чарахъ слова, въ музыкѣ, въ краскахъ, въ линіяхъ тѣла и вотъ въ этомъ золотомъ листкѣ, но почему я не понимаю ея въ жизни? Почему я понимаю въ ней только уродство и пошлость, а красоты не вижу? Вся красота творчества—лишь тѣнь той красоты, что есть въ жизни. И въ жизни красота—такое же божественное безуміе, ослѣпительное и мгновенное, какъ молнія... Но гдѣ оно?

— Не знаю, Сашка, — отвѣтилъ Маркъ съ иронической улыбкой:—у Ницше объ этомъ не сказано...

— Ты помнишь—у Брюсова—„Такъ, сдѣлай жизнь единой дрожью"... Да, увидѣть и понять всю жизнь въ одно мгновеніе, какъ понимаютъ молнію... Сдѣлать жизнь „единой дрожью"... Возможно ли это?

— Можетъ быть,—сказалъ Маркъ.

Солнце заходило. Еще строже, еще печальнѣй стала прозрачная тишина умиравшаго дня.

Тамъ, далеко надъ полями, вставалъ и колебался блѣдный, прозрачный, чуть видный туманъ... Вставалъ и застилалъ неясныя дали, какъ обманчивый заколдованный сонъ.

VI.

На перемѣнкѣ, когда въ гимназіи царилъ обычный оглушающій шумъ, Маркъ медленно пробирался по коридору въ толпѣ гимназистовъ своей лѣнивой усталой походкой.

Возлѣ класса онъ увидѣлъ Сашку.

Окруженный толпою слушателей, Сашка, оживленно жестикулируя и насмѣшливо-небрежно щуря глаза, разсказывалъ скабрезный анекдотъ.

Увидѣвъ Марка, Сашка прищурился и крикнулъ насмѣшливо:

— Эй, философъ, проходи... Здѣсь для некурящихъ...— и продолжалъ дальше, поясняя жестами и мимикой наиболѣе интересныя мѣста.

Маркъ пожалъ плечами и равнодушно отошелъ.

И только, когда сзади раздался неистовый взрывъ хохота, наградившаго Сашку—по губамъ его скользнула чуть замѣтная тонкая усмѣшка.

— Нетлѣнное...

И опять лицо его приняло обычное усталое, слегка презрительное, выраженіе

Татьяна Фидлеръ.

ИДИЛЛІЯ.

(Страничка изъ воспоминаній семидесятницы).

На протяженіи полустолѣтія время многое стерло, многое обезцвѣтило, и современному поколѣнію нелегко понять ту особенную, бодрящую и живительную атмосферу, которая наполняла почти всю жизнь, всѣ дѣйствія людей 70-хъ гг. Переоцѣнивались на новыхъ началахъ всѣ цѣнности, ломались традиціи, молодежь смѣло дерзала прокладывать свои пути, ненавидя всею силою молодыхъ сердецъ поработителей народа, вѣрила и поступала по вѣрѣ.

Быть можетъ, наибольшая сила и значительность того движенія состояла въ томъ, что цѣлое поколѣніе открыто поставило своей задачей: „все для народа посредствомъ народа". Оно нелицемѣрно признавало народъ, до того времени унижаемый, своимъ братомъ, а вѣковѣчную борозду, дѣлившую людей на два чуждые класса, стремилось стереть навсегда. Это былъ своего рода крестовый походъ юности для освобожденія задавленныхъ изъ тьмы и рабства, сближенія другъ съ другомъ отдаленныхъ слоевъ общества, необходимыхъ одинъ другому, какъ основа и утокъ для ткани. Крестоносцы не освободили гроба Господня, однако всѣ мы останавливаемъ свое вниманіе на этомъ порывѣ къ подвигу.

Сильныя вначалѣ волны были нѣсколько уже ослаблены къ 76-му году. Главный передовой валъ этого порыва молодежи успѣлъ докатиться до воздвигнутой правительствомъ на его пути преграды. Его вожди и передовые отряды одни уже сидѣли, другіе, осужденные къ тому времени, шли въ далекіе рудники Сибири, третьи переходили на нелегальное положеніе. Кто-то писалъ:

„Вплоть до Литвы за ними агентъ рыщетъ
И для тюрьмы и пытокъ бѣглыхъ ищетъ".

И однако, вопреки всему этому, волны катились одна за другой. Шли сходки, бурлила молодость, стремясь добывать новыя формы жизни.

Захватили эти призывы „въ народъ" и нашъ кружокъ жившій

коммуной въ Петербургѣ и до той поры занимавшійся на курсахъ Лесгафта и подготовлявшійся по программѣ „Впередъ“ для пропаганды соціалистическихъ идей въ народѣ. Къ описываемому времени члены его всѣ разбрелись кто-куда съ разными намѣреніями и въ разныя стороны.

Первоначальное мое намѣреніе было поступить въ народныя учительницы. Съ этой цѣлью у меня шла переписка съ весьегонскимъ членомъ управы, которому уже были отправлены мною всѣ нужныя бумаги. Дѣло по опредѣленію въ учительницы затянулось по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ. Наступала весна и только съ ближайшей осени можно было поступить на мѣсто. Меня потянуло въ Москву къ старшему брату, служившему въ московскомъ земствѣ врачомъ. Жилъ онъ въ самой Москвѣ, на квартирѣ, съ сестрой-курсисткой, 9—10-лѣтнимъ братишкой и такихъ же лѣтъ другимъ чужимъ мальцомъ. Братъ мой, Василій Семеновичъ Ивановскій—„Василій Великій“, какъ его звали всюду (за большой ростъ), будучи еще студентомъ, сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости въ Трубецкомъ равелинѣ по нечаевскому дѣлу. Окончивъ курсъ въ медицинской академіи, онъ поступилъ врачомъ въ село Шеметово Ярославской губ. Служба его здѣсь была опять прервана арестомъ и тюрьмой. Но его отпустили и на этотъ разъ безъ послѣдствій. Тогдашнее либеральное земство приняло его на службу безъ особенныхъ хлопотъ. Понятно все-таки, что онъ пользовался сугубымъ вниманіемъ полиціи, тѣмъ болѣе, что въ его квартирѣ бывали тогда освобожденные на поруки по процессу 193-хъ Петръ Алексѣевъ, Обнорскій и другіе, работавшіе на фабрикахъ и заводахъ.

Все въ этой квартирѣ было обвѣяно дружественной сердечностью и простотой, заразительной бодростью и трудовымъ духомъ, всѣмъ было тепло, свободно. Съ утра, точно пчелы изъ улья, разлетались всякій по своему дѣлу въ разныя стороны Москвы: тотъ на фабрику, другой на свиданіе въ тюрьму или съ книгами для рабочихъ. Даже кухарка моей сестры, до нѣкоторой степени обстрѣлянный человѣкъ, представляла изъ себя не совсѣмъ обычную прислугу. Она была простая деревенская женщина, въ своей суровой крестьянской средѣ не избалованная ни вниманіемъ, ни заботливостью. Простыя, сердечныя отношенія молодыхъ ласковыхъ господъ вызвали въ ней горячую привязанность. Свои симпатіи и заботы она переносила и на всѣхъ гостей, посѣщавшихъ ея хозяевъ. Нечего и говорить, что въ случаяхъ ночныхъ обысковъ она старалась предупредить, спрятать недозволенное, отвести глаза жандармамъ. Раньше эта женщина служила на квартирѣ группы пропагандистовъ, которая была выдана втершимся туда шпикомъ. Явившіеся ночью для обыска жандармы приняли Марію (такъ звали кухарку) за переодѣтую барышню, вернувшуюся, быть можетъ, „изъ народа“ или отправлявшуюся туда.

Красивая, даже изящная наружность давала дѣйствительно поводъ сомнѣваться въ ея званіи простой крестьянки. На замѣчаніе одного нижняго чина на счетъ ея грубаго говора и выразительныхъ словечекъ по адресу „ночныхъ дьяволовъ“ и „живорѣзовъ“, ихъ благородіе отвѣтилъ: „Онѣ это нарочно дѣлаютъ, чтобы походить на народъ“. Скоро однако заблужденіе обыскивавшихъ обнаружилось. Покончивши съ комнатными обысками, жандармы перешли въ кухню и тамъ въ русской печи усмотрѣли нѣчто весьма подозрительное:—два большихъ чугуна. На глазахъ у Марьи котлы были выдвинуты изъ печи и началось вытягиваніе мокраго бѣлья. Въ день передъ обыскомъ Марья стирала, и бѣлье парилось ночью въ котлахъ. Таскали штуку за штукой, бросая вещи на грязный полъ. Вода бѣжала цѣлыми потоками, заливая все кругомъ и еще болѣе пачкая бѣлье. Пропадало столько положеннаго Марьей труда, пропадало зря, безъ всякаго видимаго толку. Чье сердце не вскипѣло бы при такомъ поруганіи человѣческаго труда, при такой отвратительной нарядливости? Ярость Марьи съ бѣшеной горячностью обрушилась на ночныхъ посѣтителей. Наступая съ кулаками на жандармовъ, она кричала: „Лопни ваша утроба, провалитесь вы въ таръ-тарары. Тресни ваши глаза, чтобъ ни дна вамъ, не покрышки, жабья порода“ и т. д.

— Да,—глубокомысленно замѣтилъ ихъ благородіе,—она, дѣйствительно, хамка.—И арестовавъ всѣхъ хозяевъ, они Марью оставили на волѣ. Вотъ тутъ-то моя сестра нашла Марью въ горестномъ положеніи и взяла къ себѣ.

Братъ мой, чистый народникъ по натурѣ, всю жизнь оставшійся съ неугашенной любовью къ народу, къ простымъ людямъ, очень желалъ, чтобы я заняла мѣсто народной учительницы въ одной изъ барановскихъ школъ въ Ярославскомъ уѣздѣ. Эти школы были, дѣйствительно, жемчужинами среди тогдашнихъ жалкихъ и убогихъ деревенскихъ училищъ.

Богатый фабрикантъ Барановъ на свои средства разбросалъ по цѣлому уѣзду образцовыя школы, врядъ-ли въ то время гдѣ существовавшія. Свѣтлыя, просторныя, съ огромными классными комнатами, роскошно оборудованныя всѣми вспомогательными пособіями, онѣ высились дворцами среди сѣрыхъ, жалкихъ деревенскихъ построекъ. Учительскій персоналъ, самимъ Барановымъ приглашаемый, былъ подобранъ съ высшимъ образованіемъ, съ жалованіемъ сто руб. старшей учительницѣ и 60 младшей въ мѣсяцъ. По требованію учителей все необходимое высылалось немедленно. Поступить въ такую школу было нелегко, надо было ждать.

На квартиру сестры приходила довольно часто одна изъ сестеръ Субботиныхъ, Марія, кажется, только недавно вернувшаяся „изъ народа“ и работавшая въ группѣ среди заводскихъ рабочихъ. Некрасивая по внѣшности, она при первой встрѣчѣ раскрывала весь свой богатый внутренній міръ, всю свою великую нѣжность и до

броту. Слабая, хрупкая физически, она носила въ себѣ много духовной красоты. Во всей ея внѣшности, въ широко раскрытыхъ глазахъ, въ выразительно очерченномъ ртѣ была разлита ласкающая грусть, участливая сердечность. Тихимъ и груднымъ голосомъ, въ которомъ слышалась нѣжная печаль тоскующей души, она разсказывала о своихъ удачахъ и промахахъ.

Время многое затушевываетъ, заволакиваетъ дорогія черты, но ея фигурка со склоненной на руку головой остается неизмѣнной въ моей памяти. Задумчивые глаза ея какъ бы говорили объ ея дальнѣйшей судьбѣ, объ ея обреченности.

Марія Субботина рекомендовала мнѣ поѣхать въ Одессу, гдѣ легко можно было устроиться на любой фабрикѣ безъ паспорта. Въ этомъ городѣ, по ея личному знакомству, мѣстныя организаціи хорошо укрѣпились. Она дала мнѣ адресъ двухъ барышенъ Харжевскихъ, сестра которыхъ сидѣла уже въ тюрьмѣ. Онѣ же жили въ Одессѣ въ своемъ домѣ.

Трудно теперь припомнить, какъ произошло мое знакомство съ другой дѣвушкой, только-что пріѣхавшей тогда въ Москву. Это была Бети Абрамовна Каминская. Ея жизнь едва начиналась, какъ жизнь не вполнѣ распустившейся почки. Молодая, радостная, она, казалось, вся горѣла и трепетала порывами передъ раскрывшимися передъ нею возможностями широкой и значительной работы. Ея живые и содержательные, а порой пылкіе, разговоры, какъ искорки, будили и зажигали мысли, и нельзя было не любоваться этимъ милымъ воодушевленнымъ личикомъ. Вся она напоминала молодую стройную вѣточку мимозы, нѣжную и яркую. Большія кольца свѣтлыхъ кудрей пышно падали на плечи, обвивая змѣйками дѣтскую шейку. Она горячо отстаивала работу среди заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ, проводя эту мысль съ большою пылкостью, отвергая „хожденіе въ народъ", возможность какой-либо дѣятельности среди крестьянства. Бети Каминская спорила удивительно смѣло и логично, что по тогдашнему времени не часто встрѣчалось среди женщинъ.

Бети Абрамовна училась за границей и тамъ познакомилась съ С. И. Бардиной, съ которой она вмѣстѣ и вернулась въ Россію. Мое знакомство съ Каминской не было длительнымъ, но эти встрѣчи въ Москвѣ съ двумя разными во всемъ дѣвушками (Субботиной и Каминской) оставили незабываемый слѣдъ на протяженіи долгихъ, долгихъ годовъ жизни. Образъ иныхъ людей врѣзывается такой глубокой бороздой, которая не стирается никогда [1]).

Съ глубокой грустью уѣзжала я изъ Москвы, быть можетъ, на-

---

[1]) И судьба ихъ одинакова. Еще не расцвѣтшая вполнѣ, ихъ жизнь была жестоко прервана. Ихъ проглотила тюрьма. Приговоренная къ ссылкѣ, М. Д. Субботина умерла отъ чахотки. Б. Каминская во время дознанія сошла съ ума и вскорѣ умерла.

всегда отрываясь отъ этихъ милыхъ людей, уже связанныхъ узами духовнаго родства. Трудно было разсчитывать вновь встрѣтиться хотя бы съ половиной московскихъ единомышленниковъ, каждый день уводимыхъ въ тюрьмы, высылаемыхъ далеко или провожаемыхъ въ могилу...

Отъ Одессы того далекаго, уже подернутаго туманомъ времени, очень немного осталось на своемъ мѣстѣ, да и люди стали на мой взглядъ иные, не похожіе на тѣхъ, отошедшихъ. Внѣшній видъ ея не оставлялъ, какъ можно было ожидать, пріятнаго впечатлѣнія. Некрашенные, сложенные изъ бураго камня дома, казавшіеся покрытыми вѣковой копотью, были мрачны, сѣры и однообразны по архитектурѣ. Правда, оригинально выдѣлялись застекленныя галлереи и балконы въ каждомъ домѣ, а главное—густые ряды буйныхъ акацій по линіи тротуаровъ сильно скрашивали неизящество построекъ. Весною, когда деревья покрывались пышными бѣлыми цвѣтами, и воздухъ наполнялся чуднымъ ароматомъ, городъ становился красивымъ и нарядным, особенно при вечернемъ освѣщеніи.

Тогдашняя Одесса была чрезвычайно проста и демократична. Это былъ удивительный городъ свободы и непринужденности. Въ немъ можно было прожить мѣсяцы и годы и никто не спрашивалъ, кто ты, не интересовался цѣлью твоего появленія въ ея предѣлахъ, не требовалъ паспорта, не чинилъ надзора. Той безумной роскоши, какая обуяла всѣхъ въ послѣдніе годы, теперешняго отвратительнаго соревнованія бросающимися въ глаза нарядами, почти вовсе не замѣчалось. Аристрократическое мѣсто прогулокъ, верхній бульваръ со сбѣгающей къ пристанямъ широчайшей лѣстницей, всегда былъ полонъ самой неизысканной публикой, глазѣвшей цѣлыми часами на море, на корабли всѣхъ странъ и націй, рѣявшіе на волнахъ. Усѣвшись на боковую ступеньку лѣстницы, можно было наблюдать движущіеся потоки людей. Прибѣгавшіе съ лимановъ поѣзда выкидывали цѣлые вороха больныхъ и здоровыхъ, которые поднимались по лѣстницѣ въ городъ. Скромные костюмы, простыя бѣлыя кофточки, непокрытыя головы—вотъ обычный видъ значительнаго большинства тогдашнихъ одесскихъ обывателей. Во всемъ проглядывала скромность, порядочность и общественность. Люди жили какъ-то ближе между собой. Коммерческій духъ, такъ возобладавшій впослѣдствіи, не являлся характерной чертой обывателя того времени. Культурное общество и общественное мнѣніе замѣтно выдѣлялось надъ обывательщиной.

Чуть ли не на второй день послѣ моего пріѣзда состоялось знакомство съ сестрами Харжевскими. Эти двѣ дѣвушки жили однѣ въ собственномъ домѣ. Младшая, Лизочка, очень юный, прелестный цвѣточекъ, передъ тѣмъ только-что была освобождена изъ тюрьмы. Почти ребенокъ, она была, помнится, арестована по дѣлу своей

старшей сестры, привлекавшейся по процессу 50-ти. Харжевскую младшую содержали въ кіевской тюрьмѣ и, благодаря отчасти почти дѣтскому возрасту, а главнымъ образомъ, обаятельной красотѣ,—заключеніе кончилось быстро.

Обѣ сестры были милыя, привѣтливыя, общительныя дѣвушки, активнаго участія не принимавшія въ революціонныхъ дѣлахъ, но просто и сердечно оказывавшія свои услуги нуждавшимся въ память своей замуравленной сестры. У нихъ сохранились связи и знакомства сестры, которую онѣ горячо любили. Ихъ навѣщали, у нихъ жили въ домѣ квартирантами нѣсколько скомпрометированные люди. Послѣ разгрома организаціи Евгенія Іосифовича Заславскаго, весьма выдающагося организатора среди одесскихъ рабочихъ и пропагандиста, остались замѣтные слѣды его работы и, между прочимъ, артельная переплетная мастерская. Завѣдывалъ въ то время этой мастерской кандидатъ правъ М. П. Эйтнеръ, человѣкъ необыкновенно простой и рѣдкой доброты. Онъ не чуждался никакой мелкой работы, никакого низкаго положенія: всегда отзывчивый, готовый во всемъ и всякому оказать свою помощь. Эйтнеръ, старый пріятель Харжевскихъ, навѣщалъ ихъ ежедневно и какъ-то тихо и незамѣтно проявлялъ вниманіе и заботливость въ повседневныхъ нуждахъ сестеръ. Послѣ довольно тщательнаго осматриванія и продолжительнаго „карантина", онъ же познакомилъ меня съ группой народниковъ-пропагандистовъ, называвшихся „башенцами".

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней Эйтнеръ сказалъ:

— Идемъ знакомиться съ „башенцами".

Такое наименованіе цѣлой группы лицъ, какъ объяснилъ мнѣ Эйтнеръ, происходило отъ занимаемой ими квартиры, которая переходила отъ однихъ къ другимъ членамъ кружка по наслѣдству. Помѣщалась она въ большомъ домѣ Новикова, украшенномъ на самомъ верху двумя маленькими смежными башенками, вмѣщавшими всего двѣ комнаты, доступныя по цѣнѣ и удобныя по изолированному положенію. Съ балкона и оконъ одной комнаты открывался безбрежный видъ на измѣнчивое море, на которомъ, какъ громадныя птицы, плавно колыхались парусныя фелюги, чайки-лодочки и высились щетиной мачты съ разноцвѣтными флагами. А ночью горѣла бездна огней и звѣздное небо сквозило между этими разноцвѣтными фонариками. Вся эта картина была такъ чудно красива, что многихъ тянуло къ башенцамъ просто посидѣть и полюбоваться плѣнительной красотой моря. И не мудрено, что эти башни и являлись той живой и неразрывной связью, гдѣ рождалась и любовь, и дружба и крѣпкія душевныя связи съ людьми. Простота отношеній, ласковая привѣтливость, чувства молодости, смѣлые порывы роднили всѣхъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ „башенцами".

Въ комнатѣ выходившей окнами на балконъ и море, мы за-

стали молодого блондина, съ рыжеватымъ отливомъ волосъ. Онъ сидѣлъ у стоявшаго среди комнаты низкаго столика, заваленнаго сапожными инструментами. Поворачивая слѣва на-право неоконченный сапогъ, который онъ держалъ въ рукѣ и внимательно со всѣхъ сторонъ его разсматривалъ, онъ тихо насвистывалъ нѣжный и немного грустный мотивъ русской пѣсни. Большіе каріе глаза его выраженіемъ затаенной грусти не гармонировали съ солдатскими усами и молодой отвагой въ лицѣ. Это былъ Алексѣй Федоровичъ Медвѣдевъ, онъ же Фоминъ, видный членъ кружка, любимый всѣми, надежный крѣпкій другъ. Спокойная и плавная рѣчь безъ торопливости, мягкій голосъ дѣлали его очень интереснымъ разсказчикомъ; большая практичность и техническая находчивость—цѣннымъ работникомъ. Недостаточное образованіе легко пополнялось большой смѣтливостью и природнымъ умомъ, дававшимъ возможность приспособляться во всѣхъ положеніяхъ. Эти же качества помогли ему въ тюрьмѣ не сойти съ ума [1]).

Одновременно съ Медвѣдевымъ произошло мое знакомство съ другимъ изъ башенцевъ, Григоріемъ Амфимовичемъ Попко. По вѣшкамъ узнается дорога, крупными фигурами опредѣляется моральный обликъ и характеръ кружка или организаціи... Г. А. Попко былъ связью для формирующихся группъ и отдѣльныхъ лицъ и пользовался общимъ уваженіемъ. Немного строгая суровость лица смягчалась чистотою открытаго взгляда. Попко во всемъ былъ простъ, скроменъ, никогда не силился выпячиваться на первое мѣсто. Это былъ, какъ выражались о немъ хорошо его знавшіе,—настоящій „казакъ Грицько" лучшей поры казачества, добывав шаго волю.—„Кто хочетъ бить,—говаривалъ Попко,—тотъ самъ долженъ при этомъ быть".

Знакомство съ другими изъ башенской компаніи и внѣ ея близкими по духу людьми происходило постепенно, и о нихъ будетъ упомянуто впослѣдствіи; въ этотъ непродолжительный періодъ мо-

---

[1]) А. Ф. Медвѣдевъ былъ мѣщанинъ Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда. Кончивъ курсъ въ городской школѣ, онъ, подобно многимъ людямъ простого званія, начиная съ табельщика и почтальона, перепробовалъ много родовъ службы и бѣдовалъ изрядно, пока судьба не свела его съ революціонными работниками. Въ 78 г. Фоминъ принималъ участіе въ освобожденіи Войнаральскаго, перевозимаго изъ Петербурга въ Борисоглѣбскую централку. На него же падало подозрѣніе въ покушеніи на прокурора Котляревскаго. 30 августа, уже сидя въ тюрьмѣ, онъ организовалъ побѣгъ 11-ти уголовныхъ и свой посредствомъ подкопа и разборки печей. Онъ бѣжалъ послѣднимъ въ одной рубашкѣ, но былъ черезъ три дня задержанъ въ Зміевскомъ лѣсу облавой казаковъ.

„Столь смѣлая и энергичная личность — говоритъ офиціальное донесеніе—была для партіи большой находкой, и ему ст[illegible]ч готовить новый побѣгъ съ воли. Давши созрѣть намѣренію, его во время раскрыли". Медвѣдева судили и приговорили къ вѣчному пожизненному одиночному за[illegible]ченію.

его пребыванія въ Одессѣ приходилось ограничиваться довольно рѣдкими встрѣчами. При посредствѣ башенцевъ я ознакомилась съ городомъ и узнала расположеніе нѣкоторыхъ фабрикъ, на одну изъ которыхъ рѣшила поступить безъ замедленія.

Въ первый же понедѣльникъ раннимъ утромъ я стояла на безлюдной въ этотъ часъ Б. Арнаутской улицѣ, ожидая открытія воротъ. Зданія фабрики съ улицы не было видно. На значительное протяженіе тянулась высокая каменная стѣна, сѣрая, неприглядная, вся испещренная неприличными надписями мѣломъ. Среди этой стѣны вдавливались ворота, по формѣ очень похожія на тюремныя, съ небольшой калиткой.

Жизнь фабрики еще не начиналась. У воротъ никого не было. Потомъ стали подходить рабочіе, заспанные, хмурые, въ одиночку и группами. Калитка открывалась, поглощая приходившихъ, и вновь захлопывалась какъ-то сама собой. Послѣднія запоздавшія работницы, торопливо, на ходу, оправляя свои костюмы, нырнули за ворота, и опять полное, ничѣмъ ненарушимое безлюдіе кругомъ.

На мой неувѣренный стукъ въ оконце въ немъ показались глаза, и кто-то выкрикнулъ: „Что нужно? Наниматься? Проходи". Безъ всякихъ формальностей меня провели въ нижнее помѣщеніе фабрики, напоминавшее огромный сарай. Онъ заваленъ былъ новыми и старыми бутами канатовъ, около которыхъ суетились кучки дѣвушекъ и бабъ. Какая-то невзрачная личность, записавъ мое имя и фамилію, подвела къ группѣ работницъ, сидѣвшихъ на полу по-турецки, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ кругами старыхъ канатовъ. Тяжелый густой духъ наполнялъ весь нижній этажъ. Въ этомъ подвальномъ отдѣленіи разсучивали и раздергивали старые канаты и обшивали холстомъ новые буты канатовъ. Иногда насъ изъ нижняго посылали во второй этажъ. На вагонеткахъ по рельсамъ мы быстро летали около натянутыхъ свѣжихъ канатовъ, смазывая ихъ мыломъ и смолой. Здѣсь дремать было нельзя, и всякая оплошность кончалась трагично. При мнѣ одному парню оторвало въ одинъ мигъ три пальца. На грязныхъ бутахъ канатовъ мы обѣдали, пили чай, а послѣ обѣда, свернувшись по кошачьи, на нихъ же спали. Никто не приносилъ съ собою обѣда, мы просто покупали у воротъ кусокъ сала или маслинъ на пять коп. и на столько же бѣлаго хлѣба; изъ трактира кто-нибудь по очереди приносилъ кипятку. Во всемъ зданіи воздухъ стоялъ густой, насыщенный смолой и мыломъ. Въ два-три дня каждая работница пріобрѣтала специфическій запахъ, вся одежда ея пропитывалась смолой. Черезъ недѣлю работницы уносили съ собой уже устоявшійся скверный запахъ фабричной атмосферы въ свои углы и жилыя помѣщенія. Хозяйки квартиръ не хотѣли держать канатныхъ работницъ, распускавшихъ смрадъ по всему помѣщенію.

Поденная плата женскому персоналу была 25 к.; мужчины,

помнится, получали 30—40 к. Неизбѣжная грубость, циничное обращеніе съ дѣвушками со стороны служащихъ, щипки, обыски при входѣ и выходѣ, заставляли идти на эту фабрику въ большинствѣ случаевъ выбившихся изъ колеи жизни, съ перспективой выхода на панель, какъ говорили многія работавшія тамъ. Иногда попадали туда въ ожиданіи мѣста, во избѣжаніе обремененія семьи, однимъ словомъ,—толкала туда самая принудительная неизбѣжность, горькое горе. Всѣ работницы поголовно были неграмотны. Онѣ охотно бы хотѣли учиться, но когда же? Послѣ обѣда, продолжавшагося очень недолго, онѣ, свернувшись въ комочекъ, по-собачьи, на грязныхъ веревкахъ досыпали утренніе часы, отнятые у сна. Въ праздники, даже при желаніи, имъ не позволяло учиться ихъ помѣщеніе. О какой же „пропагандѣ“ могла быть рѣчь среди этихъ женщинъ, далекихъ отъ всего и всѣхъ? Пробудь я дольше на фабрикѣ, быть можетъ, мнѣ и удалось бы наладить что-нибудь между дѣвушками, изъ числа которыхъ нѣкоторыя стали было интересоваться чтеніемъ, заходить на мою квартиру. Начавшись съ чисто-культурной работы, она бы неизбѣжно перешла къ организаціи и пропагандѣ, но условія труда были тяжелы и безотрадны.

Каждый праздникъ я заходила къ башенцамъ или же встрѣчалась съ ними у моря. Прійдя однажды къ нимъ, я застала тамъ Г. Ф. Чернявскую, съ которой познакомилась раньше. Обмѣниваясь своими думами, мы какъ-то сразу и вмѣстѣ выразили одно и то же желаніе: на лѣто куда-нибудь пойти на работу, окунуться въ самую народную гущу, посмотрѣть черную жизнь, испытать трудъ, присмотрѣться, чѣмъ живетъ этотъ огромнѣйшій міръ, о чемъ думаетъ. Мы порѣшили отправиться съ этою цѣлью въ большую экономію въ Таврической губ., куда ѣхалъ приказчикомъ Медвѣдевъ. Собравши свѣдѣнія о пути и подъ какимъ видомъ удобнѣе будетъ явиться туда, мы стали готовиться въ дорогу. Необходимо было запастись грубымъ бѣльемъ, русскими сарафанами и ситцевыми платками на голову. Въ предохраненіе отъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и для подстилки ночью нужно было взять по тонкому войлочку и грубую обувь. Г. Ф. съ какой-то особенной любовью и нѣжностью покупала, шила, прилаживала одежду, порой мѣрила ту или другую вещь, приготовлявшуюся для деревни.

Г. Ф., происходя изъ когда-то богатой и значительной дворянской семьи, получила очень изысканное образованіе, никогда не испытывала рѣзкой нужды, и хотя не чуждалась чернаго труда, но просто была далека отъ него, не представляла всей его неприглядную стороны, къ которой не подходила близко и не соприкасалась съ ней вплотную.

Первую часть пути до Херсона мы сдѣлали на пароходѣ въ своихъ городскихъ костюмахъ. Въ Херсонѣ у насъ было знакомое семейство городского учителя Рябкова, у котораго намъ радушно

предложили переночевать. Старшій сынъ семьи,—нѣжное, болѣзненное, кроткое существо,—какъ-то особенно ласково пріютилъ насъ на ночь, а утромъ далъ въ проводники своего младшаго брата довести до Голой пристани.

Плывя на лодкѣ черезъ Бугъ, Г. Ф. часто опускала руки въ воду и обмывала лицо, подставляя влажную кожу подъ жгучіе лучи южнаго солнца, чтобы потерять бѣлизну и нѣжность ея.

Съ пристани мы вдвоемъ направились на лѣтнія работы въ Таврическую губ., въ экономію богатаго помѣщика Н., бывшаго въ то время предводителемъ дворянства. Самъ онъ почти не бывалъ въ этомъ имѣніи, постояннымъ же лѣтнимъ обитателемъ была его жена.

Экономія эта лежала въ 80 верстахъ отъ большой пристани Голой на рѣкѣ Бугѣ, въ безлюдной и безграничной, какъ море, степной мѣстности. Исключая усадьбы съ значительными постройками—сараями, амбаромъ и большимъ барскимъ домомъ, утопавшимъ въ большомъ густомъ саду, — рядомъ и поблизости ничего не виднѣлось. Особенно въ районѣ нашихъ работъ—ни единаго зданія, ни одного деревца, ни куста чахлаго, и только могучая, какъ дюжій тростникъ, трава, пестрѣвшая разными цвѣтами, да рожь и пшеница безконечнымъ зеленымъ ковромъ далеко до горизонта, куда хваталъ глазъ, волновались, какъ безбрежное изумрудное море.

Въ экономію мы намѣренно старались попасть въ праздничный день, когда не было работъ, чтобы отдохнуть послѣ длинной и утомительной дороги, осмотрѣться въ незнакомомъ мѣстѣ. Воспользовавшись отсутствіемъ въ безработный день въ конторѣ главнаго управляющаго, мы были записаны его женой безъ паспортовъ, подъ вымышленными именами, на „срокъ“, т. е. съ мая до Покрова съ платой 17 руб. за все время. Наши паспорта не отвѣчали нашему положенію простыхъ работницъ.

Съ утра на слѣдующій день мы вмѣстѣ съ прочими работницами стали на довольно-таки грязную работу—стрижку овецъ.

Появленіе двухъ русскихъ дѣвчатъ среди малороссокъ возбудило нѣкоторое любопытство, улегшееся, впрочемъ, довольно скоро. Мы просто объяснили интересующимся, что лѣтомъ, лишившись мѣстъ въ городѣ за отъѣздомъ господъ, рѣшили попробовать крестьянскія работы, поучиться, пожить въ деревенскихъ условіяхъ,—авось тутъ легче, пріятнѣе на вольномъ воздухѣ, широкомъ раздольѣ.

— Тяжко и не гарно вамъ будетъ; тутъ работа тяжелая, житье грязное, пища простая,—говорили они намъ.

— Ничего, посмотримъ... Плохо станетъ,—опять подадимся въ городъ.

Работа наша протекала въ большомъ крытомъ сараѣ, въ скучномъ однообразномъ трудѣ, въ густо насыщенной тяжелымъ

овечьимъ запахомъ атмосферѣ. Однѣ стригли овецъ, другія выбирали овечьи котяхи и всякую запутавшуюся въ шерсть дрянь. Раздергиваніе грязныхъ рунныхъ клочьевъ пылило воздухъ, слѣпило глаза, руки покрывались какимъ-то липкимъ жирнымъ налетомъ, и среди работающихъ царило молчаливое настроеніе.

По прошествіи немногихъ дней въ сарай на работу къ намъ зашла или, вѣрнѣе, впорхнула наша барыня. Среди неприглядной обстановки она казалась такой изящной, молодой, полной жизни и радости. Переходя отъ работницы къ другой и весело болтая, она остановилась противъ насъ. Барыня пытливо начала всматриваться въ сидѣвшую по-турецки на землѣ съ поджатыми ногами Г. Ф., мою товарку, задала ей два-три вопроса. Повидимому, она встрѣчавшаяся съ нею въ другомъ обществѣ и при другихъ обстоятельствахъ, узнала Г. Ф., но ничѣмъ этого не дала понять, не показала виду, не выразила удивленія, хотя заинтересовалась ею болѣе, чѣмъ другими.

Чьему-то вниманію или простой случайности мы были обязаны, что насъ скоро перевели съ этой зловонной работы далеко отъ экономіи, въ настоящую раздольную степь, въ царство зеленыхъ полей. Раскиданные по огромной гладкой равнинѣ, мы утонули и затерялись въ этомъ зеленомъ мірѣ, въ колыщущейся густой травѣ. Тутъ не было суетливой жизни, не слышалось криковъ, шума, ни даже собачьяго лая, только порой доносилось до насъ нѣжное отдаленное пѣнье хора нашихъ работниковъ или проходившихъ на югъ дальше артелей косцовъ. Эти косцы тянулись по степи, подобно журавлинымъ стаямъ, съ сѣвера на югъ. Особенно стройно и красиво плыло пѣніе полтавскихъ артелей, смѣшанныхъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Оно, приближаясь къ намъ, росло, потомъ, удаляясь, тихо-тихо замирало, стихая какъ-то легонько, легонько, теряясь окончательно за горизонтомъ. Кто-нибудь изъ работниковъ при едва долетавшихъ звукахъ кричалъ: „полтавцы, полтавцы идутъ“. Мы всѣ бросали работу, ловя нѣжныя малороссійскія мелодіи, и, какъ загипнотизированные, встрѣчали и провожали караваны косцовъ. Все тогда обращалось въ одинъ слухъ и вниманіе и сама волнующаяся трава какъ будто склоняла голову, очарованная плывшими по ней звуками.

Веселый самъ по себѣ сѣнокосный трудъ портился очень раннимъ вставаніемъ и холодными утренними росами, Дневная жара вызывала желаніе хоть какой-нибудь защиты отъ нея, хотя бы крошечной тѣни. Телѣги, возившія провизію изъ экономіи, укрывали немногихъ счастливцевъ, а большинство хохловъ въ обѣденный отдыхъ лежало на спинѣ въ жгучихъ лучахъ солнца. Ночью всѣ спали подъ открытымъ небомъ, сильно тревожимые комарами и рискуя вдобавокъ быть искусанными другимъ недругомъ,—чернымъ паукомъ, ядъ котораго вызывалъ отекъ всего тѣла. Только овчинная или войлочная подстилка спасала людей отъ этой ядови-

той твари. Полдневное солнце такъ жгло, что у приходившихъ босяковъ почти вся спина покрывалась вздутыми пузырями отъ ожоговъ. Послѣ кожа твердѣла и ожоги не повторялись болѣе. Многіе работали безъ рубахъ. Мы, женщины, часто изнемогая отъ пекла, теряли значительную долю скромности; а при жнитвѣ и вязкѣ мы оставались въ однѣхъ рубахахъ и это значительно облегчало нашу работу.

Въ страдную пору рабочій день тянулся безъ опредѣленной нормы, какъ было угодно приказчику, доходя порой до 16-ти и болѣе часовъ, съ обѣденнымъ перерывомъ въ часъ. Работа, хотя и тяжелая, „чужая", но все же веселая, бодрая.

Въ четыре часа утра, когда первые лучи едва разсыпались по степи, насъ будилъ надзиратель, а не охотно встававшихъ онъ пиналъ ногой, побуждая подняться заспавшагося. Приказчикъ изъ табора распредѣлялъ насъ по разнымъ участкамъ на разнообразныя работы. Утромъ мы сильно зябли отъ ядовитой холодной росы, мочившей всю нашу одежду до пояса. Полусонныя, спотыкающіяся, становились мы на работу и дѣлали все автоматически, абы какъ-нибудь домаячить до завтрака. Въ девять часовъ, обогрѣтые нѣсколько, мы шли въ таборъ на завтракъ, продолжавшійся не больше получасу, и потомъ опять на работу. Кое-кто предпочиталъ ѣдѣ вздремнуть тутъ же, не стѣсняясь таборнымъ гомономъ. Наша пища была весьма простая и неприхотливая, не отличалась ни сложностью, ни особой доброкачественностью. Утромъ варилась жидкая баланда изъ пшена съ водой съ прибавленіемъ небольшой дозы сала, или же огромныя, какъ булыжники, галушки изъ гречневой муки. Разливались эти блюда въ деревянныя корыта, изъ которыхъ галушки таскались заостренными длинными лучинками. Однимъ-двумя такими сѣрыми булыжниками могъ утолить голодъ самый великій прожора. На обѣдъ и ужинъ давались такія же скромныя яства. Въ постные дни изрѣдка въ борщъ бросалась соленая тарань, не вполнѣ свѣжей заготовки, тощая, оставлявшая непріятный наваръ ржавчины.

Рабочіе высказывали недовольство и тайно роптали, но выливалась ихъ непріязнь по линіи наименьшаго сопротивленія, на артельныхъ кухаркахъ. Послѣднія, если говорить правду, грѣшили значительно съ тѣмъ и безъ того ограниченнымъ количествомъ продуктовъ, какіе намъ скупо отпускались изъ господской экономіи; эти беззастѣнчивыя поварихи ухитрялись отчудить для своихъ возлюбленныхъ изрядную порцію изъ выдаваемой провизіи. Самымъ сильнымъ соблазномъ было сало. Одной такой черезчуръ свободно обращавшейся съ артельными харчами кухаркѣ была дана порядочная и вразумительная выучка и за ней послѣдовало изгнаніе съ почетнаго поста.

Лѣто втянуло насъ безъ остатка въ свой круговоротъ, подчинило неустранимымъ неизбѣжностямъ; мы тянулись за нимъ, какъ

нитка за иголкой, и, по мѣрѣ его движенія, переходили съ мѣста на мѣсто, съ поля на другое поле. Начавши сѣнокосомъ, цапаніемъ баштановъ, подавались на уборку хлѣбовъ, отодвигаясь все больше вглубь степи. Съ движеніемъ же впередъ лѣта нашъ таборъ ширился и разростался, становясь все болѣе многолюднымъ по составу и занимая значительную площадь. Пестрое населеніе вмѣщало въ себя самыя разнобразныя группы, большую часть которыхъ все же составляли мало намъ знакомые малороссы, вплоть до неизвѣстнаго званія босяковъ, безсословныхъ людей. Приходили цѣлыя артели, босяки по одиночкѣ, ободранные, тощіе, испостившіеся, кое-кто безъ рубахъ, съ однимъ воротомъ на шеѣ.

Вечеромъ, послѣ заката солнца, мы всѣ изъ разныхъ участковъ необъятной степи собирались вмѣстѣ, и большой лавиной, подобной смѣшанному стаду, валили подъ пѣсни дѣвчатъ и парубковъ въ таборъ, гдѣ уже горѣли костры, гдѣ ждалъ насъ ужинъ и стояла бочка съ свѣжей, прохладной водой. Прежде всего мы обмывали наши просоленныя и запыленныя лица и тутъ же насыщались или, вѣрнѣе, набивали желудки простой, несытной пищей, тутъ же потомъ спали въ разброску на землѣ.

Молодежь послѣ ужина заводила игры, хороводы, на глазахъ у всѣхъ обнимались, цѣловались, миловались. Часто веселье это затягивалось до глубокой ночи, нарушая тишину и мѣшая нѣкоторымъ спать мирно, но никто противъ такихъ шумныхъ затѣй молодости не протестовалъ, не возвышалъ голоса.

Люди постарше, степенные дядьки, поужинавши, садились гдѣнибудь въ кружокъ и калякали о томъ, о семъ. Стоило къ такому кружку примоститься и заговорить о какомъ-нибудь имъ неизвѣстномъ предметѣ или странѣ, народѣ, чтобы около быстро сгруппировались слушатели. Потребность знанія у этихъ занятыхъ тяжелымъ трудомъ людей существовала очень большая, хотя грамотныхъ во всемъ таборѣ врядъ-ли бы набралось съ десятокъ. Мы никогда не видали за все время совмѣстной жизни ни у одного какой-нибудь книжки или газеты. Общеніе сосредоточивалось большею частью на повседневныхъ интересахъ убогой жизни.

На первыхъ порахъ имъ казалось довольно страннымъ и чуднымъ отъ простыхъ дѣвушекъ, такихъ же чернорабочихъ, какъ они сами, слышать многое неизвѣстное имъ и даже такое, о чемъ они не имѣли понятія. Самый значительный интересъ проявлялся у слушателей, когда разговоръ касался земли. Это былъ всѣмъ желанный, дорогой, огромной важности предметъ, который всѣхъ роднилъ, всѣхъ объединялъ. Сознаніе общей нужды въ землѣ, необходимости въ ней коренилось въ головѣ каждаго, клиномъ входило въ самую простую мужичью психологію.

Мы не вели пропаганды соціализма; чувствовалось, что мы все же являемся чуждымъ, непонятнымъ элементомъ въ этой и намъ мало знакомой средѣ. Чтобы слиться съ этимъ „чернымъ міромъ“,

нужно было преодолѣть неимовѣрную трудность, отказаться отъ всѣхъ удобствъ и радостей жизни, наложить на себя суровую схиму. Недостаточно было короткаго общенія съ этимъ, цѣлыми вѣками разобщеннымъ отъ культурнаго общества, міромъ; требовалось стать ему понятнымъ, принятымъ, слиться и уйти въ него, а этому мѣшала вѣками установленная жизнь народа какъ бы въ подземельѣ, въ чрезмѣрномъ трудѣ, въ отверженіи отъ всѣхъ знаній и культурныхъ цѣнностей. Эта трудность еще усугублялась боязнью, политическимъ строемъ, репресоіями. Ко всѣмъ радикальнымъ разговорамъ замѣтна была настороженность и недовѣрчивость, страхъ, а въ иныхъ случаяхъ самое естественное взаимное непониманіе. Вечерніе наши разговоры кончались часто со стороны крестьянъ словами: „такова наша судьба, такъ намъ на роду написано". Или „сдохнемъ—отдохнемъ".

Бесѣды наши вообще были рѣдки. Послѣ дневныхъ работъ не являлось ни охоты, ни желанія вести разговоры. Утомленное не въ мѣру тѣло просило настойчиво, требовательно отдыха, покоя, и всѣ члены кричали отъ усталости. Растянуться на землѣ, распустить мускулы, лежать неподвижно, смотрѣть на ясное небо, глубокое, изукрашенное яркими свѣтилами и слушать таинственные степные звуки, шуршаніе травы... Въ праздничные же дни весь таборъ расползался кто куда, а остававшіеся лѣнтяи спали безъ просыпа цѣлый день.

Однажды на сѣнокосѣ главный управляющій, замѣтивъ наше чрезмѣрное утомленіе, особенно Г. Ф., изнемогшей отъ непривычнаго труда, перевелъ насъ обѣихъ на баштаны цапать.

Надсмотрщикъ группы полольщицъ, старый николаевскій солдатъ, съ напускной серьезностью, прямой, какъ жердь, не очень тѣснилъ насъ; быть строгимъ съ нами ему мѣшала большая словоохотливость и спокойное философское отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Онъ страстно любилъ пѣніе и дѣвчата хорошо пользовались этою его слабостью. Работа плохо спорилась, когда онѣ окружали кольцомъ этого съ виду строгаго старика и пѣли, танцуя и кружась вокругъ него:

„Ой, діду, діду, діду,
Латай кожухъ до обіду,
Якъ не будешь латать,
Не дамъ тобі обідать".

— Ну, ну,—фельдфебельски сурово останавливалъ онъ поющихъ,—работай! Видите: барыня ѣдетъ... А хоть не работайте, то машите фартуками, ей покажется издали, что вы полете.

Съ этимъ сердитымъ добрякомъ легко шла работа, онъ часто давалъ отдыхъ, передышки, не лѣзъ къ дѣвчатамъ, не охальничалъ.

Вторымъ надзирателемъ былъ грязный городской щеголь, выло

щенный внѣшней городской культурой, не глупый, нахалъ до послѣдняго предѣла. Считая себя превыше всей этой черной деревенской мелюзги, онъ ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считался. Хотя къ нашей женской группѣ онъ ровно никакого отношенія не имѣлъ, но постоянно втирался между нами, хваталъ дѣвчатъ и бабъ за груди, не стѣсняясь ни присутствіемъ стариковъ, ни сосоображеніями отвѣтственности передъ господами, которымъ были извѣстны эти его безобразія; даже управляющій предупреждалъ с непозволительности его поведенія. Этому наглецу представлялас его должность, какъ совмѣщеніе всяческихъ удовольствій и однѣхъ пріятностей среди глупой деревенской темноты и безправія. Дѣвчата отъ него шарахались, какъ лошади отъ волка. Однажды насъ, дѣвчатъ, цапавшихъ баштаны, быстро налетѣвшій ливень заставилъ побросать работу. Всѣмъ гуртомъ мы сбились въ курень караульщика. Размѣстившись въ немъ на землѣ рядами, дѣвушки болтали, шутили между собой, поджидая прекращенія дождя. Не замѣтили, какъ и откуда этотъ надзиратель влетѣлъ въ курень къ намъ и съ наскоку опустился на колѣни сидѣвшей впереди Г. Ф. Всѣ затихли, разговоръ умолкъ, всѣ обернулись на Г. Ф., какъ будто чего-то ожидая. Насъ считали въ таборѣ строгими и крѣпкими русскими. Прошла секунда. Ударомъ въ спину Г. Ф. отбросила нахала съ такой силой и ловкостью, что, проборздивъ носомъ землю, онъ кубаремъ выкатился изъ нашего куреня, сопровождаемый общимъ смѣхомъ и криками работницъ. Это былъ первый отпоръ, который ободрилъ всѣхъ, такъ нагло имъ оскорбляемыхъ. Послѣ того съ его стороны не было попытокъ больше втискиваться въ нашу среду; онъ даже рѣдко показывался въ таборѣ пока окончательно не былъ прогнанъ изъ экономіи. До тѣхъ поръ къ циничнымъ и похотливымъ поступкамъ этого наглеца однѣ относились довольно равнодушно, а другихъ сковывалъ подлый страхъ передъ всякой начальствующей козявкой.

Тогдашнее молодое поколѣніе не утратило еще крѣпостной робости, и она оставалась въ большей степени, чѣмъ допускаетъ человѣческое достоинство и сознаніе своего права.

До непосредственнаго знакомства и общенія съ украинцами мы не имѣли понятія о нѣкоторыхъ ихъ обычаяхъ, не казавшихся среди нихъ предосудительными, но порой связанныхъ съ грустными послѣдствіями. Такъ каждая почти дѣвушка „жениxалась" съ какимъ-нибудь парубкомъ, „жартовали", спали вмѣстѣ и притомъ ихъ любовныя отношенія слишкомъ далеко не заходили; но когда изрѣдка случался грѣхъ, то въ большинствѣ случаевъ суровая среда жестоко и категорично порицала одну только дѣвушку за ея слабость, неумѣнье себя сберечь; на голову грѣшницы обрушивались всѣ послѣдствія общаго грѣха.

Въ первыя таборныя ночи хлопцы пытались подходить и къ намъ съ вкрадчивыми и робкими просьбами пустить на ночь; по-

томъ раза-два пытались лѣзть беззастѣнчиво. Однако наше заявленіе, что у насъ русскихъ такіе обычаи не признаются и мы станемъ драться съ нахалами, было поддержано всѣми пожилыми мужиками, посовѣтовавшими парубкамъ оставить насъ.

— Возьмите, дѣвчата,—говорили они намъ, —дрючки и бейте по мордѣ каждаго, кто до васъ дотронется, а мы ужь вамъ поможемъ.

Вечеромъ громко на весь таборъ пожилые сказали: „эй, парубки, русскихъ дѣвчатъ не трогать: у нихъ нѣтъ такого обычая, а то попробуете нашихъ кулаковъ".

Такое внимательное отношеніе простыхъ людей, ихъ деликатность и участливость трогали насъ донельзя.

Въ дождливую погоду мы оставались въ таборѣ подъ дождемъ въ открытомъ полѣ, укрываясь зипунами, промокая до костей, а послѣ сушась на солнышкѣ. Памятна мнѣ особенно одна „воробьиная ночь", какъ зовутъ ихъ въ Малороссіи. Съ вечера уже стояла жуткая тишина и тьма непроглядная. Густыя облака окутали всю степь, притушили всѣ шумы, всякое движеніе. Какъ будто все замерло. Нашъ таборъ, какъ бы подчиняясь силамъ природы, въ глубокомъ молчаніи кончалъ свои дневныя работы и заботы, и еще не успѣли улечься, какъ изъ нависшей надъ нами черной громады разразились страшные удары. Раскаты грома и непрекращающіяся ни на одну секунду молніи наполнили всю густую тьму непривычными неумолкаемыми звуками. Все небо, какъ огромная доменная печь, отъ горизонта до другого, пламенѣло яркимъ зловѣщимъ краснымъ свѣтомъ. Отъ грохота земля, казалось, дрожала и билась подъ ногами, все неумолчно трещало и гудѣло. Дождь лилъ потоками, какъ изъ открытыхъ шлюзовъ, лилъ безъ остановки, безъ перерыва. Лежать было невозможно. На всей огромной площади табора, заполненной притихшей толпой и озаряемой молніями, тояли рослые, молодые и бородатые, красивые, стройные малороссы. Одни закрывали лица, какъ бы въ молитвенномъ настроеніи, другіе съ трубками въ зубахъ, въ высокихъ мерлушачьихъ шапкахъ, съ накинутыми на плечи свитками, выдѣлялись ярко, подобно кипарисамъ, темными силуэтами. Суровыя лица будто всматривались и прислушивались къ чему-то значительному и непостижимому, внезапно открывшемуся передъ ними. Всю ночь оставались мы неподвижные на ногахъ. Надъ нами, подъ нами бѣжала вода. Утомленные люди не могли лечь до утра. Утро пришло ясное и особенно теплое: первые же лучи обдали тепломъ всю землю и насъ, застывшихъ на ней людей. Глазъ съ невольнымъ страхомъ искалъ разрушительныхъ слѣдовъ страшной ночи. Наши подстилки были частью снесены, трава и пшеница повалены, всюду бѣжали еще шумные потоки. Суета и житейскія заботы вернулись въ таборъ: торопились снимать промокшее платье, сушить его

тутъ же на солнцѣ. Дѣвчата и хлопцы, какъ пробужденныя птицы оживили сразу смѣхомъ и щебетомъ приглушенную жизнь.

Въ праздничные дни значительное большинство таборянъ расходилось въ ближайшія села, на пристань; болѣе тяжелые на подъемъ, люди постарше, оставались въ таборѣ и спали цѣлый день. Пьяныхъ или хотя бы навеселѣ намъ не доводилось видѣть среди работавшихъ.

Мы съ вечера шли въ экономію, предвкушая заранѣе удовольствіе отскоблиться отъ налипшей за недѣлю грязи, пота, отдѣлаться отъ зловредныхъ насѣкомыхъ, постирать бѣлье, отдохнуть на стояще въ тѣни сада, выйти на время изъ трудового хомута.

Тамъ же можно было почитать новый журналъ, узнать новости, поговорить со своими близкими, однимъ словомъ, много предстояло пріятнаго. Елена Ивановна Росикова и Медвѣдевъ приходили въ садъ и мы долго тамъ засиживались по вечерамъ. Хотя первая не была съ нами до того времени знакома, но ея образъ мыслей былъ хорошо намъ извѣстенъ. Въ экономіи мужъ ея служилъ главнымъ управляющимъ, но его воззрѣнія были иныя.

Елена Ивановна, наша тайная единомышленница, отдавала распоряженіе, чтобы въ субботу вечеромъ послали къ ней русскихъ дѣвчатъ, умѣвшихъ отлично мыть голову и парить. Желаніе это казалось всѣмъ вполнѣ естественнымъ и не возбуждало ни у кого подозрѣнія. Въ банѣ мы обмѣнивались съ Еленой Ивановной своими наблюденіямя, замѣченными утѣсненіями работающихъ просили въ укромный уголокъ сада принести намъ самое необходимое. Елена Ивановна, въ свою очередь, знакомила насъ со своею жизнью, съ людьми, населяющими господскій домъ, съ хозяйкой имѣнія. Въ рѣдкихъ случаяхъ, при благопріятныхъ условіяхъ, мы заходили къ Е. И. въ домъ попить чайку послѣ бани. Квартира ея помѣщалась во флигелѣ, далеко отъ панскаго дома и другихъ построекъ. Зналъ ли мужъ о нашемъ присутствіи у жены или не зналъ, только онъ ни разу не обнаружилъ своей любознательности, никогда не заходилъ въ ея комнату при насъ. Въ то время, какъ у Е. И. мы вечеромъ пили чай, онъ въ сосѣдней комнатѣ игралъ на рояли. Думается,—это было простое совпаденіе, передпраздничный кейфъ, и едва-ли нарочитое желаніе сдѣлать намъ удовольствіе.

Намъ было странно послѣ недѣли-двухъ степной жизни встрѣчать тутъ другой міръ, ничѣмъ не похожій на только что оставленный нами тамъ, въ таборѣ. Мы чувствовали съ особенной силой, что здѣсь было такъ много свѣта, красоты, сытости, довольства, и эти, въ тихомъ воздухѣ вечернемъ льющіеся звуки, то нѣжные и тихіе, то бурные и поднимающіе, наполняли невыразимой прелестью ночную тишину южной ночи, усугубляли вмѣстѣ съ тѣмъ особенности двухъ жизней, дворянской и мужичьей, бѣлаго и чернаго міра. Становилось безконечно грустно, росло и

укрѣплялось какое-то враждебно-мстительное чувство къ этому привилегированному міру.

Въ облюбованный нами для ночевокъ самый отдаленный уголокъ сада къ намъ приходили, если позволяли обстоятельства, Елена Ивановна и Медвѣдевъ, занимавшій должность приказчика, о которомъ раньше упоминалось уже. Это былъ талантливый, даровитый юноша, смѣлый, рѣшительный, вѣрный товарищъ и непосредственно искренній, типичный удалой добрый молодецъ.

Владѣлица большого степного имѣнія, мужъ которой почти не бывалъ въ экономіи, наѣзжая рѣдко и ненадолго, проводила все лѣто въ деревнѣ, всегда въ шумномъ и разнообразномъ обществѣ. Тутъ было всякаго жита по лопатѣ: какіе-то заграничные путешественники, обиженныя барышни, покинутыя дамы, компаніонки... Молодая, весело-общительная, хорошая и умная женщина, барыня любила окружать себя новыми людьми, не опасаясь ихъ радикальнаго образа мыслей, не смущаясь ихъ крайними убѣжденіями. У нея хватало сообразительности, чтобы понять, что революціонеры того времени, бравшіе на себя какія-либо обязанности, выполняли ихъ честно, безъ фальши. Кромѣ этого пониманія, она сама была прогрессивная женщина, насколько этотъ образъ мыслей совмѣщался съ ея помѣщичьимъ положеніемъ. Противоположные интересы ставили ее часто, и даже вопреки ея желанію, въ довольно двусмысленное и противорѣчивое положеніе. И, казалось, для смягченія этихъ противорѣчій отчасти, она приглашала къ себѣ такихъ приказчиковъ, какъ Медвѣдевъ, ни мало не скрывавшихъ, кто они и каковы ихъ убѣжденія.

Бродившее среди рабочихъ долгое время недовольство нищенскимъ питаніемъ не прорывалось вслѣдствіе постоянной смѣны рабочихъ, но въ тяжелую пору работы оно чуть не вылилось однажды открыто въ нападеніе и расправу съ управляющимъ. Мы предупреждали Е. И. объ этомъ законномъ недовольствѣ, а она была хороша съ барыней и, конечно, послѣдняя не могла не знать о существовавшемъ непріязненномъ настроеніи среди работавшихъ. Порой на день-два пища становилась лучше, нѣсколько доброкачественнѣе; рѣзко это замѣчалось, когда провизію выдавала Е. И. сама, потомъ снова возвращалось старое.

Барыня же, въ искупленіе ли своей вины, или въ исправленіе черезчуръ большой разсчетливости управляющаго, или же по чувству искренней доброты, начинала возить въ таборъ деликатные фрукты: абрикосы, сливы, груши, что почиталось всѣми работающими простой барской забавой. Выходило это тѣмъ жалостливѣе, что лакомства этого, хотя и очень пріятнаго, хватало немногимъ и то въ весьма ограниченномъ количествѣ.

Непріязнь все же была. Нѣтъ сомнѣнія, что наша помѣщица безъ корыстныхъ цѣлей, безсознательно, вставая рано, направлялась прежде всего на полевыя работы. Ея появленіе хотя бы не в

урочный часъ, на разсвѣтѣ, нарушая нашъ постоянный, законный или временный отдыхъ, вызывало у надзирателей ничѣмъ неоправдываемый зудъ усердія. Они пинками торопились поднимать отдыхавшихъ, гнали на работу безъ всякаго смысла и соображенія, что, конечно, было непріятно.

Началось увяданіе лѣта, хотя оно еще было пріятно и красиво Степная жизнь однако неуклонно замирала. Ограбленные и обнаженныя поля и луга не влекли уже своей чудной прелестью, своими ароматными запахами травъ и цвѣтовъ. Чувство великой радости и восторга, какое вызывается переливами луговыхъ цвѣтовъ и зелеными колыханіями волнъ, смѣнилось настроеніемъ, какое бываетъ при видѣ поблекшей красавицы. Всюду слышались скрипы арбъ, тяжелые шаги воловъ, ихъ пыхтѣніе. Значительная часть работавшихъ куда-то отхлынула, оставшіеся почти одни „сроковые", переселились на гумна, гдѣ шла спѣшная, безостановочная работа-кладка скирдовъ. Съ подвозимыхъ ковчеговъ-арбъ набитыхъ золотой пшеницей, какъ стрѣлы, летѣли тяжелые, гладкіе снопы. На лету подхватываемые крѣпкими руками кладчиковъ, они рядами ровно и тѣсно, мертвецами, жались другъ около друга, все выростая и поднимая вмѣстѣ съ собою вверхъ къ небу кладчиковъ. Что-то вздувалось, росло, давая иллюзію жизни, движенія ввысь.

Поля и луга своею сѣростью и обѣдненнымъ видомъ къ себѣ никого не манили. Перестала ѣздить туда и наша барыня, предпочитая утро встрѣчать въ шумливой рабочей сутолокѣ на гумнѣ. Ея не въ пору ранній пріѣздъ туда часто заставалъ кладчиковъ спящими. Однажды, ничего не подозрѣвая, она, приблизившись къ скирдамъ, замѣтила поздно свою оплошность: кладчики скирдовъ, метальщики и всѣ работники, исполняя спокойно свое дѣло, были голые, въ чемъ мать родила. Тотчасъ-же, какъ бы ничего не замѣтивши, барыня повернула рѣшительно свою лошадь и съ той поры прекратила свои утреннія прогулки по всей линіи работъ.

Послѣ уборки полей и возки хлѣбовъ наступила для всѣхъ работа самая утомительная, но и самая шумная, суетливая. До зари поднимаемые гудѣніемъ паровика и послѣ захода солнца провожаемые имъ же, мы работали усиленнымъ темпомъ, хватая на ходу ѣду, запивая ее спѣшно водой, перебѣгали отъ одной упряжки къ другой. На этой работѣ у локомобиля, шипѣвшаго и брызгавшаго во всѣ стороны паромъ и тучами пыли, все спуталось, перемѣшалось, какъ зерна въ ворохѣ хлѣба на току. Двигались меланхолично волы, таща корабли-арбы съ хлѣбомъ, тутъ же путались погонщики-подростки, дѣвчата съ трескотней сорокъ съ заразительнымъ смѣхомъ. Среди гомонящей базарной толкучки, средняго возраста и пожилые хохлы, своей методичностью

уравновѣшенностью похожіе сами на воловъ, медленно тянули свою упряжку.

Работавшіе у машинъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, были покрыты цѣлыми наслоеніями пыли и копоти; только зубы да яблоко глазъ выдѣлялись рѣзко своей бѣлизной изъ налетовъ грязной пудры. Какъ бы соревнуя машинѣ, толпа проявляла повышенную дѣятельность, усиливая и напрягая все свое вниманіе. Одни кидали снопы, другіе таскали солому, тѣ, зарывшись по уши въ солому, грудили ее въ вороха.

Покончивши съ работой около машины, мы должны были опять вернуться на поля, готовить землю для посѣва. Дѣвушкамъ предстояла работа водить и погонять воловъ, впряженныхъ въ бороны и плуги. Мы, нанятыя на срокъ до Покрова (за $4^{1}/_{2}$-мѣсячный трудъ 17 руб.!) должны были послѣ уборки хлѣба оставаться и осень. Но моя спутница, Г. Ф., какъ раньше упоминалось, переутомленная чрезвычайно непосильнымъ трудомъ, подъ конецъ, выбившись изъ силъ, расхворалась и уѣхала въ Одессу. Вскорѣ и меня заставили тоже покинуть экономію тревожныя вѣсти изъ Москвы. Знакомые увѣдомляли, что тамъ арестованы двѣ мои сестры, три брата и много знакомыхъ. Особенно озабочивало извѣстіе объ арестѣ двухъ младшихъ братьевъ, еще совершенныхъ дѣтей; одному изъ нихъ было не болѣе десяти лѣтъ.

Самаго младшаго арестовали вмѣстѣ съ такимъ же другимъ мальчикомъ у брата, доктора московскаго земства, съ которымъ они жили въ Москвѣ. Продержанные двѣ-три недѣли подъ арестомъ, эти два ребенка были освобождены, но они, одинокіе, оставались безъ пріюта, безъ средствъ, выброшенные буквально на улицу.

Суровая жизнь и ея порядки вступали въ свои права, вспугивая мечты о трудномъ „единеніи съ народомъ“ и отвлекая вниманіе и настроеніе въ другую сторону.

. . . .

Разсчетъ мой въ экономической конторѣ произошелъ при той же обстановкѣ, какъ и поступленіе,—въ отсутствіе главнаго управляющаго. Елена Ивановна выдала мнѣ слѣдуемый заработокъ, удержавъ за недожитое.

Стояла чудная осенняя погода, и мы прощальную ночь провели въ саду, въ нашемъ облюбованномъ скрытомъ уголочкѣ. Туда же пришелъ Алексѣй Федоровичъ Медвѣдевъ. Елена Ивановна посвятила меня въ свое сокровенное и непоколебимое намѣреніе выйти изъ двусмысленнаго положенія жены управляющаго, оставить мужа, принять болѣе активное участіе въ революціонной работѣ, войти въ какую-либо родственную, отвѣчающую ея темпераменту организацію. Нѣкоторую долю вліянія на это категоричное рѣшеніе, думается, имѣлъ въ этомъ случаѣ Алексѣй Федоровичъ. По силѣ характера и [illegible] былъ рѣдкій человѣкъ, и не

теоретическія знанія, которыхъ онъ много не имѣлъ, но умѣнье оріентироваться въ незнакомомъ положеніи, вѣрное и отличное пониманіе общей цѣли, дѣлали его въ высокой степени цѣннымъ работникомъ. Надо помнить, что онъ былъ почти простымъ рабочимъ безъ спеціальной подготовки, безъ широкаго развитія. Онъ легко и свободно сходился съ людьми, очаровывая ихъ удивительной простотой и умѣньемъ проявлять свою индвидуальность во всякомъ положеніи. Въ экономіи онъ не велъ пропаганды, но естественный интересъ, вниманіе дѣлали то, что люди не отказывали ему въ своемъ сердцѣ. Въ приказчики А. Ф. поступилъ, кажется, безъ агитаторской и пропагандистской цѣли, просто для отдыха, для передышки отъ нелегальнаго положенія. Въ то лѣто почти всѣ „башенцы" ушли на лѣто по деревнямъ, отчасти какъ бы для провѣрки своихъ теоретическихъ положеній. На югѣ начинало просачиваться другое, еще неясное направленіе. Нѣкоторая, небольшая часть стояла въ раздумьѣ, кое-кто, правда, немногіе, отрѣшились отъ „общаго предразсудка". Выходецъ изъ народа, самъ „народъ", А. Ф. не твердо вѣрилъ въ скорое осуществленіе соціализма, его симпатіи значительно склонялись къ борьбѣ за политическую свободу.

Послѣ нашего ухода изъ экономіи Елена Ивановна и А. Ф. оставались тамъ недолго. Прощаясь со мною, онъ сказалъ: „Гдѣ потребуется рѣшительное дѣло,—тамъ буду и я".

И онъ это исполнилъ. Интересную страничку его послѣдующей жизни сообщаетъ В. Г. Короленко,—въ очеркѣ „Искушеніе", которую позволяю себѣ привести здѣсь. Авторъ описываетъ свое вторичное пребываніе въ Тобольской тюрьмѣ.

„Почти годъ назадъ, съ 25 августа 1880 г., я провелъ нѣсколько дней въ той же тобольской тюрьмѣ, только въ другомъ ея отдѣленіи. Однажды къ моей двери подошелъ арестантъ, кажется, Ефремовъ, и передалъ мнѣ записку, написанную на обрывкѣ сѣрой бумаги. Изъ нея я узналъ, что въ тобольской тюрьмѣ, въ военно-каторжномъ ея отдѣленіи, сидитъ уже третій годъ въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи политическій осужденный, „именующій себя Фоминымъ".

„Исторія его была свѣжа у всѣхъ на памяти. Послѣ такъ называемаго большого процесса (1877—78 гг.) осужденныхъ Ковалика и Войнаральскаго, видныхъ дѣятелей мирнаго періода революціонной борьбы, перевозили изъ Петербурга для заключенія въ Бѣлгородскую харьковскую центральную тюрьму. Въ это время, среди бѣлаго дня, на шоссе, на виду у косцовъ и жницъ, работавшихъ въ полѣ, на почтовую тройку, въ которой сидѣлъ Войнаральскій и два жандарма, напали двое верховыхъ, которые выстрѣломъ изъ револьвера убили одного изъ провожатыхъ и долго гнались за убѣгавшей тройкой по шоссе. Боязнь ранить арестанта мѣшала

нападающимъ стрѣлять, а быстрота лошадей—догнать ихъ. Вскорѣ они отстали, а уцѣлѣвшій жандармъ съ убитымъ товарищемъ и съ арестованнымъ Войнаральскимъ поѣхали дальше. Они были уже близко отъ мѣста назначенія, когда съ проселочной дороги на шоссе выѣхалъ еще одинъ всадникъ и поѣхалъ на встрѣчу. Жандармъ приготовилъ револьверъ въ полномъ убѣжденіи, что это запоздавшій сообщникъ нападавшихъ. Всадникъ проѣхалъ мимо.

„Впослѣдствіи въ арестованномъ на вокзалѣ молодомъ человѣкѣ жандармъ призналъ этого послѣдняго всадника, а дальнѣйшіе розыски доказали, что этотъ молодой человѣкъ, „именующій себя Фоминымъ",—одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ революціонныхъ кружковъ, что его самого пытались освободить. Послѣ суда, приговорившаго его къ двадцатилѣтней каторгѣ, Фоминъ-Медвѣдевъ бѣжалъ изъ кіевской тюрьмы. Побѣгъ былъ совершенъ съ необыкновенной находчивостью и незаурядной смѣлостью. Боясь новыхъ попытокъ освобожденія, его увезли изъ Россіи съ такими предосторожностями, что долго никто не зналъ, куда его дѣвали. Теперь въ своей запискѣ онъ сообщилъ мнѣ, что его везли подъ номеромъ, что даже жандармы не знали его фамиліи, что его сопровождалъ цѣлый отрядъ изъ пяти жандармовъ, причемъ отъ участка до участка съ ними скакали заранѣе предупрежденные засѣдатели, а на этапахъ, гдѣ происходили иногда остановки „сбивали народъ" и всю ночь кругомъ жгли костры.

„Вся эта странная исторія показалась мнѣ сначала нѣсколько подозрительной: въ тюрьмахъ очень много охотниковъ разсказывать подобныя вещи проѣзжающимъ политическимъ ссыльнымъ, чтобы выманить деньги. Однако я отвѣтилъ, и между нами завязалась переписка. Почтальономъ служилъ арестантъ, подававшій Фомину пищу.

„Въ одной изъ записокъ Фоминъ сообщалъ, что онъ сидитъ въ своей конуркѣ третій годъ безвыходно. Его не пускаютъ гулять, даже не водятъ въ баню. Разъ въ мѣсяцъ вносятъ въ камеру большую ванну, и онъ моется въ присутствіи сторожа и смотрителя. При этомъ у „его благородія" хватало совѣсти насмѣхаться надъ заключеннымъ, который—„ишь ты, моется въ ваннѣ, какъ баринъ".

„Единственнымъ развлеченіемъ Фомина было приготовленіе фигурокъ и игрушекъ изъ мягкаго хлѣба. Какъ-то онъ изловчился сдѣлать глобусъ и подарилъ его ребенку смотрителя. Тогда смотритель позволилъ ему продолжать ремесло, и Фоминъ сдѣлалъ уже весь планетарій, для чего пользовался проволокой изъ оконной рѣшетки. Смотритель и на это смотрѣлъ благосклонно, такъ какъ онъ сталъ продавать эти издѣлія на сторону, платя Фомину по рублю. Сколько самъ получалъ,—оставалось неизвѣстнымъ.

„Понемногу я переслалъ Фомину бумаги, конвертовъ, десять

рублей, тщательно задѣланныхъ въ концѣ копченой колбасы, и, наконецъ, нѣсколько стальныхъ перьевъ, кисть и кусокъ туши, которая всегда бывала со мною (очень удобно хранится и служитъ вмѣсто чернилъ).

...„На слѣдующій день я черезъ Ефремова получилъ записку, написанную, какъ и предыдущія, очень простымъ шифромъ. Деньги и все остальное дошли по назначенію...

„Съ тѣхъ поръ, какъ я посылалъ деньги и перья Фомину (Медвѣдеву), прошелъ годъ. И вотъ самъ я сижу почти въ томъ же положеніи и, судя по всѣмъ признакамъ, въ той же камерѣ. Онъ писалъ мнѣ, между прочимъ, что ему стоитъ величайшихъ усилій хранить недозволенные предметы, такъ какъ еженедѣльно у него производятъ тщательные обыски.

„Теперь я сталъ разыскивать его тайники. Я осмотрѣлъ стѣны, рамы у окна, всякую черточку на желѣзной печкѣ. Наконецъ, кровать. Она была деревянная, грубо окрашена темной краской. Изслѣдуя каждый квадратный вершокъ, я замѣтилъ, что одно мѣсто спинки было слегка неровно и какъ будто немного чернѣе... Я сорвалъ тоненькую пленочку и увидѣлъ, что подъ нею, съ искусствомъ, которое присуще или очень ловкому столяру, или одиночному арестанту, въ кровати вырѣзано углубленіе не больше трехъ квадратныхъ дюймовъ шириной и около 1/3 дюймы въ глубину, закрываемое тоненькой задвижной дощечкой. Чтобы нельзя было замѣтить щелочекъ, искусная рука прикрывала дощечку слоемъ хлѣба, который послѣ окраски тушью давалъ полную иллюзію цвѣта и неровной густоты масляной краски. Съ волненіемъ человѣка, находящаго признаки ближняго въ пустынѣ, я открылъ эту заслонку. Въ углубленіи лежала свернутая бумажка, два стальныхъ пера и кусокъ туши.

„Прежде всего я жадно развернулъ бумажку. Это было мое собственное письмо Фомину (Медвѣдеву).

„Годъ назадъ я сообщалъ ему о нашемъ возвращеніи, о признакахъ новыхъ вѣяній, толки о конституціи, которыми ознаменованы были первые мѣсяцы царствованія Александра III... Помню, что отвѣтъ Фомина былъ полонъ горечи и сомнѣній.

„И вотъ я теперь читалъ свое радостное письмо въ той же камерѣ“...

. . . .

Впослѣдствіи Фоминъ былъ переведенъ изъ этой тобольской одиночки на Карійскую каторгу.

П. Ивановская.

ДОРОЖЕ ВСЕГО.

I.

Выѣхалъ Иванъ Тимофеичъ по-своему не рано, а на станцію пріѣхалъ, такъ избы въ слободкѣ еще тупо смотрѣли на сѣрый свѣтъ утра окнами, слѣпыми со сна.

Но и лошадь у него хороша: плотная, подпруга глубокая, шагъ вольный, ухо строгое,—хотя и не крупна, но проворна.

Въ одну минуту онъ продалъ возъ дровъ и взялъ денегъ столько, сколько, бывало, не платили и за цѣлую сажень.

— Дорого—не бери, я, братъ, не неволю: твои деньги, мой товаръ, дѣло добровольное, — холодно отзывался онъ на вопли покупателей и невѣжливо поворачивалъ спину.

Потомъ, по порученію своей Матвѣвны, кое-чѣмъ въ селѣ приторговывавшей, ходилъ по лавкамъ и, въ свою очередь, ахалъ надъ дороговизной, а ему говорили: дорого—не бери: дѣло добровольное... Да и не вездѣ разговаривали—становись въ очередь и бери, что даютъ.

На обратный путь напросилось двое пассажировъ-попутчиковъ и съ нихъ онъ содралъ по рублю съ головы, что называется, не моргнувъ глазомъ.

— Воля ваша, други, поищите, можетъ, кто свезетъ и дешевле, я не неволю. Вре-емя... во время, какъ говорится, и сопливаго цѣлуютъ.

Пассажиры поругались—отвели душу, потому что, бывало, попутчики покупали бутылочку водки, распивали ее всѣ вмѣстѣ—и айда-пошелъ. И еще поругались потому, что Иванъ Тимофеичъ заставилъ ждать—ходилъ на почту.

— Самъ ждалъ, други.... На почтѣ теперя, точно за святой водой въ сочельникъ въ церкви, промежъ бабъ не продерешься. А ежели письма не захватить, въ село и глазъ не кажи, солдатки выцарапаютъ; онѣ у насъ живутъ отъ почты до почты. Слабодушный народъ эти самыя женщины!

— Сердцемъ онѣ слабы,—подтвердили пассажиры.

— Газету еще купилъ...

— Врутъ все газеты. У насъ перестали читать

Сѣли они и поѣхали.

— Къ ночи, думаю, успѣю въ лѣсъ съѣздить

— Экой ты, братъ... чай, суббота, небось, баба баню топитъ...

— Строюсь я.

Вдоль улицы, на встрѣчу имъ косо летѣлъ мелкій снѣгъ. Рыженькая, кудряво-заиндевѣвшая собака поджала хвостъ, подняла морду, тявкала и подвывала—ворожила пургу.

У Ивана Тимофеича не только лошадь хороша, но и сбруя у него не веревка, а ремень сыромятный, мягкій, промазанный саломъ, и сани и все—хорошее, хозяйственное, не скрипнетъ. Клади, что хочешь, и поѣзжай, куда хочешь,—ложись и спи. Да и самъ Иванъ Тимофеичъ тепло снаряженъ и туго подпоясанъ краснымъ кушакомъ.

Всю дорогу разговаривали о дороговизнѣ и о томъ, что дѣла небывало-хороши, только помни одиннадцатую заповѣдь—не зѣвай. Иванъ Тимофеичъ вообще любилъ покалякать.

Дома Марья Матвѣвна отобрала у него выручку, свѣрила деньги съ покупками, заперла ихъ въ сундукъ со звонкимъ запоромъ и заторопила въ лѣсъ.

— Поѣзжай, подуло вонъ—хорошо будетъ... Я бы и сама поѣхала, да день субботній.

Завелъ было Иванъ Тимофеичъ разговоръ на счетъ войны съ солдатками, пришедшими за письмами, но и тутъ ему Матвѣвна ходу не дала:

— Недосугъ намъ, бабы, разговоры разговаривать! Ступайте къ учителю, онъ жалованье получаетъ.

Мы не послѣдуемъ за Иваномъ Тимофеичемъ въ лѣсъ, потому что мы бы ему тамъ только помѣшали и, съ другой стороны, рисковали бы навлечь на себя подозрѣніе въ соучастіи съ нимъ въ лѣсной порубкѣ. Если мужикъ строится, да поѣхалъ въ лѣсъ къ ночи въ субботу въ мятель,—ясно, что онъ хочетъ стянуть деревцо-другое въ чужомъ лѣсу, вѣроятно, въ барскомъ, потому что рядомъ съ мірскимъ всегда есть барскій лѣсъ и межи у нихъ всегда спорныя. Это не очень опасно—вьюга занесетъ слѣды. Конечно, въ лѣсу сторожа есть, но вѣдь не одинъ Иванъ Тимофеичъ ѣздитъ въ барскій лѣсъ, еслибы не было воровъ, то не было бы и сторожей.

Правда, оно будто грѣхъ... Но вѣдь не согрѣшишь, такъ и не покаешься, да и что не грѣхъ—кто знаетъ... Что, бывало, было не грѣхъ, стало грѣхъ и—наоборотъ, и развѣ запомнишь все, что грѣхъ? А, главное—надо, а разбираться во всемъ этомъ некогда. Хозяйственный человѣкъ вообще, какъ лошадь на топчакѣ: не то она колесо вертитъ, шагая, не то колесо за-

ставляетъ ее шагать, вертясь, но надо шагать безостановочно, остановиться нельзя. Хозяйственный годъ, какъ колесо, кружится, нельзя не только отстать, но и опоздать, нужно поспѣть къ сроку и начать въ срокъ, потому что на все положенъ свой срокъ. Одно кончилъ, другое начинай и опять сначала, и поспѣвай. Тутъ въ одинъ срокъ опоздаешь, въ другомъ не наверстаешь.

Иванъ Тимофеичъ и Марья Матвѣвна старались не только не опоздать, но и впередъ наверстать. Не только во всѣ положенные сроки поспѣвали, но и свои сроки ставили особые. Поставятъ себѣ, бывало, цѣль и достигаютъ, упражняя воздержаніе и, конечно, хребетъ. А Марья Матвѣвна всегда впереди шла. Когда-то въ прошломъ долго копили деньги на большой новый самоваръ и лампу «Молнію» и накопили. Долго достигали хорошей праздничной упряжной сбруи съ перевѣсами и съ наборомъ, казанскихъ санокъ съ ковромъ, тарантаса, и достигли. Теперь ни у кого нѣтъ лучше во всемъ селѣ. Достигая, они изо дня въ день гонялись за добычей, загоняя каждую копейку въ сундукъ со звономъ. Теперь они строили новую избу.

Иванъ Тимофеичъ ненадежный мужикъ, мягокъ, съ прохладой на работу, любитъ посидѣть за самоваромъ, повести пріятный разговоръ съ хорошимъ человѣкомъ о томъ, о семъ... О томъ, что въ газетахъ пишутъ, о Государственной Думѣ, объ Америкѣ побесѣдовать, поглаживая бороду. А борода у него бобровая и мужикъ онъ гладкій, видный, глаза ясные, купцомъ бы ему быть или кучеромъ у господъ. Марья—некрасивая, рабочая баба, широкая, сутулая, жилистая, безъ таліи и безъ всякихъ такихъ женскихъ пріятностей. Бѣлобрысая, цѣпкая за свое, злая на работу, неусыпная. Цѣлый день она шмрыхчетъ въ старыхъ кожаныхъ калошахъ, высоко подоткнувъ подолъ и сверкая жилистыми ногами, то въ сѣняхъ, то въ хлѣву, то въ подпольѣ.

Дѣла много. Скотины полонъ дворъ; цѣлый день на дворѣ всякая тварь по-своему пить-ѣсть проситъ. Да и не только на дворѣ. А корму надо дать не зря, а съ разсчетомъ и во время. А сколько въ амбарѣ, чуланѣ, подпольѣ скоплено всякихъ припасовъ у Матвѣевны! Въ мѣшкахъ, горшкахъ, кадочкахъ и лукошкахъ хранится! И за всѣмъ этимъ надо слѣдить, чтобы не сгнило, не скисло, не отсырѣло или не высохло! За всѣмъ надо глаза и руки и память, потому что всему этому тоже есть свои сроки. Теперь вдобавокъ она понемногу начала приторговывать: керосинъ, масло, чай, сахаръ, пряники... Завидитъ она на улицѣ у торговаго человѣка остатокъ горшковъ на возу, лукошекъ или колодъ,—не прозѣваетъ, купитъ, если тотъ, чтобы расторговаться, отдастъ подешевле. Если застигнетъ нужда, бабы приносятъ ей яички, или масло или платокъ въ

закладъ,—выручитъ. Однимъ словомъ, жохъ-баба Матвѣвна.

Ребятъ у Матвѣвны столько, сколько слѣдуетъ—двое.

II.

Вечеромъ вьюга сердито швыряла въ окна. Зашелъ запорошенный снѣгомъ Китовъ, торговый человѣкъ.

Этотъ Китовъ еще недавно былъ голодный и всегда пьяный прахъ, за пару рублей неистовствовавшій съ чужой лошадью на ярмаркѣ и молотившій языкомъ вдвое быстрѣе любого цыгана,—теперь онъ отяжелѣлъ, сытый и сонный. Онъ толстѣетъ; а если мужикъ толстѣетъ, значитъ, у него карманъ толстѣетъ —это извѣстно.

— Охъ, не укупишь у тебя, Матвѣвна! Ну, да хоть прицѣнюсь, думаю.

И сидѣлъ, равнодушный, зѣвая и крестя ротъ, а Марья Матвѣвна показывала овчины, шерсть, масло. Только къ телушкѣ, поеной, по словамъ Марьи, однимъ молокомъ, Китовъ обнаружилъ нѣкоторый интересъ: подошелъ и ткнулъ толстымъ пальцемъ въ бокъ, а телушка фыркнула и замотала головой, точно обиженная.

— Жидка, поменьше бы воды подбавляла... Кожи сроваты, а шерсть грязна,—замѣтилъ онъ небрежно, еле-еле взглянувъ, и сталъ подтягивать кушакъ, будто собираясь уходить.

— Не бери, не неволю. Намъ не къ спѣху,—еще равнодушнѣе отвѣтила Марья.

— Не къ спѣху намъ,—повторилъ Иванъ Тимофеичъ.—А только шерсть чистая, овцы у насъ подъ порошей стоятъ... Вы это напрасно.

Китовъ пошелъ было, но остановился, высоко поднялъ и чуть-чуть положилъ ладонь на ладонь Ивана Тимофеича—жестъ большого торговаго человѣка.

— За все чохомъ сколько, безъ лишнихъ словъ?

— Какъ—Марья Матвѣвна?..

— Какъ—Иванъ Тимофеичъ?..

Они вышли, пошептались, хотя цѣна была давно надумана. Цѣна была съ запросомъ и Китовъ, ни слова не говоря, ушелъ. И еще два раза уходилъ, но заплатилъ сколько запросили.—«Вре-емя!».

— Вамъ, которые хозяйствуютъ, не житье нынче, а одно удовольствіе—загребай деньги!

— Ну, деньги нынче не въ диво, у всѣхъ много,—отражаетъ Матвѣвна.—И вамъ, торговымъ, ничего, жить можно...

— О-одинъ оборотъ!..—пренебрежительно машетъ рукой Китовъ.

Марья Матвѣвна опять заперла деньжонки въ сундукъ со звонкимъ запоромъ и хозяева стали собираться въ баню, приказавъ работницѣ дѣвкѣ Анфисѣ самоваръ ставить

Все шло хорошо, а прошлая недѣля закончилась даже очень хорошо. «Иванъ Тимофеичъ хотя и простоватъ,—думала Марья Матвѣвна—а не зѣвалъ, и Китову продали во время; какъ будто и продешевили нѣсколько, но и то хорошо, несообразно много взяли. Теперь мясоѣдъ прошелъ, наступаютъ новые сроки, но новые сроки только къ плохому хозяину приходятъ врасплохъ, точно изъ засады накроютъ, и тотъ начнетъ метаться—полы обрѣзывать, да рукава наставлять,—только къ плохому, а имъ срокъ, слава Богу, не сядетъ на шею хозяиномъ...»

Теперь предстояли два такія блаженства, какъ баня и самоваръ послѣ бани.

Впереди шла въ баню Марья Матвѣвна, по этому случаю смиренная и покорная, сзади Иванъ Тимофеичъ—серьезенъ и строгъ. Это ужь таковъ обрядъ.

Пришли изъ бани замученные, еле ноги передвигающіе. Какъ взошли, такъ оба и повалились на полъ въ блаженной усталости и сладкой истомѣ. А, отдышавшись, выпили по ковшу холоднаго квасу. Еще полежали и только послѣ этого сѣли чай пить.

Настоящую жажду почувствовали послѣ пятаго стакана и вмѣстѣ съ тѣмъ полное довольство.

А послѣ десятаго Иванъ Тимофеичъ глубоко вздохнулъ и завелъ свой разговоръ:

— Марья Матвѣвна, слышь, что я тебѣ скажу...

— Слышу, Иванъ Тимофеичъ, скажи,—отозвалась Марья Матвѣевна, какъ всегда, нѣсколько насмѣшливо.

— Выдумалъ я въ головѣ своей одинъ плантъ...

— Ну?

Матвѣвна вытерла обильный потъ концомъ полотенца и разостлала его на колѣняхъ своихъ и мужа.

— Не нукай, а слушай, что я буду говорить... Тово... взгромоздимъ-ка мы, давай, на новой избѣ мизининъ!..

— Ври, ври...

— А чего тутъ... Строить, такъ строить! Суммы теперя намъ это вполнѣ дозволяютъ.

Иванъ Тимофеичъ снялъ съ полицы счеты.

Ребята спали. Весело топилась, звонко пощелкивая, желѣзная печка. Сквозь рѣшетку печки, по промытому посинѣлому полу, бѣгаютъ золотые лучи, точно щупаютъ золотыми пальцами, просохъ ли полъ.

Окна занавѣсили. Тишина. Только слышно, какъ вьюга шаритъ за стѣной, взметаетъ снѣгъ и швыряетъ въ окна. Но отъ этого какъ-то даже уютнѣе въ избѣ съ занавѣшенными окнами,

Матвѣвна вынула изъ сундука со звономъ деньги. Иванъ Тимофеичъ пододвинулъ счеты и помуслилъ карандашъ.

— Не люблю я вотъ эти...—говорила Матвѣвна, откладывая двѣ серіи и жеманно поджимая губы.

— Ты ничего не понимаешь,—отрѣзалъ Иванъ Тимофеичъ. Онъ былъ совсѣмъ похожъ на строгаго хозяйственнаго мужика, а Марья Матвѣвна, какъ и слѣдуетъ быть, на своемъ бабьемъ мѣстѣ.

— Въ мизининѣ, стало быть, чтобы горница была... И все чтобы было, какъ слѣдуетъ: занавѣси чтобы, на столѣ клеенка приличная, подносъ и все такое... Горка за стекломъ. А въ горкѣ—вилочки, тарелочки... фигура бы графа Толстова стояла и другое прочее... Чтобы въ случаѣ ежели гость, хорошій человѣкъ,—принять можно, какъ слѣдуетъ, благородно, прилично... Граммофонъ купимъ... А ты что думала? Обязательно купимъ! Купимъ, да и все тутъ!..

— Ври, ври больше! — притворно противорѣчила Марья Матвѣвна, самодовольно поджимая губы.—Ужь ты начнешь выдумывать... Выдумщикъ!

Стали разсчитывать и итоги подводить. У Игнатьевыхъ какъ и у другихъ хорошихъ хозяевъ, итоги подводятся за постъ, за мясоѣдъ (за Филипповки или Госпожинки), а также и за недѣлю. Нынче хорошіе мужики не живутъ спустя рукава, а считаютъ и время мѣряютъ. Часы и счеты въ избѣ на первомъ мѣстѣ.

Хорошо было въ этотъ вечеръ. И Иванъ Тимофеичъ выдумывалъ хорошо, и вокругъ себя, какъ оглянулись да прикинули, такъ тоже выходило хорошо: и на дворѣ, и на гумнѣ, и въ амбарѣ. И какъ-то даже хорошо было слышать, какъ бушевала и сиповато подсвистывала вьюга за стѣной, потому что она бушевала за стѣной. И пріятно было пожалѣть того, кого застигла вьюжная ночь въ полѣ въ дорогѣ: «Не дай Богъ теперя въ полѣ—бѣда!..».

Но очарованіе пріятной бесѣды скоро сама же и нарушила Марья Матвѣвна, какъ только пришло время:

— Хороши разговоры, да не кормлены коровы,—пойдемъ, выдумщикъ, замѣсимъ!

Ужь она свое дѣло не забудетъ, эта Марья Матвѣвна. Такъ казалось, да такъ оно и было.

На другой день въ воскресенье въ избѣ съ утра пахло пирогами съ лукомъ. Только-что пришли отъ обѣдни. Иванъ Тимофеичъ въ новой ситцевой рубахѣ и жилеткѣ, въ новыхъ валенкахъ съ золотыми клеймами на голенищахъ, въ резиновыхъ калошахъ, сіяющихъ, какъ зеркало, ходилъ по избѣ и пѣлъ—«Взбранной воеводѣ». А Марья Матвѣвна въ новомъ

кубовомъ сарафанѣ, широкомъ, какъ пологъ, и люстриновой кофтѣ, укладывала свой зеленый сундукъ со звономъ.

Много было добра у Матвѣвны въ зеленомъ сундукѣ.

Она развертывала во всю ширину и во все ихъ великолѣпіе широкіе, какъ паруса, платки и сарафаны, и аккуратно складывала ихъ, ослѣпляя сосѣдскую дѣвку Оньку, млѣвшую отъ восхищенія и зависти. Онька прибѣжала занять соли, да такъ и осталась, какъ прикованная, завороженная великолѣпіемъ, которое помѣщалось въ зеленомъ сундукѣ.

— Вотъ эту Иванъ Тимофеичъ купилъ,—хвалилась Матвѣвна, развертывая ткань—«красными ягодками по зеленой землѣ».—Въ Покровъ ѣздилъ на ярмарку и привезъ.

И развертывала все новыя матеріи—одна другой краше. Въ самомъ дѣлѣ, чего-чего тутъ не было въ зеленомъ сундукѣ! Самое дно, фундаментъ, занимали холсты: толстые, тонкіе, браные, пестряди—«по красному», «по синему» съ бумагой — твердые, какъ лубокъ, неизносимые—для рубашекъ и штановъ. Затѣмъ лежали наряды старинные, которые, въ сущности, никогда не носились, а только хранились. «Галнитуровый» сарафанъ надѣвала одинъ разъ въ своей жизни бабушка, когда вѣнчалась, и одинъ разъ мать Матвѣвны—на свадьбу, а сама она ужъ не надѣвала. И были ткани: палевыя, моревыя, орѣховыя, болотовыя, пепловыя, которыя еще немного носила сама Марья прежде, а теперь ужъ не надѣнетъ. А дочь ея Анютка ужъ не будетъ носить эти красивые ситцы—въ полоску, въ клѣточку, съ травами, съ ягодками,—ни за что на свѣтѣ.

Мода стала перемѣнчива и въ деревнѣ. Сколько поколѣній, сколько столѣтій носило все одинъ и тотъ же сарафанъ! Были сарафаны штофные, малиновые, китайчатые, потомъ кубовые, москали, — но это все былъ сарафанъ, только выемку потомъ стали дѣлать уже. Но на нашихъ глазахъ сарафаны донашиваютъ, и эти самыя кофты и юбочки, что ни годъ—то мода.

Какіе были платки въ сундукѣ у Марьи Матвѣвны! Красные, зеленые, желтые и красно-зелено-желтые—вещи уже современной моды. Понятно, Онька, которая еще только начала свой сундучишко, только вздыхала и заводила глаза подъ лобъ.

Еще бы, вѣдь сундукъ это—бабье основаніе въ домѣ, единственное красное мѣсто въ избѣ, бабьи радости и воспоминанія. Даже старуха припомнитъ и помолодѣетъ, когда будетъ разсказывать, какъ она «въ этомъ, вотъ, сарафанѣ выходила разъ на гулянье въ Троицу»...

— Иду—а по подолу бахрома—на головѣ былъ повязанъ,—какъ сейчасъ вижу—вотъ этотъ платокъ съ желтымъ кругомъ по орѣховой землѣ—на кромочку тогда повязывали. Иду,

зелено, радостно—солнышко, пичужки, цвѣточки,—тогда лучше было все—иду на гору, а Иванъ-атъ Тимофеичъ на встрѣчу мнѣ съ горы идетъ... Хи, хи, хи! Озорной онъ былъ въ парняхъ—бѣда!..

Не успѣла Матвѣвна сложить вчетверо широкій платокъ съ желтыми разводами по зеленой землѣ, какъ въ окошко вдругъ коротко и рѣзко постучали съ улицы...

— Игнатьевъ, къ старостѣ!

Стукъ ли такой особенный, или то, что позвали—не Тимофеичъ, а Игнатьевъ, или сердце почуяло, но Матвѣвна испугалась и уронила платокъ.

Глянули на улицу, а подъ окошкомъ десятскій стоялъ, со двора на дворъ бѣгали люди и вдоль улицы шла толпа мужиковъ, впереди Афанасій, точно пьяный: подобралъ бороду и ухарски выкрикивалъ на всю улицу, какъ какой-нибудь парень:

«Не въ послѣдній-ли разочекъ я сосѣдямъ досажу,
Не въ послѣдній ли разочекъ я по улицѣ хожу»

И приплясывалъ:

«Не троньте меня!
Не ругайте меня!
Я послѣдній день гуляю,
Пожалѣйте меня!».

— Небилизація, значитъ,—сказалъ Иванъ Тимофеичъ и сталъ надѣвать полушубокъ, никакъ не попадая въ рукава.

III.

Провожать назначено было черезъ недѣлю, и эта недѣля пролетѣла на быстромъ конѣ.

Всѣ бросились на работу, старались управиться, запастись.

Возили дрова, сѣно, ѣздили на мельницу, торопились, молотили. Иванъ Тимофеичъ, мягкій человѣкъ на работу, не отставалъ отъ другихъ. Ну, а Марья Матвѣвна прямо освирѣпѣла. Цѣлый день металась изъ избы на дворъ и на улицу; топала въ сѣняхъ, бушевала съ курами, телятами и поросятами, высоко подоткнутая, растрепанная, какъ курица осенью, некрасивая баба. Точно она, подымая содомъ, нарочно это дѣлала и, бѣгая, старалась убѣжать отъ чего-то.

Но Ивана Тимофеича не надолго хватило; онъ однажды привезъ возъ соломы на дворъ, хотѣлъ свалить, ткнулъ вилами, но вилы какъ-то сами вывалились у него изъ рукъ,—постоялъ въ раздумьѣ, да и пошелъ въ избу.

— Уберите тамъ все, — приказалъ онъ. И больше не заглядывалъ на дворъ.

Сѣлъ за самоваръ, закрутилъ усы, да и пошелъ ходить по улицѣ, покручивая усы.

И Марья Матвѣвна послѣ этого сразу какъ будто устала. Кромѣ того, Иванъ Тимофеичъ подстригъ затылокъ подъ польку, подровнялъ бороду, закурилъ папиросу и сталъ звать Марью на «вы».

— Желаю совсѣмъ обрить бороду, желаю быть въ полномъ видѣ. Вы, Марья Матвѣвна, будете получать казенный паекъ.

Сказалъ онъ это подъ руку.

Матвѣвна несла корчагу съ пряжей въ это время, да такъ и грохнула среди пола послѣ его словъ. Посмотрѣла на дѣла рукъ своихъ, пнула черепки и сѣла на лавку въ полномъ изнеможеніи.

И пролетѣла недѣля на быстромъ конѣ, а въ субботу послѣ бани, вытянулись вдоль улицы мірскія подводы.

Что было въ избахъ—не видно, а вышли и сѣли красные, молчаливые, точно сердитые. Все бы перезабыли бабы, да староста Прокофій Лукановъ зорко слѣдилъ, хотя и самъ провожалъ брата. Зналъ, не первыя подводы провожалъ староста изъ села.

— Молимся Богу!

«Э-эхъ, у воротъ стоитъ лошадка,
Лошадь запряженая,
Не про насъ-ли, ратниковъ,
Она припасеная».

Помолились и потянулись изъ села и вдоль прясла къ синему лѣсу.

Вплоть до лѣсу ровное поле подъ волнистымъ синеватымъ настомъ. Солнышко и вѣтры за недѣлю подсушили, отполировали поле—оно ослѣпительно блеститъ. Обнажились межи, торчитъ жнивье и высокая полынь на межахъ. Уже мартъ, и теперь это не просто поле, а паръ—и вонъ, полосы... вонъ: «Двудѣльныя», «Огибныя», «Максимихи»... А къ пряслу придуло высокую твердую косу и всегда струитъ вѣтерокъ тутъ, печально подвывая въ пряслѣ.

Темная стѣна лѣса впереди, а на фонѣ его бѣлая, какъ облако, подъ инеемъ, какъ подъ кисеей, ближняя березовая рощица. Лѣтомъ здѣсь, въ тѣни ея, блѣдная, шелковистая травка...

Въѣхали въ лѣсъ. Остановились подъ темными сводами.

— Стойте, православные!

Староста обошелъ подводы, подтянулъ безъ всякой надобности подпругу у передней лошади. Потоптался и махнулъ рукой.

— Стало быть, съ Богомъ!.. Въ Сновѣди будете кормить... Ну, тово, прощай, братикъ!

Стали прощаться.

Братъ Исакъ и староста, оба бородатые мужики, облапили другъ друга и затоптались медвѣдями. Расхватились красные съ мокрыми отъ слезъ бородами и опять обнялись—затоптались.

— Братикъ, родной, не думай... не думай!—бормоталъ Прокофій.

— Ребятъ не оставь... Замѣсто меня будь.

Филатьевъ Михайла, съ перекошеннымъ лицомъ и полными слезъ глазами, наступалъ на свою Палагею и злобно шипѣлъ:

— Не реви! Не реви, тебѣ говорятъ!

Палагея пятится отъ него и взвизгиваетъ, обливаясь слезами:

— Я не реву! Ты самъ не реви!

— А я тебѣ говорю—не реви, а то... а то... убѣгу!

Оба они судорожно гримасничаютъ и, въ концѣ концовъ азартно кричатъ другъ на друга:

— Я тебѣ говорю, не реви!

— Самъ ты не реви!

Всѣ ревѣли.

Только нашъ Иванъ Тимофеичъ одной рукой покручивалъ усъ, а другую галантно подавалъ Марьѣ Матвѣвнѣ:

— Вы, Марья Матвѣвна, не безпокойтесь. Вы будете получать казенный паекъ.

Марья Матвѣвна стояла столбомъ, переминаясь съ ноги на ногу.

Анна Плахина ткнулась головой въ новенькій полушубокъ своего блѣднаго сутулаго Ивана, мочила его слезами и тихонько, басомъ причитала:

«Кормилецъ ты нашъ, Иванъ Миха-алычъ,
Уѣзжаешь ты въ дальню сто-орону,
Покидаешь ты дѣтей малы-ихъ,
Оставляешь сиротъ горькі-ихъ...».

— Тетка Анна, вы же будете получать казенный паекъ!—утѣшаетъ и ее Иванъ Тимофеичъ.

— Не реви, говорю, а то убѣгу!—кричалъ Филатьевъ.

И въ самомъ дѣлѣ побѣжалъ.

— Ты самъ не реви! Ты самъ не реви!—завизжала Палагея и побѣжала за нимъ.

Но запнулась она, упала и, какъ говорится, за сердце схватило бабу, заголосила пронзительно, заметалась.

Въ это время подводы тронулись, и нашъ Иванъ Тимофеичъ вдругъ, точно укушенный, вскочилъ на переднюю, отчаянно задергалъ вожжами и закричалъ дико:

— Н-но! Эй! Живѣй! Шевелись, д-дѣлай! У-р-ра!

Помчались, и вереница подводъ быстро таяла, лѣсъ точно глоталъ одну за другой переднія.

Всѣ побѣжали, и всѣхъ дальше бѣжала Анна Плахина. Ея Иванъ сидѣлъ на заднихъ саняхъ и махалъ ей шапкой. Она бѣжала и кричала:

— Иванушка! Иванъ Михайлычъ! Погоди!.. Видишь ли меня? Ой, за сосенкой! Не видать Ивана Михайлыча...

Всплеснула руками и сѣла въ снѣгъ, какъ подкошенная.

И уѣхали.

Долго кучка бабъ кланялась темному лѣсу и разноголосо причитала.

— Батюшки! Родимые! Голубчики!—надрывалась Палагея, всплескивая руками.

А потомъ и побрели бабы домой по дорогѣ вдоль прясла, а сзади всѣхъ старая Дарья, мать Ивана.

Крѣпко было держалась старуха, но Анна ее—какъ косой подъ ноги—обернулась, привѣтила:

— Не падай, старая—третьяго проводила!

Найдетъ же сказать этакое слово!

И упала Дарья. Пришлось ее подъ руки вести.

IV.

Вотъ и все...

Въ домѣ стало пусто, темно и холодно.

Марья Матвѣвна не плакала. Тѣмъ и плохо, что слезы не шли, а кипѣли на сердцѣ и ложилась на сердце темная тоска. Все вываливалось изъ рукъ, все перезабыла.

Выйдетъ она на дворъ, постоитъ: голодныя коровы мычатъ, черезъ угрызанную изгородь протягиваетъ свою морду «Сѣрый» и негромко просительно ржетъ, точно ему совѣстно, что онъ принужденъ просить.

— Такъ-то, Сѣрый, нѣту хозяина,—скажетъ Матвѣвна.

Пройдетъ въ хлѣвъ: свиньи вразъ поднимутъ голодные пятаки на встрѣчу, тычутъ подъ ноги; овцы ополоумѣли, проходу не даютъ.

— То-то вотъ, животныя, нѣту хозяина, нѣтъ Ивана Тимофеича... Вотъ я вамъ сѣна принесу.

Слазитъ на сѣнницу, постоитъ тамъ, да о сѣнѣ и забудетъ. Въ избѣ—посуется изъ угла въ уголъ безъ толку—все валится изъ рукъ. Въ дѣлахъ потеряла и началъ, и порядокъ, все смѣшалось. Въ головѣ нѣтъ мыслей, пусто, на сердцѣ тѣсно и темно, какъ ночью. Но слезъ нѣтъ. Посуется Матвѣвна и сразу устанетъ; устанетъ и сядетъ обезсиленная. А на мѣстѣ не сидится... не найдетъ себѣ мѣста.

— Такъ-то, Егорушка, нѣтъ у насъ отца, нѣтъ въ домѣ хо-

зяина... Ты, вотъ, еще малъ,—скажетъ она маленькому Егору, серьезному, но малому человѣку.

Ходитъ, ходитъ Матвѣвна, мечется цѣлый день безъ толку. Жизнь опрокинулась, какъ телѣга съ возомъ, а она ходитъ, растопыря руки, и не знаетъ, что дѣлать. Ночью не спится — тоска. Сидитъ, не спитъ и чутко прислушивается, ловитъ звуки. А звуки родятся, когда ихъ ловятъ.

По ночамъ подули весенніе вѣтры. Слушаетъ, и чудится Матвѣвнѣ, точно будто у двери шарятъ, то въ окно постучатъ, какъ будто прошелъ кто-то подъ окномъ, вотъ, на крыльцѣ захрустѣли шаги. Сидитъ и слушаетъ, а ночи долгія, долгія...

Мужикамъ въ селѣ было некогда, они гонялись за большими заработками, а бабы жили отъ почты до почты. Почта приходила каждую недѣлю въ пятницу и ждали этого дня съ нетерпѣніемъ и страхомъ, все возроставшимъ. Вѣдь писемъ ждали съ войны! И съ каждой пятницей обманутаго ожиданія обострялся этотъ страхъ, изнурялъ бѣдную бабу до того, что не было силъ до почты дойти. Каждую ночь снились пугающіе сны. Разсказывали ихъ, пытались разгадать, что къ чему. Гадали всякими хитрыми способами. Такъ хотѣлось успокоить больное сердце и придумать, подыскать какую-нибудь утѣшительную причину, помѣшавшую Иванушкѣ письмо послать.

Отъ Ивана Тимофеича все не было и не было писемъ.

Стала Марья Матвѣвна бродить по чужимъ дворамъ, то у Плахиныхъ, то у Палагеи, то у другихъ.

У Плахиныхъ Дарья разсказываетъ—горюетъ все объ одномъ и томъ же:

— Да-а, подруга, третьяго проводила... Всѣхъ жалко, а всѣхъ жалче Никешу—молодъ. Все просилъ, бывало, Никеша: сдѣлай милость, тятя, не жени меня, чай, ребятки будутъ, а мнѣ—въ солдаты. Ну, отецъ не послушалъ—женилъ, онъ у насъ строгій. Теперя у бабы двое ребятъ, да и баба молодая осталась... Да и то сказать, подруга, вышло, что всѣмъ въ солдаты: Афоня еще раньше Никеши угодилъ и Ивана проводили...

Придетъ Матвѣвна рано утромъ послѣ безсонной ночи. Дождется разсвѣта и—къ Плахинымъ. Въ избѣ сѣренькій свѣтъ въ тусклыхъ окошкахъ. Топится печка: потрескиваетъ, шипитъ, ворчитъ. Бродитъ сонная Анна. Возится около печки, рубитъ грибы въ корытѣ, переливаетъ воду—воду варитъ. Маленькій Ленька съ подвязанной назади узломъ рубашонкой качается на тонкихъ ножкахъ, выбираетъ изъ горшка грязную картошку и разговариваетъ: ба-ба, ма-а-ма... А старуха разсказываетъ—тужитъ:

— Сядемъ, подруга, обѣдать, а я и говорю: Ленька, зови тятю! Васятка, зови дядю! И ты—Иванушка... Кричите, ребя-

тишки: Никифа-аръ! Афоня-я! Идите обѣда-ать! И закричать, подруга, во весь голосъ. Таково-то жалостно... Они кричать, а я реву... Нѣ-ѣтъ, подруга, не придутъ, не услышатъ — далеко залетѣли. ...Бранятъ меня: ночью не сплю, раздумаюсь, сердечушко заболитъ и заголошу тихонько: прилети-ка ты, кукушечка, сядь-ка ты на окошечко, прокукуй-ка про Афонюшку... Н-у, услышатъ и забранятся: тоску, слышь, наводишь... А мнѣ, подруга, терпѣнья нѣтъ.

И клала, старая, сама того не замѣчая, тяжелые камни на сердце Марьи Матвѣвны.

— Тоже и сердцу воли нельзя давать, подруга, а то «онъ» тутъ какъ тутъ, летать станетъ.—Старуха зловѣще понижаетъ голосъ.—Вонъ, Настасья, не въ себѣ стала, отчитывать хотятъ... Вчера, говорятъ, рано, рано идетъ съ гумна—вонъ куда ее по сугробамъ носило—идетъ и радуется: «А мнѣ Степа яблоко принесъ!» И радуется. А яблоко-то, оно, лошадій навозъ... Ночью побѣжитъ отпирать: «Степушка стучитъ, Степа пришелъ!» Совсѣмъ баба испортилась, не въ себѣ...

— Азовый годъ, слышь... Въ старыхъ книгахъ все прописано, когда чему быть... Старики читали: азовый годъ приходится, слышь...

Стала совсѣмъ отбиваться Матвѣвна отъ дому.

Спуталась, растерялась она, въ домѣ и на дворѣ въ дѣлахъ потеряла и порядокъ, и началъ, сроки всѣ вышли изъ головы. Съ чего утро начать, что самое главное, первое,—не можетъ надумать. И то будто надо, и это надо, но все это не первое, не главное, все это можно сдѣлать потомъ, это не замѣнитъ ей того, что ушло изъ жизни и не воротить, отъ этого не уйдетъ тяжелая тьма, что легла на сердце. Да и силъ нѣтъ, все валится изъ рукъ и тоска гонитъ изъ дому.

У Палагеи гадаютъ или сны разсказываютъ и сны похожи одинъ на другой.

— Будто бы, бабы, послѣ бани я самоваръ ставила, а самоваръ начищеный, такъ и горитъ, и пироги съ грушей будто бы на столѣ—ихъ любилъ Федоръ-атъ Иванычъ... Вотъ и думаю—нѣтъ его, голубчика, и реву. Только подумала и слышу, будто бы, кто-то крыльцемъ-то идетъ... Отворила, а онъ, Федоръ-атъ Иванычъ, и есть.—На-вовсе, говоритъ, Алена, отпустили. —Веселый, будто, развеселый...

— Не къ добру, думаю, это, бабы?

— Не къ добру,—каркаютъ бабы.

Бродитъ Матвѣвна по чужимъ дворамъ и совсѣмъ отбивается отъ дому.

Дѣло, наконецъ, до того дошло, что приходилъ староста—мужики послали.

Приходилъ—бранился.

— Ты чего это, баба, глупость въ голову взяла? Что ты о себѣ думаешь? Въ избѣ у тебя, какъ въ погребѣ—срамно глядѣть, по двору скотина голодная ходитъ, а ты по чужимъ дворамъ шляться! Ты думаешь, на тебя управы нѣтъ? Нѣ-ѣтъ, мы тебѣ скоро окоротимъ возжи! Мы тебя живо по лѣвую руку поставимъ, ежели такъ! Ты ежели приставлена къ дому, должна сполнять свое положенье, глядѣть за дѣломъ! Ты глупость-то выбрось изъ головы, а то мы тебѣ живо хвость подвяжемъ... Такъ-то; подумай, что я сказалъ!

Марья Матвѣвна промолчала.

Все это было вѣрно, охъ, какъ вѣрно! Только не знаетъ онъ, староста, не понимаетъ...

По пятницамъ уходили на почту съ утра, какъ устряпаются, и ждали тамъ подолгу, иногда до вечера. Тѣсно набивались въ сѣняхъ и всѣмъ мѣшали.

— Неоднократно я разъяснялъ вамъ, бабы, что почта приходитъ не ранѣе 4 часовъ вечера!—сердито кричалъ почтовый каждую пятницу.—На-ародъ безтолковый!

Этотъ высокоумный человѣкъ тоже ничего не понималъ. Марья Матвѣвна приходила раньше всѣхъ. Кажется, никакая сила не удержала бы ее дома утромъ въ пятницу.

На первыхъ порахъ она и стояла впереди всѣхъ въ очереди, но проходила пятница за пятницей, а ей письма не было, и стала она пропускать другихъ впередъ, сиротливо прячась за спинами. Отъ волненія стояла въ жару, а когда, раздавая письма, выкрикивали фамиліи, она переставала дышать и дрожали колѣни. Когда почтовый читалъ: «Марьѣ...» сердце больно замирало, и—падало, когда онъ потомъ называлъ чужую фамилію. Отъ потрясенія Марья ослабѣвала и брела домой, еле ноги передвигая.

Почтоваго, не хотѣвшаго ей отдать письма, она возненавидѣла.

Но однажды онъ, видно, смилостивился, крикнулъ: «Марья...»—замялся было—«не хотѣлось, видно», — думала Марья,—но смилостивился и прибавилъ—«Игнатьева!»

Она не помнитъ, какъ пришла домой. Дома, затворившись въ чуланѣ, долго со всѣхъ сторонъ разсматривала конвертъ.

Читалъ письмо Егоръ, ученикъ старшаго отдѣленія.

«Взялъ перо въ свои я руки
И въ чернила обмокнулъ,
Вспомнилъ женку, малыхъ дѣтокъ,
И глубоко такъ вздохнулъ».

«Многоуважаемая моя женка, Марья Матвѣевна!..»

На этомъ и прервалось чтеніе, потому что Марья Матвѣвна захлебнулась слезами и точно ее икота забила:

— Же!-же!-же!-женка! Женка! Женка!..

Егоръ тоже разревѣлся, бросилъ письмо и убѣжалъ.

На другой день чуть свѣтъ Марья Матвѣвна, обойдя по задамъ и никѣмъ не замѣченная, скрылась изъ села.

А дня черезъ два въ казармахъ резервнаго пѣхотнаго батальона дневальный доложилъ отдѣленному Игнатьеву:

— Господинъ отдѣленный, никакъ ваша женка заявилась!

Иванъ Тимофеичъ, унтеръ-офицеръ запаса, былъ теперь начальникомъ надъ двумя десятками людей. Онъ, молодцовато развернувъ плечи и зажавъ папиросу въ углу рта, пошелъ за дневальнымъ и въ дверяхъ встрѣтилъ Матвѣвну съ большой котомкой...

Устроилась она на лужку у казармъ, прямо противъ окна, за которымъ справа и слѣва на нарахъ помѣщалось отдѣленіе Ивана Тимофеича и самъ онъ—на койкѣ.

Во время обѣда и когда обучались словесности въ казармѣ, она сидѣла тутъ. Передъ ней была ея котомка и вскорѣ появился цѣлый ворохъ солдатскихъ рубахъ и штановъ. Она зашивала дыры, пришивала пуговицы для солдатъ отдѣленія Ивана Тимофеича, которое она ужъ звала—«нашимъ отдѣленіемъ». То и дѣло подлеталъ къ ней то одинъ, то другой солдатъ изъ отдѣленія и просилъ:

— Гультикъ, мамаша, пожалуйста... прямо съ мясомъ выдралъ.

— Тебѣ, Носковъ, не въ очередь дежурить, слышь?—интересовалась Марья Матвѣвна.

— Такъ точно, мамаша! Ничего не подѣлаешь, военная дисциплина.

Вечеромъ, уходя на постоялый, она напоминала Ивану Тимофеичу:

— Наряды не забудь. Двоихъ на картошку: значитъ, Панасюка и Ковалева—ихъ очередь... Шафирова—въ канцелярію вызывали.

Въ обѣдъ приходили бабы на свиданье. Матвѣвна раздавала имъ шитье, онѣ садились около нея кучкой и шили. Она ужъ знала многое, касающееся солдатскаго быта, могла направить и посовѣтовать.

На стрѣльбу уходили въ рощу направо, а колоть чучелу за казарму къ перелѣску. Къ рощѣ Матвѣвна не ходила, потому что боялась выстрѣловъ, громомъ разносившихся по рощѣ, а, когда уходили колоть чучелу, она тоже переселялась со всѣмъ

добромъ и сидѣла у перелѣска подъ кустикомъ со своей работой на глазахъ у отдѣленія. Иногда рота уходила верстъ за 5 на Воронье поле и Марья Матвѣвна маршировала сбоку.

Идетъ рота съ ученья; мѣрно, тяжело отбиваетъ шагъ, надъ ней облако пыли, гремитъ пѣсня.

Лихо отдергиваютъ пѣсню, свистуны заливаются соловьями.

Сбоку перваго взвода идетъ отдѣленный Игнатьевъ, самый бравый солдатъ во всей ротѣ, а сбоку,—не отстаетъ, шагаетъ Марья Матвѣвна съ огромной котомкой на спинѣ. Она заглядываетъ на Ивана Тимофеича и думаетъ, что нѣтъ молодцоватѣе его не только въ ротѣ, но и во всѣхъ полкахъ и дивизіяхъ, и, когда идутъ городомъ, она всѣхъ задѣваетъ своей котомкой и не посторонится.

С. Матвѣевъ.

Жена сэра Айзэкса Хармана.

Романъ Г. Уэлльса. Переводъ А. Даманской.

IV.

Лэди Харманъ выдали замужъ, когда ей было восемнадцать лѣтъ.

М-ссъ Соубриджъ была вдовой адвоката, убитаго въ желѣзнодорожной катастрофѣ. Послѣ его смерти дѣла оказались запутанными, и м-ссъ Соубриджъ поселилась съ обѣими дочерьми въ скромномъ домикѣ, въ Пэнджѣ. Элленъ была младшей. Въ то время, когда она лишилась отца, она была живой черноглазой дѣвочкой и играла еще въ куклы. Росла она чрезвычайно быстро, и м-ссъ Соубриджъ скоро помѣстила ее въ закрытое учебное заведеніе въ Вимбльдонѣ, потому что школа въ Пэнджѣ, по ея мнѣнію, развила въ старшей дочери Георгинѣ упрямство и мускулистую систему въ ущербъ женственности и мягкости. Школа въ Вимбльдонѣ чужда была всякихъ передовыхъ идей, и въ семнадцать лѣтъ Элленъ была уже изящной, очень женственной особой, пользовавшейся большимъ успѣхомъ среди своихъ школьныхъ товарокъ и обширнаго круга ихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ. Она была очень мила и кротка, и лишь время отъ времени загоралась какимъ-нибудь необычнымъ желаніемъ. Она могла, напримѣръ, пролѣзть въ окно въ крышѣ и любоваться съ крыши городомъ при лунномъ свѣтѣ,—способна была еще на какую-либо выходку такого же безобидиаго свойства, которая ничьихъ чувствъ не оскорбляла и никого не удивляла. Поведеніе ея было во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненное и характеръ прекрасный и благотворно дѣйствовавшій на окружающихъ. Обаятельность ея, поразившая м-ра Брумлея при первой встрѣчѣ, уже тогда была въ ней ярко выражена и отчасти даже мѣшала ей пріобрѣтать другія достоинства. Большую часть уроковъ

дѣлали для нея ея добровольные рабы. Это были счастливые рабы, потому что трудъ ихъ вознаграждался сторицей ласковымъ вниманіемъ всеобщей любимицы. Англійскую литературу, однако, и музыку она изучала очень усердно подъ руководствомъ двухъ профессоровъ, спеціалистовъ по этимъ предметамъ.

А въ семнадцать лѣтъ, когда дѣвушки обыкновенно смотрятъ свысока на своихъ ровесниковъ-юношей, она познакомилась съ мистеромъ Айзэксомъ Харманомъ и зажгла его непобѣдимою страстью...

Онъ не былъ еще сэромъ Айзэксомъ, когда она встрѣтилась съ нимъ въ домѣ одной своей школьной подруги, въ Хайзѣ. Элленъ со своей матерью и сестрой жили тогда въ пансіонѣ въ Фолькстонѣ. М-ръ Харманъ въ одной своей дѣловой поѣздкѣ по сѣверу Англіи схватилъ простуду и поѣхалъ со своей матерью отдохнуть у моря. Въ Фолькстонѣ онъ остановился въ самомъ доротомъ отелѣ. Семья подруги Элленъ жила на хорошенькой, утопавшей въ зелени виллѣ въ живописнѣйшемъ углу залива, въ Хайзѣ, недалеко отъ Фолькстона, и всячески старалась завязать прочныя дружескія отношенія съ м-ромъ Харманомъ. Устраивались прогулки, играли въ теннисъ, въ крокетъ, купались въ морѣ, грѣлись на пляжѣ въ солнечныхъ лучахъ, а у м-ра Хармана былъ свой автомобиль, что въ то время было еще новинкой, и онъ каталъ всю компанію по широкимъ дорогамъ вдоль дюнъ...

Молодыхъ людей въ этомъ кружкѣ было всего двое. Одинъ изъ нихъ считался женихомъ сестры подруги Элленъ, а другой былъ помолвленъ съ одной молодой женщиной, находившейся въ тѣ дни въ Италіи... Оба они ничѣмъ примѣчательны не были и къ м-ру Харману относились очень почтительно, но не безъ тайнаго пренебреженія, какое богатство и дѣловитость часто вызываютъ въ молодыхъ людяхъ...

М-ръ Харманъ вначалѣ держалъ себя съ Элленъ просто, такъ же, какъ и другіе, но скоро она стала замѣчать, что онъ почти не сводитъ съ нея глазъ, не отходитъ отъ нея ни на шагъ и всегда старается исполнять и даже угадывать ея желанія. И не столько со словъ окружавшихъ ее женщинъ, сколько по ихъ взглядамъ, по тому, какъ онѣ держали себя съ ней, ей скоро стало ясно, что этотъ важный, сказочно-богатый господинъ въ нее влюбленъ...

— Ваша дочь—постоянно твердила м-ссъ Харманъ м-ссъ Соубриджъ—очаровательна, прямо—очаровательна...

— Ребенокъ, совсѣмъ ребенокъ, — неизмѣнно отвѣчала м-ссъ Соубриджъ.

Матери подруги Элленъ она говорила, что ея мечта это — чтобы дочери ея вышли замужъ по-любви, и въ то же время

всегда и незамѣтно устраивала такъ, чтобы м-ръ Харманъ могъ оставаться одинъ съ Эллень, расхваливала его Эллень, заставляла ее принимать знаки вниманія, которые онъ оказывалъ ей, и подчеркивала его скромность и непритязательность, не смотря на то, что «онъ стоялъ во главѣ огромнаго дѣла» и въ своей области «равенъ былъ Наполеону».

Присущая Харману жадность умѣрялась отчасти сомнѣніями въ себѣ. Элленъ казалась ему такой очаровательной, такой желанной—она и была такою—что мечты о ней мнились ему неосуществимыми. А между тѣмъ онъ добился уже многаго въ жизни, чего сильно желалъ. И его сомнѣнія вносили въ его ухаживаніе за Элленъ пылкій романтизмъ. Онъ горѣлъ тѣ дни, какъ въ лихорадкѣ, и готовъ былъ на всякія жертвы, на всякія обѣщанія, какихъ бы только отъ него ни потребовали.

Его поклоненіе льстило ей, а вниманіе, которымъ онъ окружалъ ее, подарки, которыми осыпалъ ее,—тѣшили ее. И ей было безконечно жалко его. Въ тайникахъ своего сердца она лелѣяла олеографическій образъ высокаго, сильнаго молодого человѣка, съ голубыми глазами, съ волнистыми бѣлокурыми волосами, съ пріятнымъ теноровымъ голосомъ и—она не властна была надъ своими тайными мыслями—съ мужественной грудью... Она мечтала о горныхъ экскурсіяхъ съ такимъ избранникомъ. И ясно ей было, какъ день, что за м-ра Хармана она не можетъ выйти замужъ. Потому она старалась быть съ нимъ очень привѣтливой, ласковой и, когда онъ дрожащимъ голосомъ говорилъ, что, конечно, она никогда не полюбитъ его, она невольно разувѣряла его и разжигала въ немъ смѣлыя надежды, а себя невольно связывала какимъ-то обязательствомъ. Однажды во время игры въ теннисъ онъ сказалъ ей, что наибольшее счастье, о какомъ онъ мечталъ, это—умереть у ея ногъ. И въ эту минуту ея жалость къ нему и чувство отвѣтственности были такъ велики, что заслонили даже ея завѣтную мечту о голубоглазомъ героѣ.

Затѣмъ, сперва намеками, потомъ настойчиво и со слезами въ голосѣ, онъ сталъ умолять ее быть его женой. Она никогда еще не видѣла передъ собою взрослаго мужчины со слезами на глазахъ. Она сознавала, что какой бы то ни было цѣною должна предупредить такія рѣдкія слезы. Ей казалось ужаснымъ, что она, недавно еще школьница, никогда не умѣвшая справиться съ задачами на тройное правило, причиняетъ человѣку такія огромныя и мучительныя страданія. Она была увѣрена, что начальница школы сдѣлала бы ей за это строжайшій выговоръ.

— Я васъ королевой сдѣлаю,—говорилъ м-ръ Харманъ,—я жизнь готовъ отдать за ваше счастье.

Она вѣрила.

Она отказала ему, когда онъ вторично сдѣлалъ ей предложеніе. И послѣ его ухода долго сидѣла на террасѣ, смотрѣла на море, и глаза ея полны были слезъ. Ей было безконечно жаль его. Онъ стукнулъ обоими кулаками о каменный столъ, схватилъ ея руку, поцѣловалъ и убѣжалъ. Она никогда не думала, что можно такъ страдать отъ любви. И всю ночь, то-есть цѣлый часъ, пока она не сомкнула глаза для крѣпкаго сна, ее томили угрызенія совѣсти за муку, которую она причинила ему.

Въ третій разъ, когда онъ съ мрачной убѣжденностью самоубійцы сказалъ ей, что жить безъ нея не въ силахъ, она расплакалась отъ жалости и согласилась. И въ тотъ же мигъ онъ подскочилъ къ ней, какъ голодная пантера, схватилъ ее въ свои объятія и поцѣловалъ въ губы...

Вѣнчались они пышно, торжественно. Была музыка, блестящій пріемъ гостей, длинные ряды экипажей, портреты въ иллюстрированныхъ журналахъ. Женихъ предупредительно и щедро помогалъ м-ссъ Соубриджъ въ свадебныхъ приготовленіяхъ. Всѣхъ удивило, что, не смотря на все свое страстное нетерпѣніе, онъ самъ оттянулъ свадьбу. Но потомъ всѣ поняли, въ чемъ дѣло.

— Вы будете лэди Харманъ,—ликовалъ онъ,—лэди Харманъ... Я отдалъ бы за это и вдвое больше того, что это стоило... Лэди Харманъ...

Онъ былъ влюбленнымъ, ласковымъ, покорнымъ женихомъ до самаго кануна ихъ свадьбы. И вдругъ ей показалось, будто всѣ близкіе ей люди, всѣ любившіе ее люди разступились, отпрянули передъ нимъ и отдали ее всецѣло въ его руки. Онъ сталъ ея собственникомъ. Его покорная готовность преобразилась внезапно въ гордую увѣренность. У нея было такое чувство, будто вмѣсто твердой почвы, которую она предполагала найти, выходя изъ родного дома, она неожиданно погрузилась въ глубокую, глубокую пучину...

И пока она только еще начала разбираться въ своихъ недоумѣнныхъ мысляхъ о томъ, что оказалось гораздо серьезнѣе всего того, что ей приходилось дотолѣ переживать, и бывало даже порою очень тягостнымъ и унизительнымъ и доводило ее до нервнаго разстройства, она поняла, что скоро будетъ чѣмъ-то очень важнымъ и значительнымъ,—матерью... И вмѣстѣ съ тѣмъ она поняла, что дѣвичьи годы и молодость, и веселыя игры, и горы, и плаваніе, и верховая ѣзда, и теннисъ навѣки миновали для нея...

Обѣ будущихъ бабушки стали необычайно-ласковы, предупредительны и нѣжны и съ увлеченіемъ и пріятнымъ сознаніемъ возложенной на нихъ отвѣтственности дѣлали приго-

вленія къ пріему ребенка, который долженъ былъ дать имъ вновь всѣ радости материнства и ни одной изъ его тягостей...

Замужество Элленъ перенесло ее изъ скромныхъ условій жизни дома и въ школѣ въ другую обстановку, казавшуюся ей первое время привлекательнѣе уже однимъ тѣмъ, что здѣсь съ ея горизонта удалены были всякія скучныя соображенія матеріальнаго свойства. Необходимость считаться съ ними часто сдерживала раньше взлеты ея мечтаній. Новая жизнь, въ которую ввелъ сэръ Айзэксъ, сулила ей не только это освобожденіе отъ будничныхъ заботъ, но и больше свѣта, красокъ, впечатлѣній, радости...

Она ждала вознагражденія за свою жалость къ нему...

Домъ въ Путнеѣ былъ уже вполнѣ отдѣланъ, когда сэръ Айзэксъ привезъ ее туда. Онъ не совѣтовался съ нею, ничего не говорилъ ей... Это была его тайна, и онъ долго и тщательно готовилъ ей этотъ сюрпризъ.

Они возвратились домой послѣ медоваго мѣсяца, проведеннаго въ Шотландіи, гдѣ вѣчныя заботы сэра Айзэкса объ удобствахъ и первоклассныхъ отеляхъ нѣсколько мѣшали ей любоваться великолѣпной цѣпью темныхъ горъ и широкими, сверкающими озерами... Сэръ Айзэксъ былъ все время очень внимателенъ, предупредителенъ, не отходилъ отъ нея ни на шагъ, и она всѣми своими силами старалась скрывать свое странное нервное возбужденіе и подавлять часто рвавшіяся теперь наружу слезы. Сэръ Айзэксъ былъ—самъ доброта. Но какъ она жаждала теперь одиночества!..

Она полагала, что они поѣдутъ къ его матери въ Хайбури. Сэръ Айзэксъ вѣроятно, скоро уѣдетъ по своимъ дѣламъ и тогда, мечтала она, можно будетъ забиться въ какой-нибудь уголокъ и хорошенько обдумать все, что произошло съ нею за эти короткіе лѣтніе мѣсяцы.

Въ Эйстонѣ ихъ ждалъ его автомобиль.

— Домой!—нервнымъ голосомъ бросилъ сэръ Айзэксъ, когда вынесли ихъ ручной багажъ.

Она поняла скоро, что они мчатся прямо въ Лондонъ, узнала Вестъ-Эндъ, Пикадилли, Кенсингтонъ.

— Куда мы ѣдемъ, Айзэксъ?—удивилась она.—Вѣдь твоя мать не здѣсь живетъ...

– Мы ѣдемъ къ себѣ домой.

– Ты снялъ отдѣльный домъ?

– Купилъ...

— Но, вѣроятно, тамъ ничего не приготовлено.

— Объ этомъ уже я позаботился. Все въ порядкѣ...—отвѣтилъ онъ, улыбаясь. Глаза его быстро мигали отъ возбужденія

и блестѣли.—Все сдѣлано... Тамъ дворецкій и—все, что надо...

— Дворецкій!—уныло воскликнула она.

Онъ не въ силахъ былъ дольше сдерживать свое волненіе.

— Я нѣсколько долгихъ недѣль устраивалъ домъ... Цѣлыми недѣлями... Я присмотрѣлъ его еще до встрѣчи съ тобою. Это великолѣпный домъ, Элли...

Юная «счастливица» сидѣла въ автомобилѣ, какъ оглушенная. Передъ нею толпился сонмъ дворецкихъ, тянулась длинная вереница лакеевъ. Но ни одинъ изъ этихъ дворецкихъ и лакеевъ, встававшихъ въ ея воображеніи, не былъ такого огромнаго, внушительнаго роста, какъ Снагсби, встрѣтившій ее на порогѣ дома, который ея мужъ преподнесъ ей. Тутъ же въ подъѣздѣ стояла въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи старшая кухарка, м-ссъ Крембль, и младшій лакей.

Съ кажущейся помощью Снагсби и даже младшаго лакея, дѣлавшаго, впрочемъ, только почтительно безпомощные жесты, сэръ Айзэксъ высадилъ изъ автомобиля свою жену.

— Все въ порядкѣ, Снагсби?—отрывисто спросилъ онъ.

— Все въ порядкѣ, сэръ Айзэксъ...

— Ну, вотъ... вотъ и хозяйка дома...

— Надѣюсь, лэди изволили совершить пріятное путешествіе. Мы всѣ, сэръ Айзэксъ, очень рады будемъ служить лэди Харманъ...

Какъ и всѣ вышколенные англійскіе слуги, Снагсби разговаривая съ господами, кланялся такъ часто, сколько это было возможно. Онъ дѣлалъ это, исходя изъ тѣхъ же прочно усвоенныхъ представленій о своемъ общественномъ положеніи, какими руководился въ своихъ заботахъ о томъ, чтобы фракъ его не казался слишкомъ свѣжимъ и брюки нѣсколько морщились сбоку, а спереди лежали бы безъ единой морщинки.

Лэди Харманъ робкими кивками отвѣчала на его добрыя пожеланія и обернулась затѣмъ къ м-ссъ Крембль, въ свою очередь разсыпавшейся передъ новой хозяйкой:

— Надѣюсь, лэди... Всей душой, лэди...

Наступила краткая пауза.

— Ну, вотъ, все въ порядкѣ,—сказалъ сэръ Айзэксъ, и добавилъ:—Не дадите ли намъ чаю, Снагсби?

Снагсби, обращаясь къ лэди Харманъ, спросилъ:—Подать ли чай въ гостиную или въ садъ,—и сэръ Айзэксъ отвѣтилъ,—что лучше въ садъ...

Онъ взялъ ее за руку и повелъ черезъ вестибюль, мимо все еще кланявшейся и шуршавшей своимъ шелковымъ платьемъ м-ссъ Крембль.

— Это большой садъ,—сказалъ сэръ Айзэксъ.—Большой садъ...

Такимъ образомъ женщина, еще три недѣли тому назадъ бывшая совсѣмъ молоденькой стройненькой дѣвушкой съ темными, удивленно-глядѣвшими на міръ глазами, вошла въ домъ, приготовленный для нея. Она ходила по комнатамъ съ тревожнымъ чувствомъ о какой-то отвѣтственности, но въ душу ея не входило сознаніе, что все это отнынѣ принадлежитъ ей. И сэръ Айзэксъ водилъ ее отъ одного предмета къ другому, исполненный гордости и радости собственника—это былъ также и его первый собственный домъ—восхищаясь каждой мелочью и требуя благодарности.

— Правда, все хорошо? Правда?—говорилъ онъ, заглядывая ей въ глаза.

— Прелестно... Я ничего такого себѣ и не представляла.

— Вотъ,—сказалъ онъ, указывая на большую бронзовую вазу съ столѣтникомъ на лѣстницѣ,—твои любимые цвѣты!..

— Мои любимые цвѣты?

— Ты вписала это въ ту книжечку... столѣтникъ... помнишь?..

Она удивленно посмотрѣла на него и вспомнила. Теперь она поняла, почему, указывая ей въ вестибюлѣ на увеличенный портретъ доктора Барнардо, онъ сказалъ: «Твой любимый герой»...

Однажды, еще когда они жили въ Хайзѣ, онъ преподнесъ ей маленькую записную книжечку и попросилъ ее написать на изящномъ розовомъ листкѣ—кто ея любимый писатель, кто любимый герой, какой любимый цвѣтокъ, любимый цвѣтъ и т. д. Она, не думая тогда долго, заполнила всю страничку, и была поражена теперь тѣмъ, что всѣ ея необдуманные отвѣты осуществлены были до мелочей. Она написала, что любимѣйшій цвѣтъ ея—розовый, потому что этотъ отвѣтъ подсказалъ ей цвѣтъ листка, и комната, въ которую ввелъ ее сэръ Айзэксъ, была оклеена розовыми обоями, занавѣси были розовыя, съ розовымъ же рисункомъ, нѣсколько блѣднѣе тономъ, и подхвачены были розовыми шнурами, абажуры розовые, накидки на кроватяхъ, на подушкахъ—розовыя, коверъ, кресла, вазы—розовые, все, за исключеніемъ огромнаго столѣтника, было розовое... Передъ лицомъ этой дѣйствительности, она сознавала, что изъ всѣхъ цвѣтовъ наименѣе пріятный для спальни это розовый цвѣтъ, и понимала, что отнынѣ она обречена на-вѣки жить среди хроматической гаммы тоновъ недожаренной баранины и семги. Она написала, что любимѣйшіе ея композиторы Бахъ и Бетховенъ. Она дѣйствительно любила этихъ композиторовъ, и любовь ея съ нимъ воплощена была въ стоявшихъ передъ ними бюстахъ. Но она назвала любимѣйшимъ своимъ героемъ доктора Барнардо, потому что имя его начиналось тоже съ буквы Б. и она

слышала отъ кого-то, что это былъ прекрасный человѣкъ. Портретомъ Джорджъ Элліотъ въ ея комнатѣ и полнымъ собраніемъ ея сочиненій въ розовыхъ кожаныхъ переплетахъ, она тоже обязана была необдуманному указанію на своего любимаго автора... Она написала тогда также, что любимѣйшій ея историческій герой—это Нельсонъ, но сэръ Айзэксъ, руководясь, вѣроятно, чувствомъ ревности, нашелъ возможнымъ почтить память этой героической, но, къ сожалѣнію, безнравственной личности только гравюрой съ изображеніемъ битвы при Копенгагенѣ...

Она стояла посреди комнаты, озираясь на всѣ стороны, а мужъ ея напряженно смотрѣлъ на нее. Онъ чувствовалъ, что комната произвела на нее сильное впечатлѣніе...

Конечно, такой спальни ей не приходилось еще видѣть. Она была больше самыхъ большихъ комнатъ въ отеляхъ, гдѣ они останавливались. Тутъ были и письменные столы, и прелестная этажерка, и великолѣпный диванъ, и туалетные столики, и розовато-красныя ширмы, и три большихъ окна. Она перенеслась мысленно въ свою маленькую спаленку въ Пэнджѣ, которая была ей, однако, такъ мила. Нѣсколько ея книжекъ, фотографическая карточка, какія-то бездѣлушки—никогда онѣ не рѣшились бы размѣститься здѣсь, даже если бы она рѣшилась привезти ихъ сюда...

— А это,—сказалъ сэръ Айзэксъ, распахивая бѣлую дверь—это—твоя гардеробная.

Ей прежде всего бросились въ глаза большая бѣлая ванна, стоявшая на мраморной плитѣ, окно съ расписными розовыми стеклами, и каменный полъ, покрытый бѣлымъ мѣховымъ ковромъ.

— А это, — сказалъ онъ, указывая на маленькую дверь, закрытую обоями,—дверь въ мою спальню...

— Да,—отвѣтилъ онъ на ея безмолвный вопросъ.—Это твоя, только твоя комната... А я здѣсь буду... Такъ принято у людей нашего положенія... Хорошо? А?.. Не правда ли?

Онъ подошелъ къ жемчужинѣ, для которой сдѣланъ былъ этотъ роскошный ларчикъ и прижалъ ее къ себѣ. Руки его дрожали.

— Поцѣлуй меня за это, Элли!—прошепталъ онъ.

Въ это мгновеніе раздался громкій гулъ гонга, гулъ, достойный внушительнаго Снагсби, ворвавшійся въ спальню съ настойчивостью, не допускавшей возраженій... Наступила неловкая пауза.

— Я вся въ пыли и такъ устала,—сказала она, высвобождаясь изъ его объятій.—Пойдемъ чай пить...

Тѣ же исключительныя хозяйственныя способности сэра

Айзэкса, избавившія его жену отъ хлопотъ по устройству дома, сняли съ нея и бремя заботъ, связанныхъ съ рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей. Сэръ Айзэксъ, посвистывая сквозь зубы, давалъ ея и своей матери обстоятельныя указанія устройства идеальной дѣтской, указанія, выполнявшіяся неукоснительно. Еще до рожденія ребенка въ домѣ появилась очень искусная, очень дорогая няня, только что вынянчившая какого-то виконта... И лэди Харманъ, чувствуя себя подъ опекой такихъ опытныхъ, знающихъ людей, старалась какъ можно меньше думать объ этой неизбѣжной вещи... Лѣто обѣщало быть жаркимъ, и сэръ Айзэксъ снялъ для этого великаго событія дачу въ горахъ за Торквеемъ. Материнскій инстинктъ не у всѣхъ женщинъ пробуждается внезапно. У иныхъ женщинъ онъ пробуждается медленно и постепенно. И врядъ ли можно сдѣлать какія-либо невыгодныя для лэди Харманъ заключенія по тому, что при видѣ своего новорожденнаго ребенка она вскрикнула съ отвращеніемъ: «О, уберите его! Уберите его куда-нибудь!»

Это было красное, сморщенное, старообразное существо, удивительно во всемъ, за исключніемъ крика, схожее съ отцомъ. Сходство это вмѣстѣ съ прядью рыжеватыхъ волосъ исчезло черезъ нѣсколько дней, но первое тягостное впечатлѣніе жило въ душѣ лэди Харманъ еще долго послѣ того, какъ это существо стало очень милымъ и привлекательнымъ ребенкомъ...

Эти первые годы ихъ супружества были счастливѣйшей полосой жизни сэра Айзэкса.

У него было все, чего только могъ желать человѣкъ. Когда онъ женился, ему было сорокъ лѣтъ. Онъ занималъ уже видное положеніе, обладалъ порядочнымъ состояніемъ и тѣшившимъ его удобнымъ домомъ; у него была молодая, прелестная жена, очаровательныя дѣти, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безмятежнаго довольства, онъ сталъ замѣчать, что какія-то черты характера его жены и ея недовольство своей судьбой какъ будто подкапываются и грозятъ разрушить весь стройный укладъ его жизни...

Сэръ Айзэксъ принадлежалъ къ группѣ людей, пользующихся большимъ почетомъ въ современной Англіи. Человѣкъ безъ большихъ склонностей къ любостяжанію, беззавѣтно преданный своему дѣлу и никогда не отвлекавшійся въ сторону какихъ-либо эстетическихъ или умственныхъ интересовъ, онъ былъ единственнымъ сыномъ у своей матери, вдовы обанкрутившагося владѣльца паровой мельницы и съ дѣтства отличался слабымъ здоровьемъ. Среднюю школу онъ окончилъ въ шестнадцать лѣтъ, тотчасъ поступилъ конторщикомъ въ боль-

шое ресторанное предпріятіе и скоро обратилъ на себя вниманіе своей дѣловитостью. Въ двадцать одинъ годъ онъ получалъ уже двѣсти пятьдесятъ фунтовъ въ годъ,—жалованье, которое многіе молодые люди сочли бы достиженіемъ земныхъ мечтаній и почили бы на лаврахъ. Но Хармана этотъ успѣхъ только побудилъ къ дальнѣйшимъ усиліямъ. Онъ откладывалъ ежегодно добрую часть своего заработка и, когда ему было двадцать семь лѣтъ, вошелъ въ компанію съ нѣсколькими мукомолами, устроившими цѣлую сѣть «Международныхъ булочныхъ и кондитерскихъ». «Международными» онѣ названы были потому, что въ поискахъ внушительнаго, звучнаго эпитета, слово «международный» показалось компаніи наиболѣе подходящимъ для вывѣски и рекламы.

Съ этого времени начались для Хармана годы тяжелаго труда. По лицу его протянулись глубокія бороздки, волосы посѣдѣли. Онъ входилъ во всѣ подробности дѣла. Самъ провѣрялъ товары, выбиралъ и смѣнялъ приказчиковъ, сочинялъ законы для разроставшейся арміи служащихъ, раскидывалъ все новыя и новыя отдѣленія, искалъ, гдѣ бы подешевле купить муки, яицъ, молока, ветчины, придумывалъ рекламныя объявленія, вербовалъ агентовъ. Онъ съ увлеченіемъ, со страстью отдавался своему дѣлу, вѣчно носился съ планами, счетами, раскладками, посвистывая сквозь зубы и сознавая, что онъ не только преуспѣваетъ, но со стремительной быстротой поднимается по лѣстницѣ, ведущей къ славѣ и богатству. Внѣ его дѣла у него никакихъ другихъ интересовъ не было. Политика, искусство, литература, даже вопросы о связи каждаго частнаго предпріятія съ общими интересами страны и народа, его нисколько не занимали. Понятія его о великодушіи, гуманности, ласкѣ опредѣлялись суммами денежныхъ подарковъ...

Представленія его о бракѣ тоже были чрезвычайно просты и прямолинейны. Онъ зналъ, что желанной женщины надо добиваться всѣми силами. А разъ это достигнуто, то, стало быть, все въ порядкѣ и незачѣмъ больше играть роль пламеннаго вздыхателя. Мужъ долженъ кормить, одѣвать жену, быть къ ней внимательнымъ, давать ей положеніе полной хозяйки дома и, въ свою очередь, пользоваться всѣми своими хозяйскими правами и привилегіями и неограниченной властью верховнаго контроля. Онъ былъ глубоко увѣренъ въ великодушіи своихъ намѣреній, какъ и въ своей готовности сдѣлать все, что было въ его силахъ для того, чтобы жена его чувствовала себя счастливѣйшимъ въ мірѣ существомъ, и, въ свою очередь, требовалъ отъ нея только благоразумной уступчивости и безупречнаго поведенія.

Ничѣмъ, даже своимъ дѣломъ, не дорожилъ онъ такъ, какъ своей женой. Онъ пожиралъ ее глазами. Подлѣ нея онъ отды-

халъ отъ своихъ дѣлъ. Онъ окружалъ ее роскошью и предупреждалъ каждое ея желаніе. Мирился даже съ тѣмъ, что ея мать и сестра Георгина, которыхъ онъ считалъ совершенно лишними въ своемъ семейномъ обиходѣ, бывали частыми гостьями въ его домѣ. Его ревнивая заботливость о женѣ доходила до того, что и съ врачомъ своимъ она могла разговаривать только въ его присутствіи. Онъ подарилъ ей жемчужное ожерелье, стоившее шестьсотъ фунтовъ. Это былъ совершенный мужъ, какихъ мало въ наше упадочное время...

Кругъ знакомыхъ, въ который сэръ Айзэксъ ввелъ свою жену, не былъ очень обширенъ. Печальный конецъ его отца лишилъ его мать большей части старыхъ друзей и знакомыхъ. Въ школѣ онъ завязалъ кой-какія знакомства, но его напряженная дѣятельность не оставляла ему времени для того, чтобы поддерживать ихъ. Когда онъ разбогатѣлъ, на горизонтѣ его всплыли опять близкіе и дальніе родственники, но мать его холодно отклонила всѣ знаки ихъ вниманія. Ближайшими его знакомыми были его товарищи по дѣлу, и они-то, ихъ жены и родственники и составляли тотъ новый міръ, въ который сэръ Айзэксъ постепенно вводилъ свою жену.

Въ то время, когда сэръ Айзэксъ женился, ближайшимъ его другомъ справедливо могъ считать себя м-ръ Чертерсонъ. Ихъ сблизили общія сдѣлки съ сахаромъ.

Это былъ человѣкъ съ рѣзкимъ голосомъ, большими ушами, большими зубами, и жена у него тоже была большая, живая, смуглая. Жили они въ великолѣпномъ особнякѣ въ Бельгравѣ. Онъ не прошелъ такого тяжкаго пути, какъ сэръ Айзэксъ, но своимъ благосостояніемъ тоже обязанъ былъ, главнымъ образомъ, самому себѣ, такъ же, какъ и своимъ общественнымъ положеніемъ. Благодаря ему, Харманъ попалъ въ клубъ національ-либераловъ и, руководимый своимъ пріятелемъ, понялъ значеніе политическихъ организацій, значеніе органовъ печати, связь ихъ съ успѣхами промышленныхъ предпріятій. Онъ вскорѣ оказалъ помощь одному либеральному еженедѣльнику, находившемуся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а затѣмъ сталъ однимъ изъ главныхъ столповъ «Old Country Gazette»,—одного изъ вліятельнѣйшихъ и передовыхъ партійныхъ органовъ. Возведеніе его въ дворянство совершилось почти механическимъ путемъ...

Политическіе успѣхи Хармана ввели новый элементъ въ кругъ его знакомствъ. До возведенія его въ дворянство и до женитьбы онъ принималъ участіе въ разныхъ банкетахъ и обѣдахъ въ парламентскихъ кругахъ. Съ появленіемъ въ его жизни лэди Харманъ явилась необходимость такъ или иначе укрѣпить нужныя связи визитами и пріемами. Сотоварищъ сэра Айзэкса вызвался руководить его первыми шагами въ свѣ-

тѣ, и для начала Бленкеры устроили у себя обѣдъ для того, чтобы ввести юную лэди Харманъ въ міръ политическихъ дѣятелей. На такомъ парадномъ обѣдѣ ей не приходилось еще бывать, и онъ скорѣе ее ошеломилъ, чѣмъ доставилъ ей удовольствіе.

Сэръ Айзэксъ поднесъ ей жемчужное ожерелье въ шестьсотъ фунтовъ, когда она стояла передъ зеркаломъ въ бѣломъ, вышитомъ золотомъ, шелковомъ платьѣ, съ обнаженными руками и шеей. Она смотрѣла на свое платье, на свои голыя руки, не вѣря своимъ глазамъ, и ей казалось страннымъ, что никто не окликаетъ ее властнымъ голосомъ и не напоминаетъ о томъ, что пора уже ложиться спать. Она волновалась и нѣкоторыя подробности этикета ее смущали, но въ общемъ все обошлось благополучно... Самымъ большимъ затрудненіемъ во время обѣда явилась икра, за которую она не знала какъ приняться, но она благоразумно выждала, пока другіе стали ѣсть. Чертерсоны тоже были здѣсь, что дѣйствовало на нее успокоительно, и потомъ на столѣ было много цвѣтовъ, которые могли служить ей ширмой въ минуты смущенія. Сосѣдомъ ея справа былъ милѣйшій говорливый господинъ, но совершенно глухой, и ей оставалось только вѣжливо слушать его. Хозяинъ дома, м-ръ Бленкеръ, зная ревнивый характеръ сэра Айзэкса и зная цѣну своему обаянію, сказалъ ей нѣсколько словъ и больше не обращалъ на нее вниманія.

Черезъ нѣсколько недѣль они были приглашены на обѣдъ къ Чертерсонамъ, а затѣмъ сами дали обѣдъ, на которомъ все было очень хорошо и красиво устроено стараніями сэра Айзэкса, Снагсби и приглашеннаго со стороны повара. Вскорѣ послѣ этого обѣда они были на большомъ балу у лэди Берлейпоундъ,—на многолюдномъ пестромъ собраніи, на которомъ надменное богатство соперничало съ кичливой добродѣтелью и мало-замѣтнымъ изяществомъ... Домъ этотъ поразилъ Эленъ своимъ великолѣпіемъ, наибольшее же впечатлѣніе произвела на нее внушительная, широкая лѣстница: она впервые увидѣла такую массу людей въ вечернихъ туалетахъ. Лэди Берлейпоундъ стояла въ дверяхъ золоченой гостиной, выходившей на лѣстницу, и автоматично, какъ во снѣ, пожимала гостямъ руки. Бленкеры тоже были здѣсь. Бленкеръ мелькалъ въ одной, въ другой группѣ съ такимъ видомъ, будто исполнялъ священный долгъ и своимъ присутствіемъ на вечерѣ оказывалъ огромныя услуги партіи. Онъ подвелъ нѣсколько человѣкъ и къ лэди Харманъ, причемъ серьезно смотрѣлъ поверхъ ея головы, явно сдерживая свою обаятельность изъ вниманія къ чувствамъ сэра Айзэкса. Лэди Харманъ ничего интереснаго не нашла въ особахъ, съ которыми онъ познакомилъ

ее, но она объяснила это своимъ политическимъ невѣжествомъ....

Лэди Харманъ перестала выѣзжать уже въ апрѣлѣ, а въ іюнѣ она переѣхала съ матерью и опытной сидѣлкой въ хорошенькій домикъ, нанятый сэромъ Айзэксомъ вблизи Торквея и стала ждать рожденія своей первой дочери.

Элленъ часто плакала въ первое время своего супружества, и сэръ Айзэксъ находилъ, что это и глупо, и неблагодарно съ ея стороны. Но мать его объяснила ему, что это въ порядкѣ вещей, что это бываетъ съ молодыми женщинами, и онъ сталъ сдержаннѣе выражать ей свое неудовольствіе. Мало-по-малу она овладѣла собой и начала приспособляться къ жизни...

Въ первые три года своего супружества она родила трехъ дѣвочекъ, затѣмъ, послѣ краткаго перерыва и всякихъ недомоганій, родила четвертую, значительно слабѣе здоровьемъ первыхъ трехъ... Обѣ матери долго совѣщались межъ собою, домашній врачъ серьезно и убѣдительно доказывалъ что-то сэру Айзэксу, и старшая сестра Элленъ однажды за столомъ (Снагсби только, только успѣлъ выйти изъ комнаты) разразилась страстными, негодующими словами... Элленъ перестала рожать дѣтей...

За это время она привыкла много читать и думать о прочитанномъ, и отъ этого былъ уже прямой шагъ къ раздумью о себѣ и о своей жизни. Одно неминуемо влечетъ за собой другое...

Главнѣйшимъ въ жизни лэди Харманъ обстоятельствомъ былъ сэръ Айзэксъ. Чѣмъ больше она уясняла себѣ свое положеніе, тѣмъ больше она убѣждалась въ значительности этого обстоятельства. Въ какую бы сторону она ни оборачивалась, она неминуемо натыкалась на него. Онъ всецѣло завладѣлъ ея существомъ. И послѣ примиренія съ этимъ, какъ съ неизбѣжностью, въ ней постепенно проснулась потребность видѣть широкій міръ внѣ личности сэра Айзэкса, появилась жажда впечатлѣній, которыя она такъ радостно воспринимала до того, какъ онъ властно вошелъ въ ея жизнь. Послѣ краткаго періода отчаянія она стала дѣлать все, что было въ ея силахъ, чтобы съ достоинствомъ выполнять взятое на себя обязательство, и старалась быть преданной, довольной женой этого невзрачнаго, тщедушнаго человѣка. Но отчасти ненасытность требованій, которыя онъ предъявлялъ къ ней, отчасти кой-какія внѣшнія вліянія убѣдили ее въ невозможности жить только имъ и его интересами...

Онъ на каждомъ шагу оскорблялъ ея безмолвную покорность настойчивой подозрительностью и ревностью... Онъ рев-

новалъ ее къ покойному отцу, котораго она обожала, ревновалъ ее къ церкви, къ поэту Уордсворту, потому что она любила его сонеты, ревновалъ ее къ классической музыкѣ, доставлявшей ей наслажденіе, ревновалъ къ воздуху, къ улицѣ. Онъ ревновалъ, замѣчая ея безстрастіе, а малѣйшая вспышка чувства съ ея стороны наполняла его дикимъ страхомъ позорныхъ возможностей. И какъ она ни хотѣла вѣрить въ него, она не могла не видѣть все яснѣй и яснѣй, что въ его любви къ ней преобладаетъ инстинктъ собственности и что менѣе всего въ этомъ чувствѣ нѣжности и самозабвенія. Она тщетно старалась не думать объ этомъ, а также не замѣчать его внѣшней непривлекательности... Она видѣла теперь его заостренный носъ, поджатыя губы, узкую жилистую шею, липкія руки, нервныя угловатыя движенія, слышала это вѣчное беззвучное посвистываніе сквозь зубы... Ни одна непріятная подробность его внѣшности не ускользала теперь отъ ея вниманія. Когда же она дѣлала попытку остановить свое вниманіе на какомъ-нибудь живомъ существѣ, онъ мгновенно выросталъ передъ нею и заполнялъ собою все поле зрѣнія, какъ огромныя объявленія его «Международныхъ булочныхъ».

Когда она выросла и развилась духовно,—она и физически на цѣлый вершокъ выросла послѣ свадьбы,—жизнь ея мало-по-малу превратилась въ безпрерывную глухую борьбу за свою свободу...

И вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней боролись самыя противоположныя чувства и настроенія. Временами она бывала безмятежной, покорной, преданной женою, временами старалась заглушить униженіе неудачнаго выбора напускной веселостью и нѣжностью. Безпощадное критическое отношеніе къ мужу и кувство непріязни къ нему смѣнялось жалостью и материнскимъ состраданіемъ. Въ ней тоже пробудилось чувство собственности и она понимала, что ей тяжело было бы видѣть его смѣшнымъ, растеряннымъ, обиженнымъ... Даже эти некрасивыя жалкія руки будили въ ея женскомъ сердцѣ нѣжную заботливость...

Воспроизвести путь, которымъ бунтарскія идеи проникли въ рай сэра Айзэкса, это то же, что разсказывать, какимъ путемъ бактерія проникаетъ въ организмъ. Микробы носятся въ воздухѣ... Разрушительная сила проникла незамѣтно, просачиваясь, какъ влага, какъ пыль... Сэръ Айзэксъ привезъ въ свой домъ молодую, прекрасную, робкую, изумленную Еву, и всѣ данныя были за то, что блаженство его будетъ длиться во вѣки-вѣковъ... Онъ зналъ о существованіи одной только опасности, и противъ нея онъ принялъ всѣ мѣры. За шесть дол-

гихъ лѣтъ Эллеаъ ни разу не говорила наединѣ съ какимъ-либо мужчиной. Но книжные магазины посылали пакеты съ книгами, газеты тоже попадали въ ея руки безъ предварительной цензуры. Акушерки, сидѣлки, находившіяся при Эллевъ въ разные періоды ея женской жизни, говорили ей о какомъ-то «движеніи»... И потомъ, Георгина...

Избирательнымъ правомъ называли онѣ то, чего добивались, но это безглазое, глухое требованіе производило жуткое впечатлѣніе маски. За этой маской угадывалось незаглушимое недовольство своей судьбой. Въ чемъ именно состояло это требованіе,—было не совсѣмъ ясно, но всѣ вѣковые инстинкты мужчины противились удовлетворенію этого требованія. Движеніе разрослось широко, въ парламентѣ на хорахъ для дамъ происходили шумныя сцены, не менѣе шумныя сцены устраивались на публичныхъ собраніяхъ, происходили безпорядки въ парламентскомъ скверѣ. Сэръ Айзэксъ догадался, что эти-то исторіи и нарушаютъ миръ его дома. Онъ полагалъ, что всѣ суфражистки—пожилыя женщины, съ красными носами, въ очкахъ, въ костюмахъ мужского покроя, которымъ нравится, чтобы полицейскіе ихъ тискали... Онъ представить себѣ не могъ, чтобы какую-либо женщину могло не удовлетворить положеніе лэди Харманъ. И вотъ однажды, когда у нихъ гостили Георгина и ея мать, сэръ Айзэксъ, разбирая, по обыкновенію, утреннюю почту, увидалъ двѣ одинаковыхъ бандероли, адресованныхъ его женѣ и ея сестрѣ, на которыхъ напечатано было крупными буквами: «Избирательное право для женщинъ».

— Господи! — воскликнулъ онъ.—Это еще что? Это вещь совершенно недопустимая...

И онъ швырнулъ обѣ бандероли въ большую корзину для бумагъ, стоявшую подлѣ буфета.

— Прошу васъ не бросать непрочитанныхъ номеровъ «Избирательнаго права для женщинъ».—Мы подписчицы на эту газету...

— Э?!—взвизгнулъ сэръ Айзэксъ.

— Мы—подписчицы... Снагсби, дайте, пожалуйста, оба номера...

Снагсби нерѣшительно вынулъ изъ корзины газеты и взглянулъ на сэра Айзэкса.

— Положите ихъ тамъ,—сказалъ сэръ Айзэксъ, мотнувъ головой въ сторону буфета, и передалъ тещѣ какихъ-то два незначительныхъ письма. Онъ былъ блѣденъ, какъ мѣлъ, и часто дышалъ. Снагсби тактично вышелъ изъ столовой. Сэръ Айзэксъ выждалъ, пока дверь закрылась за нимъ, и, не глядя на Георгину, обратился къ женѣ:

— Чего ради ты подписалась на эту газету, Элли?—спросилъ онъ.

— Для того, чтобы читать ее...

— Но какое тебѣ дѣло до всего этого вздора?..

— Вздора!—повторила за нимъ Георгина, протягивая руку къ вазочкѣ съ вареньемъ.

— Пожалуйста, сейчасъ же порви эти газеты...—рѣзкимъ, задыхающимся голосомъ бросилъ сэръ Айзэксъ.

Съ этого дня и началась глухая упорная борьба въ домѣ сэра Айзэкса. Открытыя сраженія происходили обыкновенно за завтракомъ и каждая изъ воюющихъ сторонъ неизмѣнно повторяла одни и тѣ же доводы, представлявшіеся совершенно неубѣдительными для другой. Сэръ Айзэксъ спрашивалъ, могутъ ли женщины быть солдатами, а Георгина спрашивала, сколько лѣтъ пробылъ онъ въ строю или приводила въ ужасъ свою мать откровенными намеками на муки и опасности материнства... Эти препирательства сообщали завтракамъ новый и пикантный въ глазахъ Снагсби интересъ. Свѣтскость м-ссъ Соубриджъ, ея умѣніе молчать, холодная чопорность, тактичныя, но безуспѣшныя попытки «перевести разговоръ на другую тему», или выходъ изъ комнаты съ презрительной усмѣшкой—никогда не проявлялись въ такомъ печальномъ великолѣпіи, какъ въ тѣ дни... Элленъ не принимала непосредственнаго участія въ спорахъ между сэромъ Айзэксомъ и ея сестрой. Споры только раздражали и самихъ спорщиковъ, и слушателей и ни въ чемъ никого не убѣждали. Но то, что западало въ ея сознаніе, подвергалось серьезной переработкѣ. Мысль ея неустанно работала въ то время: каждая книга, каждая газетная статья, которыя она читала, озаряли новымъ свѣтомъ ея личное положеніе и будили чувство, хотя и смутно сознаваемой, отвѣтственности за себя и за жизнь, которую она вела не по своему выбору и не по своему желанію.

Среди вліяній, благодаря которымъ она постепенно преображалась внутренне, да и внѣшне, все меньше и меньше начинала походить на то безвольное и уступчивое существо, какимъ вошла въ супружескую жизнь, не малую роль сыгралъ одинъ ея разговоръ съ Сусанной Бюрнетъ. Разговоръ этотъ всколыхнулъ ея душу и заставилъ ее какъ бы подвести итогъ всѣмъ думамъ, наблюденіямъ и чувствамъ, тревожившимъ ее втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Сусанна Бюрнетъ появлялась въ Путнеѣ обыкновенно весною, чистила занавѣси, портьеры, мебель, шила и надѣвала чехлы. Открыла ее м-ссъ Крембль. Это была энергичная, подвижная дѣвушка, съ яснымъ открытымъ лицомъ, съ перваго же раза расположив-

шая къ себѣ лэди Харманъ. Она сидѣла обыкновенно въ одной изъ громадныхъ спаленъ и разсказывала цѣлыми часами о своей богатой впечатлѣніями нелегкой жизни. Лэди Харманъ слушала ее съ увлеченіемъ и удивлялась ея независимости и смѣлости ея сужденій. Сусанна разсказывала много о мірѣ обойщицъ, среди которыхъ она жила, пока не завязала знакомствъ и не стала работать самостоятельно...

— Дѣвушки часто работаютъ въ пустыхъ домахъ вмѣстѣ съ плотниками и, конечно, мужчины имъ проходу не даютъ... Мнѣ вотъ приходилось съ однимъ женатымъ плотникомъ работать вмѣстѣ, а сколько я отъ него обидъ натерпѣлась... И скажу вамъ, женатые куда хуже холостыхъ и наглѣе... Однажды я такъ толкнула его, что онъ стукнулся головой о книжный шкапъ... И какъ я тогда испугалась... «Чертенокъ,—говоритъ,—а все-таки изъ моихъ рукъ не уйдешь...» О, мнѣ и не такія вещи приходилось слышать. Порядочная дѣвушка всегда, конечно, сумѣетъ себя отстоять, но какъ все это тяжело, а иныя и просто не могутъ устоять противъ соблазна...

— Вамъ слѣдовало на него пожаловаться,—замѣтила лэди Харманъ.

— Это ни къ чему не ведетъ,—отвѣтила Сусанна.—Не у всякой дѣвушки хватитъ отваги говорить о такихъ вещахъ... Да и хозяева не любятъ такихъ жалобъ... Это, говорятъ, дѣло личное...

— А какихъ лѣтъ дѣвушки идутъ на такую работу?—спросила лэди Харманъ.

— Что же, берутъ и семнадцатилѣтнихъ и восемнадцатилѣтнихъ,—смотря по работѣ...

— Да, конечно, лучше было бы, если бы онѣ замужъ выходили...

Безотрадныя картинки женскаго труда въ пустыхъ домахъ и личныя приключенія привлекательной, дѣятельной, умѣлой Сусанны Бюрнетъ, отражавшей нападенія назойливыхъ мужчинъ, произвели огромное впечатлѣніе на лэди Харманъ. Эта дѣвушка была, повидимому, главою семьи. Была у нея мать, вѣчно хворавшая, сестра-калѣка, братъ въ Южной Америкѣ (она очень тепло говорила о немъ, онъ время отъ времени и денегъ немного присылалъ) и еще три сестры-погодки... Объ отцѣ она въ первое время умалчивала. Мало-помалу лэди Харманъ поняла, что Сусанна знала и лучшіе дни, когда «мы еще не вынуждены были работать всѣ ради куска хлѣба»... Отецъ въ разсказахъ Сусанны выступалъ кроткимъ, слабохарактернымъ человѣкомъ, когда-то работавшимъ, какъ волъ, въ своей булочной... Мать ему помогала, а потомъ пошли дѣти, одинъ за другимъ, одни рождались, другіе умирали... Сусанна и счетъ имъ забыла, но когда стала считать

по пальцамъ, то насчитала тринадцать... Сама она работала уже съ двѣнадцати лѣтъ.

— Но вѣдь дѣтскій трудъ запрещенъ?—удивилась лэди Харманъ.

— Да, пришлось явиться въ школьный комитетъ и просить разрѣшенія... Я и сейчасъ еще помню, какъ они сидѣли всѣ, въ большой комнатѣ, за круглымъ столомъ... Все такіе важные господа, а одинъ изъ нихъ и говоритъ мнѣ: «Не бойтесь, не бойтесь... Разскажите толкомъ, почему вы хотите поступить на работу...» А я имъ: «Ну, какъ же, кому-нибудь надо же работать...» Они ласково такъ разсмѣялись и разрѣшили... Это было вскорѣ послѣ этой исторіи съ отцомъ, и къ намъ всѣ были очень добры тогда...

Она внезапно умолкла.

— Послѣ какой исторіи?—тихо спросила лэди Харманъ.

Сусанна помолчала нѣсколько мгновеній и опять заговорила:

— Отецъ мой утопился... Я вамъ никогда объ этомъ не говорила... Это было большое для насъ несчастье и позоръ, и насъ очень жалѣли... Я ни съ кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ никогда объ этомъ не говорила, только съ однимъ другомъ, котораго у меня уже нѣтъ... Я и до сихъ поръ не могу понять, какъ отецъ рѣшился наложить на себя руки... Правда, онъ былъ человѣкъ слабохарактерный. Заботъ у него было по горло... Дѣла были плохи, а тутъ открылась «Международная» булочная...

— «Международная»?

— Да... вамъ, вѣроятно, и не приходилось о нихъ слышать... Эти «Международныя булочныя и кондитерскія» большей частью въ бѣдныхъ кварталахъ... Теперь тамъ можно получать чай и всякую закуску, но въ первое время онѣ продавали только хлѣбъ, и продавали онѣ по такой цѣнѣ, что всѣ старыя булочныя заведенія разорились... Конечно, каждый человѣкъ свою выгоду ищетъ, и всѣ наши покупатели повалили въ новую булочную, а какъ только мы уѣхали изъ этого участка, она тотчасъ же подняла цѣны... Отецъ совсѣмъ палъ духомъ... Все, что было у него, пошло прахомъ; за что приняться, не зналъ...

— Но отчего же онъ не подыскалъ себѣ работы въ какомъ-нибудь другомъ заведеніи въ качествѣ булочника?..

— Знаете, это очень трудно человѣку, у котораго свое дѣло было... Тяжело вѣдь видѣть, какъ другіе, моложе, недавно еще подчиненные, успѣваютъ, наживаются... И потомъ, что городъ, то норовъ,—въ каждомъ заведеніи все по-иному... Старому человѣку, гдѣ ужь привыкать...

— Да, это очень нехорошо,—продолжала Сусанна, послѣ

короткой паузы.—Такія вещи не должны быть дозволяемы. Нельзя, чтобы большое дѣло душило маленькое, это все-равно, вѣдь, что убійство...

— Это—конкуренція,—вставила лэди Харманъ.

— Ну, какая это конкуренція?—возразила Сусанна.

— Но хлѣбъ онѣ продаютъ вѣдь дешевле другихъ булочныхъ?

— Онѣ съ этого начинаютъ, въ каждомъ новомъ мѣстѣ... А какъ придушатъ маленькую лавку, то дѣлаютъ уже что имъ вздумается. Лука, братъ мой,—онъ все знаетъ,—говоритъ, что это естественная монополизація... Я уже не знаю, что это такое. Я знаю лишь, что это жестоко столкнуть съ дороги человѣка, который честнымъ и тяжелымъ трудомъ зарабатываетъ свой кусокъ хлѣба...

— Да, это жестоко...—сказала лэди Харманъ.

— Что же оставалось дѣлать отцу?—продолжала Сусанна, принимаясь опять за кресло сэра Айзэкса. И вдругъ, глухимъ отъ ярости голосомъ, выпалила:—И все-таки сестрѣ моей Алисѣ пришлось пойти къ нимъ служить... Каково это было перенести?

Стоя на колѣняхъ передъ кресломъ, она подняла глаза къ лэди Харманъ.

— Алиса поступила продавщицей въ одно изъ ихъ отдѣленій... Я ей говорила не разъ: «Алиса, я бы скорѣе на улицу пошла, чѣмъ ѣсть хлѣбъ этихъ людей...» Она смѣялась надо мной... Я ей говорила еще: «Алиса, неужели ты не видишь передъ собою нашего покойнаго отца, когда стоишь за ихъ прилавкомъ?..» Она только смѣется надо мной... Конечно, она моложе меня... Она еще маленькая была, когда это случилось. Она не помнитъ такъ, какъ я...

— Вы, вѣроятно, не знаете,—сказала лэди Харманъ, подумавъ немного,—кто стоитъ во главѣ этого предпріятія?

— Это какое-то общество,—отвѣтила Сусанна.

Лэди Харманъ съ гнетущимъ чувствомъ продолжала нить мыслей, которыя пробудила въ ней Сусанна Бюрнетъ своими разсказами. Она была убѣждена, что «Международныя булочныя»—дѣло, споспѣшествующее общественному благу, и что сэръ Айзэксъ за предѣлами своего дома—очень полезный и великодушный человѣкъ, вполнѣ заслуживаетъ титула баронета. Изъ объявленій, которыя она встрѣчала, она знала, что хлѣбъ, продающійся въ «Международныхъ булочныхъ», очень вкусенъ и гигіениченъ. Газеты «Daily Messenger» и «Old Country Gazette» посвящали цѣлые столбцы восхваленію этого хлѣба и восторженнымъ описаніямъ помѣщеній «Международныхъ булочныхъ»... И у нея создалось такое впечатлѣніе,

что развитіе и развѣтвленіе этого дѣла только выгодно обществу. Сэръ Айзэксъ, по его словамъ, давалъ и лучшіе сухари, и масла больше, и лучшую сервировку, и варенье вкуснѣе сваренное, и безупречные свиные паштеты, не въ примѣръ другимъ булочнымъ... Она полагала, что, когда онъ сидитъ ночь на-пролетъ надъ счетами и бумагами, или уѣзжаетъ на нѣсколько дней въ Кардифъ, или въ Глазго, или въ Дублинъ, или въ другіе города, или когда онъ сидитъ за столомъ озабоченный и посвистываетъ сквозь зубы, то онъ поглощенъ исключительно мыслью о томъ, какъ бы доставить малоимущему населенію наиболѣе дешевое и наиболѣе здоровое питаніе. Она не разъ слышала также, что своими поставками онъ оказываетъ британской арміи на маневрахъ незамѣнимыя услуги...

Судьба семьи Бюрнетъ, пострадавшей благодаря тѣмъ же самымъ «Международнымъ» булочнымъ», совершенно не вязалась, конечно, съ сложившимися у нея представленіями о дѣятельности сэра Айзэкса. Притомъ она не могла отнестись къ этой исторіи, какъ къ исключительному случаю. Наоборотъ, эта скорбная исторія стала для нея исходной точкой безпощадной критики. Ей теперь казалось даже, что она давно, хотя и смутно, сомнѣвалась и догадывалась... Но иногда она увѣряла себя, что это единственный несчастный случай, и если бы сэръ Айзэксъ зналъ объ этомъ, онъ, навѣрное, тотчасъ же исправилъ бы свою невольную ошибку... И все-таки что-то мѣшало ей заговорить съ нимъ объ этомъ...

Но однажды утромъ, когда въ ней вновь ожили уснувшія было сомнѣнія, сэръ Айзэксъ сказалъ ей, что ѣдетъ въ Брайтонъ, оттуда автомобилемъ въ Портсмутъ,—ѣдетъ, не предупредивъ, съ внезапной ревизіей своихъ отдѣленій...

— Пожалуй, и новыя отдѣленія откроешь?—спросила она.

— Возможно... Погляжу, вотъ, какъ обстоятъ дѣла въ Арунделѣ...

— Айзэксъ!..—Она подумала немного и осторожно спросила:—Но тамъ, кажется, уже есть нѣсколько булочныхъ?

— Вотъ это-то и надо узнать...

— Если ты откроешь тамъ свои отдѣленія, то старыя лавки погибнутъ... Что же съ этими людьми будетъ?

— А это уже ихъ дѣло...

— Но, вѣдь, это несчастье для нихъ?

— Прогрессъ, это—прогрессъ, Элли.

— Это ужасно... Мнѣ кажется....—Она подумала немного и добавила:—Развѣ ты не могъ бы какъ-нибудь поддержать старыя заведенія или же вступать съ ними въ соглашеніе, что ли?

— Я предпочитаю свѣжія силы,—отвѣтилъ Айзэксъ.—Не-

льзя поручать новое дѣло людямъ, привыкшимъ работать самостоятельно...

— Это очень грустно,—продолжала она.—Многіе изъ нихъ, навѣрное, люди семейные...

— Какъ ты сегодня однако много разсуждаешь,—сказалъ сэръ Айзэксъ, глядя на нее поврхъ своей чашки съ кофе, которую подносилъ ко рту.

— Я думала эти дни объ этихъ несчастныхъ...

— Кто-нибудь, вѣроятно, говорилъ о моихъ дѣлахъ?.. Конечно, Георгина...

— Нѣтъ, не Георгина...—отвѣтила лэди Харманъ, но рѣшила не называть Сусанны Бюрнетъ.

— Когда большое дѣло дѣлаешь, приходится иногда прижимать другихъ. А поднять шумъ вокругъ разростающагося дѣла всѣ горазды... Ты, вѣроятно, слышала отъ кого-нибудь про статьи, печатавшіяся въ «Lion London». Это все вздоръ... А эти сокрушенія о судьбахъ мелкихъ лавочниковъ—просто новая ракета... Я довольно уже вздору наслышался сначала о продавщицахъ, потомъ о нормандскихъ яйцахъ и прочее... Не понимаю, почему тебѣ вздумалось вдругъ поднести мнѣ это опять и еще за завтракомъ... Дѣла, это—дѣла, а не благотворительность, и хотѣлось бы мнѣ знать, какъ бы мы съ тобой жили, еслибы я не велъ дѣла свои такъ, какъ надо вести дѣла... Вѣдь авторъ этихъ статей въ «Lion London» приходилъ ко мнѣ передъ тѣмъ, какъ напечаталъ ихъ, и еслибы я захотѣлъ его купить, статей этихъ не было бы... Вотъ и посуди, чего стоятъ эти писанія... Какая имъ цѣна!.. Жалкій шантажистъ. О продавщицахъ несчастныхъ сокрушается!.. Скажите, пожалуйста!.. Мелкіе лавочники... Подумаешь, мученики какіе. Да любой изъ нихъ, не задумываясь, задушилъ бы другого при первомъ удобномъ случаѣ...

Сэръ Айзэксъ далъ волю своему раздраженію. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по ковру передъ каминомъ и кипятился... И по мѣрѣ того, какъ росли его раздраженіе и краснорѣчіе, углублялось и задумчивое вниманіе недвижно сидѣвшей на своемъ мѣстѣ во главѣ стола лэди Харманъ.

Когда, наконецъ, сэръ Айзэксъ уѣхалъ на вокзалъ, лэди Харманъ позвонила Снагсби и спросила:

— Нѣтъ ли у насъ старыхъ номеровъ газеты «Lion London»?

— Вы этой газеты читать не станете,—учтиво, но твердо отвѣтилъ Снагсби.

— Мнѣ нужны всѣ номера, въ которыхъ были статьи о «Международныхъ булочныхъ»... Достаньте ихъ, пожалуйста...

— Это очень неприличныя статьи, лэди,—счелъ Снагсби нужнымъ предупредить ее.

— Я попрошу васъ съѣздить въ Лондонъ и привезти ихъ мнѣ...

Снагсби нерѣшительно потоптался и ушелъ. Черезъ пять минутъ онъ вернулся съ ворохомъ нераспечатанныхъ газетъ.

— Я нашелъ въ кладовой много номеровъ, лэди,—сказалъ онъ,—не понимаю, какъ они туда попали...

Онъ помолчалъ немного и, съ необычной, едва уловимой фамильярностью въ голосѣ, добавилъ:

— Сэру Айзэксу, быть можетъ, не очень пріятно будетъ видѣть здѣсь эти газеты, лэди, потомъ, когда вы прочитаете ихъ...

Лэди Харманъ сидѣла въ своей розовой комнатѣ (ея любимый цвѣтъ) и читала ѣдкій, злобный и коварно-правдивый отчетъ о дѣятельности своего супруга. И все время она слышала въ своей душѣ: «Но вѣдь ты знала это давно»... Увѣренность, что ея богатство и положеніе въ обществѣ обусловлены цѣнными услугами, оказанными народу ея мужемъ, давно уже пошатнулась въ ней. Авторъ этихъ статей былъ, несомнѣнно, шантажистъ самаго низкаго пошиба и даже ей, мало знакомой съ такого рода литературой, не трудно было отличить гнусные намеки отъ правдоподобныхъ указаній... Но, несмотря на явно-предвзятый тонъ этихъ статей, онѣ все же были близки къ правдѣ,—это было ясно, какъ день. Обликъ сэра Айзэкса выступалъ и въ его способѣ увольнять ненужныхъ ему людей, и въ правилахъ, которымъ обязаны были подчиняться плохо оплачиваемыя продавщицы, и въ штрафахъ, которымъ онѣ подвергались за малѣйшую провинность... И когда она выронила изъ рукъ послѣдній номеръ, передъ нею выросъ вдругъ отецъ Сусанны Бюрнетъ съ безпомощно опущенными руками и помутнѣвшимъ отъ отчаянія взглядомъ... И рядомъ съ нимъ всталъ передъ нею сэръ Айзэксъ съ его острымъ, какъ у собаки-ищейки, лицомъ, сутулой спиной и насмѣшливымъ посвистываніемъ.

Теперь она уже часто смотрѣла на своего супруга безпристрастнымъ взглядомъ, какъ посторонній человѣкъ.

Вмѣстѣ съ сознаніемъ, что не все ладно обстоитъ въ дѣлахъ сэра Айзэкса, и въ ея положеніи, и въ устройствѣ міра, явились у нея и новыя желанія, порывы, быстрая смѣна противорѣчивыхъ настроеній. Временами она загоралась желаніемъ «сдѣлать что-нибудь»,—что-нибудь, что удовлетворило, утолило бы ея растущее тягостное сознаніе отвѣтственности. Временами ей страстно хотѣлось только забыть о томъ, что томило ее. Она мучилась, чувствовала себя безпомощной и жа-

ждала только возможности вернуться къ тому времени, когда все казалось ей простымъ и яснымъ...

Безпокойная мысль о нравственной подкладкѣ ея матеріальнаго благополучія, какъ и тревоги совѣсти, были у лэди Харманъ такъ же естественны, какъ и безсознательныя попытки заглушить въ себѣ эти муки и сбросить съ души давившій ее гнетъ. Инстинктъ жизни звалъ ее прочь отъ тягостныхъ размышленій, звалъ къ забвенію и развлеченіямъ...

Она говорила себѣ, что въ ея внутренней тревогѣ повиненъ и этотъ унылый, слишкомъ большой, неуютный домъ, и что-то есть въ воздухѣ Путнея раздражающее ее и взвинчивающее нервы. Она чувствовала, что ей надо больше солнца, уюта, надо уѣхать куда-нибудь подальше отъ города, отъ бьющихся въ мукахъ и печаляхъ людей, подальше отъ всякихъ синдикатовъ и грозныхъ требованій жизни... Гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ она будетъ меньше думать о дѣлахъ сэра Айзэкса, и призракъ отца Сусанны Бюрнетъ останется въ этихъ большихъ непривѣтливыхъ комнатахъ. И будетъ она жить гдѣнибудь въ тиши, среди цвѣтовъ и книгъ, будетъ жить интересно, содержательно, вдали отъ всякихъ тягостныхъ заботъ...

Эта жажда уйти отъ настоящей ея жизни и привела ее въ поискахъ новаго дома въ усадьбу м-ра Брумлея, въ его свѣтлую, прелестную пріемную...

VI.

Осуществить рѣшеніе поѣхать къ лэди Бичъ-Мандаринъ оказалось дѣломъ не легкимъ. Дѣло въ томъ, что сэръ Айзэксъ никогда не считалъ благоразумнымъ давать женѣ на руки сколько-нибудь значительныя суммы денегъ. Онъ ни въ чемъ не отказывалъ ей, у нея было все, чего она хотѣла. Всѣ счета по магазинамъ безпрекословно уплачивались имъ. Ему доставляло даже удовольствіе подписывать эти чеки, и у лэди Харманъ ни въ чемъ недостатка не было. Кромѣ того, когда она спрашивала у него денегъ, онъ обыкновенно давалъ ей вдвое больше того, что она спрашивала, да еще поцѣлуй въ придачу... Но послѣ того, какъ онъ запретилъ ей ѣхать къ лэди Бичъ-Мандаринъ, она уже, конечно, денегъ просить у него не могла. Между ними захлопнулась дверь. И судьбѣ угодно было, чтобы это произошло въ такой моментъ, когда въ кошелькѣ у нея было всего пять шиллинговъ и восемь пенсовъ...

Она понимала, что эта ограниченность ея наличнаго капитала послужитъ большой помѣхой бунту, который она затѣвала. И вмѣстѣ съ тѣмъ она считала за собою право располагать кой-какими деньгами... Нѣсколько разъ ей пришло въ голову съ достоинствомъ попросить о пополненіи ея кошелька, но одно дѣло было напустить на себя холодно-достойный видъ,

и другое дѣло было просить денегъ. Съ матерью она о деньгахъ никогда не говорила, а Георгину ей не хотѣлось путать въ свои семейныя неурядицы. И потомъ,—Георгина была въ Девонширѣ...

Всѣ эти обстоятельства весьма осложняли ея поѣздку къ лэди Бичъ-Мандаринъ. Она знала, что Клarансу, охотно возившему ее по окрестностямъ города, строго наказано было сэромъ Айзэксомъ не подвергать ее опасностямъ городского движенія... Клaрансъ безъ разрѣшенія сэра Айзэкса ни за что не повезъ бы ее въ Лондонъ. Надо было, значитъ, добраться туда какимъ-либо инымъ путемъ. О существованіи ломбардовъ и ссудныхъ кассъ она представленія не имѣла, возможность вызвать автомобиль по телефону изъ какого-нибудь гаража тоже не приходила ей въ голову. Но рѣшимости она исполнена была несокрушимой... Въ назначенный день она встала раньше обыкновеннаго, долго и тщательно одѣвалась, помогавшей ей горничной сообщила, что сегодня не завтракаетъ дома, и попросила ее доложить объ этомъ м-ссъ Соубриджъ.

И покойная наружно, сіяющая, легко спустилась съ лѣстницы. Въ вестибюлѣ передъ нею выросъ Снагсби. Все его большое, широкое лицо выражало собою одинъ вопросительный знакъ.

— Я не завтракаю сегодня дома,—бросила она ему и прошла мимо него въ ярко освѣщенный солнцемъ дворъ.

Снагсби изумленно смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Гдѣ же это мы сегодня завтракаемъ?—обратился онъ къ горничной.

— Никогда еще она не наряжалась такъ, какъ сегодня...—сказала горничная.

— Никогда еще этого не бывало... Это что-то новое...—Снагсби подумалъ немного и добавилъ:—Что же теперь сэръ Айзэксъ?..

— А наше дѣло молчать,—отвѣтила горничная,—мы должны быть нѣмы, какъ рыбы...

Лэди Харманъ захватила съ собою весь свой капиталъ: пять шиллинговъ и восемь пенсовъ. Она берегла ихъ для этого дня и, когда прислуга спрашивала у нея денегъ на мелкіе расходы по хозяйству, говорила, что у нея нѣтъ мелочи. Ей хотѣлось громко смѣяться отъ возбужденія, когда она вышла въ широко раскрытыя ворота на улицу. Отчего у нея раньше не хватало на это рѣшимости? Сколько времени прошло, пока она обрѣла въ себѣ отвагу на такой простой шагъ! Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, она ни разу еще не ощущала въ себѣ такой легкости и свободы, какъ въ это утро... Она махнула рукой въ изящной перчаткѣ автомобилю, поднимавшемуся вверхъ по отлогому холму,—но это былъ частный экипажъ

потомъ—другому автомобилю, спускавшемуся внизъ, но въ немъ сидѣлъ сѣдокъ. Ни тотъ, ни другой, конечно, не остановились, и у нея мелькнула забавная мысль, что оба шофера въ заговорѣ съ сэромъ Айзэксомъ противъ нея.

Пройдя нѣсколько шаговъ, она увидала чистенькій, блестящій автомобиль, стоявшій подлѣ панели. Шоферъ, привлекательный, молодой человѣкъ, въ бѣлой фуражкѣ, встрѣтилъ ея взглядъ съ такимъ видомъ, словно ее именно онъ здѣсь и поджидалъ. Указаніе, куда ѣхать, онъ выслушалъ съ такимъ сочувственнымъ вниманіемъ, какъ будто оно совпадало съ его завѣтнымъ желаніемъ. Садясь въ экипажъ, лэди Харманъ увидала передъ собою маленькій рогъ изобилія съ искусственными цвѣтами, и ей казалось, что это спеціально для нея приготовленный сюрпризъ. Когда онъ довезъ ее до мѣста назначенія, счетчикъ показывалъ два шиллинга и восемь пенсовъ. Она дала шоферу четыре шиллинга. Онъ остался вполнѣ доволенъ ея щедростью, а предупредительностью своей и услужливостью далъ ей понять, что онъ ожидалъ отъ нея такого благородства и что она отъ первой и до послѣдней минуты внушала ему только желаніе служить ей тѣломъ и душой. И лишь въ подъѣздѣ дома Бичъ-Мандаринъ лэди Харманъ сообразила, что послѣ этой щедрой расплаты у нея врядъ ли хватитъ денегъ на возвращеніе домой въ автомобилѣ. Но она знала, что есть и желѣзныя дороги, и омнибусы, и разные другіе пути сообщенія. Мысль эта не долго тревожила ее. Она вошла въ гостиную съ улыбающимся свѣтлымъ лицомъ. Глаза ея блестѣли, на губахъ была улыбка.

— А-а-а-а!—вскрикнула лэди Бичъ-Мандаринъ и замахала руками: казалось, что ихъ у нея множество, какъ у индійскаго божества. И лэди Харманъ утонула въ ея пышной, широкой груди...

Это былъ весьма пріятный завтракъ. Но каждый завтракъ казался бы пріятнымъ лэди Харманъ въ ея возбужденномъ состояніи, вызванномъ этимъ первымъ актомъ намѣреннаго непокорства. Она никогда еще въ своей жизни не была одна въ гостяхъ и вся трепетала отъ удовольствія, словно сподобившійся чуда исцѣленія въ Лурдѣ, бросившій въ сторону свои костыли. Она сидѣла между малообщительнымъ розовымъ молодымъ человѣкомъ въ моноклѣ, на стулѣ котораго висѣла карточка съ надписью «Берти Треворъ», и м-ромъ Брумлеемъ. Она очень рада была видѣть м-ра Брумлея и глаза ея краснорѣчиво говорили объ этомъ. Она разсчитывала встрѣтить его здѣсь. Противъ нея сидѣли: писательница, миссъ Шэрспэръ, напряженно наблюдавшая, ловившая каждое слово и напоминавшая курицу, клюющую зерно, и рядомъ съ нею господинъ

съ пышной шевелюрой и равнодушнымъ лицомъ. Это былъ извѣстный критикъ, м-ръ Кейстонъ. Дальше сидѣла Агата Лимони въ шуршавшей при каждомъ ея движеніи шляпѣ, отдѣланной темно-зелеными перьями; рядомъ съ нею — сэръ Мархамъ Кросби, съ которымъ она недавно горячо полемизировала на столбахъ «Times'a», лэди Випингъ, и Горацій Бленкеръ, изъ «Old County Gasette». Послѣдній былъ единственнымъ въ этомъ кружкѣ человѣкомъ, имѣвшимъ также отношеніе къ міру сэра Айзэкса... Мать лэди Бичъ-Мандаринъ, дочь, очень развитая физически, но умственно отсталая дѣвица, и ея гувернатка-швейцарка, какъ всегда, украшали столъ своимъ присутствіемъ. Шелъ оживленный, ни на мгновеніе не прекращавшійся разговоръ, легко и непринужденно переходившій съ одной темы на другую...

Берти Треворъ говорилъ съ лэди Харманъ мало и съ такимъ видомъ, съ какимъ обыкновенно кормилъ собаку бисквитомъ. Разговаривала она, въ сущности, только съ м-ромъ Брумлеемъ.

Онъ былъ въ ударѣ въ этотъ день. За десертомъ онъ напомнилъ ей ихъ бесѣду въ первый день пріѣзда къ нему и спросилъ: «Ну, что же нашли вы, наконецъ, для себя дѣло, котораго искали?». Кругомъ нихъ громко говорили и спорили о предстоящемъ базарѣ. М-ръ Брумлей тихо шепнулъ лэди Харманъ: «Нѣтъ ничего тоскливѣе этихъ общихъ перекрестныхъ разговоровъ за столомъ. Это все равно, что разговаривать плавая въ бурномъ морѣ»...

Тутъ голосъ Бичъ-Мандаринъ, сообщавшей о своемъ новомъ проектѣ благотворительнаго базара, опять вовлекъ ихъ въ общій разговоръ. Затѣмъ стали обносить салатъ, и лишь послѣ салата имъ удалось опять обмѣняться нѣсколькими словами: «Долженъ сознаться, когда мнѣ хочется побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь, я предпочитаю быть вдвоемъ съ этимъ человѣкомъ»,—сказалъ м-ръ Брумлей, оформивъ этими словами и ея мысль... Она думала въ эту минуту о томъ, какой у него пріятный голосъ и задумчивый, мягкій профиль, и о томъ, какъ бесѣда съ нимъ помогла бы ей разобраться въ себѣ самой.

— Да, но это такъ трудно,—проговорила лэди Харманъ, и тотчасъ же пожалѣла о сказанныхъ смѣлыхъ словахъ. Она хотѣла еще что-то добавить, но промолчала, уловивъ въ его глазахъ отвѣтъ на невысказанную мысль... И въ тотъ же мигъ лэди Бичъ-Мандаринъ налетѣла на нихъ, какъ прорвавшая запруду стремнина.

— М-ръ Брумлей, а вы что на это скажете?

— ?

— Одна газета запросила у сэра Маркхама, какое жалованье онъ выдаетъ своей женѣ.

— Но, вѣдь, у него жены нѣтъ...

— Это неважно,—вставилъ сэръ Маркхамъ.

— Я полагаю, что у мужа и жены все должно быть общее, какъ у первыхъ христіанъ... Такъ было и у меня съ моимъ покойнымъ мужемъ...

Разговоръ опять покатился, какъ по рельсамъ. Лэди Харманъ слушала молча, внимательно и чутко. Сэръ Маркхамъ скептически относился къ коммунизму лэди Бичъ-Мандаринъ и доказывалъ, что ни одинъ дѣлецъ и финансистъ никогда на такую точку зрѣнія стать не можетъ. Агата Лимони вспыхнула:

— Но, вѣдь, это—законное право жены—располагать койкакими деньгами. Вѣдь получаютъ же дочери въ достаточныхъ семьяхъ деньги на свои личные расходы... Вся постановка вопроса объ имущественной автономіи женщины не выдерживаетъ никакой критики...

Бленкеръ сталъ на научную точку зрѣнія и долго и внушительно говорилъ о «деньгахъ на булавки» и приданомъ и объ обычаяхъ у дикихъ племенъ. И м-ръ Брумлей тоже не отставалъ и старательно поддерживалъ разговоръ.

Но прежде, чѣмъ гости встали изъ-за стола, ему удалось еще шепнуть лэди Харманъ: «Знаете, паркъ въ Хамптоунъ-Коуртѣ очарователенъ теперь... Вы были тамъ?.. Настоящій праздникъ осеннихъ цвѣтовъ...»

Она вышла изъ столовой, не уловивъ однако значенія его намека...

Лэди Бичъ-Мандаринъ поручила сэру Маркхаму предсѣдательство въ курильной и стремительно увела дамъ въ гостиную. Тотчасъ же лэди Харманъ очутилась въ нишѣ у окна и передъ нею миссъ Агата Лимони. Это была крупная, смуглая, сѣроглазая женщина, весьма значительнаго и нѣсколько таинственнаго вида. Она увела лэди Харманъ въ нишу съ очевиднымъ намѣреніемъ открыть ей какія-то неслыханныя тайны, и впечатлѣніе отъ ея низкаго, богатаго драматическими оттѣнками контральто усугублялось гипнозомъ ея сѣрыхъ глазъ. Она говорила, бросая осторожные взгляды на остальныхъ женщинъ, расположившихся въ другомъ углу комнаты, и похожа была не то на заговорщицу, не то на пророчицу. Она давно уже слышала о лэди Харманъ и не могла дождаться окончанія завтрака, чтобы съ нею заговорить...

— Вы именно такая женщина, какая намъ нужна...—сказала она.

— Такая, какая вамъ нужна?—повторила лэди Харманъ.

— Да, такая, какая нужна намъ, въ интересахъ нашего дѣла...

И цвѣтисто, напыщенно заговорила о задачахъ и идеалахъ «движенія»...

Для нея все сводилось къ борьбѣ противъ мужчинъ. О полѣ, къ которому миссъ Агата Лимони сама принадлежала, она была чрезвычайно высокаго мнѣнія. Женщинамъ нечему было учиться, нечего было забывать, онѣ исполнены были самыхъ высокихъ и неоцѣненныхъ достоинствъ, имъ нужно было только самопознаніе...

— Они и представленія не имѣютъ,—говорила она о враждебномъ полѣ, извлекая самыя низкія ноты изъ мелодическихъ родниковъ своего голоса,—о глубинѣ и многообразіи женской души...

Ея рѣчь объ общемъ женскомъ возстаніи вполнѣ совпадала съ бунтарскими настроеніями лэди Харманъ.

— Мы требуемъ избирательнаго права,—говорила она,—а избирательное право означаетъ автономію. И потомъ...

Она сдѣлала значительную паузу, во время которой лэди Харманъ успѣла вполнѣ оцѣнить справедливость и благородство ея словъ.

— Женщина,—добавила она,—должна сама быть себѣ госпожей. Ей должны быть предоставлены права располагать своей личностью по своему усмотрѣнію и всѣ возможности развивать свои...

Лэди Харманъ слушала съ жаднымъ вниманіемъ. Она давно уже хотѣла узнать подробности о женскомъ движеніи, но изъ устъ менѣе пылкой, болѣе уравновѣшенной особы, чѣмъ сестра ея Георгина, и, пользуясь случаемъ, она забрасывала миссъ Агату Лимони вопросами, на которые та отвѣчала съ поспѣшной готовностью и обстоятельностью...

Но, тѣмъ не менѣе, эти отвѣты не вполнѣ удовлетворяли лэди Харманъ, и она смутно чувствовала, что собесѣдница ея не столько отвѣчаетъ на ея недоумѣнія, сколько старается поразить ее своей мудростью и сама слушаетъ себя съ упоеніемъ... Вниманіе ея стало ослабѣвать, а когда она увидала опять среди входившихъ въ гостиную мужчинъ м-ра Брумлея, то и совсѣмъ исчезло. Ей казалось, что необходимо закончить начатый съ нимъ и прерванный разговоръ... Когда она встрѣтилась съ нимъ глазами, ей ясно стало, что и онъ того же мнѣнія...

Она отошла отъ Агаты, которая смотрѣла ей вслѣдъ внимательнымъ взглядомъ врача, наблюдавшаго паціента, которому онъ только-что сдѣлалъ прививку, и стала торопливо прощаться съ хозяйкой дома. Подъ шумъ прощальныхъ привѣтствій, взаимныхъ любезностей, приглашеній и обѣщаній

лэди Харманъ спустилась съ лѣстницы и увидала стоявшаго у вѣшалки м-ра Брумлея. И въ глазахъ ея м-ръ Брумлей тотчасъ прочиталъ, что она разсчитывала увидѣть его здѣсь. Она чистосердечной улыбкой отвѣтила на его догадку.

— Прикажете кликнуть автомобиль, лэди?—спросилъ лакей.

Она подумала немного.

— Нѣтъ, я пройдусь немного...—она съ сосредоточеннымъ видомъ застегивала пуговицу перчатки.

— М-ръ Брумлей, станція метрополитэна далеко отсюда?

— Въ двухъ минутахъ... Но не лучше ли вамъ будетъ автомобилемъ...

— Я бы охотнѣе прошлась немного...

— Если позволите мнѣ васъ...

Она кивнула головой и, думая о чемъ-то, не отвѣтила на неразслышанный вопросъ...

— М-ръ Брумлей,—сказала она,—мнѣ не хотѣлось бы еще ѣхать домой.

— Я весь къ вашимъ услугамъ...

— Я еще за завтракомъ рѣшила не возвращаться отсюда прямо домой...—довѣрчиво и непринужденно продолжала она.

Въ воображеніи м-ра Брумлея замелькали тысячи фантастическихъ возможностей.

— Мнѣ бы очень хотѣлось погулять въ Кенсингтонскомъ паркѣ. Отсюда, вѣроятно, недалеко до Кенсингтона... Посидѣть бы тамъ немного на зеленой скамьѣ, а тамъ поѣду метрополитэномъ или инымъ какимъ-нибудь путемъ домой, въ Путней... Мнѣ и незачѣмъ ѣхать сейчасъ домой... Но—мнѣ стыдно сознаться—я такъ плохо знаю Лондонъ... Если бы вы проводили меня до Кенсингтона, усадили меня на зеленую скамью и объяснили, какъ мнѣ оттуда добраться до ближайшей станціи метрополитэна... Хотите?

— Располагайте мною и моимъ временемъ по вашему усмотрѣнію и желанію,—искренне и серьезно отвѣтилъ м-ръ Брумлей.—Отсюда до парка нѣсколько минутъ ходьбы. Но все-таки автомобилемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно возразила лэди Харманъ, ни на мгновенье не забывшая о томъ, что въ кошелькѣ у нея всего одинъ шиллингъ и восемь пенсовъ.—Но скажите откровенно, м-ръ Брумлей, я не совершаю посягательства на ваше время?

— Я бы хотѣлъ, чтобы вы могли читать сейчасъ мои мысли...

Тогда она осмѣлѣла и добавила:

— Да, вы вѣрно замѣтили: за завтракомъ трудно разговаривать о чемъ-нибудь... А мнѣ такъ хотѣлось поговорить съ вами.

М-ръ Брумлей поспѣшилъ выразить свою непритворную радость...

— Съ тѣхъ поръ, какъ я прочитала вашу книгу «Эфемія»,— продолжала лэди Харманъ и, замявшись, повторила:—Съ тѣхъ поръ, какъ вновь прочитала...—Она покраснѣла и сказала:— Я еще до знакомства съ вами читала одну изъ вашихъ книгъ...

— Я помню, вы говорили,—поддержалъ онъ ее.

— Вы такъ глубоко, такъ тонко все понимаете... Я чувствую, что одинъ только разговоръ съ вами поможетъ мнѣ уяснить себѣ все, что смутно бродитъ въ моей головѣ... Вы...

Они подходили къ воротамъ Кесингтонскаго парка... М-ръ Брумлей собрался съ духомъ и неувѣренно, спѣша, выразилъ волновавшее его желаніе:

— Мы могли бы, конечно, и здѣсь побесѣдовать... вотъ подъ тѣми деревьями. Но мнѣ такъ хочется... Вы были теперь въ Хамптоунъ-Коуртѣ?.. Если бы вы видѣли, какіе цвѣты тамъ расцвѣли... На солнцѣ это такая красота!.. Въ автомобилѣ мы доѣдемъ туда въ какой-нибудь часъ... Если только вы свободны до половины шестого...

Отчего ей не поѣхать?

Предложеніе м-ра Брумлея такъ рѣзко противорѣчило понятіямъ того міра, въ которомъ жила лэди Харманъ, что она сочла даже своимъ долгомъ въ отношеніи всѣхъ женщинъ, борющихся за свою свободу, взвинтить себя и принять это предложеніе...

— Я должна быть дома не позже половины шестого...

— Вы успѣете осмотрѣть паркъ и даже раньше попадете домой...

— Въ такомъ случаѣ... съ удовольствіемъ...

Отчего ей не поѣхать? Сэръ Айзэксъ, конечно, пришелъ бы въ ярость отъ ея поступка... Но вѣдь это дѣлаютъ другія женщины ея круга... Объ этомъ и въ романахъ пишутъ... Она вполнѣ въ правѣ...

И потомъ, м-ръ Брумлей такой воспитанный и безобидный человѣкъ...

Лэди Харманъ искренно хотѣла поговорить съ м-ромъ Брумлеемъ о своемъ семейномъ и общественномъ положеніи. Она думала объ этомъ съ перваго дня знакомства съ нимъ. Она была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя инстинктивно обращаются за совѣтомъ къ мужчинѣ и замыкаютъ свою душу передъ женщиной. Онъ внушалъ ей безконечное довѣріе своей ласковой простотой и чуткостью. Она чувствовала, что этотъ человѣкъ жилъ, страдалъ, многое постигъ и готовъ придти людямъ на помощь своимъ опытомъ. Сердце его—это она

знала изъ его книгъ—занято было незабвенной Эфеміей, и она смотрѣла на него, какъ на брата или друга, о какомъ давно мечтала. Ей хотѣлось поговорить съ нимъ обо всемъ, что тревожило ее въ послѣднее время: о свободѣ, которой она жаждала, объ отвѣтственности за свое положеніе, которое томило ее, о дѣлахъ сэра Айзэкса. Но теперь, когда автомобиль мчалъ ихъ по шумной, оживленной Кенсингтонъ-Хай-стритъ, она никакъ не могла сосредоточить своей мысли на той темѣ, которую давно намѣтила себѣ. Они понимала, что это рѣдкій случай, которымъ надо пользоваться безотлагательно, и въ то же время не могла заглушить въ себѣ веселаго, радостнаго возбужденія, въ которомъ таяли всѣ ея намѣренія. Вереницы всевозможныхъ экипажей, автомобилей, каретъ, омнибусовъ, фургоновъ, безконечныя людскія рѣки на тротуарахъ представляли собою такое увлекательное и развлекавшее ея вниманіе зрѣлище, что она рѣшила отложить разговоръ до болѣе благопріятнаго момента. Она разсчитывала, что такой моментъ, навѣрное, представится, когда они будутъ сидѣть въ какомъ-нибудь тихомъ тѣнистомъ углу парка, въ Хамптонъ-Коуртѣ. Трудно говорить о серьезныхъ вещахъ въ наемномъ, тряскомъ автомобилѣ, несущемся со стремительной быстротой прямо на исполинскій красный омнибусъ...

М-ръ Брумлей бросилъ кой-какія указанія шоферу, и они скоро въѣхали въ самую живописную часть парка...

М-ръ Брумлей тоже былъ пріятно возбужденъ и немного разсѣянъ. Онъ недавно еще мечталъ о такой прогулкѣ, сочинялъ увлекательные діалоги, а теперь не находилъ нужныхъ словъ, волновался смутнымъ предчувствіемъ какой-то неожиданности и нервничалъ. Онъ такъ же мало способенъ былъ вникать теперь вглубь вещей, какъ и лэди Харманъ. Онъ говорилъ о перемѣнахъ, произошедшихъ въ сообщеніи съ пригородами Лондона, благодаря автомобилямъ, и о красотѣ парка въ Ричмондѣ. И лишь, когда они отпустили автомобиль и усѣлись на скамьѣ подъ высокими вѣтвистыми деревьями, лэди Харманъ завела рѣчь о томъ, что волновало ее. М-ръ Брумлей съ своей стороны прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы оправдать довѣріе, которое она оказала ему.

Но это была совсѣмъ не та бесѣда, о какой онъ мечталъ. Чего-то въ ней не хватало и чувство неудовлетворенности росло въ немъ съ каждымъ мгновеніемъ.

Причины этого недовольства лежали, быть можетъ, не столько въ недостаточномъ вниманіи его собесѣдницы къ нему самому, сколько въ той незначительной роли, которую она въ исповѣди своей отводила вообще *ему*, мужчинѣ. Въ его жизни *она*, женщина, играла главную роль, и ему казалось вполнѣ есте-

ственнымъ, чтобы интересы представительницъ противоположнаго пола тоже сосредоточены были, главнымъ образомъ, на н е м ъ... Онъ склоненъ былъ думать, что все въ жизни, вся гамма чувствъ, волнующихъ человѣческую душу, всякіе порывы, стремленія, вѣрованія, въ сущности, только проявленія этого неизмѣннаго взаимнаго тяготѣнія двухъ половъ. Большая часть его личныхъ интересовъ и интересовъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ, сводилась къ этому неутомимому выясненію сложныхъ и многообразныхъ отношеній между н и м ъ и н е ю. И онъ былъ пораженъ тѣмъ, что такая красивая, элегантная женщина, такая заманчивая собесѣдница для обсужденія извѣчнаго и, по его мнѣнію, основного жизненнаго вопроса, вовсе, повидимому, этимъ вопросомъ не интересовалась и такъ серьезно говорила о какой-то этикѣ печенія булокъ, условіяхъ работы въ кондитерскихъ и закусочныхъ и о своей нравственной отвѣтственности въ этихъ дѣлахъ... И онъ тутъ же рѣшилъ про себя, что въ ней не проснулась еще женщина...

Логическимъ продолженіемъ этого заключенія была, конечно, мысль о необходимости разбудить эту Спящую Красавицу. И онъ безсознательно давалъ ей такіе отвѣты на ея вопросы, которые могли содѣйствовать его намѣренію. Для него было ясно, что попытки лэди Харманъ освободиться нѣсколько отъ бдительнаго надзора мужа и выйти изъ круга его узкихъ, дѣловыхъ интересовъ могутъ привести ее въ плоскость совершенно новыхъ освободительныхъ стремленій, и онъ смутно сознавалъ, что необходимо занять опредѣленную позицію, прежде чѣмъ въ ней совершится этотъ процессъ пробужденія и освобожденія... Всѣ эти мысли смутно бродили въ м-рѣ Брумлеѣ, хотя онъ и не преминулъ бы отречься отъ нихъ, еслибы онѣ предстали передъ нимъ во всей своей наготѣ, и въ то же время у него было и простое, искреннее желаніе нравиться ей, дѣлать то, что ей могло бы быть пріятно, помочь ей, потому, что она ждала отъ него помощи, и, по мѣрѣ силъ своихъ, онъ старался добросовѣстно отвѣчать на ея вопросы, чувствуя, что это будетъ въ ея и въ его интересахъ и въ интересахъ дальэто будетъ въ ея и въ его интересахъ и въ интересахъ дальнѣйшаго развитія ихъ дружбы...

И м-ръ Брумлей сидѣлъ на зеленой скамьѣ подъ вѣковыми деревьями Хамптонъ-Коурта въ своемъ щегольскомъ костюмѣ, въ безукоризненномъ цилиндрѣ, красиво оттѣнявшемъ его тонкій, изящный профиль, держа перчатки въ одной рукѣ, а другую положивъ на спинку скамьи, и серьезно и вдумчиво разбиралъ вопросъ объ общественномъ значеніи «Международныхъ булочныхъ» и о томъ, что бы она могла сдѣлать, чтобы предупредить возможныя печальныя послѣдствія этихъ

учрежденій. Лицо его часто окрашивалось легкимъ румянцемъ и глаза внимательно разглядывали волосы лэди Харманъ, расчесанные густыми прядями по обѣ стороны лба, ея быстро двигавшіяся губы и любовались красивымъ, непринужденнымъ наклономъ ея головы и ея узкой, обтянутой перчаткой рукой, быстро чертившей что-то зонтикомъ по песку...

И, конечно, онъ далеко не былъ такъ безпристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ о дѣятельности сэра Айзэкса, какъ ему хотѣлось бы... Въ этомъ исключительномъ для женщины и, очевидно тягостномъ для нея чувствѣ отвѣтственности за свое общественное и матеріальное положеніе онъ видѣлъ, прежде всего, залогъ ея освобожденія отъ сэра Айзэкса и въ этомъ направленіи онъ готовъ былъ помогать ей всѣми силами...

Наряду съ этимъ строемъ мыслей въ сознаніи м-ра Брумлея въ то же время вилась и другая мысль... Онъ не переставалъ считать деньги, оставшіяся у него въ кошелькѣ... Онъ хотѣлъ взять въ этотъ день денегъ въ банкѣ, но вспомнилъ объ этомъ лишь въ ту минуту, когда расплачивался съ шоферомъ, привезшимъ ихъ въ Хамптоунъ-Коуртъ. Шоферу надо было заплатить девять шиллинговъ десять пенсовъ, а въ кошелькѣ у него была лишь одна маленькая золотая монета... Но онъ нашелъ въ карманахъ своего жилета нѣсколько серебряныхъ монетъ, и на чай шоферу у него хватило. На вопросъ: «Прикажете подождать»,—онъ, не подумавъ, отвѣтилъ отрицательно. И шоферъ уѣхалъ.

М-ръ Брумлей теперь только сообразилъ, что не имѣетъ, въ сущности, никакого представленія о путяхъ сообщенія между Хамптонъ-Коуртомъ и Путнеемъ, и если бы даже здѣсь оказалась вблизи желѣзнодорожная станція, то на билеты перваго класса у него денегъ уже не было, и потомъ нельзя же не предложить лэди Харманъ чашку чаю... Ему и самому смертельно захотѣлось чаю. Онъ чувствовалъ, что голова его будетъ лучше работать, если онъ напьется чаю...

Они пили чай въ маленькомъ ресторанчикѣ, очень скромномъ на видъ... Но чай оказался здѣсь очень дорогимъ, и когда лакей положилъ передъ м-ромъ Брумлеемъ счетъ и онъ вынулъ изъ кармана свой кошелекъ, ему ясно стало, что самое худшее еще только впереди, и это худшее было гораздо хуже, чѣмъ онъ думалъ. Пять шиллинговъ надо было заплатить,—не спорить же съ иронически поглядѣвшимъ на него лакеемъ,—а на ладони его было всего четыре шиллинга и шесть пенсовъ.

Онъ чувствовалъ на себѣ взгляды лакеевъ, изъ другого угла комнаты наблюдавшихъ его смущеніе.

— Вотъ такъ разъ,—проговорилъ онъ съ дѣланнымъ изумленіемъ.

— Въ чемъ дѣло?—участливо спросила лэди Харманъ.

— Дорогая лэди Харманъ, въ какомъ я забавномъ положеніи оказался... Не можете ли вы ссудить мнѣ десять шиллинговъ?

Онъ замѣтилъ, что лакеи переглянулись, и вспыхнулъ до ушей.

— О!—воскликнула она и посмотрѣла на него смѣющимися глазами... Она, прежде всего, уловила смѣшную сторону этого приключенія.—У меня, кажется, всего одинъ шиллингъ и восемь пенсовъ...

Она вынула изъ ридикюля маленькій, но весьма плутократическаго вида кошелекъ и протянула его м-ру Брумлею.

— Ужасно досадное положеніе,—проговорилъ онъ, вынимая шиллингъ изъ ея цѣннаго кошелька.—Пожалуйста!—бросилъ онъ лакею, и, уплативъ по счету, прибавилъ шесть пенсовъ на чай. Не выпуская изъ рукъ хорошенькаго кошелька, онъ старался улыбаться и скрыть свое смущеніе, боясь больше всего повредить себѣ въ ея глазахъ своей слабостью и растерянностью...

— Досадное положеніе,—повторилъ онъ.

— Я объ этомъ и не подумала,—сказала лэди Харманъ,—это я во всемъ виновата...

— О, нѣтъ, нѣтъ, дорогая лэди... Вина исключительно моя... Не знаю, какъ мнѣ оправдать себя въ вашихъ глазахъ,—вотъ положеніе... А я еще такъ убѣждалъ васъ поѣхать сюда!..

— Но вѣдь въ концѣ концовъ, расплатились...—утѣшила она его.

— Но намъ надо еще возвращаться домой.

Объ этомъ она пока еще не подумала. И мысль эта тотчасъ воскресила передъ нею образъ сэра Айзэкса.

— Въ половинѣ шестого?—проговорила она съ легкимъ оттѣнкомъ вопроса въ голосѣ.

М-ръ Брумлей посмотрѣлъ на часы. Было безъ пяти минутъ пять.

— Человѣкъ,—спросилъ онъ лакея,—сколько времени идетъ отсюда поѣздъ въ Путней?

— Отсюда нѣтъ никакихъ поѣздовъ въ Путней, сэръ...

Онъ принесъ расписаніе поѣздовъ, и м-ръ Брумлей узналъ, во-первыхъ, что Хамптонъ-Коуртъ и Путней лежатъ на противуположныхъ другъ другу желѣзнодорожныхъ линіяхъ, и во-вторыхъ, что въ лучшемъ случаѣ, они могутъ попасть въ Путней только въ 6 часовъ.

М-ръ Брумлей былъ очень разстроенъ. Онъ теперь только понялъ, какую онъ оплошность совершилъ, отпустивъ шо-

фера. Надежда встрѣтить вблизи парка автомобиль скоро рухнула. Надо было поспѣть къ поѣзду, уходившему съ ближайшей станціи въ 5 ч. 25 м., и они пошли пѣшкомъ на вокзалъ.

У него была смутная надежда на то, что ему дадутъ билеты въ кредитъ, если онъ предъявитъ въ кассѣ свою визитную карточку. Но предложеніе его не встрѣтило никакого сочувствія у кассира. Взглядъ послѣдняго изъ-за четвероугольнаго рѣшетчатаго окошка и голосъ его показались даже обидными м-ру Брумлею. Видя, что увѣренный, достойный тонъ не производитъ на кассира никакого впечатлѣнія, онъ сталъ горячиться, сталъ грозить, а въ это время лэди Харманъ, нетерпѣливо поджидавшая его на перронѣ, смотрѣла, какъ уходилъ поѣздъ, которымъ они разсчитывали уѣхать... Въ ея чувство довѣрія къ нему коварно пробиралась тѣнь сомнѣнія...

М-ръ Брумлей вышелъ на платформу съ намѣреніемъ предложить ей сѣсть въ поѣздъ безъ билетовъ, но такъ какъ ихъ поѣзда уже не было, то оставалось только доѣхать другимъ ближайшимъ поѣздомъ до болѣе оживленной станціи, близкой къ городу, и оттуда уже ѣхать въ Путней автомобилемъ. Когда они вошли, наконецъ, въ вагонъ, сѣли, помолчали немного, лэди Харманъ первая расхохоталась отъ всего сердца, м-ръ Брумлей также чистосердечно ее поддержалъ, и обоихъ обуяло буйное веселье, чаще всего являющееся на смѣну непріятностямъ неожиданно-досадныхъ приключеній... М-ра Брумлея не переставала точить мысль о томъ, какъ онъ глупо велъ себя въ объясненіи съ кассиромъ, но объ этой сценѣ онъ лэди Харманъ не разсказывалъ...

Они сошли въ Хаммерсмиттѣ, оба безъ гроша, и тотчасъ сѣли въ автомобиль, который повезъ ихъ въ Путней. Лэди Харманъ вышла изъ экипажа у воротъ и пошла къ дому одна тонувшимъ во мглѣ дворомъ, а м-ръ Брумлей поѣхалъ въ свой роскошный уютный клубъ. Было 8 ч. 5 м., когда онъ открылъ двери клуба...

Лэди Харманъ разсчитывала вернуться домой около четырехъ часовъ, напиться чаю съ матерью и сообщить своему супругу, когда онъ вернется изъ города, какъ она достойно и безъ всякаго ущерба кому и чему-либо нарушила его нелѣпое запрещеніе... Онъ погорячился бы немного, а она заявила бы ему о своемъ намѣреніи поѣхать и къ лэди Витингъ, звавшей ее обѣдать, и къ другимъ дамамъ, которыхъ обѣщала навѣстить... Но она вернулась домой около восьми часовъ, и весь домъ полонъ былъ ожиданія и тревоги. Даже старшія дѣвочки, привыкшія къ материнскому поцѣлую «на ночь», еще не спали и общее безпокойство, царившее въ домѣ, претвори-

ли въ слезы... Слуги шептались межъ собою: «Куда могла дѣться лэди?»

Сэръ Айзэксъ вернулся въ этотъ день раньше обыкновеннаго, очень разстроенный: онъ ѣхалъ домой съ намѣреніемъ сорвать свое дурное настроеніе на Элленъ, и ея отсутствіе ошеломило его...

— Но, куда, куда она уѣхала?—спрашивалъ онъ Снагсби.

— Лэди говорила, что ѣдетъ куда-то завтракать, сэръ Айзэксъ.

— Боже милосердный, но куда?..

— Лэди ничего намъ не сказала, сэръ Айзэксъ.

— Куда она уѣхала, чортъ побери?..

— Я этого знать не могу, сэръ Айзэксъ.

И осѣненный внезапной догадкой, добавилъ:

— Быть можетъ, м-ссъ Соубриджъ знаетъ...

М-ссъ Соубриджъ грѣлась въ саду на солнцѣ. Она сидѣла въ широкомъ, удобномъ плетеномъ креслѣ, подъ бѣлымъ зонтикомъ, съ послѣднимъ романомъ Гемфри Уордъ на колѣняхъ, и старалась не думать о томъ, гдѣ находится въ это время ея дочь. Она подняла голову, заслышавъ шаги, и, бровью не дрогнувъ, выдержала взглядъ приближавшагося къ ней сэра Айзэкса.

— Куда Элленъ уѣхала?—крикнулъ онъ.

Она пожала плечами: она и представленія не имѣла о томъ, что Элленъ уѣхала куда-то.

— Но вы должны это знать,—сказалъ сэръ Айзэксъ,—она должна быть дома. Куда она уѣхала? Гдѣ она... Вы должны это знать... Она ваша дочь... Вамъ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ дочерей? Нечего сказать... Мужъ возвращается домой чай пить, и—удовольствіе!—жены дома нѣтъ... Послѣ всякихъ дѣловыхъ непріятностей и огорченій, послѣ всего, что наслушался въ клубѣ...

М-ссъ Соубриджъ старалась принять самую достойную, возможную въ сидячемъ положеніи, позу...

— Это не моя обязанность, сэръ Айзэксъ, слѣдить за вашей женой...

— И за Георгиной вы тоже не обязаны слѣдить?.. Господи, я бы сто фунтовъ отдалъ, только бы этого не было!..

— Я попросила бы васъ быть нѣсколько сдержаннѣе въ разговорѣ со мной,—начала было м-ссъ Соубриджъ, но сэръ Айзэксъ рѣзко оборвалъ ее:

— Да что тамъ! Вздоръ! Вы ничего, ничего не знаете... Не знаете ничего про сумасбродныя выходки вашихъ дочекъ... Ничего не знаете про исторію съ билетами... Она повела этихъ бабъ... Ваша Георгина... М-ссъ Соубриджъ, извольте выслушать меня!..

Она быстро шла къ дому, съ высоко поднятой головой, съ бѣлымъ вытянувшимся лицомъ, а сэръ Айзэксъ бѣжалъ за нею и кричалъ:

— Георгина... Ваша Георгина...

Ея равнодушіе къ его словамъ выводило его изъ себя. Онъ понять не могъ, почему она не останавливается, не выслушиваетъ, что натворила Георгина. Онъ готовъ былъ побить ее отъ ярости. Быть можетъ, она уже знаетъ и даже сочувствуетъ?..

Она стремительно вошла въ домъ, въ свою комнату, откуда не могла уже слышать его голоса. Но ему необходимо было говорить и кричать, и онъ говорилъ и кричалъ, обращаясь къ деревьямъ. Наконецъ, пошелъ къ себѣ, въ свой кабинетъ, и позвонилъ Снагсби.

— Не вернулась еще лэди Харманъ?..—угрюмо спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, сэръ Айзэксъ.

— Отчего ея еще нѣтъ?

— Быть можетъ, сэръ Айзэксъ, съ лэди какой-нибудь несчастный случай...—попробовалъ онъ утѣшить его.

Сэръ Айзэксъ подумалъ нѣсколько мгновеній и покачалъ головой.

— Нѣтъ, дали бы знать по телефону... Нѣтъ... Мнѣ надо знать, гдѣ она? Гдѣ она? И кто знаетъ, когда ей еще заблагоразсудится вернуться домой!.. Сумасшедшіе люди...

Онъ свистнулъ сквозь зубы. Снагсби молча постоялъ еще немного, почтительно поклонился и удалился...

Онъ едва успѣлъ дать на кухнѣ краткій отчетъ о своей бесѣдѣ съ сэромъ Айзэксомъ, какъ опять раздался рѣзкій звонокъ, и онъ опять побѣжалъ въ кабинетъ. Сэръ Айзэксъ потребовалъ къ себѣ горничную лэди Харманъ и закидалъ ее вопросами:

— Куда ушла лэди? Куда она могла уйти? Что она, горничная думаетъ, куда лэди Харманъ могла уѣхать?

— Я думаю, что лэди поѣхала завтракать куда-то,—убѣжденно отвѣтила горничная.

— Убирайтесь!.. Уходите вонъ!..—закричалъ на нее сэръ Айзэксъ.

Горничная покорно вышла изъ кабинета

— Никогда еще онъ не былъ такъ золъ,—подѣлилась она на кухнѣ своими впечатлѣніями.

— Влетитъ ей на этотъ разъ отъ сэра Айзэкса,—замѣтилъ Снагсби.

— Да что онъ можетъ узнать?..—бросила горничная.

— О чемъ?—спросилъ Снагсби.

— О, я ничего не знаю, я ничего не знаю... Пожалуйста, меня не спрашивайте...

Минуть черезъ десять изъ кабинета сэра Айзэкса раздался громкій трескъ: онъ разбилъ фарфоровую статуэтку, стоявшую у него на письменномъ столѣ. Черепки нашли потомъ въ каминѣ. Но потребность его говорить съ кѣмъ-нибудь была неодолима. Онъ долго говорилъ съ самимъ собою о лэди Харманъ, о Георгинѣ, но потомъ имъ вновь овладѣло страстное желаніе подѣлиться своими мыслями съ м-ссъ Соубриджъ. Онъ обошелъ весь домъ и садъ. Ея нигдѣ не было. Наконецъ, одна изъ подгорничныхъ, которую онъ встрѣтилъ въ корридорѣ, робко сообщила ему, что м-ссъ Соубриджъ ушла въ свою комнату.

Онъ направился къ дверямъ, постучалъ и послѣ вопроса:

— Это что еще?—не добился уже ни одного слова въ отвѣтъ.

Онъ тронулъ было ручку, но м-ссъ Соубриджъ предупредительно закрыла дверь на ключъ.

— Я хочу поговорить съ вами о Георгинѣ... О Георгинѣ!—громко повторилъ онъ.—О Георгинѣ, чортъ побери!..

М-ссъ Соубриджъ не отвѣчала.

Въ гостиной его ждалъ накрытый чайный столъ.

— Снагсби,—сказалъ сэръ Айзэксъ,—скажите м-ссъ Соубриджъ, что я прошу ее придти чай пить...

— У м-ссъ Соубриджъ голова болитъ,—съ мягкой учтивостью отвѣтилъ Снагсби...—Она велѣла мнѣ передать вамъ... И велѣла принести ей чаю въ ея комнату.

Сэръ Айзэксъ оторопѣлъ, примолкъ на нѣсколько мгновеній. Затѣмъ его осѣнила новая мысль.

— Принесите мнѣ сегодняшній «Times», Снагсби! — сказалъ онъ.

Онъ взялъ газету, обвелъ одинъ столбецъ своимъ карманнымъ перомъ и подписалъ: «Эти билеты Георгина получила обманомъ черезъ меня».

— Передайте, пожалуйста, газету м-ссъ Соубриджъ и спросите ее, какого она объ этомъ мнѣнія?

Но м-ссъ Соубриджъ молчаливо отклонила его предложеніе корреспондировать via Снагсби...

Георгинѣ, конечно, никакого оправданія быть не могло.

Она получила черезъ сэра Айзэкса билеты на большой балъ у лэди Барлейпоундъ подъ предлогомъ показать великосвѣтскій домъ двумъ провинціальнымъ барышнямъ, за которыхъ она ручалась, и помогла имъ устроить скандалъ, направленный противъ виднаго государственнаго дѣятеля, м-ра Блэптона. На этомъ балу были министры и много знатныхъ лицъ, явившихся въ полномъ парадѣ съ пріема въ Букингэмскомъ дворцѣ. Пурпуръ, перья, великолѣпные шлейфы, ленты и звѣзды

шопотъ восхищенія, и вдругъ—замѣшательство, крики, смятеніе: «Долой съ него эполеты!»—и двѣ молоденькихъ, миловидныхъ женщины набросились на м-ра Блэптона. Онъ геройски защищалъ свои эполеты, отбиваясь, главнымъ образомъ, своей форменной фуражкой, которая сломалась въ схваткѣ надвое. М-ссъ Блэптонъ, поспѣшивъ на помощь мужу, внесла въ сраженіе чисто-женскіе пріемы и расцарапала уши одной изъ зачинщицъ скандала. Наконецъ явилась полиція и въ печальномъ истерзанномъ видѣ увела ихъ отъ возмущеннаго государственнаго дѣятеля...

Исторія Англіи послѣднихъ лѣтъ пестритъ подобными страницами, и этому происшествію потому лишь удѣлено нѣсколько строкъ въ нашемъ романѣ, что въ немъ, до извѣстной степени, замѣшана была Георгина. Сэръ Айзэксъ узналъ объ этомъ за завтракомъ въ клубѣ. Было уже извѣстно, что эти особы проникли на балъ съ билетами на его имя, и знакомые не скрывали отъ него печальныхъ предположеній, что эта исторія можетъ ему сильно повредить...

Когда лэди Харманъ подходила въ темнотѣ къ подъѣзду своего дома, она глубоко раскаивалась въ томъ, что не ограничилась бесѣдой съ м-ромъ Брумлеемъ въ Кенсингтонъ-паркѣ и соблазнилась предложеніемъ поѣхать въ Хамптоунъ-Коуртъ. И это возвращеніе какъ-никакъ оставило въ ней такое чувство, которому она охотно предпочла бы какое-либо иное,—еслибы выборъ былъ въ ея власти. Она устала, была вся въ пыли, и когда передъ нею распахнулась дверь, яркій свѣтъ вестибюля на мгновеніе ослѣпилъ ее.

Снагсби снялъ съ нея пальто.

— Сэръ Айзэксъ спрашивали васъ,—сообщилъ онъ ей.

На лѣстницѣ показался сэръ Айзэксъ.

— Бога ради, Элленъ... Гдѣ ты была?

Лэди Харманъ рѣшила никакихъ объясненій пока не давать.

— Я буду готова къ обѣду черезъ полчаса,—бросила она Снагсби. И пошла наверхъ. Сэръ Айзэксъ ждалъ ее на площадкѣ.

— Гдѣ ты была?—повторилъ онъ, когда она поровнялась съ нимъ.

Горничная и бонна, выбѣжавшія на лѣстницу явно раздѣляли нетерпѣніе сэра Айзэкса услышать ея отвѣтъ. Но онѣ не услышали ея отвѣта, такъ какъ лэди Харманъ подняла голову, какъ недавно м-ссъ Соубриджъ въ саду, и, опередивъ мужа, быстро прошла въ свою комнату. Онъ пошелъ за нею и захлопнулъ дверь передъ непрошенными слушательницами.

— Ну, гдѣ ты была, чортъ возьми?!—загремѣлъ онъ съ не-

сдержанностью законнаго супруга.—Что это значить, позволь узнать?

Она обдумывала свои отвѣты съ того мгновенья, когда поняла, что возвращеніе ея домой во всякомъ случаѣ не будетъ уже побѣднымъ...

— Я поѣхала завтракать къ лэди Бичъ-Мандаринъ,—отвѣтила она,—я вѣдь говорила, что поѣду...

Завтракать!..—крикнулъ онъ.—Теперь восемь часовъ...

— Тамъ было много народу... Я познакомилась съ Агатой Лимони... Отчего же мнѣ не поѣхать было завтракать?..

— Воображаю, что за компанія... Но гдѣ ты была до восьми часовъ? И такъ вотъ,—бросить домъ, дѣтей?..

— Я поѣхала смотрѣть цвѣтники въ Хамптоунъ-Коуртѣ...

— Съ нею?

— Да...

Эта ложь не входила въ ея планы. И чтобы избѣгнуть другой лжи, она поспѣшила примѣнить къ своему частному случаю выслушанныя отъ Агаты Лимони общія положенія:

— Я считаю, что это мое право,—начала она, задыхаясь отъ волненія,—ѣздить въ Хамптоунъ-Коуртъ съ кѣмъ мнѣ угодно, разговаривать о томъ, что мнѣ интересно, и гулять тамъ столько, сколько считаю нужнымъ...

Онъ нѣсколько мгновеній молча кусалъ губы и опять закричалъ:

— Никакихъ правъ у тебя нѣтъ... У тебя одна только обязанность, сидѣть дома и смотрѣть за хозяйствомъ, а не шататься по Лондону, сколько взбредетъ въ голову...

— А я не считаю это моей обязанностью...—отвѣтила лэди Харманъ съ усиліемъ.

— Конечно, это твоя обязанность!.. Ты отлично знаешь, что это твоя обязанность... Тебя напичкали уже своими идеями эти распущенныя сумасбродки...

Сэръ Айзэксъ уже не владѣлъ собою. Ему необходимо было излить ярость, бурлившую въ немъ весь день, и онъ кричалъ, бѣсновался, и бранныя, грубыя, ѣдкія, обидныя слова стремительно срывались съ его устъ...

— Въ чемъ же, въ чемъ же твоя обязанность?.. Не въ томъ ли, чтобы шляться, чортъ знаетъ гдѣ, съ какой-нибудь старой суффражисткой?

Онъ остановился, чтобы собраться съ силами. Онъ никогда еще не давалъ такой воли своему раздраженію въ объясненіяхъ съ женой, ни съ чужими людьми. Его вспышки гнѣва обыкновенно умѣрялись врожденной робостью. Но теперь онъ искалъ опоры, облегченія и находилъ его въ словахъ, отъ которыхъ въ другое время воздержался бы. Это была дикая, безсвязная рѣчь... Онъ говорилъ о Георгинѣ, и объ обидной важности

м-ссъ Соубриджъ, и объ истеричности Георгины, причиной которой было ея дѣвичество, объ общемъ упадкѣ женской добродѣтели въ современномъ обществѣ, и о безнравственности современной литературы, о зависимомъ положеніи лэди Харманъ, и о неправедливости въ ихъ взаимоотношеніяхъ, о томъ, что она живетъ, окруженная роскошью, а онъ работаетъ, какъ ломовая лошадь, и о томъ, каково ему было въ ея отсутствіе выносить безстыжіе взгляды прислуги...

Онъ сопровождалъ свою яростную рѣчь соотвѣтствующими жестами. Уши его и носъ горѣли, щеки были мертвенно-блѣдны, волосы торчали дыбомъ... Онъ спрашивалъ ее, что она такое и что она знаетъ объ этихъ людяхъ, съ которыми путается теперь?.. Онъ обрушился на лэди Бичъ-Мандаринъ словами, которыя этой почтенной особѣ врядъ ли доставили бы удовольствіе...

Лэди Харманъ нѣсколько разъ пыталась заговорить, но всѣ попытки ея заглушались его свистящимъ, ни на мгновеніе не умолкавшимъ голосомъ. И глядя на него, она чувствовала, какъ въ ней опять пробуждается чувство жалости къ нему, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ заплакалъ, получивъ отъ нея первый отказъ на его предложеніе быть его женой... И въ то же время ей страстно хотѣлось отстоять свое желаніе поддерживать завязанныя знакомства и пойти дальше по намѣченному пути освобожденія. Она стояла подлѣ туалетнаго стола и опять, и опять тщетно порывалась вставить нѣсколько словъ... И каждый разъ сэръ Айзэксъ поднималъ руку и грознымъ голосомъ кричалъ: «Выслушай меня, Элли! Дай мнѣ договорить»,—и придвигался къ ней плотнѣй.

И вдругъ въ эту бурную сцену въ большой розовой спальнѣ, въ эту томительную сцену, во время которой сэръ Айзэксъ метался по комнатѣ, останавливался, жестикулировалъ, а лэди Харманъ, прижавшись къ туалетному столу, думала о своихъ знакомствахъ, о своей винѣ, о своей слабохарактерности,—вдругъ ворвался глухой, протяжный, какъ гулъ набата, звонъ: «Бууууумъ-буууууъ-бууууу!».

Это Снагсби звонилъ къ обѣду.

— Чортъ!—крикнулъ сэръ Айзэксъ, грозя сжатыми кулаками съ такимъ видомъ, словно этотъ звонъ былъ довершеніемъ всѣхъ проступковъ Элленъ.—А мы еще не одѣты къ обѣду...

Обѣдъ напоминалъ своей безмолвной напряженностью какой-то придворный церемоніалъ.

М-ссъ Соубриджъ спросила чашку бульона и крылышко цыпленка къ себѣ въ комнату. Сэръ Айзэксъ первый сошелъ въ столовую. Жена уже застала его за большимъ столомъ, въ

угрюмомъ ожиданіи. Ее задержалъ визитъ въ дѣтскую,—дѣти уже спали, но безпокойнымъ сномъ и съ раскраснѣвшимися отъ возбужденія личиками...

Лэди Харманъ и супругъ ея не разговаривали за столомъ. Сэръ Айзэксъ проворчалъ что-то на счетъ хлѣба, сдѣлалъ Снагсби хриплымъ голосомъ замѣчаніе по поводу булокъ и сидѣлъ, прислонившись къ спинкѣ кресла и посвистывая сквозь зубы... Лэди Харманъ, едва сѣвъ за столъ, почувствовала, къ удивленію своему, что она голодна, но ѣла съ озабоченнымъ и достойнымъ видомъ и старалась мысленно переварить безсвязную рѣчь, которую только что выслушала...

Молчаніе и ѣда однако помогли ей собраться съ мыслями и она опять ухватилась внутренне за свою рѣшимость всѣми силами отстаивать свою свободу... Она хотѣла заговорить съ мужемъ, но не рѣшалась сдѣлать это при Снагсби,—сэръ Айзэксъ способенъ былъ отвѣтить ей грубостью, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ прислуги.

Она медленно встала изъ-за стола. Сэръ Айзэксъ смотрѣлъ на нее въ упоръ. Гнѣвъ его, повидимому, утихалъ.

— Пойду посмотрѣть, что съ матерью,—съ усиліемъ вымолвила Элленъ.

— Комедію ломаетъ,—бросилъ ей въ догонку сэръ Айзэксъ.

Она застала мать передъ каминомъ, закутанную въ платокъ.

— Голова только болитъ немного,—отвѣтила она на озабоченные разспросы дочери.—Айзэксъ тутъ изъ себя выходилъ изъ-за Георгины...—она замялась.—Онъ такъ сердился... и-и-и я предпочла остаться лучше у себя...

— А что такое сдѣлала Георгина?

— Вотъ прочитай въ газетѣ... Тамъ, на столѣ...

Элленъ пробѣжала столбецъ «Times'а».

— Георгина дала имъ билеты... Конечно, было бы лучше, еслибы она этого не сдѣлала... Это ей ни къ чему вовсе...

Элленъ отложила газету въ сторону и спросила мать, не надо ли чего-нибудь?

— Что же? Нѣтъ, ничего... Ну, какъ онъ, успокоился?—спросила м-ссъ Соубриджъ.

— Почти. Значитъ, тебѣ ничего, мама, не нужно?

— Я сидѣла тутъ въ темнотѣ и думала,—отвѣтила м-ссъ Соубриджъ.—Ахъ, какъ онъ не владѣетъ собою...

— Онъ обозлился на Георгину...

— Но мое положеніе каково... Я бы хотѣла, чтобы онъ вовсе не разговаривалъ со мною обо всѣхъ этихъ вещахъ... Георгина меня ни въ грошъ не ставитъ. Это такъ тяжело... Вѣчныя исторіи... Знаешь, дорогая... Право, не поѣхать ли мнѣ на время въ Бурнемоузъ?

Элленъ мысленно одобрила намѣреніе матери. Она стояла передъ нею и ласково смотрѣла ей въ глаза.

— Не надо, мама, такъ близко принимать къ сердцу каждый пустякъ,—сказала она.

— Мнѣ говорили объ этомъ пансіонѣ... Тихій домъ, съ отличнымъ видомъ на море... И, по крайней мѣрѣ, тамъ ни отъ кого оскорбленій не придется слышать... Знаешь, — голосъ ея осѣкся на мгновеніе,—онъ былъ такъ рѣзокъ... Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало меня оскорбить... Я такъ... разстроилась... Я вотъ все время тутъ думала объ этомъ...

Отъ матери Элленъ пошла обратно въ столовую. Она чувствовала себя такой одинокой во всемъ мірѣ... И потомъ еще эта невольная ложь, лежавшая на ея совѣсти... Сэръ Айзэксъ стоялъ передъ каминомъ и съ мрачнымъ видомъ глядѣлъ на огонь. На столикѣ стояла рюмка съ портвейномъ. Онъ выпилъ въ этотъ вечеръ вина вопреки запрету врача, и глаза его и щеки уже горѣли отъ возбужденія.

Онъ повернулся и уставился на нее. Въ глазахъ ихъ промелькнуло выраженіе, какое бываетъ у боксеровъ передъ схваткой.

— Я бы очень хотѣла, чтобы ты понялъ наконецъ.... Твое обращеніе...

Голосъ ея вдругъ сломался. Ее душили слезы. Она сдѣлала надъ собою усиліе и подавила рыданіе.

— Изъ того, что я твоя жена, еще не слѣдуетъ, что ты вправѣ указывать мнѣ, какъ я должна распоряжаться каждой минутой... Ты никакого права не имѣешь... И я могу бывать, гдѣ мнѣ угодно... И вотъ, заявляю тебѣ, что на будущей недѣлѣ я поѣду на одно собраніе съ лэди Бичъ-Мандаринъ... И я обѣщала миссъ Агатѣ Лимони пріѣхать къ ней чай пить..

— Поѣзжай,—язвительно процѣдилъ онъ ее.

— И къ лэди Виппингъ обѣдать поѣду... Она меня звала, и я обѣщала пріѣхать...

Она остановилась.

Онъ обдумывалъ что-то. И вдругъ рѣшительно вскинулъ голову:

— Вы не поѣдете, лэди...—началъ онъ.—Не поѣдете, вѣрьте мнѣ... Нѣтъ... Нѣтъ...

И, скрестивъ руки на спинѣ, подошелъ къ ней ближе.

— Вы стали забываться, сударыня... Вы, очевидно, перестали соображать, гдѣ вы находитесь... Приходите ко мнѣ и заявляете, что сдѣлаете то, и другое, и третье... Вы забываете, что вашъ долгъ, долгъ жены, безпрекословно во всемъ повиноваться мнѣ, дѣлать то, что я вамъ указываю, вести себя, какъ мнѣ желательно...—Онъ поднялъ палецъ передъ самымъ

ея лицомъ и добавилъ:—И я сумѣю заставить васъ поступать такъ, какъ мнѣ угодно...

— Нѣтъ... Это мое право,—повторила она.

— Да и что вы можете сдѣлать, лэди Харманъ?—продолжалъ онъ.—Вы поѣдете туда и сюда,—какъ вы поѣдете? Не въ моемъ автомобилѣ и не на мои деньги!.. У васъ ничего нѣтъ, что не было бы моимъ, чего я не даю вамъ... Если вы заведете друзей, которыхъ я не знаю, гдѣ вы будете ихъ принимать? Не въ моемъ же домѣ! Я вышвырну ихъ, если они явятся сюда... Понимаете?

— Я не раба...

— Вы—жена. А долгъ жены—это исполнять желанія мужа. Коня о двухъ головахъ не бываетъ... а на этомъ конѣ—въ этомъ домѣ, значитъ,—голова моя!

— Я не раба и не хочу быть рабой!..

— Вы жена и должны исполнять обязательство, которое взяли на себя, выходя за меня... Я съ своей стороны готовъ исполнять всѣ ваши желанія, при условіи, что вы будете исполнять свой долгъ... Я васъ слишкомъ избаловалъ и вы вбили въ голову, что можете теперь дѣлать все, что вздумается. Этого я не допущу... Попробуйте только, попробуйте... Надѣюсь, вы заблаговременно опомнитесь... Попробуйте... Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ... Но только не разсчитывайте на то, что я буду давать вамъ денегъ, или буду поддерживать вашихъ родныхъ, или на іоту хотя бы измѣню свои привычки ради васъ... Пусть каждый изъ насъ пойдетъ своей дорогой... Посмотримъ, кто раньше устанетъ, посмотримъ...

— Я пришла сюда только затѣмъ, чтобы хладнокровно поговорить...

— И убѣдились, что я также умѣю говорить...

— Вы... да... вы...—начала лэди Харманъ, но слезы, подступившія къ горлу, помѣшали ей продолжать. Она встала и вышла изъ комнаты. Сэръ Айзэксъ съ торжествующимъ видомъ смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Лэди Харманъ долго еще сидѣла въ креслѣ передъ каминомъ, перебирала всѣ событія этого дня и старалась связать разбѣгавшіяся мысли.

Она начала было уже раздѣваться, когда услыхала знакомый звукъ. Она не вѣрила своимъ глазамъ: оклеенная обоями низенькая дверь тихо пріоткрылась и на порогѣ появился сэръ Айзэксъ. Нѣсколько мгновеній онъ смотрѣлъ на нее съ виноватымъ, пристыженнымъ видомъ, потомъ неувѣренно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и прошепталъ:

— Элли! Элли!

Она быстро запахнула на себѣ капотъ.

— Это что значитъ?—спросила она, ошеломленная его приходомъ.

— Элли!—тихо повторилъ онъ,—брось все это...

— Мнѣ нужна свобода,—сказала она, помолчавъ немного.

— Не говори глупостей, Элли... Выбрось изъ головы весь этотъ вздоръ...

Она покачала головой.

— Элли, дорогая моя... Брось все это... Мы были счастливѣйшими людьми въ мірѣ... Я ничего для тебя не пожалѣю...

— Мнѣ нужна только независимость,—сказала она.

— Независимость,—повторилъ онъ.—Независимость!.. Что это значитъ: независимость? Независимость!..

Это странное для него слово сперва привело его въ недоумѣніе, а затѣмъ въ ярость...

— Я пришелъ сюда мириться съ тобой... Послѣ всего, что ты натворила, а ты говоришь мнѣ о какой-то независимости!..

Онъ не могъ больше говорить отъ возбужденія. И, поднявъ сжатые кулаки, сдѣлалъ было шагъ къ ней, но, круто повернувшись, быстро вышелъ изъ комнаты.

— Независимость!..

Громкій стукъ, трескъ сломанной мебели и—тишина.

Лэди Харманъ нѣсколько мгновеній недвижно смотрѣла на оклеенную обоями дверь, потомъ ущипнула себя въ руку: это не былъ сонъ. Это была дѣйствительность!

Около трехъ часовъ лэди Харманъ проснулась и тотчасъ передъ нею всталъ образъ убѣгающаго отъ нея мужа. Сомнѣнія быть не могло: это была война... Ее мучило воспоминаніе о томъ, что, отстаивая свое право на свободу, она въ то же время утаила отъ него, что спутникомъ ея въ прогулкѣ въ Хамптоунъ-Коуртъ былъ мужчина... И въ сознаніи ея поднималось сомнѣніе, имѣетъ ли право замужняя женщина вести откровенные разговоры съ чужимъ ей мужчиной. Она чувствовала себя безсильной разрѣшить этотъ вопросъ и опять обратилась мысленно къ м-ру Брумлею... И выходило опять-таки, что онъ одинъ можетъ разрѣшить всѣ ея сомнѣнія... Предъ нею вставалъ расцвѣченный воображеніемъ образъ м-ра Брумлея, серьезнаго, чуткаго, вдумчиваго, говорящаго глубокія, мудрыя слова, все ей объясняющія и облегчающія ея душу... И сердце ея томилось по томъ образѣ, который создало ея воображеніе... Она вспоминала, какъ она несвязно, безтолково ставила свои вопросы, и все-таки онъ понималъ ее, понималъ съ полуслова... Она вспоминала выраженіе его глазъ, напряженно думающихъ, такъ внимательно слушающихъ... Онъ каждое слово ея взвѣшивалъ и въ ушахъ ея звучало его сочувственное, соображающее «гмъ»..

Мысль ея вновь вернулась къ быстро удалявшейся тщедушной фигуркѣ ея супруга въ полосатомъ пиджакѣ... Она чувствовала, что между ними произошелъ окончательный разрывъ. Что онъ завтра предприметъ? И какъ ей держать себя завтра? Заговоритъ ли онъ за завтракомъ? Или ей заговорить первой? Если бы еще у нея было немного денегъ! Если бы она предвидѣла такое стеченіе обстоятельствъ, она давно уже скопила бы сколько-нибудь денегъ...

Сквозь ставни уже просачивался блѣдный разсвѣтъ, когда она уснула...

М-ръ Брумлей тоже мало спалъ въ эту ночь. Его не переставало точить воспоминаніе о всѣхъ непріятныхъ подробностяхъ возвращенія изъ Хамптоунъ-Коурта, о его объясненіи съ кассиромъ, и онъ опять и опять думалъ о всемъ, что онъ могъ бы сдѣлать, еслибы не сдѣлалъ того, что уже было сдѣлано... Ему казалось, что онъ безповоротно поколебалъ мнѣніе, которое могло сложиться о немъ у лэди Харманъ послѣ первыхъ бесѣдъ... Она, навѣрно, думала о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, надежномъ, чуткомъ, къ какому женщина охотно обращается въ затруднительныя минуты жизни... А онъ показалъ себя неловкимъ, неосвѣдомленнымъ, до смѣшного неопытнымъ въ самыхъ простыхъ вещахъ... И ему казалось, что жизнь—безвыходный кругъ печалей и никогда уже не будетъ онъ знать радости беззаботнаго смѣха...

Мысль о томъ, какъ сэръ Айзэксъ встрѣтилъ свою жену, почему-то не приходила ему въ голову. Не останавливался онъ и на вопросахъ нравственной отвѣтственности, повидимому, такъ сильно волновавшихъ лэди Харманъ... Онъ былъ слишкомъ поглощенъ недовольствомъ самимъ собою... Уже подъ утро его осѣнила вдругъ утѣшительная мысль, что въ концѣ концовъ извѣстная непрактичность даже идетъ къ художнику, составляетъ какъ бы неотъемлемую черту образа артиста, поэта и съ этой мыслью, облегчившей его душу, онъ уснулъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки соціальной исторіи Малороссіи.

4. Образованіе крестьянскаго сословія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв..

(Продолженіе).

III [1].

Съ первыхъ моментовъ самостоятельной жизни Малороссіи въ ея городахъ и селахъ рядомъ съ войсковыми „товарищами“ и тяглыми „мужами“ существовала особая группа населенія, члены которой носили наименованіе „сосѣдей“, „підсосідковъ“ или „подсусѣдковъ“. Отъ остального населенія эта группа отличалась признаками чисто-экономическаго характера,—она составлялась изъ лицъ, не обладавшихъ самостоятельнымъ хозяйствомъ и жившихъ не въ своихъ, а въ чужихъ дворахъ. Въ нее поэтому могли вступать и вступали, дѣйствительно, люди, принадлежавшіе передъ тѣмъ къ различнымъ группамъ. Козакъ или посполитый, почему-либо разорившійся и вынужденный бросить свое хозяйство, нерѣдко селился въ чужомъ дворѣ и переходилъ на положеніе „подсусѣдка“. Такъ же нерѣдко поступалъ и козакъ или посполитый, вновь пришедшій въ какую-либо мѣстность, но не имѣвшій средствъ обзавестись въ ней самостоятельнымъ хозяйствомъ. Такіе „сосѣди“ или „подсусѣдки“, не ведя своего хозяйства, питались, по выраженію актовъ, „съ ежеденной работизны“, по большей части участвуя изъ извѣстной доли урожая въ обработкѣ земель того хозяина, во дворѣ котораго они поселились. Иногда эти жившіе въ чужихъ дворахъ и пристроившіеся около чужихъ хозяйствъ люди съ теченіемъ времени такъ или иначе вновь выбивались въ самостоятельные хозяева, иногда же они такъ и оставались до конца жизни въ положеніи подсусѣдковъ, оставляя въ томъ же положеніи и свое потом-

[1]) См. „Русскія Записки“, Іюль.

ство. Во всякомъ случаѣ первоначально число подобныхъ подсусѣдковъ было не особенно велико. Но, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ быстрѣе увеличивалось ихъ количество и это увеличеніе стояло въ тѣсной связи съ общими условіями жизни страны.

Послѣ первыхъ же неудачъ Богдана Хмельницкаго съ праваго берега Днѣпра потянулся потокъ переселенцевъ на лѣвый берегъ. Позднѣе, когда борьбу возставшаго малорусскаго народа съ Польшей смѣнила борьба за Малороссію между Польшей и Московскимъ государствомъ, этотъ потокъ нѣсколько пріостановился. Но, какъ только выяснилось, что Москвѣ не подъ силу удержать за собою всю Украину и что правобережная часть ея рискуетъ остаться за Польшей, онъ возобновился съ новой силой и стремительностью. „Изъ Корсуня, изъ Черкасъ, изъ Бѣлой Церкви — писалъ въ Москву въ началѣ 1665 г. гетманъ Бруховецкій — народъ христіянскій, нестерпимаго ради гоненія лядцкого, по скольку на десять и по скольку десять (болѣе, чѣмъ по десяти, и по нѣсколько десятковъ) семей вдругъ на тое сторону Днѣпра подъ высокую вашего царскаго пресвѣтлаго величества руку прибѣгаютъ“ [1]). Въ концѣ того же 1665 г. стародубовскій полковникъ Леско Острянинъ, сообщая гетману объ удачныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, прибавлялъ: „отъ сихъ мучителей, не могуще покормитись, бѣдные невинные, яко овцы, люди на сю сторону тайно безпрестанно убѣгаютъ“ [2]). Такое бѣгство населенія съ праваго берега Днѣпра на лѣвый продолжалось изъ года въ годъ. Когда же въ 70-хъ годахъ XVII вѣка въ роли претендента на владычество надъ Малороссіей выступила и вызванная Дорошенкомъ на этотъ шагъ Турція и турецкія полчища наводнили правобережную Украину, бѣгство населенія изъ нея приняло еще болѣе стихійный характеръ. Послѣ раззоренія турками въ 1674 г. нѣсколькихъ правобережныхъ городовъ остатокъ народа — разсказываетъ малорусскій лѣтописецъ — „многими купами и таборами зо всѣхъ повѣтовъ собирался и, болесними серцами и слезоточителними очима вѣчне зъ своими красними тамошними селеніями и угодіями пожегнавшися (попрощавшись), що живо на сюю Днепра сторону перебѣрался и где улюбя по розних сегобочнихъ полкахъ украино-малороссійскихъ для житія своего избѣраль и засѣдалъ мѣсца“. „И вся сегобочная Украина, предъ симъ малолюдствовавшая, отъ того времени тогобочними людми украинскими наполнилася и умножилася“ — прибавляетъ лѣтописецъ [3]). О такихъ же массовыхъ переселеніяхъ говорятъ и другіе современники этихъ событій. „Съ тое стороны Днѣпра — разсказывалъ въ январѣ 1675 г. въ Москвѣ ѣздившій передъ

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. V, № 113, с. 253.
[2]) Тамже, т. VI, № 19, с. 83.
[3]) Лѣтопись Самоила Величка, т. II, сс. 355—6.

тѣмъ къ гетману Самойловичу подъячій — жители на сю сторону бѣгутъ непрестанно съ женами и съ дѣтми" [1]). Городъ Крыловъ— писалъ около этого же времени намѣстникъ Никольскаго монастыря Исакій миргородскому полковнику — „мало не весь розбрелся: одни къ намъ въ городища, всѣ свои животы покиня, толко кто моглъ лутчее что взять, ночью съ семьями посбѣжали, а иные на Кременчюкъ пошли и ежедней идутъ на Чигиринъ-Дуброву, и съ селъ идутъ" [2]). „Съ тое стороны Днѣпра — сообщалъ въ свою очередь въ 1675 г. боярину Матвѣеву гетманъ Самойловичъ—мало не весь людъ изъ городовъ на сю сторону вышелъ" [3]). Съ своей стороны, Самойловичъ, убѣдившись, что ему трудно будетъ удержать подъ своей булавой правый берегъ Днѣпра, вскорѣ постарался присоединить къ этимъ добровольнымъ переселеніямъ и насильственное и во второй половинѣ 70-хъ годовъ войска Ромодановскаго и Самойловича, пустоша и раззоряя правобережную Украину, систематически сгоняли ея населеніе на лѣвый берегъ [4]).

Такимъ образомъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII вѣка съ опустошеннаго долгими и жестокими войнами праваго берега Днѣпра нахлынули въ лѣвобережную Малороссію громадныя толпы вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ. Благодаря существовавшему еще здѣсь земельному простору, немалая часть ихъ успѣла черезъ нѣкоторое время болѣе или менѣе благополучно устроиться на новыхъ мѣстахъ. Но среди этихъ переселенцевъ было немало и такихъ, которые ушли съ прежней своей родины совершенно раззоренными, безъ всякихъ средствъ, и которымъ поэтому на новомъ мѣстѣ поселенія не оставалось ничего иного, какъ пристраиваться къ чужому хозяйству, идти въ подсусѣдки. Съ другой стороны, тѣ же войны, которыя вызвали этотъ притокъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра, подорвали и хозяйственное благосостояніе немалой части населенія лѣвобережной Малороссіи. Многіе изъ ея козаковъ и посполитыхъ, не выдержавъ обрушившейся на нихъ тяжести безконечныхъ военныхъ походовъ съ сопровождавшими ихъ расходами и повинностями, въ свою очередь предпочли бросить свои хозяйства и поселиться въ чужихъ дворахъ въ качествѣ

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. XII, № 9, с. 33.

[2]) Тамже, № 10, с. 34.

[3]) Тамже, № 33, с. 96. То же самое повторяли въ Москвѣ и выходцы съ праваго берега. „Грызетца зѣло Дорошенко — разсказывалъ, напр., въ 1675 г. бывшій канцеляристъ правобережнаго гетмана, В. Кочубей, — для того, что всѣ люди изъ мѣстечекъ послѣднихъ на Заднѣпріе идутъ",—тамже, № 80, с. 235. И въ то время, какъ Кочубей разсказывалъ это въ Москвѣ, въ Малороссіи все продолжались такія переселенія. „Сего дни — писали Самойловичу 5 сентября 1675 г. каневскій и кальницкій полковники—атаманъ ольховской и Богаченко звенигородцкой съ тысячу возовъ ольховскихъ и звенигородцкихъ къ намъ привели, которымъ тотчасъ перевозитца на сю сторону велѣли",—тамже, т. XII, № 83, с. 243.

[4]) Объ этомъ „сгонѣ" см. въ Лѣтописи Самовидца, сс. 127, 139, 147; ср. „Краткое описаніе Малороссіи", сс. 282, 285.

подсусѣдковъ, тѣмъ самымъ избавляя себя отъ большей части „общенародныхъ повинностей", лежавшихъ на самостоятельныхъ хозяевахъ.

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ такихъ актовъ этой эпохи, которые обрисовывали бы всѣ подробности подобнаго перехода въ подсусѣдки. Но эти подробности не трудно возстановить по актовымъ свидѣтельствамъ болѣе поздняго времени. Вотъ, напримѣръ, запись, выданная въ 1748 г. нѣкіимъ Григоріемъ Левченкомъ остерскому сотнику Михаилу Солонинѣ. Упомянутый Левченко жилъ сперва со своимъ отцомъ въ принадлежавшей послѣднему хатѣ въ с. Святомъ Кіевскаго полка, но затѣмъ ушелъ отъ отца въ м. Яготинъ Переяславскаго полка и прожилъ тамъ около 15 лѣтъ. Въ 1748 г. онъ вернулся въ Святое и узналъ, что отецъ его умеръ, а мачеха продала хату и принадлежавшее къ ней мѣсто сотнику Солонинѣ за 5 золотыхъ. Левченко не сталъ оспаривать этой продажи, а вмѣсто того вписался въ подсусѣдки къ покупателю своей хаты. „Въ той я продажѣ и куплѣ—заявлялъ онъ въ выданной по этому поводу записи — не спорю и позволяю тоею купленною хатою з мѣстцемъ вѣчними часи владѣть и кому хотя волно ему пану сотниковѣ продать албо (или) даровать, толко бъ свободно мнѣ было от сего часу з женою своею въ оной хатѣ чрез сколко годъ я похочу жить в званіи подсусѣдковъ и такъ указнія подати, яко и другія повинности отбувать и всякія послушенства ему, пану сотнику, с протчиими подсусѣдками безотговорочно исполнять долженъ" [1]). Или вотъ другая запись, выданная въ 1751 г., въ которой житель с. Надиновки Денисъ Ткаченокъ заявляетъ: „во убожество спродался я его милости пану Тимоѳею товарищу бунчуковому Зайтченку, тожъ жителю с. Надяновки, у пудданство (въ подданство) зо всѣмъ оселениемъ дворъ свой власний (собственный) и ни в чемъ никому не заведеной, оплатилъ мнѣ (Зайченко) цѣною денегъ рублей за четири" [2]). Или вотъ еще данныя, добытыя произведеннымъ въ 1721 г. слѣдствіемъ о подсусѣдкахъ нѣкоего „пана" Баскака въ с. Талалаевкѣ Нѣжинскаго полка: козакъ Данило Петикъ—„отецъ его, позичивши (занявъ) у п. Баскака 10 копъ, поддался подъ его зъ грунтомъ своимъ, ухиляючися отъ козацкой повинности"; козаки Михайло и Семенъ Зинчуки—„лѣтъ тому подъ десятокъ, якъ поддалися подъ п. Баскака, не хотячи козаковати, и на Баскачиномъ грунтѣ мужицкомъ коштомъ своимъ будынки (зданія) построивши, отбуваютъ ему

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. VI, № 66. Тогдашній малорусскій „золотой" равнялся 20 копейкамъ.

[2]) Тамже, Документы Козелецкой сотни, т. IV, № 174. За четыре рубля тогда же продался „въ подданство" Зайченку и другой житель с. Надиновки со своимъ дворомъ—тамже, № 175.

всякую повинность"; мужикъ Иванъ Черединкъ—„тому семь лѣтъ, взявши двѣ осмачки жита и пять копъ грошей на свою потребу, поддался зъ своимъ грунтомъ подъ п. Баскака, вмѣняючись его быти подданнымъ" [1]).

Уже изъ этихъ немногихъ примѣровъ можно видѣть, какъ происходилъ переходъ въ подсусѣдки. Въ основѣ такого перехода лежалъ обыкновенно одинъ и тотъ же фактъ хозяйственной несостоятельности. Когда тотъ или иной козакъ или посполитый былъ не въ состояніи справиться съ тяжестью службы либо другихъ повинностей, онъ, случалось, разрубалъ завязавшійся узелъ тѣмъ, что продавалъ свою землю и дворъ кому-либо изъ болѣе зажиточныхъ сосѣдей, а самъ оставался жить въ этомъ дворѣ въ качествѣ уже не хозяина его, а подсусѣдка новаго хозяина, принимая на себя обязанность „послушенства" послѣднему. Иногда этотъ процессъ потери хозяйственной самостоятельности растягивался на болѣе долгое время. Запутавшійся козакъ или посполитый нерѣдко начиналъ съ того, что пытался поправить свое хозяйство путемъ займа у кого-либо изъ зажиточныхъ сосѣдей, по большей части заключая такой заемъ подъ закладъ своей земли и двора. Въ дальнѣйшемъ однако подобный должникъ очень часто оказывался не въ состояніи уплатить къ сроку свой долгъ и тогда дѣло оканчивалось опять-таки продажей двора и переходомъ его хозяина въ подсусѣдки къ бывшему кредитору. Такъ совершался переходъ въ подсусѣдки въ XVIII вѣкѣ, такъ же происходилъ онъ и во второй половинѣ XVII столѣтія.

Обычно такимъ образомъ этотъ переходъ сопровождался потерей земли и подсусѣдки обыкновенно и разсматривались, какъ люди, не имѣющіе своей земли и не обладающіе какимъ-либо правомъ собственности даже на тѣ земли, въ обработкѣ которыхъ они участвовали. При разборѣ полтавскимъ полковымъ судомъ одного земельнаго спора въ 1688 г. выступившіе передъ судомъ Николай и Корнило Даниленки Бутенки заявили, что они не имѣютъ претензій на спорныя земли: „нашъ отецъ,—пояснили они свое заявленіе—не мѣючи части, але (но) у сусѣдствѣ зоставалъ на тихъ грунтехъ, любо (хотя) и немалий часъ зоставалъ тамъ" [2]). Нерѣдко и въ переписяхъ населенія подсусѣдки отмѣчались, какъ люди, не имѣющіе своей земли. Такъ, напримѣръ, въ ревизской книгѣ Нѣжинскаго полка за 1736 г. подсусѣдки козаковъ с. Кукшина были обозначены слѣдующимъ образомъ: „подсусѣдки козачіе, которіе въ чужихъ хатахъ живутъ, своего грунта не имѣютъ, кормлячися зъ заробку и другой роботизни" [3]). Въ качествѣ людей, не имѣю-

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, с. 82, прим. 172. Копа = 50 копейкамъ.

[2]) Протоколы Полтавскаго полкового суда, кн. I, л. 147,—рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та).

[3]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, с. 88, прим. 185

щихъ своей земли и не ведущихъ самостоятельнаго хозяйства, подсусѣдки освобождались и отъ значительной части „общенародныхъ повинностей“, неся эти повинности въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ козаки и посполитые [1]). Но именно эта сравнительная свобода подсусѣдковъ отъ податного обложенія и общихъ повинностей съ теченіемъ времени стала представлять все болѣе серьезный соблазнъ для другихъ группъ и въ подсусѣдки начали вписываться и люди, въ сущности вовсе не порывавшіе съ самостоятельнымъ хозяйствомъ, а стремившіеся только укрыться отъ тѣхъ повинностей, съ которыми оно было сопряжено. Такимъ образомъ случалось, что козакъ или посполитый, продавъ либо попросту бросивъ свой дворъ и перейдя на жительство въ качествѣ подсусѣдка въ чужой, въ то же время продолжалъ сохранять въ своемъ владѣніи свои прежнія земли и вести на нихъ хозяйство. Бывало и такъ, что козакъ или посполитый продавалъ свой дворъ и оставался жить въ немъ въ качествѣ подсусѣдка лица, купившаго у него этотъ дворъ, но въ дѣйствительности эта продажа и купля являлись фиктивными [2]).

Такъ или иначе, лишившись уже своей земли или сохраняя еще ее за собою, продавая свои дворы или создавая фикцію такой продажи, въ подсусѣдки уходили одинаково и козаки, и посполитые. Первые путемъ такого ухода стремились избавиться главнымъ образомъ отъ военной службы, вторые—отъ лежавшихъ на нихъ разнообразныхъ повинностей въ пользу „войска“, а порою, если это

---

[1]) Для XVII вѣка у насъ нѣтъ точныхъ цифръ, выясняющихъ эту разницу, но для XVIII вѣка такія цифры въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются. Такъ, въ Прилуцкомъ полку въ 1753 г. денежный налогъ, шедшій на полковыхъ и сотенныхъ чиновниковъ, взимали съ „нищетныхъ“ и бездворныхъ посполитыхъ по $10^1/_8$ коп. отъ хозяина, съ „крайне нищетныхъ“ и бездворныхъ—по $4^1/_2$ коп., а съ подсусѣдковъ—по 1 к. А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. III, с. 163, прим. 1.

[2]) „Въ прошломъ 1737 году, въ военное съ туркомъ время,—разсказывалъ въ половинѣ XVIII вѣка одинъ изъ подсусѣдковъ бунчуковаго товарища Затыркевича въ с. Красномъ Нѣжинскаго полка,—отецъ мене, нижайшого, с. Краснаго житель, Юско Ворвихвость, видячи безсходную подъ сотнею тяжесть, поддался въ протекцію жіючому въ томъ селѣ бунчуковому товарищу Якову Затыркевичу, кой Затыркевичъ и другихъ козаковъ до того къ себѣ принималъ и содержалъ въ протекціи и защищеніи своемъ, объявляя, что якобы онъ скупилъ ихъ, и отцевѣ моему велѣлъ сказовать, что ему продался; почему отецъ мой всѣмъ и объявлялъ тое, якобы онъ спродался ему въ вѣчность; одъ якого времени онъ, Затыркевичъ, и владѣлъ ими какъ подданными своими, а писалъ въ ревизіяхъ своими подсусѣдками. А потомъ, какъ отецъ мой умре, Затыркевичъ убѣдилъ матку мою принять три рублѣ денегъ за дворъ, толко купчой записи ни матка моя, ни я Затыркевичу на тотъ дворъ не давали, якожъ дворъ, по крайней цѣнѣ, стоитъ пятнадцати рублей, а не трохъ“. (А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 283—4). Такія же фиктивныя продажи дворовъ съ цѣлью избавленія отъ „безъисходной тяжести подъ сотней“ совершались подчасъ уходившими въ подсусѣдки козаками и посполитыми и въ XVII вѣкѣ.

были посполитые владѣльческіе, и отъ чрезмѣрно отяготительныхъ повинностей, требовавшихся владѣльцемъ. Съ другой стороны, и селились эти уходившіе въ подсусѣдки люди у лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ общественнымъ группамъ. Подсусѣдки были и у членовъ старшины, и вообще у владѣльцевъ имѣній, и у священниковъ, и у рядовыхъ козаковъ, и у посполитыхъ, въ томъ числѣ и у купцовъ и мѣщанъ крупныхъ городовъ, и у посполитыхъ свободныхъ мѣстечекъ и селъ, и у посполитыхъ владѣльческихъ имѣній. Первоначально, пока всѣ эти группы были близки между собой, и положеніе ихъ подсусѣдковъ было болѣе или менѣе одинаково. Но по мѣрѣ расхожденія названныхъ группъ довольно скоро стало складываться существенное различіе въ положеніи подсусѣдковъ, жившихъ у лицъ той или иной группы,—различіе, съ теченіемъ времени создавшее какъ бы два особые разряда въ средѣ самихъ подсусѣдковъ.

Отдѣльные члены старшины и свѣтскіе и духовные владѣльцы имѣній, какъ мнѣ уже приходилось указывать въ другомъ мѣстѣ [1]), рано начали домогаться отъ гетмановъ и полковниковъ полнаго освобожденія своихъ подсусѣдковъ отъ „общенародныхъ" повинностей и такія домогательства нерѣдко увѣнчивались успѣхомъ. Вслѣдствіе этого къ началу XVIII вѣка значительная часть владѣльческихъ подсусѣдковъ была освобождена отъ всякихъ сборовъ и повинностей въ пользу государства. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда власти не отдавали распоряженія о подобномъ освобожденіи, настаивая, наоборотъ, на его неправильности, владѣльцы имѣній нерѣдко всячески противодѣйствовали привлеченію своихъ подсусѣдковъ къ „общенароднымъ" повинностямъ, то опираясь для этой цѣли на свое вліяніе въ средѣ мѣстной администраціи, то оказывая прямое неповиновеніе послѣдней и укрывая отъ нея подсусѣдковъ своею „протекціей". Благодаря этому владѣльческіе подсусѣдки на практикѣ стояли очень близко къ протекціантамъ и нерѣдко подсусѣдки, селившіеся во дворахъ того или иного владѣльца, либо „скупленные" имъ, такъ и именовались „людьми, состоящими въ протекціи" даннаго владѣльца. Отгороженные этой „протекціей" отъ податныхъ требованій государства, такіе подсусѣдки въ своихъ отношеніяхъ къ владѣльцу являлись такими же „подданными", какъ и всѣ вообще посполитые владѣльческаго имѣнія, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что они, въ противоположность тяглымъ крестьянамъ, не имѣли своихъ дворовъ и земель, такъ какъ даже и фиктивная продажа послѣднихъ при вступленіи въ подсусѣдки все же передавала право собственности на эти дворы и земли въ руки владѣльца имѣнія, который въ дальнѣйшемъ, ко-

[1]) См. мою статью „Свободныя войсковыя села и владѣльческія имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв." „Русскія Записки", 1915, № 5, сс. 158—165

нечно, уже не обнаруживалъ желанія разстаться съ этимъ правомъ.

Иначе обстояло дѣло съ подсусѣдками рядовыхъ козаковъ. Такихъ подсусѣдковъ власти гетманщины склонны были разсматривать, какъ особую группу свободныхъ посполитыхъ, и соотвѣтственно этому строили и свои мѣры по отношенію къ нимъ.

Такъ, иногда козацкіе подсусѣдки, подобно свободнымъ посполитымъ, обязывались нести „послушенство“ тому или иному изъ членовъ мѣстной старшины, чаще всего—сотнику. Въ мринской сотнѣ Нѣжинскаго полка, напримѣръ, козацкіе подсусѣдки въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вѣка отбывали „послушенство“ мѣстнымъ сотникамъ. Когда въ 1730 г. по этому поводу производилось слѣдствіе, „Василь Переясловецъ, старожилъ козакъ сотнѣ мринской, житель мѣстечка Мрина, допросомъ показалъ, что помнить отъ того 730 году напередъ за 50 лѣтъ“ и „добре вѣдаетъ“, что всѣ сотники владѣли подсусѣдками, живущими въ городѣ Мринѣ, и всякому з нихъ (подсусѣдки) послушенство отдавали, и Ѳедоръ Тарасевичъ, ставши въ 709 году сотникомъ мринскимъ, заразъ подсусѣдками, живучими в Мринѣ, по давному обикновенію за владѣлъ, от того времени по' сю пору оніе подсусѣдки его слушають“. Такія же показанія были даны на слѣдствіи и другими мринскими жителями. Между прочимъ, нѣсколько мринскихъ старожиловъ изъ числа козаковъ и посполитыхъ „согласно и безпречно показали, что от давнихъ временъ тое дѣется в мринской сотнѣ, кто сотникомъ мринскимъ зостаетъ, тому всегда козацкіе подсусѣдки, особними дворами и на еднихъ дворахъ с козаками живущіе, послушенство отдавали от 1680 году рознимъ сотникамъ до сотника Тарасевича, которій також владѣетъ от начала сотництва своего з 709 году по днесь“ [1]). Съ своей стороны, самъ Тарасевичъ при слѣдствіи представилъ и документы, имѣвшіеся у него на владѣніе козацкими подсусѣдками,—универсалы, выданные ему нѣжинскимъ полковникомъ Жураковскимъ и гетманомъ Скоропадскимъ. Первый изъ этихъ универсаловъ данъ былъ Тарасевичу въ 1716 г., послѣ того, какъ онъ обратился къ полковнику съ просьбой дать ему для помощи въ хозяйствѣ („ку подпорѣ господарской“) въ послушенство козацкихъ подсусѣдковъ и сельцо Переходовку съ посполитыми людьми, а на послѣднихъ „роковую осенщину“, какая передъ тѣмъ собиралась на полковника. „Приказуемъ,—писалъ Жураковскій въ своемъ универсалѣ, данномъ въ отвѣтъ на эту просьбу,—абы до ласки нашей и войсковой били всѣ подсусѣдки пану сотникові своему, сколко винайдется у сотнѣ, в надлежитомъ, по звичаю, послушенствѣ, такъ тежъ и перехо-

1) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, бумаги черниговскаго Борисоглѣбскаго монастыря, декретъ генеральнаго войсковаго суда отъ 28 окт. 1748 г., лл. 36—37 об.

довскіе мужики должни тое жъ воздавати послушенство". Черезъ два года, по просьбѣ Тарасевича, эта же надача—сельцо Переходовка и „подсусѣдки сотенніе"—была подтверждена ему и гетманомъ Скоропадскимъ [1]).

Мринскіе подсусѣдки не представляли собою единичнаго исключенія и отбываніе козацкими подсусѣдками „послушенства" мѣстному сотнику практиковалось не въ одномъ только Нѣжинскомъ полку. „Доносилъ намъ—писалъ гетманъ Скоропадскій въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1717 г.—рожоний (братъ) нашъ, панъ Василій Скоропадскій, обозний полковий чернѣговский, что здавна села Городища подсусѣдки во всякихъ повинностяхъ и послушаніи до бывшихъ прежде сотниковъ березенскихъ належували и нѣкто онихъ з сторонниxъ до инныхъ работизнъ не затягалъ, такъ бы мененнихъ (названныхъ) подсусѣдковъ, и теперъ пану обозному, в сотнѣ березинской началствуючому, прислушаючихъ по давной обикłости, нѣхто до послугъ своихъ не поривалъ, и просилъ нашого в потвержене на тіе подсусѣдки унѣверсалу". Гетманъ, „заховуючи (сохраняя) прежде устроенний порядокъ", исполнилъ просьбу своего брата и утвердилъ ему названныхъ подсусѣдковъ, оговоривъ, что никто другой изъ мѣстной старшины, ея старостъ и дозорцевъ не долженъ „тихъ городискихъ подсусѣдковъ нѣ до якой пригонять роботизны и инныхъ повинностей поривати и употребляти и нѣ в чомъ до ихъ не повиненъ интересоватися" [2]). Нѣжинскому сотнику Ив. Пироцкому Скоропадскій въ 1709 г. утвердилъ данное ему Мазепой с. Вересочъ „з людми посполитыми и подсусѣдками козацкими" и требовалъ, чтобы „войтъ вересоцкій з посполитыми людми и подсусѣдками тамошними... ему, пану Пироцкому, по прежнему отдавали повинность и послушенство" [3]).

Но козацкимъ подсусѣдкамъ случалось отбывать „послушенство" не только мѣстнымъ сотникамъ. Бывало и такъ, что гетманы обязывали этихъ подсусѣдковъ „послушенствомъ" по отношенію къ державцамъ тѣхъ селъ, въ которыхъ они проживали,—иначе говоря, отдавали ихъ, наравнѣ съ посполитыми, въ „подданство" этимъ державцамъ.

Между прочимъ, такая судьба постигла, въ концѣ концовъ, и тѣхъ мринскихъ подсусѣдковъ, о которыхъ у насъ только что шла рѣчь и которые долгое время находились въ послушенствѣ у

---

1) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, сс. 152—4.

2) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2054. Въ текстѣ этого универсала упоминаемые въ немъ подсусѣдки не названы „козацкими", но, что рѣчь здѣсь идетъ именно о козацкихъ подсусѣдкахъ, ясно уже изъ того, что самый универсалъ обращенъ только къ черниговскому полковнику, полковой старшинѣ и атаману с. Городища, а войтъ послѣдняго въ этомъ обращеніи не упоминается.

3) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, сс. 147—8

мринскихъ сотниковъ. Еще въ 1689 г. черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ жаловался гетману Мазепѣ, что „в маетностяхъ его пастырской милости, а именно в самомъ Мринѣ и в селахъ, до него належныхъ, найдуется такихъ подсусѣдковъ сѣмьдесятъ и осмъ, которые, власными (собственными) дворами своими живучи, вшелякой волности уживають (пользуются), маючи особныи свои кгрунта, поля, сѣножати и лѣсы, землю оруть и всѣ пожитки (выгоды), з неи приходячыя, на себе оборочають; а яко его пастырской милости з тыхъ своихъ ужитковъ жадного (никакого) послушенства не оддають, такъ и в выживленю (прокормленія) товариства охотницкого, на станціи тамъ будучого, не хотятъ чинить помочи, и сами военной службы не пилнують (не отправляютъ), але тылко на нѣякогось старшого своего, в мѣстѣ (городѣ) будучого, сѣно косятъ, гребутъ, кидають и до двора его звозятъ, а в осенѣ тому же старшому роковую повинность от робочой товарины (скотины) по золотому грошей и осыпъ належитый даютъ, а болшей жадной (никакой) тяглости не знають". Принося такую жалобу, архіепископъ взывалъ къ „ласкѣ гетманской" и Мазепа не отказалъ ему въ ней. Спеціальнымъ универсаломъ онъ предписалъ, чтобы „тыи подсусѣдки, килко ихъ по ровыску обыйщется, в подданствѣ его пастырской милости найдовалися, которыи дворы и кгрунта свои мають, а хочай бы який и в дворѣ козацкомъ мешкалъ (жилъ), а маетъ особныи свои поля пахатныи, сѣножати, лѣсы и иншые угодя, а до войска не ходить, то повиненъ кождый такий до тяглой повинности належати". „Любо (хотя) — пояснялъ гетманъ это свое распоряженіе—въ статяхъ ихъ царского пресвѣтлого величества монаршихъ положено, жебы (чтобы) подсусѣдки козацкии были захованы (сохранены), однакъ тотъ пунктъ такимъ подсусѣдкамъ приличенъ есть, которые в дворахъ козацкихъ мешкають и не з своихъ, але (но) з чужыхъ кгрунтовъ заробками (заработками) мѣють выживлене, а хто, маючи (имѣя) свои кгрунта, оныхъ заживаетъ, того не маетъ (не долженъ) нихто заступати, але (но) повиненъ оный вшелякое, кому по наданяхъ належитъ, оддавати послушенство" [1]). Гетманское распоряженіе было такимъ образомъ весьма рѣшительно и категорично. Тѣмъ не менѣе на практикѣ оно осталось неисполненнымъ и современемъ самъ Мазепа, повидимому, примирился съ этимъ. По крайней мѣрѣ семь лѣтъ спустя, послѣ новой жалобы со стороны архіепископа онъ ужь ограничился только приказомъ, чтобы козацкіе подсусѣдки мринской сотни, имѣющіе свои земли, наравнѣ съ посполитыми участвовали въ отбываніи „общенародныхъ повинностей" и, въ частности, въ кормленіи компанейцевъ [2]). „Послушенство" же эти

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2922.

[2]) Тамже, № 1616/2923.

подсусѣдки, какъ мы видѣли, еще и въ XVIII вѣкѣ продолжали отбывать мринскому сотнику.

Монахи однако не склонны были выпускать изъ своихъ сѣтей однажды запутавшуюся въ нихъ добычу. Не склонны были они выпустить ее и въ данномъ случаѣ и, выждавъ нѣкоторое время, опять возобновили свои притязанія. Въ 1730 г. атаманы мринской сотни жаловались гетману Апостолу, что „преосвященный черниговскій писалъ до городничого тамошнего [1]), дабы козацкихъ подсусѣдковъ приверйулъ в подданство, и по тому де тотъ городничій боемъ и грабителствомъ грозитъ". Въ отвѣтъ на эту жалобу Апостолъ далъ жалобщикамъ универсалъ, въ которомъ заявилъ, что „городничій мринскій не повиненъ подсусѣдковъ козачихъ, на грунтахъ ихъ живучихъ, в подданство приворочать". Но одновременно съ этимъ монахи обратились со своими притязаніями и въ судъ. Повѣренный Черниговскаго Катедральнаго монастыря въ томъ же 1730 году подалъ въ генеральный войсковой судъ челобитье, въ которомъ писалъ, что въ имѣніяхъ этого монастыря, а именно въ м. Мринѣ и въ прилежащихъ къ нему селахъ, „имѣются подсусѣдки, которіе, власними своими дворами живучи, вшелякой волности уживають, маючи особенніе свои грунта, поля, сѣножати, лѣси, землю оруть и всѣ пожитки, з ней приходячіе, на себе оборочають и з тихъ своихъ ужитковъ жадного послушенства двору архіерейскому не отдають". У монастыря—продолжалъ его повѣренный—есть на этихъ подсусѣдковъ гетманскіе универсалы, по которымъ онъ прежде и владѣлъ ими, но теперь ими завладѣлъ мринскій сотникъ Федоръ Тарасевичъ и „належащое послушенство по прежнему до обители отдавать воспрещаетъ". Привлеченный по этой жалобѣ къ отвѣту Тарасевичъ возразилъ на нее, что такихъ подсусѣдковъ, о какихъ говоритъ монастырь, въ мринской сотнѣ нѣтъ—„для того, что кто имѣетъ свои особенние грунта, поля, сѣножати и протчія угодія, таковій з особеннихъ власнихъ своихъ грунтовъ найдуется или в компутѣ козачомъ, или в посполитихъ, а не между подсусѣдками, понеже подсусѣдки такъ козачіе, якъ и мужичіе, з чужихъ грунтовъ имѣють виживленіе, заробляючи, и из тихъ своихъ ужитковъ зароботочнихъ подсусѣдки козачіе послушенства двору архіерейскому не отдають". Отрицалъ Тарасевичъ въ своемъ возраженіи и то обстоятельство, будто онъ самовольно завладѣлъ подсусѣдками, которые раньше отбывали послушенство монастырю. „Подсусѣдками козачими,—показывалъ по этому поводу сотникъ—в сотнѣ мринской имѣючимися, которіе в козачихъ дворахъ живуть и с тѣхъ козачихъ грунтовъ хлѣба себѣ заробляють, а своихъ поль, сѣножатей, лѣсовъ и иннихъ

[1]) „Городничими" именовались монахи, управлявшіе отдѣльными монастырскими имѣніями; въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о мринскомъ городничемъ.

угодій не имѣють, якими и бывшіе прежде в той сотнѣ мринской сотники владѣли, и онъ, отвѣтчикъ, владѣетъ по вступленіи на чинъ тамошнего сотнитства" въ силу данныхъ ему универсаловъ. Тѣмъ не менѣе монастырь настаивалъ на своихъ притязаніяхъ Подсусѣдки, — заявилъ онъ—„которіе в козачихъ якоби дворахъ живуть и с тѣхъ козачихъ грунтовъ хлѣба себѣ заробляють, и тѣ подсусѣдки не суть козачіе, но обители Катедри Черниговской на лежачіе, потому что имѣють свои двори и огороди на земли архіерейской, издревле от гетмана Богдана Хмелницкого наданной и жалованними монаршими грамотами стверженной, в якой мринской маетности и в принадлежащихъ къ нему (Мрину) деревняхъ в тѣ поры ни единого козака не было, понеже тая маетность в грамотѣ слободою прописана, а нынѣ имѣеться в той сотнѣ вписавшихся з мужиковъ в козаки многое число, между которими имѣеться подсусѣдковъ, на земли монастирской грунта свои имѣючихъ, многое жъ число". Иначе говоря, монастырь готовъ былъ отрицать и вообще правомѣрность существованія козаковъ въ мринской сотнѣ. Монастырь — возражалъ на это Тарасевичъ— „всей сотнѣ мринской землю напрасно присвояетъ къ обители Чернѣговской", такъ какъ и въ грамотѣ 18 мая 1693 г., подтвердившей черниговскому архіепископу Ѳеодосію м.升 Мринъ съ деревнями, архіепископу велѣно владѣть этими имѣніями „опрочь козаковъ и ихъ угодій", слѣдовательно, козаки въ то время въ мринской сотнѣ уже были. Обмѣнявшись этими возраженіями, спорившія стороны представили въ судъ и документы, на которыхъ они основывали свои права. Тарасевичъ предъявилъ универсалы полковника Жураковскаго и гетмана Скоропадскаго и подтверждавшіе ихъ универсалы полковника Толстого и гетмана Апостола. Съ своей стороны монастырь представилъ всѣ свои крѣпости на мринскія имѣнія, причемъ изъ всѣхъ этихъ крѣпостей только въ одномъ универсалѣ гетмана Мазепы 1689 г. оговорено было право монастыря на послушенство козацкихъ подсусѣдковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ монастырь, по требованію суда, представилъ и именной реестръ тѣхъ подсусѣдковъ, на владѣніе которыми онъ претендовалъ. Въ этомъ реестрѣ было названо 74 человѣка и о каждомъ изъ нихъ сказано, что онъ „отбуваетъ сотнику панщину" или „вѣдомъ сотнику"; кромѣ того, о большинствѣ было сказано, что они пользуются „архіерейскими землями" или имѣютъ свои хаты „на архіерейской землѣ", о нѣкоторыхъ—что они имѣютъ свои хаты и огороды, и, наконецъ, обо многихъ—что они бывшіе подданные монастыря, „по прелести сотника" попавшіе подъ его власть.

Выслушавъ всѣ эти заявленія споривших сторонъ, генеральный судъ поручилъ бунчуковымъ товарищамъ Ив. Пироцкому и А. Шишкевичу разслѣдовать дѣло на мѣстѣ. И разслѣдованіе, произведенное этими лицами путемъ опроса мринскихъ козаковъ, у

которыхъ, какъ на свидѣтелей, ссылались обѣ стороны, раскрыло совсѣмъ иную картину, чѣмъ та, какую рисовалъ въ своихъ жалобахъ монастырь. Прежде всего значительная часть лицъ, поименованныхъ въ представленномъ монастыремъ реестрѣ, по даннымъ этого разслѣдованія, оказалась даже не подсусѣдками, а козаками, которые сидѣли на козацкихъ земляхъ и отбывали съ нихъ козацкую службу, а „въ подданствѣ ни у кого не были“ и „панщины никому никогда не отбували“. Еще бо̀льшая часть занесенныхъ въ монастырскій реестръ лицъ оказалась при разслѣдованіи козацкими подсусѣдками, которые имѣли козацкія земли по наслѣдству, по куплѣ или по займу „на вольномъ мѣстѣ“ съ позволенія сотника и отбывали панщину Тарасевичу, какъ отбывали ее нѣкоторые изъ нихъ и до него другимъ, болѣе раннимъ сотникамъ. Небольшая часть помѣщенныхъ въ этомъ реестрѣ лицъ оказалась бывшими монастырскими посполитыми, которые перешли въ подсусѣдки, купивъ козацкія земли, и съ тѣхъ поръ отбывали панщину сотнику, и, наконецъ, еще часть этихъ лицъ не имѣла въ моментъ разслѣдованія никакихъ земель и отбывала послушенство только тѣмъ хозяевамъ-козакамъ, у которыхъ жила. Разслѣдованіе показало такимъ образомъ, что монастырь покушался захватить въ свое владѣніе не только козацкихъ подсусѣдковъ, но и нѣкоторыхъ козаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе подсусѣдковъ было представлено монастыремъ въ невѣрномъ освѣщеніи. У тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли земли, земли эти были не монастырскія, а ихъ собственныя, пріобрѣтенныя либо по наслѣдству, либо путемъ купли, либо путемъ заимки общинной земли. При этомъ лишь тѣ подсусѣдки, у которыхъ были такія земли, отбывали и „послушенство“ сотнику, остальные же, безземельные, отбывали послушенство только хозяевамъ тѣхъ дворовъ, въ которыхъ они жили [1]). И

[1]) Какъ разошлись свѣдѣнія, представленныя монастыремъ, съ данными, добытыми разслѣдованіемъ, можетъ показать хотя бы слѣдующій примѣръ. По словамъ монастырскаго повѣреннаго, Ефимъ Котляръ пришелъ въ Мринъ изъ Носовки, гдѣ былъ козакомъ, въ 1714 г. и сперва занялъ мѣсто дьячка, а затѣмъ поселился „на грунтѣ архіерейскомъ“ и „сотнику всякую повинность отбуваетъ“. По даннымъ слѣдствія, „Евфимъ Котляръ, козакъ зъ Носовки, 712 году пришедши в Мринъ, дяковалъ при церквѣ от 712 до 715 годовъ, жилъ в домѣ брацкомъ козацкомъ наймомъ, а 716 году за позволеніемъ сотника Тарасевича по совѣту многихъ козаковъ сотеннихъ на мѣстцу томъ, гдѣ прежде бывшій мринскій сотникъ Григорій Глуховецъ жилъ, домъ себѣ построилъ и от того часу началъ службу козацкую под сотнею отбувати, которій 731 года умре, а по немъ осталось синовъ два, з якихъ единъ былъ омѣсаромъ сотеннимъ, а другій сотеннимъ писаремъ, маютъ лѣса неболшую часть и огородецъ необширній, такожъ кузню с коморою, на волномъ мѣстцу построенную, а болшъ грунтовъ никакихъ не имѣютъ, в подданствѣ отецъ ихъ, а нѣ сами они никогда не были“. Вотъ еще нѣсколько выдержекъ изъ того же слѣдствія, касающихся уже козацкихъ подсусѣдковъ и способныхъ дать конкретное представленіе объ ихъ положеніи: „Радко Литвинъ живетъ особою хатою, купленною на денги свои, а не в козацкомъ дворѣ, грунтовъ

самый порядокъ отбыванія козацкими подсусѣдками послушенства сотнику, какъ показалъ опросъ мѣстныхъ старожиловъ, былъ установленъ не при Тарасевичѣ, а задолго до него, такъ что старожилы помнили этотъ порядокъ съ 1680 года.

Порученное бунчуковымъ товарищамъ разслѣдованіе было закончено ими въ 1733 г. и вслѣдъ затѣмъ, казалось, должно было состояться и рѣшеніе дѣла. Въ дѣйствительности однако производство его послѣ окончанія разслѣдованія было почему-то пріостановлено—быть можетъ, именно потому, что разслѣдованіе дало слишкомъ неблагопріятные для монастыря результаты. Только въ 1748 г. въ генеральномъ судѣ составлена была выписка по судебнымъ рѣчамъ сторонъ и слѣдствію 1733 г. и тогда же монастырскій повѣренный заявилъ, что эта выписка не подписана отвѣтчикомъ. Въ виду этого заявленія Тарасевичу было послано требованіе явиться въ судъ самому или прислать своего повѣреннаго, но въ отвѣтъ на такое требованіе отъ жены Тарасевича поступило сообщеніе, что мужъ ея давно умеръ, а сама она съ дѣтьми подсусѣдками, о которыхъ шелъ споръ, не владѣетъ, такъ какъ съ 1733 года изъ нихъ „многіе спродалися, а иные въ козаки вписаны и нынѣ потому козачую службу отправляютъ". Это сообщеніе не помѣшало суду приступить къ рѣшенію дѣла и рѣшить его именно на основаніи данныхъ слѣдствія 1733 года. Правда, послѣднія подверглись при этомъ весьма своеобразному толкованію. Середина XVIII вѣка была временемъ, когда въ малорусскихъ судахъ прочно укрѣпились владѣльческія тенденціи. Это сказалось, между прочимъ, и на монастыряхъ, выигрывавшихъ въ это время въ судахъ подчасъ весьма сомнительные процессы [1]). Сказалось это и на процессѣ Черниговскаго Катедральнаго монастыря изъ-за мринскихъ подсусѣдковъ.

Лишь часть тѣхъ лицъ, на которыхъ претендовалъ монастырь,

никакихъ больше не имѣетъ, найдовался в вѣдомствѣ сотниковъ мринскихъ, прежнего Семена Хомѣнского годовъ пять, а нынѣшнего Тарасевича от 709 году". „Яцко Чередникъ захожій, купивши хату, на волномъ мѣстцу с позволенія сотника Тарасевича построилъ дворикъ неболшій, занялъ в 725 году, а от поселенія своего сотнику Тарасевичу послушенство отдаетъ". „Петро Оробей, мужикъ, живетъ в сусѣдяхъ в церковномъ дворѣ, не имѣетъ ни двора, ни хати своей, а нѣ другихъ какихъ угодій; в вѣдомствѣ тихъ людей отъ 700 году пребивалъ, в чіихъ хатахъ жилище имѣлъ". „Данило Сподараченко, з отца мужикъ, до 727 году по разнихъ хатахъ козацкихъ живалъ, чрезъ килко десять лѣтъ, а в чіей хатѣ жилъ, тому и послугу отдавалъ, а 727 оженился на козачцѣ грунтовой и, на томъ козачомъ грунтѣ зостаючи, козацкую службу отбуваетъ, а работизни никому не дѣлаетъ". „Вувдя вдова Настичка ни хати, ни двора, ни огорода, ни другого какого грунту не имѣетъ, но, в разнихъ хатахъ козачихъ живучи, послушенство тому отдаетъ, в чіей хатѣ живетъ, а другому никому работизнъ не отдаетъ"

[1]) См., напр., мою статью „Свободныя войсковыя села и владѣльческія имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.", „Р. Записки", 1915, № 11, сс. 144—8.

не была присуждена ему генеральнымъ судомъ. Такъ, послѣднiй отказался отдать во владѣнiе монастыря 21 человѣка, „понеже в слѣдствiи показано, яко они сотнику работизнъ никакихъ не отбували и живуть на козачихъ грунтахъ, а искъ состоялъ о владѣемихъ сотникомъ подсусѣдкахъ“. „Для того — рѣшилъ судъ — ежели Катедралнiй монастиръ имѣетъ къ нимъ какую претензiю, вѣдалися б з ними по порядку, где належитъ, судомъ“. Не отдалъ судъ монастырю и шесть человѣкъ козаковъ, поселившихся на общинныхъ земляхъ, но за то отнялъ у нихъ въ пользу монастыря эти земли. „Понеже—писалъ судъ въ своемъ рѣшенiи объ этихъ козакахъ — по слѣдствiю явилось, яко на волнихъ мѣстахъ поселенiе имѣютъ з позволенiя сотничого и служать козачо, коимъ сотникъ позволять селитися на владѣлческихъ грунтахъ не силенъ, ибо во владѣлческихъ жалованнихъ маетностяхъ волнихъ мѣстъ не имѣется, но все владѣлческое, очистить грунта монастиревѣ,... самимъ же имъ, ежели пожелаютъ служить козачо, искать прежнихъ своихъ козачихъ грунтовъ и з тихъ козачо служить“. Еще шести человѣкамъ генеральный судъ приговорилъ „быть в послушанiи того, въ чiемъ дворѣ жить будуть, якожъ показано, что за ними никакихъ грунтовъ не имѣется, а живуть в сусѣдяхъ“. За то козацкихъ подсусѣдковъ, вышедшихъ изъ монастырскихъ посполитыхъ и жившихъ даже на купленной козацкой землѣ, судъ отдалъ во владѣнiе монастырю на томъ основанiи, что „по грунту козачо служить не доводится, понеже велѣно в козаки такихъ опредѣлять, коихъ дѣды и отцы были козаками“. Точно также отдалъ судъ во владѣнiе монастыря и всѣхъ остальныхъ козацкихъ подсусѣдковъ, которые отбывали послушенство Тарасевичу. Игнорируя показанiе мринскихъ старожиловъ, судъ отвергалъ при этомъ возможность такого же послушенства козацкихъ подсусѣдковъ болѣе раннимъ сотникамъ на томъ основанiи, что о немъ не упоминалось въ универсалѣ, данномъ Тарасевичу полковникомъ Жураковскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ отвергалъ и силу универсала Жураковскаго, какъ потому, что онъ противорѣчилъ универсалу Мазепы 1689 г., такъ и потому, что „подсусѣдковъ, ежели бъ и подлинно были козачiе, онъ, полковникъ, собою надавать, в противность ея императорскаго величества указовъ и гетманскихъ статей, не силенъ, ибо по всѣмъ жалованнимъ грамотамъ козачiе волности всемилостивѣйше охраняются, по висшеприсанним же гетманскимъ статямъ не полковникамъ, но самому гетману з старшиною кому что надлежить за службы надавать дозволено“. То обстоятельство, что универсалъ Жураковскаго былъ подтвержденъ гетманами Скоропадскимъ и Апостоломъ, не подвергшими никакому сомнѣнiю право полковника на надачу имѣнiй, судъ опять-таки благоразумно игнорировалъ, ограничившись по поводу этихъ гетманскихъ универсаловъ лишь утвержденiемъ, что они, какъ выданные позднѣе, не могли подорвать силы

болѣе раннихъ крѣпостей монастыря. Наряду съ этимъ генеральный судъ отказался признать и правильность данныхъ при слѣдствіи 1733 г. показаній, согласно которымъ козацкіе подсусѣдки, обладавшіе землей, имѣли въ своемъ владѣніи козачью землю, попавшую въ ихъ руки путемъ наслѣдства, покупки или сдѣланной съ согласія сотника заимки въ общинныхъ („вольныхъ") земляхъ. Въ жалованныхъ грамотахъ на имѣнія, — указывалъ судъ—въ частности, и въ грамотѣ, данной Черниговскому Катедральному монастырю, „особливо то притверждается, что козацкія волности от всякихъ владѣлцовъ суть свободни". „И ежели бъ— продолжалъ судъ свое разсужденіе — помянутіе подсусѣдки подлинно на козачихъ грунтахъ жили, то бы не сотнику работать должни, но по примѣру протчіихъ козаковъ служить козачо и при своихъ волностяхъ остаться, и на таковихъ бы полковнику Жураковскому дать унѣверсала дерзновенія учинить невозможно, волнихъ же мѣстъ в жалованнихъ маетностяхъ быть не слѣдуетъ, ибо все оное жалованное владѣлцу в числѣ принадлежностей, а тѣхъ волнихъ мѣстъ позволять занимать и поселившимися на занятыхъ мѣстахъ владѣть нѣ по чему не должно, ибо поселившіеся на волнихъ мѣстахъ, яко на владѣлческой землѣ, состоять въ числѣ протчіихъ посполитихъ жалованнихъ". Признавъ такимъ образомъ, что всѣ козацкіе подсусѣдки, имѣвшіе землю и отбывавшіе послушенство сотнику Тарасевичу, пользовались монастырской землей, а послушенство сотнику отбывали неправильно, генеральный судъ и приговорилъ всѣхъ такихъ подсусѣдковъ отдать во владѣніе монастыря [1]). Такъ полвѣка спустя послѣ универсала Мазепы, отдавшаго козацкихъ подсусѣдковъ мринской сотни въ подданство Черниговскаго Катедральнаго монастыря, послѣднему удалось-таки утвердить свою власть надъ этими подсусѣдками, и долгій споръ изъ-за нихъ между сотниками и владѣльцемъ имѣнія закончился побѣдой этого владѣльца.

Но не одинъ Мазепа отдавалъ козацкихъ подсусѣдковъ въ подданство владѣльцамъ тѣхъ имѣній, въ сосѣдствѣ съ которыми проживали такіе подсусѣдки. Гетманъ Скоропадскій, подтверждая въ 1710 г. по просьбѣ миргородскаго полковника его зятю, Ив. Ломиковскому, с. Лавы, вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ, чтобы „мужики, в селѣ Лавахъ мешкаючие, з грунтовъ своихъ козакамъ не продавали, а козаки в ихъ куповать не важились, и, мешкаючи в подсусѣдкахъ, от повинностей посполитихъ себе не охраняли, а хочай которій и продалъ, то мѣетъ (долженъ) всякое подданское послушенство, в подсусѣдкахъ мешкаючи, пану Ломиковскому

---

1) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, бумаги Черниговскаго Борисоглѣбовскаго монастыря, декретъ генеральнаго войскового суда отъ 28 октября 1748 г.

отдавати" [1]). Въ данномъ случаѣ „послушенствомъ" въ пользу владѣльца имѣнія обязывались такимъ образомъ тѣ изъ козацкихъ подсусѣдковъ, которые были передъ тѣмъ посполитыми этого имѣнія и, переходя въ качествѣ подсусѣдковъ въ козацкіе дворы, продавали козакамъ свои земли. Иногда же подобное „послушенство" требовалось отъ всѣхъ козацкихъ подсусѣдковъ, перешедшихъ въ эту группу изъ посполитыхъ. Такъ, нѣжинскій полковникъ Толстой въ 1725 г. отдалъ по указу Малороссійской Коллегіи „на урядъ" полковому писарю Леонтію Гроновскому „село Кропивное зо всѣми мужиками и подсусѣдками, которые з мужиковъ, а живутъ в дворахъ чина козачого" [2]). Въ другихъ случаяхъ подобныя мѣры властей носили еще болѣе широкій характеръ, захватывая всѣхъ вообще козацкихъ подсусѣдковъ того или иного села. „Тобѣ, атаманови помокелскому,—писалъ въ 1714 г. переяславскій полковникъ Стефанъ Томара въ с. Помокли — приказуемъ, абы приказалъ подсусѣдкамъ такъ козацкимъ, яко и мужицкимъ, абы были во всемъ пречестному господину его милости отцу игумену монастира Свято-Михайловского Переясловского послушними и до всякихъ послушенствъ неспречними, пилно жадаемъ (настойчиво требуемъ), такъ тежъ и которие вновъ поприходили и тамъ свои поселенія имѣютъ, чили под козаками, чили такъ живутъ, то абы без отмови (отказа) всякое послушенство отдавали, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ" [3]). Подобнымъ же образомъ гетманъ Скоропадскій, утверждая въ 1709 г. нѣжинскому полковому асаулу Іосифу Тарасовичу полученное имъ отъ Мазепы село Хибаловку, позволилъ Тарасовичу „отъ посполитихъ того села людей и козацкихъ подсусѣдковъ всякія повинности и послушенства отбирати до ласки войсковой". Утверждая въ 1714 г. тому же Тарасовичу, бывшему въ это время уже просто „знатнымъ войсковымъ товарищемъ", данное ему передъ тѣмъ сельцо Британовку, Скоропадскій точно также заявлялъ, что „войтъ того сельца Британовки з посполитими людми и подсусѣдками козацкими повинни ему, пану Тарасовичу, яко своему державци, всякія подданскія отдавати послушенства и повиновенія". И гетманъ Апостолъ, подтверждая въ 1730 г. эти села Іосифу Тарасовичу, успѣвшему къ этому времени стать бунчуковымъ товарищемъ, въ свою очередь писалъ въ своемъ подтвердительномъ универсалѣ: „войти тихъ селъ и подсусѣдки козачіе повинни всякое подданическое отдавать послушенство и повиновеніе" [4]).

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 26, владѣльческія вѣдомости м. Сосницы, л. 653.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, с. 115.

[3]) Изъ бумагъ Михайловскаго монастыря въ библіотекѣ И. В. Лучицкаго.

[4]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, сс. 151, 150, 151—2. Иногда владѣльцы имѣній пытались подчинить себѣ козацкихъ под-

Въ общемъ однако отдача козацкихъ подсусѣдковъ въ подданство членамъ старшины и владѣльцамъ имѣній была не особенно частымъ явленіемъ и въ большинствѣ случаевъ эти подсусѣдки отбывали то или иное „послушенство“ лишь тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ они селились. Но наряду съ такимъ послушенствомъ на козацкихъ подсусѣдкахъ во всякомъ случаѣ лежали еще и „общенародныя“ повинности, хотя и въ меньшемъ нѣсколько размѣрѣ, чѣмъ на посполитыхъ. Подсусѣдки владѣльческіе, какъ мы знаемъ, стараніями своихъ владѣльцевъ нерѣдко освобождались отъ отбыванія этихъ повинностей. Но тѣ же самые владѣльцы, которые добивались такого освобожденія для своихъ подсусѣдковъ, ревниво слѣдили за тѣмъ, чтобы оно не коснулось подсусѣдковъ козацкихъ, такъ какъ опасались, что это поведетъ къ чрезмѣрному отягощенію „общенародными повинностями“ ихъ посполитыхъ и создастъ для послѣднихъ черезчуръ большой соблазнъ переходить въ подсусѣдки къ козакамъ. Въ виду этого владѣльцы то и дѣло обращались къ войсковымъ властямъ съ просьбами о привлеченіи козацкихъ подсусѣдковъ къ общимъ повинностямъ. Особенно большую энергію въ этомъ направленіи проявляли монастыри, являвшіеся владѣльцами громадныхъ имѣній и всѣми силами старавшіеся удержать въ нихъ ихъ крестьянское населеніе, обложенное разнообразными и въ общемъ далеко не легкими сборами и повинностями въ пользу владѣльцевъ. И эта энергія въ большинствѣ случаевъ не оставалась безрезультатной.

Въ 1691 г. игуменъ золотоношскаго Красногорскаго монастыря обратился къ переяславскому полковнику Ивану Лисенку съ жалобой на золотоношскаго сотника. Послѣдній, по словамъ игумена, отягощалъ монастырскихъ посполитыхъ въ с. Слюжчиной Слободкѣ чрезмѣрными сборами на компанейцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрывалъ отъ такихъ сборовъ людей, не внесенныхъ въ козацкі реестръ, и „подсусѣдковъ не попускалъ козацкихъ помочними бути посполите (сообща) з посполитими людми до отдачи мѣсячного компанцомъ“. Полковникъ не одобрилъ такого поведенія сотника. „Если такъ—писалъ Лисенко послѣднему—тилко въ едномъ селѣ держишь под своею оборонoю килко десять волнихъ, далеко барзей (много больше) и по иныхъ селахъ знайдуется“. И Лисенко предписалъ сотнику всѣхъ не внесенныхъ въ козацкій реестръ („не

сусѣдковъ и безъ всякой надачи со стороны властей. Такъ, козаки с. Западинецъ Петръ Терещенко и Матвѣй Назаренко въ 1736 г. показывали, что „въ 1733 г., какъ достались в подданство села Западинецъ посполнтые асаулѣ войсковому генеральному Мануйловичу“, староста его сталъ собирать ралецъ съ козацкихъ подсусѣдковъ, но они, Терещенко и Назаренко, воспротивились этому и обратились съ жалобой къ лубенскому полковник Апостолу, послѣ чего козацкіе подсусѣдки были оставлены въ покоѣ. Мос Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣст 6. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 12, св. 1, № 54.

реестровихъ забоцневъ") и подсусѣдковъ „под власть посполитую в тяглость оддать" [1]). Въ 1696 г. черниговскій архіепископъ въ свою очередь обратился къ гетману Мазепѣ, жалуясь, что въ мринской сотнѣ „многии таковыи у товариства под ихъ окрытемъ знайдуются подсусѣдки, которыи, свои власныи (собственные) маючи кгрунта, поля, лѣса, сѣножати, ни службы военное не пилнуютъ (не отправляютъ), ани тежъ тяглости громадское з людми посполитыми не отбываютъ, черезъ що людемъ тяглымъ великая в отбуваню тяглостей громадскихъ, а над то (сверхъ того) в прокормленю компанійцовъ, дѣется долегливость". Гетманъ призналъ это „непорядкомъ" и предписалъ, чтобы „всѣ таковые подсусѣдки, которыи, в своихъ любъ в козацкихъ дворахъ мешкаючи, поля свои, лѣсы, сѣножати и иншыи угодя маютъ, от козаковъ не были жадною мѣрою вкриваны (никакимъ способомъ укрываемы), але жебы посполу (но чтобы сообща) з тяглыми людми не тылко в отбываню робочихъ до громады повинностей, але особливе и в прокормленю компанѣйцовъ належитость свою отбували". „Тые тилко самые (одни) подсусѣдки,—прибавлялъ Мазепа—которые, в дворахъ козацкихъ мешкаючи, на чужые кгрунта, своихъ не маючи, з плугами, серпами, косами для заробку ходятъ, до подданской тяглости належати не маютъ" [2]). И, когда въ томъ же году въ мринской сотнѣ встрѣтилось затрудненіе въ доставкѣ продовольствія компанейцамъ, Мазепа, отправивъ для улаженія этого затрудненія спеціально уполномоченнаго козака, вновь повторилъ свое предписаніе, чтобы „тяглые люде, якіе у козаковъ в подсусѣдкахъ живутъ, а своихъ кгрунтовъ осѣдлихъ не маютъ, од тоей належитости вистатченія (доставленія) были волными", тѣ же, „которіи, любъ (хотя) въ подсусѣдкахъ у козаковъ живутъ, а свои кгрунта особно пашутъ албо (либо) пущаютъ оные иннымъ людемъ себѣ въ прибѣль, абы до тоей повинности без жадное отмови (безъ всякихъ отговорокъ) належали" [3]). Два года спустя нѣжинскій полковникъ Обидовскій, „вѣдаючи о томъ певне (вѣрно), же в сотнѣ мринской большей ста знайдуется козацкихъ подсусѣдковъ, от которыхъ, яко и от иншыхъ в полку нашомъ винайдуючыхся подсусѣдковъ, по указу самого ясневелможного его милости пана гетмана, на компанейцовъ повинно вибиратися мѣсячное по шагу для помочи тяглимъ людемъ", распорядился, чтобы эти подсусѣдки поставляли продовольствіе для вновь присланныхъ въ сотню двухъ компанейцевъ, тогда какъ тяглые люди, по распоряженію гетмана, должны были продовольствовать четырехъ [4]).

[1]) Рукопись библіотеки И. В. Лучицкаго, Документы Красногорскаго Золотоношскаго монастыря, № 8.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/2923.

[3]) Тамже, № 1616/2924.

[4]) Тамже, № 1616/2928. „Шагъ"=2 копейкамъ.

Такіе же результаты имѣли и аналогичныя жалобы другихъ монастырей. Въ 1701 г. архимандритъ Черниговскаго Елецкаго монастыря жаловался гетману, что въ селахъ этого монастыря многіе изъ его подданныхъ, уклоняясь отъ „кормленія компанейцевъ и иныхъ подданскихъ тяжестей", продали свои хаты и переселились въ качествѣ подсусѣдковъ въ козацкіе дворы, причемъ продолжаютъ пользоваться своими землями, не отбывая никакихъ повинностей монастырю и не поставляя продовольствія для компанейцевъ. Въ отвѣтъ на эту жалобу гетманъ опять-таки распорядился, чтобы подсусѣдки, которые, продавъ свои хаты, живутъ въ козацкихъ, но при этомъ имѣютъ свои земли и пользуются ими, „компанейцовъ кормили и во вшелякихъ подданскихъ повинностяхъ з громадою конечно (непремѣнно) тягнули"; „а такіе тилко,— прибавлялъ и на этотъ разъ Мазепа—которые, в козацкихъ хатахъ живучи, жаднихъ (никакихъ) своихъ кгрунтовъ не маютъ, а, тилко на услузѣ господаровъ (хозяевъ) своихъ будучи, самимъ (однимъ) у людей заробкомъ живятся (кормятся), от тихъ подданскихъ тяжаровъ нехай будутъ волны". Къ этому Мазепа присоединилъ еще требованіе, чтобы въ селахъ Елецкаго монастыря „во всѣхъ подданскихъ повинностяхъ зъ громадою тягнули, а особно компанѣйцовъ кормили" и всѣ вообще люди, которые, не состоя въ козацкомъ реестрѣ, не отбывали и не отбываютъ „войсковыхъ услугъ", а, только по имени слывя козаками, пользуются вольностью [1]). Въ слѣдующемъ году съ такою же жалобой обратился къ Мазепѣ игуменъ Новгородсѣверскаго монастыря, указывая, что въ монастырскомъ „селѣ Мѣзинѣ многіе з громаднихъ посполитихъ людей, власныи (собственные) дѣдизнія и отчистіи оставивши свои домовки и кгрунта, поуходили в домы козацкіи, а то заживаютъ собѣ (пользуются) такового способу, ухиляючися от кормленя сердюковъ и от отбуваня иншихъ належитихъ посполитихъ повинностей и тяглостей, а любо (хотя) в домахъ козацкихъ живутъ, еднакъ кгрунтовъ своихъ з посполитими людми заживаютъ". „Яко теды—писалъ гетманъ, получивъ эту жалобу,— той поступокъ таковыхъ легкомыслныхъ людей перед нами оказался быти неслушнымъ (неправильнымъ) и порядкамъ громадскимъ мѣскимъ (городскимъ) и сѣлскимъ противнымъ, такъ мы, оний имъ ганячи (порицая), пилно и сурово приказуемъ, жебы всѣ подсосѣдки козацкіи, в дворахъ и придворахъ козацкихъ мешкаючіе, были помочни такъ до кормленія сердюковъ, яко и в отбуваню всѣхъ посполитихъ подачокъ и тяглихъ повинностей, а найбарзѣй (наиболѣе, особенно) тии, которіи мѣютъ кгрунта" [2]).

---

[1]) Обозрѣніе Рум. Описи, вып. IV (дополненіе), сс. 43—4. Позднѣе такое же распоряженіе было отдано для всѣхъ имѣній Елецкаго монастыря и гетманомъ Скоропадскимъ,—тамже, сс. 45—7.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ № 1616/2462.

Два года спустя, по жалобѣ кіевскаго митрополита на моровскаго сотника, который, по словамъ митрополита, „подсусѣдковъ, не тылко на кгрунтахъ ихъ катедралныхъ живючихъ, лечъ (но) и всякие пожитки з оныхъ отбираючихъ", не допускалъ в „посполитую тяглость, защищаючи оныхъ козацкою волностю", Мазепа заявилъ, что такое поведеніе противно разосланному во всѣ полки гетманскому указу, чтобы „козакъ кождый давный на своей козацкой волности зоставалъ, а посполитый и всякий подсусѣдокъ посполитую тяглость зналъ". Въ виду этого Мазепа „пилно и срокго" (настойчиво и строго) потребовалъ отъ моровскаго сотника, чтобы онъ „жадного (никакого) подсусѣдка, а особливе таковыхъ, яковые на тихъ Софѣйскихъ Катедралныхъ кгрунтахъ мешкаютъ, своею обороною не защищалъ, але (но) всѣхъ в посполитую тяглость отпускалъ" [1]).

Такія же распоряженія не разъ дѣлались и преемникомъ Мазепы на гетманствѣ. Такъ, утвердивъ за войсковымъ товарищемъ Долинскимъ с. Покошичи, Скоропадскій позволилъ Долинскому „въ помощь громадѣ и подсусѣдковъ козачихъ, въ ономъ селцѣ живучихъ, до всякихъ посполитихъ повинностей въ видаваню подводъ, на сердюковъ мѣсячного и иныхъ податей потягати" [2]). Въ другой разъ, утверждая гадяцкому полковому асаулу Штишевскому с. Харьковцы и позволяя отбирать „послушенство" съ тамошнихъ посполитыхъ, Скоропадскій прибавлялъ: „а якіе зъ тихъ посполитихъ людей жителѣ, оставивши свои дворы ради ухиленяся (уклоненія) отъ тяглой повинности, до козаковъ въ подсусѣдство на мешкане попереходили, тіе во время валнихъ потребъ (настоятельныхъ нуждъ), яко то въ годованю (прокормленіи) драгунъ и въ видаваню мѣсячного на компанѣйца датку и протчіего, повинни посполитимъ людямъ во всемъ чинити помощь" [3]).

Но и Скоропадскимъ подобныя распоряженія чаще всего отдавались по просьбамъ и жалобамъ монастырей. Такъ, въ 1712 г. Скоропадскій, по просьбѣ кіевскаго митрополита, предписалъ, чтобы „в катедралнихъ маетностяхъ подсусѣдки козацкіе найдуючіеся безъ жадной противности звычайную в помощь тяглимъ людемъ безотмовне повинность отдавали" [4]). Годомъ позже къ Скоропадскому обратился игуменъ Максаковскаго монастыря, жалуясь, что многіе козаки шаповаловской и борзенской сотенъ попринимали къ себѣ въ подсусѣдки монастырскихъ подданныхъ и

---

[1]) Тамже, № 1616/1897.

[2]) Гетманъ Апостолъ, подтвердивъ въ 1729 г. Покошичи вдовѣ Долинскаго, въ свою очередь позволилъ ей „подсусѣдковъ козачихъ до повинностей посполитихъ и въ отбуванню подводъ и до сустентаціи на консистентовъ въ помощь громадѣ покошицкой потягать". Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, сс. 663—4.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка, с. 19.

[4]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/1900.

защищають ихъ отъ сборовъ на компанейцевъ, отъ требованій подводъ и отъ „всякихъ наѣздовъ", благодаря чему остальные монастырскіе подданные дошли до крайняго раззоренія. Гетманъ нашелъ эту жалобу справедливой и предписалъ, чтобы „всякъ з товариства помянутихъ сотенъ, хто подданихъ монастирскихъ в подсусѣдки поприймалъ, уступили, впредь не важилися (отваживались) приймати и от видачи на компанѣйцевъ мѣсячного и од споможеня на почту коней и од всякой необходимой повинности своихъ подсусѣдковъ не заступали" [1]). Въ 1716 г., подтверждая Выдубицкому монастырю с. Ярославку, Скоропадскій точно также требовалъ, чтобы „подсусѣдки козацкіе, в маетностяхъ монастирскихъ живущіе, имѣли свое прислушание до обители святой и подданнимъ монастирскимъ в даче подводъ и кормленіи драгунъ и в видаче на компанію мѣсячной безъ отреченія чинили помощь" [2])
Подобное же распоряженіе сдѣлано было Скоропадскимъ, по просьбѣ Золотоношскаго Красногорскаго монастыря, и для имѣній этого послѣдняго. „Взглядомъ васъ (въ отношеніи же) подсусѣдковъ, найдуючихся под козаками, в селѣ монастырскомъ мешкаючими,— писалъ 11 января 1718 г. гетманъ игумену этого монастыря—же (что) оніи подданимъ монастырскимъ в видаваню мѣсячного датку на компанѣйцовъ, в кормленю драгунъ и в прочіихъ посполитихъ належностяхъ не чинятъ помоществованія, росказалисмо (мы приказали) тутъ словесно пану хоружому войсковому, жебы (чтобы) приреченіи подсусѣдки тихъ повинностей не отрѣкалися и людямъ посполитимъ, подданимъ монастырскимъ, чинили в томъ вспоможеніе" [3]).

Но само по себѣ распространеніе на козацкихъ подсусѣдковъ „общенародныхъ" повинностей далеко еще не гарантировало державцевъ отъ ухода ихъ посполитыхъ въ подсусѣдки къ сосѣднимъ козакамъ. Оно, правда, нѣсколько уменьшало соблазнительность такого перехода, но не устраняло его возможности, а между тѣмъ этотъ переходъ являлся крайне убыточнымъ для державцевъ. И съ конца XVII вѣка отдѣльные державцы все чаще и чаще стали обращаться къ войсковымъ властямъ съ просьбами совершенно воспретить ихъ посполитымъ подобный переходъ. Къ этому времени обособленіе посполитыхъ отъ козаковъ сдѣлало уже извѣстные успѣхи и войсковыя власти не видѣли препятствій къ удовлетворенію такого рода просьбъ. Въ результатѣ послѣднія обыкновенно приводили къ тому, что въ рукахъ просителя оказывался гетманскій универсалъ, болѣе или менѣе рѣшительно воспрещавшій

---

1) Тамже, № 1616/641.

2) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіев. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Бобровицкой сотни, т. V, № 218.

3) Рукопись библіотеки И. В. Лучицкаго. Документы Красногорскаго Золотоношскаго монастыря, № 85.

посполитымъ этого просителя переходить въ подсусѣдки къ жившимъ въ сосѣдствѣ съ ними козакамъ.

И эти просьбы опять-таки едва ли не чаще всего предъявлялись монастырями. Игуменъ Омбышскаго монастыря,—писалъ въ 1699 г. гетманъ Мазепа атаману с. Омбыша, — „утисковалъ на васъ з товариствомъ за тое, же (что) вы подданыхъ монастирскихъ, од повинности посполитой ухиляючихся, в сусѣдство себѣ приймуете и заступаете оныхъ". „Зачимъ,—продолжалъ гетманъ,— яко неслушне (неправильно) противно мѣстца святого поступуете, если тое есть, такъ мы, тотъ вашъ поступокъ ганячи (порицая), через сей нашъ листъ пилно и сурово приказуемъ, абысте (чтобы вы) яко тыхъ людей подданыхъ монастирскихъ, которіи уже под вами зостаютъ, не заступали, такъ и инныхъ жаднымъ способомъ до себе в сусѣдство приймовати и заступати оныхъ од тяглостей мужицкихъ не важилися" [1]). Въ слѣдующемъ году съ такимъ же ходатайствомъ обратился къ Мазепѣ черниговскій архіепископъ Іоаннъ Максимовичъ. Архіепископъ жаловался именно, что въ его имѣніяхъ, расположенныхъ въ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ, въ с. Ушнѣ, сс. Улановѣ, Тулиголовахъ и Обложкахъ, въ с. Быстрикѣ, въ м. Мринѣ и въ принадлежащихъ къ нему селахъ, многіе тяглые люди, уклоняясь отъ послушенства и повинностей монастырю, переходятъ въ качествѣ подсусѣдковъ въ козацкіе дворы и, живя въ нихъ, продолжаютъ пользоваться своими тяглыми землями, но уже „не хотятъ должного Катедрѣ Черниговской отдавати повиновенія". Въ виду этого Максимовичъ просилъ у Мазепы такого универсала, „за якимъ бы могли быти тыи подданыи, в козацкихъ домахъ живучіи, до первобытного своего привернены послушенства". Мазепа нашелъ эту просьбу правильной и далъ архіепископу универсалъ, въ которомъ предписывалъ, чтобы „во всѣхъ превреченыхъ тыхъ Катедри Черниговской маетностяхъ жаденъ (ни одинъ) з козаковъ не важился подданыхъ катедралныхъ, в домы свои в подсусѣдки приймуючи, от належитыхъ тяглыхъ повинностей оныхъ охороняти, заступати и защищати" [2]). Два года спустя, предписывая, по просьбѣ архимандрита Новгородсѣверскаго монастыря, привлекать въ принадлежавшемъ этому монастырю с. Мѣзинѣ козацкихъ подсусѣдковъ къ отбыванію „общенародныхъ" повинностей, Мазепа точно также присоединилъ къ этому предписанію приказъ, чтобы „впередъ нѣхто з козаковъ не важился у людей посполитыхъ жадныхъ кгрунтовъ куповати и в свою промоцію оныхъ людей приймовати и от даваня обиклихъ повинностей и послушенствъ заступати"; „бо если — прибавлялъ

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/1759.а. Восемь лѣтъ спустя, въ 1707 г., это распоряженіе было опять повторено Мазепой по просьбѣ намѣстника Омбышскаго монастыря—тамже, 1616/1759.в.

[2]) Тамже, № 1616/3035.

гетманъ, — на кого тое доведется (буд етъ доказано), же мѣлъ бы якіи колвекъ кгрунта у тяглихъ людей подданыхъ монастирскихъ куповати хто и продавцовъ оныхъ в свое заступленіе приймовати, таковый не тилко гроши, за кгрунтъ данніи, тратити маетъ (потеряетъ), але и значного от насъ, гетмана, не увойдетъ караня" [1]. Въ 1705 г. архимандритъ того же Новгородсѣверскаго монастыря вновь обратился къ Мазепѣ, жалуясь на то, что въ другомъ монастырскомъ имѣніи, с. Ксендзовкѣ, часть посполитыхъ вписалась въ „жолдаки" а „многіе посполитые люди, спродавши свои грунта батуринскимъ обывателямъ, сами в нихъ в подсусѣдкахъ живутъ и тимъ укрываются от посполитой тяглости и монастырского послушенства" И гетманъ опять-таки призналъ, что такими „неслушными поступками тѣхъ легкомысленныхъ и упорныхъ людей" монастырю причиняется „обида", а „людямъ посполитымъ ксендзовскимъ тяжесть", и вернулъ „всѣхъ тихъ подсусѣдковъ, в проданихъ кгрунтахъ мешкаючихъ, и ново повписовавшихся жолдаковъ до первобытной посполитой тяглости и монастирского послушенства", позволивъ каждаго упорствующаго „дозорци монастырскому, тимъ селомъ завѣдуючому, усиловне до громадской сполной тяглости и повинности и монастирского послушенства притягати". При этомъ гетманъ предписывалъ, чтобы впредь никто изъ батуринскихъ козаковъ и свободныхъ посполитыхъ не осмѣливался покупать никакихъ земель у посполитыхъ с. Ксендзовки и „своею протекцѣею оныхъ людей от обыклихъ послушенствъ и повинностей укрывати и уволняти". „А еслибы — продолжалъ гетманъ—на кого тое доволося, же мѣлъ бы кгрунта в монастрыскихъ подданихъ купити и продавцу под свою оборону взяти, таковый не тылко за кгрунтъ гроши выложеніе тратитиметъ (утратитъ), лечъ и значнимъ от насъ, гетмана, окрытъ будетъ наказаніемъ" [2].

Подобныя же распоряженія, и подчасъ еще съ бо́льшей категоричностью, отдавались и омѣнившимъ Мазепу на гетманствѣ Скоропадскимъ. „Яко давное есть войсковое постановленіе, монаршою грамотою утверженное, что вездѣ козаки в мужитство, а мужики в козатство вписыватися не повинни",—писалъ, напримѣръ, Скоропадскій въ 1710 г., подтверждая Каѳедральному Переяславскому, Каневскому и Терехтемировскому монастырямъ ихъ имѣнія,—то „и козаки, в маетностяхъ монастирскихъ мешкаючіе, подданнихъ помянутихъ монастирей жадною мѣрою отъ подданской повинности заступати и до себе онихъ в подсусѣдки пріймовати и грунтовъ ихъ искуповувати не мѣютъ" [3]. Подтверждая въ томъ же году Нѣ-

---

[1] Тамже, № 1616/2462.

[2] Тамже, № 1616/2475.

[3] Генеральное слѣдствіе о монастыряхъ Переяславскаго полка, рукоп отдѣленіе Моск. Рум. Музея, № 1159, Документы, № 7.

жинскому Красноостровскому монастырю сс. Талалаевку и Мыльники, Скоропадскій въ своемъ подтвердительномъ универсалѣ также требовалъ, чтобы „в помянутихъ монастирскихъ маетностяхъ, такъ духовного, яко и свѣцкого войскового чина люде подданихъ мешкаючихъ в подсусѣдки до себе не приймовали и жаднокъ мѣрою (никакимъ образомъ) ихъ от подданской повинности заступати не важилися“[1]). Три года спустя, въ 1713 г., Скоропадскій, какъ мы уже видѣли выше [2]), предписалъ козакамъ борзенской и шаповаловской сотенъ Нѣжинскаго полка, принявшимъ въ свои подсусѣдки посполитыхъ Максаковскаго монастыря, вернуть ихъ въ ихъ первобытное состояніе и впредь не принимать въ подсусѣдки монастырскихъ „подданныхъ“. Такое же требованіе поставлено было Скоропадскимъ въ 1716 г. козакамъ кролевецкой и глуховской сотенъ, принимавшимъ въ подсусѣдки посполитыхъ изъ принадлежавшихъ Батуринскому Крупицкому монастырю сс. Спасскаго, Божка, Заболотова и Любитова, и козакамъ с. Павловочки въ Гадяцкомъ полку, къ которымъ переходили въ подсусѣдки тамошніе посполитые, „подданные“ Пустынно-Скельскаго монастыря [3]). Иногда же Скоропадскій ставилъ такія требованія при самой надачѣ имѣнія. Такъ, давая въ 1713 г. Кіевскому Софійскому монастырю с. Вовчокъ, гетманъ предписывалъ, чтобы „нихто посполитыхъ людей вовчковскихъ в козацкій компутъ уписовати не дерзалъ и козаки тамошніе подъ оборону свою в подсусѣдки не приймовали“ [4]).

Такимъ образомъ къ концу XVII и началу XVIII вѣка явственно обозначилось существенное различіе въ положеніи подсусѣдковъ владѣльцевъ имѣній, иначе говоря, подсусѣдковъ державческихъ, и подсусѣдковъ рядовыхъ козаковъ. Первые къ этому времени, въ сущности, окончательно обратились во владѣльческихъ крестьянъ, отличаясь отъ тяглаго посполитства лишь тѣмъ, что, благодаря своему имущественному положенію и стараніямъ владѣльцевъ, въ гораздо меньшей мѣрѣ участвовали въ отбываніи „общенародныхъ“ повинностей, а нерѣдко и совсѣмъ не участвовали въ немъ. Вторые же не только несли на себѣ бремя этихъ повинностей, но порою должны были въ силу распоряженія войсковыхъ властей отбывать еще и „послушенство“ отдѣльнымъ членамъ старшины либо державцамъ маетностей. И если случаи этого послѣдняго рода, превращавшіе и козацкихъ подсусѣдковъ во владѣльческихъ „поддан-

---

1) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, с. 105. Это требованіе подтверждено было въ 1729 г. и гетманомъ Апостоломъ,—тамже, с. 108.

2) См. выше, с. 183.

3) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 123; Рукописи библіотеки И. В. Лучицкаго, Документы Преображенскаго Пустынно-Скельскаго монастыря.

4) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіев. Центр. Архивъ, № 1616/1901.

ныхъ", были все же не особенно часты, то за тѣмъ, чтобы козацкіе подсусѣдки наряду съ посполитыми, хотя и въ нѣсколько меньшемъ противъ нихъ размѣрѣ, отбывали „общенародныя" повинности войсковыя власти слѣдили очень усердно и настойчиво, тѣмъ болѣе, что ихъ заботы въ этомъ направленіи поддерживались постоянными ходатайствами со стороны державцевъ. Благодаря этому державческіе подсусѣдки оказывались по отношенію къ податнымъ требованіямъ государства въ болѣе льготномъ положеніи, чѣмъ подсусѣдки рядовыхъ козаковъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то время, какъ для козаковъ оставалась открытой возможность перехода въ державческіе подсусѣдки, владѣльческимъ посполитымъ войсковыя власти, подъ вліяніемъ просьбъ владѣльцевъ, стали съ конца XVII вѣка воспрещать переходъ въ козацкіе подсусѣдки. И если не державческіе подсусѣдки, то сами державцы оказывались и въ этомъ отношеніи въ привилегированномъ положеніи, такъ какъ, создавая при помощи властей препятствія для ухода своихъ посполитыхъ въ козацкіе подсусѣдки, они одновременно сохраняли возможность привлекать въ свои подсусѣдки козаковъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ рѣшавшихся на выходъ изъ „войскового товариства". Но это привилегированное положеніе, создавшееся для державцевъ, неизбѣжно оказывало серьезное вліяніе на весь многочисленный классъ подсусѣдковъ, постепенно сближая все бóльшую часть его съ владѣльческими „подданными". Въ концѣ концовъ такимъ образомъ эволюція этой группы малорусскаго общества пошла тѣмъ же путемъ, какимъ шла эволюція и другихъ его группъ, занявшихъ было въ началѣ самостоятельнаго существованія гетманщины переходное положеніе между козачествомъ и посполитствомъ, и къ началу XVIII столѣтія результаты этой эволюціи намѣтились уже вполнѣ явственно.

В. Мякотинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

«Изъ записной книжки».

Я проснулся отъ толчка и открылъ глаза. Все по-старому: вправо уходитъ линія окопа, тутъ же рядъ сгорбившихся, согнувшихся солдатъ. Я сижу, прислонившись къ земляной стѣнѣ рва. Мой сосѣдъ бормочетъ во снѣ; я наклоняюсь ближе и разбираю слова—это грузинскія проклятія. Густыя черныя рѣсницы рѣзки на блѣдномъ, измученномъ лицѣ. На рукавѣ рубахи темнѣетъ пятно крови и, глядя на него, я вспоминаю, что ночью мы отбили атаку.

Раннее утро. На темно-сѣромъ небѣ кое-гдѣ остались блѣдныя звѣзды. Свѣжій вѣтеръ гнетъ волнами траву; зеленый коверъ ея шаговъ въ пятьдесятъ шириною отдѣляетъ насъ отъ окопа врага. Чернѣютъ проволочныя загражденія;—въ нихъ пойманы ночью нѣсколько сѣрыхъ фигуръ; одна изъ нихъ совсѣмъ близко, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Передъ окопомъ—насыпь, и я вижу убитаго только до пояса. Это—широкоплечій нѣмецъ, изъ тѣхъ крѣпкихъ мужчинъ, о которыхъ у насъ говорятъ: „Молодецъ, богатырь". Онъ стоитъ лицомъ къ намъ, навалившись всѣмъ тѣломъ на проволочную изгородь; голова его опущена; на первый взглядъ кажется, что онъ подошелъ къ забору, перегнулся и разглядываетъ что-то на землѣ, лишь неподвижная рука виситъ, какъ плеть. Отъ скуки я долго разглядываю его и замѣчаю, что шинель слиняла полосами, что одинъ край ея изорванъ и зашитъ яркими нитками грубо, неумѣло должно быть, мужскими руками. Нѣкоторое время я думаю о томъ, кѣмъ могъ онъ быть у себя на родинѣ: фабрикантомъ ли, рабочимъ, богачомъ или нищимъ, одинокимъ или любимымъ, а когда это развлеченіе надоѣдаетъ, сажусь поудобнѣе и наблюдаю утреннюю зарю.

Небо посвѣтлѣло. На горизонтѣ ширятся блѣдно-розовыя тѣни; онѣ алѣютъ понемногу. Золотисто-алыя полосы тянутся по блѣдному небу. задѣвая мелкія тучки. Воздухъ ясенъ и

чисть, легкій вѣтеръ дышитъ прохладой. Показывается багровое солнце. Хлынулъ свѣтъ.

У насъ въ окопѣ оживленіе: солдаты дѣлятся впечатлѣніями ночи. Въ чистомъ утреннемъ воздухѣ отчетливо долетаютъ до меня обрывки фразъ. Чей-то молодой сипловатый голосъ возбужденно повторяетъ: „Тутъ я его штыкомъ“, басъ взводнаго четко выговариваетъ крѣпкое словечко по адресу „этихъ“, высокій теноръ добровольца убѣжденн произноситъ: „ему насъ не одолѣть“.

— Давай покуримъ, — говорю я моему сосѣду. Даутъ охотно соглашается, и мы молча слѣдимъ, какъ облачка дыма медленно растворяются въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Вдоль окопа, по ногамъ солдатъ, низко склонившись, къ намъ пробирается Булатъ. — „Ты бы штыкъ почистилъ, лѣнтяй“, — говоритъ онъ Дауту, указывая на запекшуюся на остріѣ темную кровь. Даутъ улыбается; бѣлоснѣжные зубы сверкаютъ изъ-подъ черныхъ усовъ.—„Я былъ невѣжливъ этой ночью“, — весело отвѣчаетъ онъ, блестя глазами; и мы всѣ трое смѣемся.

Мой взглядъ случайно падаетъ на мертваго нѣмца. Его каска золотится въ лучахъ солнца. — „Это я съ нимъ обошелся неосторожно ночью“—шутитъ Даутъ.

Солнце поднялось довольно высоко; становится теплѣе будетъ снова жаркій день.

Полдень. Синее небо—ясно, ни единаго облачка. Раскаленное пылающее солнце неподвижно стоитъ надъ головой; безжалостно льются горячіе лучи, заливаютъ, заполняютъ каждый уголокъ. Грязный потъ покрываетъ все тѣло, собирается на ладоняхъ рукъ. Сѣрыя капли медленно катятся по лицу Даута. Муха жужжитъ и упорно кружится вблизи. Тупое оцѣпененіе владѣетъ мной; въ тяжеломъ полуснѣ безвольно опускается свинцовая голова.

Вдругъ слабый стонъ нарушаетъ знойную тишину; онъ повторяется снова и снова, и съ каждымъ разомъ все громче и жалобнѣе. — „Да вѣдь живъ онъ, нѣмецъ-то“,—рѣзко выкрикиваетъ доброволецъ; я взглядываю въ сторону колючей проволоки и вижу, какъ движется то, что мы считали трупомъ. Голова въ каскѣ приподнята, свѣтлые глаза глядятъ на насъ—„Wasser“,—произноситъ онъ медленно, съ трудомъ.

Какой-то солдатъ приподымаетъ фуражку надъ окопомъ—ее сразу пробиваютъ двѣ пули. Тогда кто-то высоко съ нашего окопа машетъ ружьемъ, на штыкѣ котораго бьется бѣлая тряпка — въ отвѣтъ слышится свистъ пуль, а подъ нимъ—тихій, вздрагивающій голосъ проситъ воды. Но никто изъ насъ не подымается, потому что никто не хочетъ идти на вѣрную смерть.—„Я трусъ, ничтожество“—думаю я.

но не двигаюсь. Мы всѣ, точно сговорившись, дѣлаемъ видъ, что ничего не случилось; мы даже пытаемся разговаривать, ѣсть, курить, мы хотимъ забыть, не слышать. Но это дѣланное равнодушіе продолжается недолго. Точно тайная сила приводитъ наши взгляды туда, къ нему, о которомъ думаемъ мы всѣ. Я украдкой взглядываю и вижу, что большая зеленая муха бродитъ по лицу раненаго, и онъ, должно быть, не владѣя руками, сдвигаетъ страдальчески брови. Вдругъ я встрѣчаюсь съ нимъ взглядомъ, мурашки ужаса и стыда пробѣгаютъ по спинѣ, и я гляжу въ эти свѣтлые глаза, точно зачарованный, не въ силахъ оторваться.

Проходитъ нѣкоторое время, и мы уже не пытаемся обманывать себя,—смолкли разговоры; стонъ за стономъ врывается въ угрюмую тишину нашего окопа.—„О, Господи!"—вздыхаетъ кто-то.

Точно муха въ паутинѣ, въ этой проволочной западнѣ умираетъ медленно и мучительно безсильный, израненный человѣкъ. Онъ страдаетъ отъ боли въ ранахъ, отъ жестокой жажды, отъ зноя раскаленныхъ солнечныхъ лучей. Онъ умираетъ на глазахъ многихъ людей безпомощный и одинокій, какъ въ пустынѣ.

Такъ проходитъ время: можетъ быть, минуты, можетъ быть, часы.

Внезапно, быстрымъ, звѣринымъ движеніемъ выскакиваетъ на траву Даутъ и идетъ впередъ; двѣ каски приподымаются надъ окопомъ врага. Еще шагъ впередъ,—два нѣмца встали во весь ростъ и глядятъ. Выстрѣлятъ оттуда или не выстрѣлятъ?.. Еще шагъ—и кружка воды у рта раненаго. Оба окопа глядятъ другъ на друга въ молчаніи...

Больше я ничего не вижу, потому что прячу лицо въ руки и плачу, какъ ребенокъ.

Л. П.

ИЗЪ АНГЛІИ.

„Лэбби".

I.

Собесѣдники были три англичанина, одинъ испанецъ и одинъ русскій. Всѣ они были писатели. Шла рѣчь объ уваженіи къ читателю. Всѣ собесѣдники, кромѣ Макъ-Грегора, высказывали взглядъ, что первый и неукоснительный долгъ писателя это—уваженіе къ читателю. Макъ-Грегоръ, забравшись съ ногами въ глубокое кресло, сердито пыхтѣлъ трубкой, такъ что его рыжая, лохматая голова едва видна была изъ облаковъ табачнаго дыма.

— За что я буду уважать читателя? — началъ онъ, наконецъ, отрывисто.—Видѣлъ я его что ли? Можно ли уважать того, кого не знаешь совершенно? Я признаю уваженіе только къ собственной мысли. Честный авторъ обязанъ развивать ее *логически*, не страшась выводовъ, не считаясь съ тѣмъ, что въ данный моментъ популярно или непопулярно. Причемъ тутъ читатель? Вотъ и теперь у меня теорія, которую я буду развивать, не думая о читателѣ.

— Можно узнать вашу теорію?—спросилъ испанецъ.

— Почему же нѣтъ? Меня занимаетъ вопросъ, почему идеалъ, признаваемый всѣми, и поступки людей такъ рѣзко расходятся.

Теорія Макъ-Грегора была довольно запутана, но сводилась она, насколько я помню, къ слѣдующему. Люди дѣлятся не на долихокефаловъ и брахикефаловъ, какъ думаютъ еще и теперь нѣкоторые антропологи, а на потомковъ людей третичнаго періода и племенъ, пришедшихъ потомъ съ сѣвера вмѣстѣ съ надвинувшимися льдами. Первые были одиноки; вторые — стадны. Одинокіе вели жизнь, большею частью, на деревьяхъ. Стадные, которые пришли вслѣдъ за сѣвернымъ оленемъ, селились въ пещерахъ. Стадные истребили тѣхъ одинокихъ самцовъ, которые не погибли отъ голода и не успѣли удалиться на югъ, а самокъ забрали себѣ.

По всей вѣроятности, пришедшіе принесли съ собою высшую культуру, такъ какъ знали употребленіе огня. Но черепа, найденные въ самое послѣднее время, свидѣтельствуютъ о томъ, что одинокіе стояли выше въ умственномъ отношеніи, чѣмъ, скажемъ, обитатели Полинезіи. По мнѣнію Макъ-Грегора, съ самыхъ отдаленныхъ временъ можно прослѣдить во всѣхъ странахъ два типа: стадный и одинокій. Если они претворяютъ свои мысли въ слова, то получаются теоріи одинокихъ людей и стадныхъ, каждая изъ которыхъ отмѣчена такой хорактерной печатью, что теоріи совершенно невозможно смѣшать. „Объясненіе *меня* удовлетворяетъ, поэтому оно представляетъ собою приближеніе къ несуществующему, т. е. къ истинѣ",—говоритъ одинокій. „Объясненіе будетъ принято толпой, *поэтому* оно сама истина",—говорятъ стадные. Такъ называемый прогрессъ, т. е. новое приближеніе къ несуществующему, обусловливается тѣмъ, что одинокіе дерзаютъ пойти противъ стада. Прогрессъ это—бунтъ одинокаго противъ всѣхъ. Впрочемъ, мы видимъ также бунтъ маленькаго стада противъ большаго,—прибавилъ въ скобкахъ Макъ-Грегоръ:—это называется національной проблемой. Съ теченіемъ времени маленькое стадо становится такимъ же жестокимъ, какъ и большое.

Вполнѣ законно то, что одинокіе и стадные стремятся утверждать себя въ литературѣ, такъ какъ каждая мысль имѣетъ право на жизнь. Несообразность получается только тогда, когда одинокій заражаетъ своимъ талантомъ стадныхъ и тѣ пытаются примѣнить на дѣлѣ его идеалы, или же, когда случается наоборотъ, т. е. когда стадные идеалы заражаютъ одинокихъ. Тогда-то именно создаются теоріи, что слово и дѣло, идеалъ и жизнь—непримиримы. Стоитъ вспомнить только судьбу ученія Ницше. Мысль одинокихъ подобна вакханкамъ, опьяненнымъ виномъ и мчащимся по лѣсу, потрясая тирсами. Въ особенности это относится къ такимъ книгамъ, какъ Also Sprach Zarathustra. И вотъ вмѣсто того, чтобы просто слушать буйныя пѣсни и волнующіе крики *эвое*, представляющіе собою Memento vivere! — стадные пожелали полонить этихъ вакханокъ, увѣнчанныхъ виноградными листьями, и превратить ихъ въ своихъ законныхъ супругъ, съ которыми ссорятся изъ-за пересоленнаго супа. Еще хуже попытка превращенія вакханокъ въ орудіе насилія. Собственно говоря, если я понялъ Макъ-Грегора, одинокіе должны писать для одинокихъ, а стадные для стадныхъ. Больше всего отличаетъ одинокихъ отъ стадныхъ любовь къ свободѣ. Идеалъ стадныхъ въ концѣ концовъ только чистый, свѣтлый хлѣвъ и всегда полныя ясли. Одинокій отдаетъ и ясли, и хлѣвъ, и жизнь за свободу. Стадные признаютъ свободу, но для нихъ это абстракція, юридическій терминъ, тогда какъ для одинокихъ это воздухъ. Стадные хотятъ славы, т. е., чтобы о нихъ зачѣмъ-то знало остальное стадо. Одинокимъ прежде всего надобна широкая умственная свобода и личная независимость. Имъ совершенно безразлично,

будутъ-ли про нихъ знать другіе, такъ какъ все равно они съ кѣмъ не встрѣчаются.

— Послушайте, Макъ-Грегоръ, — сказалъ, наконецъ, испанецъ:—я вамъ назову сколько угодно людей, умственно совершенно независимыхъ, не боящихся утверждать—что считаютъ истиной. А между тѣмъ всѣ эти люди соціальные, или стадные по вашей терминологіи. Отъ кого же они происходятъ: отъ сидѣвшихъ ли на деревьяхъ или отъ пришедшихъ вслѣдъ за сѣвернымъ оленемъ?

— Отъ скрещиванія пещернаго человѣка съ захваченными самками одинокихъ людей, — спокойно отвѣтилъ Макъ-Грегоръ. Всѣ засмѣялись, и на этомъ разговоръ кончился. Я вспомнилъ о немъ теперь, читая новую, дополненную біографію дипломата, парламентскаго дѣятеля, публициста и очень интереснаго, остроумнаго человѣка, дожившаго до глубокой старости и скончавшагося въ 1912 г. [1]). Я говорю про Генри Лабушера, или про „Лэбби", какъ называли его политическіе друзья и враги. Первые называли его такъ любовно, а вторые презрительно. Передъ нами, по теоріи Макъ-Грегора, „одинокій"-метисъ, независимый, цѣнившій выше всего въ мірѣ свободу, не боявшійся высказывать свое мнѣніе, но въ то же время въ высшей степени соціальный, или „стадный". Лабушеръ много лѣтъ былъ въ парламентѣ, гдѣ игралъ выдающуюся роль, но всегда оставался самимъ собою. „Лабушеръ былъ еще, что не всегда бываетъ въ политикѣ, совершенно незаинтересованнымъ человѣкомъ. Онъ никогда не искалъ ни портфеля, ни почестей",—говоритъ авторъ біографіи въ предисловіи. „Отъ начала своей дѣятельности до конца жизни Лабушеръ горячо любилъ свободу, ненавидѣлъ насиліе во всѣхъ проявленіяхъ и питалъ глубокое презрѣніе къ неискренности въ политической жизни. За всю долгую парламентскую дѣятельность Лабушеръ ни разу не прибѣгъ къ политическимъ софизмамъ, которыми общеизвѣстные дѣятели прикрываютъ свое отступничество. Онъ никогда не измѣнялъ своимъ идеаламъ". Лэбби до конца жизни оставался радикаломъ и свободнымъ мыслителемъ [2]). „Радикализмъ Лабушера былъ основанъ на разумѣ,—говоритъ авторъ біографіи.—То былъ разумъ, примѣненный къ сферѣ человѣческой дѣятельности, именуемой политикой. Большинство англійскихъ радикаловъ — ирраціональны. Британскій радикализмъ основанъ большею частью на гуманитарномъ сентиментализмѣ. Religion du clocher, наблюдавшаяся въ феодальной Англіи, замѣнилась другимъ, соперничавшимъ культомъ, истеричныя крайности котораго нашли въ Лабу-

---

[1]) „The Life of Henry Labouchere", by Algar Labouchere Thorold; London, 1916. Constable and C⁰.

[2]) Ib., стр. 66.

шерѣ остроумнаго критика. Лабушеръ выступалъ противъ наслѣдственнаго принципа въ сферѣ политики не потому, что онъ несправедливъ, но потому, что онъ противорѣчитъ законамъ разума... Въ области философіи Лабушеръ былъ прямолинейнымъ агностикомъ; онъ крайне высоко ставилъ Юма и очень хорошо зналъ Канта... Онъ подозрительно относился къ энтузіазму всякаго рода такъ какъ послѣдній большею частью фальшивъ, а Лабушеръ ненавидѣлъ обманъ, хотя бы и безсознательный. И на придачу ко всему „Лебби", гордившійся тѣмъ, что онъ „циникъ", былъ безконечно добрый человѣкъ.

Мнѣ кажется, увѣсистый томъ, только-что законченный мною, представляетъ двойной интересъ. Во-первыхъ, передъ нами крайне оригинальная личность, видавшая на своемъ вѣку ужасно много; во-вторыхъ, біографія Лабушера даетъ новый матеріалъ для изученія политической жизни Англіи за послѣднія тридцать пять лѣтъ. Въ этомъ письмѣ я постараюсь познакомить читателей съ Лабушеромъ, какъ съ типомъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я остановлюсь подробнѣе на политической дѣятельности „Лэбби".

Лабушеру никогда не пришлось бороться за матеріальное благосостояніе, такъ какъ онъ былъ очень богатый человѣкъ. Впослѣдствіи, когда умеръ дядя Лабушера лордъ Тонтонъ, „Лэбби" сталъ милліонеромъ. Лабушеры—потомки гугенотовъ, переселившихся изъ Франціи послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. И, конечно, трудно найти болѣе характернаго француза „вольтеріанца", чѣмъ тотъ, съ которымъ я хочу познакомить теперь читателей. Генри Лабушеръ родился девятаго ноября 1831 г. „Будь то послушный мальчикъ, его ждало бы традиціонное англійское воспитаніе того времени, съ перспективой блестящей финансовой или дипломатической карьеры, такъ какъ Лабушеры были богаты и имѣли большія связи. Но съ самаго начала у мальчика проявился оригинальный характеръ. Маленькій „Лэбби" очень рано обнаружилъ остроуміе и неожиданность въ отвѣтахъ, которыми отличался всю жизнь. Вотъ, напримѣръ, шестилѣтній мальчикъ въ школѣ, гдѣ вся система воспитанія держалась, главнымъ образомъ, на розгѣ. Утромъ, передъ началомъ ученія, всѣхъ новичковъ выстроили въ рядъ. Каждаго изъ нихъ учитель спрашивалъ въ отдѣльности: вычищены ли зубы. Когда очередь дошла до Лабушера, онъ сказалъ, что зубовъ не чистилъ.

— Почему?—строго спросилъ учитель.

— Потому, что у меня ихъ нѣтъ,—отвѣтилъ мальчикъ. Онъ раскрылъ ротъ и показалъ десна съ выпавшими молочными зубами.

Въ 1844 г. мальчикъ перешелъ въ знаменитую Итонскую школу, гдѣ пробылъ три съ половиною года, „проявивъ порядочную лѣнь". Потомъ, послѣ нѣкотораго пребыванія у репетитора, Лабушеръ поступилъ въ 1850 г. въ Кембриджскій универси-

теть. „Повидимому, и въ университетѣ Лабушеръ не особенно усердствовалъ въ ученіи". „Я усердно посѣщалъ скачки въ Ньюмаркетѣ",—писалъ потомъ Лабушеръ.—„Въ университетѣ у меня была идея, что я скоро удивлю міръ своими талантами. На лекціи я не ходилъ, такъ какъ считалъ себя слишкомъ талантливымъ, чтобы обременять умъ тяжелой работой. Почему-то я считалъ себя ораторомъ и поэтомъ. Я отправился въ студенческій кружокъ, гдѣ обсуждались разные вопросы, и началъ рѣчь въ защиту тираномахіи; но, къ великому моему изумленію, не зналъ, какъ кончить ее. Удивился я также тогда, когда принялся за сочиненіе стиховъ. Дальше первой строчки дѣло у меня не пошло. Я оставилъ поэму, за которую разсчитывалъ получить премію. Мнѣ хотѣлось непремѣнно прославиться въ университетѣ, но немедленно, безъ труда. Такъ какъ слава не давалась, то я задумалъ удивить всѣхъ моими ставками на скачкахъ. Я усердно поэтому посѣщалъ всѣ скачки въ Ньюмаркетѣ, а вечера проводилъ въ тавернѣ, гдѣ студенты и спортсмены собирались для картежной игры. Къ концу втораго года пребыванія въ университетѣ я проигралъ около 6000 ф. ст. и, кромѣ того, задолжалъ всѣмъ пріятелямъ-спортсманамъ". Во время окончательныхъ экзаменовъ у Лабушера вышла большая ссора съ профессорами и, согласно постановленію университетскаго суда, выдача диплома ему была отложена на два года. Послѣ университета Лабушеръ велъ, такъ называемую, „разсѣянную" жизнь. „Въ обществѣ я былъ неловокъ, поэтому сталъ искать компаніи людей, стоявшихъ ниже меня,—говоритъ Лабушеръ въ письмѣ, цитируемомъ авторомъ біографіи.—Я увѣрилъ себя, что я „немного соціалистъ" и поэтому долженъ доказать на практикѣ, что всѣ люди равны. Собственно говоря, развивать какой-нибудь вопросъ я не умѣлъ тогда. Я могъ только „разносить" что угодно. Если сказать правду, то по манерамъ я представлялъ тогда утрированный образчикъ англійскаго невоспитаннаго молодого человѣка, т. е. самаго отвратительнаго *вгу* въ мірѣ".

II.

Когда шестнадцатилѣтній Донъ-Жуанъ скандализировалъ всю Севилью, мать его донья Инеса отправила его въ дальнее плаванье въ сопровожденіи лиценціата Педрильо:

She had resolved that he should travel through
All European climes, by land or sea,
To mend his former morals, and get new,
Especially in France and Italy [1].

---

[1]) „Don Juan", Canto I.

(Она рѣшила, что онъ долженъ путешествовать моремъ или сухимъ путемъ по всѣмъ европейскимъ странамъ, чтобы исправить свои прежніе нравы и пріобрѣсти новые, въ особенности во Франціи и въ Италіи).

Подобнымъ же образомъ Джонъ Лабушеръ, скандализированный поведеніемъ своего сына, тоже рѣшилъ исправить его нравъ продолжительнымъ путешествіемъ. Молодому Лабушеру тоже дали въ дядьки „лиценціата Педрильо". „Черезъ три дня послѣ того, какъ мы тронулись въ путь, мы добрались до Висбадена, гдѣ въ тѣ времена былъ открытый игорный домъ,—писалъ потомъ Лабушеръ.— Здѣсь я почувствовалъ себя, какъ дома, и въ первый же день выигралъ около 150 ф. ст. Мой менторъ, собиравшійся въ гостиницу, вызвался понести туда выигрышъ, чтобы возвратить мнѣ его на другой день. Но на слѣдующій день, когда я потребовалъ деньги, менторъ отвѣтилъ, что отдастъ ихъ только въ томъ случаѣ, если я дамъ обѣщаніе не играть больше въ Висбаденѣ... Я путешествовалъ по Висбадену въ сопровожденіи поводыря, какъ ученый медвѣдь. Съ моимъ вожакомъ мы никакъ не могли столковаться относительно того, какое мѣсто скорѣе всего исправитъ мою нравственность. Мой поводырь стремился изучать природу, тогда какъ меня больше всего интересовали люди. И получилось то, что мы разстались, какъ Авраамъ съ Лотомъ. Мой менторъ бродилъ по Карпатскимъ горамъ, тогда какъ я засѣдалъ за зеленымъ столомъ".

Старикъ Лабушеръ, убѣдившись, что Европа не осуществила возлагаемыхъ на нее педагогическихъ надеждъ, рѣшилъ отправить сына за океанъ, въ Мексику, и второго ноября 1852 г. юноша отплылъ изъ Англіи на пароходѣ *Ориноко*. „Первые десять дней я лежалъ въ каютѣ, терзаемый морской болѣзнью. Нѣкоторыя лица, а въ особенности поэты, находятъ удовольствіе въ морскомъ путешествіи; но я признаюсь, что nil nisi pontus et aer кажется мнѣ самой отвратительной вещью въ мірѣ, въ особенности же, если pontus буренъ". Пребываніе въ Мексикѣ было такъ же поучительно, какъ путешествіе въ Висбаденъ. „Мы высадились въ Вера-Круцѣ, откуда я въ дилижансѣ отправился въ Мексику. Въ два мѣсяца я проигралъ въ карты всѣ мои деньги да на придачу задолжалъ еще 250 ф. ст. Чтобы убѣдить моего ментора, въ рукахъ котораго находились мои капиталы, заплатить мой долгъ, я удалился въ сосѣдній городъ и заявилъ поводырю, что не тронусь съ мѣста, покуда онъ не раскошелится. Здѣсь въ bena caliente, въ маленькой гостиницѣ, я прожилъ цѣлый мѣсяцъ, не имѣя другого товарища, кромѣ трактирщика. На досугѣ я обдумалъ всю мою прошлую жизнь и рѣшилъ начать ее съ начала. Я задавалъ себѣ вопросъ: чѣмъ я отличаюсь отъ толпы заурядныхъ глупцовъ? Какіе у меня особенные таланты? Каковы мои знанія? Я приходилъ къ заключенію, что читалъ очень мало, что въ большинствѣ вопросовъ былъ

круглымъ невѣждой, что я могу спорить, но не въ силахъ излагать стройно какую-нибудь теорію. Я могу говорить со всѣми безъ конца только объ игрѣ. Всѣмъ я разсказывалъ про то, что проигралъ шесть тысячъ ф. ст., такъ какъ, по моимъ соображеніямъ, такой крупный проигрышъ долженъ былъ поднять меня въ глазахъ собесѣдниковъ". Всѣ эти размышленія кончались неизмѣнно большой игрой. Въ одномъ изъ писемъ того времени молодой „Лэбби", не совсѣмъ шутя, говоритъ о карьерѣ... крупье въ игорномъ домѣ.

„Лиценціату Педрильо" надоѣло тянуться вслѣдъ за своимъ Донъ-Жуаномъ и онъ отсталъ гдѣ-то, а молодой Лэбби продолжалъ жизнь, полную приключеній. Онъ пробылъ полтора года въ Мексикѣ, странствуя по различнымъ городамъ. Затѣмъ онъ возвратился въ столицу, т. е. въ Мексику, гдѣ влюбился въ наѣздницу бродячаго цирка. Чтобы быть ближе къ своей дамѣ, Лабушеръ взялся стоять у дверей. Содержатель цирка разсчитывалъ на большую публику, платившую не столько деньгами, сколько натурой: апельсинами и маленькими мѣрками маиса. Требовался кто-нибудь, кто принималъ бы этотъ натуральный гонораръ, и для этого именно приспособили Лабушера. Святому искусству служилъ онъ безплатно. Впослѣдствіи, когда Лабушеръ былъ уже атташе при посольствѣ въ Вашингтонѣ, онъ узналъ, что странствующій циркъ, гдѣ служила его дама, прибылъ въ маленькій городокъ Соединенныхъ Штатовъ. „Я немедленно указалъ послу на нью-іоркскую газету, въ которой сообщалось про шипучее вино „Китауберъ", производимое въ провинціи того же названія, — разсказываетъ Лабушеръ.—Какъ разъ по этой провинціи кочевалъ тогда циркъ. Я сказалъ моему начальнику, что необходимо послать министерству иностранныхъ дѣлъ докладъ объ этомъ винѣ, и предложилъ собрать на мѣстѣ матеріалы о „Китауберѣ" для отчета. Посолъ очень удивился моему внезапному рвенію, такъ какъ я никогда не проявлялъ усердія въ работѣ, но похвалилъ меня и отправилъ собирать матеріалы". Лабушеръ пріѣхалъ въ Китауберъ, засталъ тамъ циркъ, гдѣ служила его прекрасная дама, и явился къ директору, которому объяснилъ, что желаетъ служить безъ жалованья.

„Онъ спросилъ, что именно я умѣю дѣлать? Я отвѣтилъ, что мой лучшій нумеръ — прыжки. Тотчасъ же на аренѣ поставили барьеры и я съ большимъ успѣхомъ показалъ мое искусство. На другой же день Лабушеръ появился на афишѣ подъ такимъ псевдонимомъ: „Вавилонскій козелъ-попрыгунъ". Я выходилъ на арену въ розовомъ трико и съ сѣткой на волосахъ. Прекрасная дама находила, что костюмъ мнѣ очень къ лицу".

Возвратимся однако къ пребыванію Лабушера въ Мексикѣ. Онъ разстался съ циркомъ, когда встрѣтилъ въ С.-Полѣ (тогда этотъ городъ только еще нарождался) партію индѣйцевъ племени Чиппевай, возвращавшихся къ себѣ домой въ степи. Лабушеръ пристalъ къ краснокожимъ, съ которыми кочевалъ потомъ впро-

долженіе шести мѣсяцевъ. Вмѣстѣ съ индѣйцами онъ охотился на бизоновъ, которыхъ тогда еще было много, и жилъ самъ, какъ краснокожій. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ этого въ Лондонъ прибылъ знаменитый въ свое время „Бёффало Билль", который въ молодости былъ знаменитымъ охотникомъ и проводникомъ каравановъ, отправлявшихся черезъ преріи съ востока на западъ. Въ старости, когда не стало ни бизоновъ, ни проводниковъ черезъ преріи, „Бёффало Билль" сдѣлался директоромъ громаднаго цирка. Охотникъ навербовалъ нѣсколько сотъ индѣйцевъ, съ которыми воевалъ когда-то, столько же „коубоевъ", арабовъ и черкесовъ, съ которыми объѣзжалъ большіе города Америки и Европы. Въ послѣдній разъ я видѣлъ всю труппу „Бёффало Билля" въ февралѣ 1905 г. на улицахъ Парижа. Тогда былъ карнавалъ, и нѣкогда знаменитые вожди, въ перьяхъ, съ лицами, покрытыми боевыми красками, приняли участіе въ процессіи, слѣдовавшей по большимъ бульварамъ.

Такъ вотъ, когда „Бёффало Билль" пріѣхалъ со своими краснокожими въ Лондонъ, „Лэбби" узналъ сына знаменитаго воина, съ которымъ кочевалъ въ пятидесятыхъ годахъ по преріямъ. Лабушеръ тогда пригласилъ всѣхъ воиновъ къ себѣ и очень гордился тѣмъ, что еще не вполнѣ забылъ ихъ языкъ. Жена извѣстнаго ирландскаго историка, публициста и парламентскаго дѣятеля Т. П. О'Коннора, которая была у Лабушера, когда онъ принималъ своихъ полудикихъ гостей, приводитъ въ своихъ запискахъ нѣкоторыя подробности о пребываніи молодого „Лэбби" среди краснокожихъ. „Тогда Минниполисъ представлялъ собою крайнюю границу, дальше которой бѣлые не заглядывали. Города еще не было. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Минеаполисъ, находился выселокъ, называвшійся „Порогами св. Антонія". Лабушеръ отправился съ своими пріятелями изъ племени Чиппевай еще дальше на „дикій западъ". Великій вождь Дыра въ Небѣ относился очень дружески къ Лабушеру. Когда молодой англичанинъ гостилъ шесть недѣль въ вигвамѣ вождя, то пріѣзжему прислуживала сестра знаменитаго воина. Никто во всемъ племени не жарилъ съ такимъ удивительнымъ искусствомъ дичь въ ямѣ, наполненной углями. Дичи тогда было еще такъ много, что степныхъ курочекъ можно было убивать прямо палкой. Бизоны тоже водились въ изобиліи. Лабушеръ былъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ племени. Ему разрѣшили даже смотрѣть, правда, только сквозь щелку вигвама, на священную пляску чиппевай, которую не долженъ видѣть ни одинъ чужестранецъ. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ сынъ Дыры въ Небѣ, вмѣстѣ съ другими славными воинами, исполнялъ эту самую священную пляску въ Лондонѣ, въ циркѣ Олимпія, передъ нѣсколькими тысячами чужестранцевъ".

Родные Лабушера ломали голову, не зная, что дѣлать съ молодымъ человѣкомъ и къ какому дѣлу приспособить его. Наконецъ,

дядя „Лэбби“, лордъ Тонтонъ, рѣшилъ, что самая подходящая карьера для его племянника будетъ—дипломатическая. Лабушеръ находился на „дикомъ западѣ“ въ Соединенныхъ Штатахъ, когда узналъ про то, что назначенъ на должность атташе при посольствѣ въ Вашингтонѣ. То было въ іюлѣ 1854 г.

Лабушеръ относился къ своей дипломатической дѣятельности, какъ къ шуткѣ. Съ этою дѣятельностью связанъ рядъ анекдотовъ, характеризующихъ Лэбби. „Американскій гражданинъ зашелъ разъ въ посольство, чтобы видѣть посла, — разсказываетъ авторъ біографіи.

— Я хочу видѣть *хозяина* (the boss), — сказалъ посѣтитель.

— Вы не можете видѣть его,—отвѣтилъ Лабушеръ,—но я къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, вы не годитесь. Мнѣ надобенъ самъ *хозяинъ*. Я подожду,—сказалъ американецъ.

— Хорошо, — спокойно согласился атташе и принялся писать письма. Проходитъ часъ, два, три. Атташе пишетъ, а американецъ ждетъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Я торчу здѣсь вотъ уже три часа. Неужели *хозяинъ* еще не возвратился?

— Нѣтъ. Съ вашего мѣста вы увидите его, когда онъ подъѣдетъ къ дверямъ.

— А когда онъ пріѣдетъ, по вашимъ разсчетамъ?

— Видите-ли, онъ уѣхалъ вчера въ Канаду. По моимъ соображеніямъ, онъ пріѣдетъ черезъ шесть недѣль“.

Или вотъ еще анекдотъ. Лабушеръ былъ уже переведенъ въ Петербургъ. Въ посольство, гдѣ работалъ Лабушеръ, вошелъ необыкновенно знатный и гордый нѣмецъ, пріѣхавшій тогда въ столицу. Посѣтитель надменно заявилъ, что желаетъ видѣть посла.

— Пожалуйста, возьмите стулъ,—предложилъ атташе.

— Молодой человѣкъ!—вскипѣлъ знатный нѣмецъ.—Да знаете ли вы, кто я?—Тутъ онъ назвалъ важный титулъ. Лабушеръ изобразилъ на своемъ лицѣ необыкновенное благоговѣніе.

— Пожалуйста, возьмите *два* стула,—подобострастно сказалъ онъ.

Къ пребыванію въ Вашингтонѣ относится случай, про который Лабушеръ повѣствуетъ съ своей обычной откровенностью „циника“. „Меня послали въ Бостонъ, гдѣ находились тогда ирландскіе заговорщики, подготовлявшіе на почвѣ Соединенныхъ Штатовъ возстаніе въ Ирландіи. Я остановился въ маленькой гостиницѣ и записался подъ вымышленнымъ именемъ. Вечеромъ я отправился въ игорный домъ, гдѣ проигрался въ пухъ. У меня осталось лишь полдоллара. Я возвратился въ гостиницу, гдѣ легъ спать, довольный моими подвигами. На другое утро судебный приставъ описалъ всю гостиницу за долги и предложилъ всѣмъ пріѣз-

жимъ въ ней или уплатить немедленно по счетамъ, или убраться безъ вещей. Такъ какъ денегъ у меня не было, то пришлось разстаться со всѣмъ багажомъ. Мнѣ оставалось только написать въ Вашингтонъ о деньгахъ и ждать два дня, покуда онѣ прибудутъ, что я и сдѣлалъ. Въ первый день я бродилъ по городу и израсходовалъ весь мой наличный капиталъ въ пятьдесятъ центовъ на ѣду. Было лѣто, и ночь я провелъ на скамьѣ на площади. Утромъ я отправился въ бухту, чтобы умыться. Я чувствовалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ заботъ и волненій цивилизаціи; худо было только то, что не на что было позавтракать. Голодъ увеличивался, а къ вечеру сталъ такъ мучителенъ, что я зашелъ въ ресторанъ и заказалъ обѣдъ. У меня была только смутная идея, какъ я заплачу по счету, и я возлагалъ надежды на пальто, которое можно было оставить въ видѣ залога. Въ тѣ дни бостонскіе рестораны помѣщались большею частью въ погребахъ. У дверей была стойка, за которой сидѣлъ владѣлецъ и получалъ деньги. Когда я ѣлъ обѣдъ, то замѣтилъ, что всѣ лакеи ирландцы не спускаютъ глазъ съ меня и, повидимому, обмѣниваются замѣчаніями на мой счетъ. Мнѣ уже начинало казаться, что они знаютъ состояніе моихъ финансовъ. Но вотъ одинъ изъ этихъ ирландцевъ подошелъ ко мнѣ и шепнулъ:

— Простите, пожалуйста, не вы ли патріотъ Михеръ?

Михеръ былъ феній, помогавшій Смиту О'Брайену въ организаціи возстанія, сосланный въ Австралію и бѣжавшій оттуда въ Соединенные Штаты. Я мигнулъ многозначительно и приложилъ палецъ къ губамъ: „Понимай, значитъ!" Немедленно всѣ въ погребкѣ знали, что Михеръ здѣсь. Передо мною поставили лучшія блюда и самое отмѣнное вино. Когда я воздалъ должное тому и другому, я смѣло подошелъ къ стойкѣ и потребовалъ счетъ.

— Отъ человѣка, какъ вы, пострадавшаго за общее дѣло, я не могу взять денегъ,—торжественно отвѣтилъ хозяинъ, тоже ирландецъ.—Позвольте только собрату-патріоту пожать вамъ руку.—Я позволилъ. Затѣмъ я обмѣнялся также рукопожатіями со всѣми лакеями и вышелъ съ гордымъ видомъ патріота въ изгнаніи. Ночь я опять провелъ на скамьѣ, а на другое утро опять умылся на берегу. Затѣмъ отправился на почту, получилъ денежное письмо изъ Вашингтона и позавтракалъ уже не какъ патріотъ" [1]). Въ тотъ же день „Лэбби" послалъ хозяину погребка, гдѣ обѣдалъ наканунѣ, двадцать пять долларовъ.

III.

Скоро Лабушера перевели изъ Вашингтона въ Мюнхенъ, къ великому неудовольствію молодого дипломата. Лабушеръ до конца

[1]) „The Life" etc., стр. 43—44.

жизни былъ восторженнымъ поклонникомъ Сѣверо-Американской республики и постоянно противопоставлялъ простоту ея правительства той дорогой чопорности, которую наблюдали въ Европѣ. Въ Мюнхенъ Лабушеръ пріѣхалъ въ декабрѣ 1855 г. „Старый король Людвигъ былъ еще живъ, но онъ уже окончательно рѣшилъ играть дурака въ отношеніи къ танцовщицѣ Лола Монтесъ". Въ баварской столицѣ Лабушеръ пробылъ недолго и „въ интересахъ службы" былъ переведенъ въ Стокгольмъ, гдѣ случился эпизодъ, описаніе котораго характерно для манеры Лэбби говорить о себѣ. „Въ Стокгольмѣ я ужасно повысился въ глазахъ моего начальства, за то, что вызвалъ на дуэль австрійскаго chargé d'affaires,—разсказываетъ Лабушеръ.—Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе нелѣпое, чѣмъ этотъ поединокъ. Въ Стокгольмѣ тогда жилъ англичанинъ, отказавшійся отъ вызова, присланнаго ему однимъ шведомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого англичанинъ отправился въ театръ, гдѣ сидѣлъ въ одной ложѣ съ британскимъ посломъ, т. е. съ моимъ начальникомъ. На слѣдующій день, въ клубѣ, австрійскій chargé d'affaires въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ и меня, выразился, что англичане имѣютъ странныя понятія о чести. Затѣмъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе объ англійскомъ посланникѣ, показывающемся въ обществѣ человѣка, уклонившагося отъ поединка. Я отвѣтилъ, что англичане не такъ глупы, чтобы драться на дуэли. Потомъ я прибавилъ, что англійскій посланникъ не совершилъ ничего безчестнаго, показавшись въ театрѣ со своимъ соотечественникомъ. Такъ какъ всѣ полагали, что я долженъ вызвать австрійца на поединокъ, то я поручилъ мое дѣло французскому и прусскому посламъ. Черезъ нѣсколько часовъ мои секунданты возвратились. Я ждалъ, что они скажутъ: „Австріякъ извиняется". Ничуть не бывало. Мои секунданты съ выраженіемъ полнаго удовольствія на лицѣ сообщили мнѣ, что все устроено и что завтра въ семь часовъ утра мы деремся на пистолетахъ. Наступило это утро. Секунданты явились ко мнѣ крайне опечаленные.

— Я потерялъ формочку для пуль отъ моихъ дуэльныхъ пистолетовъ, — сказалъ пруссакъ.—Намъ пришлось поэтому занять пару пистолетовъ, за вѣрность боя которыхъ я не могу поручиться. — Хотя это сообщеніе меня обрадовало, но я тоже выразилъ большое огорченіе. Мы усѣлись за ранній завтракъ.

— Вы молоды, а я старъ, — началъ французъ.—Будь я моложе, то охотно занялъ бы ваше мѣсто.—Внутренне я пожалѣлъ, что этотъ обмѣнъ не можетъ состояться, но постарался показать видъ, будто мнѣ ужасно нравится роль дуэлиста. Я даже улыбнулся, чтобы показать всю степень моей радости. Затѣмъ мы отправились въ паркъ. Мой противникъ еще не прибылъ, но за то тамъ, гдѣ должна была состояться дуэль, уже шагалъ взадъ и впередъ докторъ.

— Все можетъ случиться,—торжественно обратился ко мнѣ пруссакъ.—Не хотите ли вы мнѣ выразить вашу послѣднюю волю на случай, если?..—Тутъ онъ вздохнулъ глубоко.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—У меня нѣтъ никакихъ порученій.— Тутъ я взглянулъ на шагавшаго взадъ и впередъ доктора. „Ну, не идіотъ ли я, подставляя лобъ подъ пулю австріяка для установленія принципа, что англичанинъ имѣетъ право отказываться отъ дуэли?"—подумалъ я. Во всемъ этомъ дѣлѣ не было логики. Быть убитымъ—достаточно плохо; но еще хуже лишиться жизни парадокса ради.

Наконецъ явился австріецъ въ сопровожденіи своихъ секундантовъ. Никогда въ жизни я не чувствовалъ себя въ болѣе удрученномъ состояніи. Австріецъ стоялъ на одномъ концѣ лужайки, а я — на другомъ. Докторъ, повидимому, разсматривалъ уже меня, какъ паціента. Секунданты совѣщались въ сторонѣ. Затѣмъ французъ отмѣрилъ двѣнадцать шаговъ. Ноги у него были коротенькія, и я пожалѣлъ, что они не длиннѣе. Затѣмъ начали заряжать пистолеты. Я слыхалъ, что секунданты не кладутъ пули и это было успокоило меня, но только на мгновеніе, потому что раздался стукъ молоточковъ о шомполы. Меня поставили противъ моего врага.

— Теперь слушайте сигналъ,—началъ пруссакъ,—При словѣ „три"—стрѣляйте. Готовы ли вы, господа?

Мы оба кивнули головой.

— Разъ, два, три! Стрѣляйте!

Мы оба выстрѣлили и остались невредимы. Я почувствовалъ большое облегченіе, но вдругъ, къ крайнему моему ужасу, французъ выступилъ впередъ и сказалъ мнѣ:

— Я думаю, что могу добиться еще одного выстрѣла для васъ; но только помните, что третьяго выстрѣла я не допущу.

— Д-да!—пробормоталъ я.

И мы обмѣнялись еще выстрѣлами съ такимъ же результатомъ. Зная, что мой французъ человѣкъ своего слова, я почувствовалъ, что теперь безопасно могу проявить свою смѣлость. Вотъ почему я потребовалъ, чтобы мы стрѣлялись еще разъ. Секунданты начали совѣщаться. Одно время я сталъ было трепетать, думая, что мое требованіе удовлетворятъ; но безконечно обрадовался, когда секунданты заявили, что, по ихъ мнѣнію, и двухъ выстрѣловъ совершенно достаточно для удовлетворенія чести. Я былъ въ восторгѣ, но притворился, что ужасно несчастливъ. И такой похоронный видъ я сохранялъ на всемъ обратномъ пути".

Лабушеръ гордился тѣмъ, что онъ „циникъ", смотрящій на жизнь, „какъ она есть". Въ „цинизмѣ" и „скептицизмѣ" Лабушера можно было иногда усомниться. Однимъ изъ проявленій „цинизма" Лэбби было постоянное стремленіе при всякой возможности указать, что дипломаты не—таинственные жрецы, „вѣчно холодные,

вѣчно свободные“, погруженные въ разрѣшеніе сложныхъ вопросовъ интернаціональной политики, а простые смертные, иногда очень не умные, надѣленные маленькими страстишками и громаднымъ самолюбіемъ.

„Еслибы вся переписка министерства иностранныхъ дѣлъ была напечатана, то получился бы любопытный матеріалъ для чтенія, — писалъ Лабушеръ въ 1880 г. — Много лѣтъ тому назадъ я былъ атташе при посольствѣ въ Стокгольмѣ; королева шведская, тогда герцогиня Остроготская, родила. Изъ министерства иностранныхъ дѣлъ прибыла шифрованная телеграмма съ поздравленіемъ и съ просьбой сообщить, какъ чувствуютъ себя мать и младенецъ. Такъ какъ британскій посолъ былъ въ отлучкѣ, то во дворецъ отправился я, чтобы передать поздравленіе и узнать о здоровьѣ. Меня принялъ придворный съ необыкновенно торжественнымъ лицомъ. Я сообщилъ ему, зачѣмъ пришелъ, и спросилъ что должно британское посольство протелеграфировать въ Лондонъ.

— Ея королевское высочество чувствуетъ себя хорошо, насколько возможно въ ея положеніи, — отвѣтилъ камергеръ — но ея королевское высочество изволятъ чувствовать маленькую боль въ желудкѣ. По всей вѣроятности, обусловливается это тѣмъ, что вчера у кормилицы въ грудяхъ скисло молоко.

Я составилъ телеграмму, зашифровалъ ее и отправилъ въ Лондонъ“.

Лабушеръ указывалъ въ парламентѣ, что курьеры министерства иностранныхъ дѣлъ иногда ѣдутъ по страннымъ порученіямъ. Константинопольскій посолъ сэръ Генри Бульверъ, напр., отправлялъ курьера въ Лондонъ за особыми пилюлями каждый разъ, когда чувствовалъ нездоровье. По вычисленію Лабушера, каждая коробочка пилюлей обходилась въ 300 ф. ст. „Во всякомъ случаѣ, — прибавлялъ Лэбби — пилюли приносили нѣкоторую пользу сэру Генри и были неизмѣримо болѣе цѣнны, чѣмъ вороха депешъ, отправляемыхъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ“. „Я самъ служилъ въ этомъ министерствѣ десять лѣтъ, — сказалъ разъ Лабушеръ въ парламентѣ. — „Все это время я, главнымъ образомъ, шифровалъ и расшифровывалъ телеграммы. За десять лѣтъ черезъ мои руки прошло не больше пяти телеграмъ, которыя дѣйствительно надо было зашифровать“. Такими пустяками наполнены зашифрованныя телеграммы даже тогда, когда назрѣваетъ важный кризисъ, какъ, напримѣръ, крымская война. Личныя антипатіи и мелкая мстительность отдѣльныхъ дипломатовъ въ значительной степени сплелись тогда съ вопросами международной политики, — говоритъ Лабушеръ. Что касается самаго „Лэбби“, то онъ изъ своей дипломатической дѣятельности вынесъ только рядъ анекдотовъ. Вотъ, напримѣръ, какъ молодой атташе узналъ секреты того государства, въ которомъ жилъ тогда. Прачка Лабушера была очень красива, и онъ близко познакомился съ нею. Она сообщила ему какъ-то, что ея мужъ служитъ набор-

щикомъ въ правительственной типографіи, въ которой печатались по-французски отчеты засѣданій государственнаго совѣта. Наборщикъ, конечно, не зналъ по французски. И вотъ Лабушеръ убѣдилъ свою даму достать ему несброшюрованные листы отчетовъ. Прачка согласилась и приносила ихъ еженедѣльно между накрахмаленными сорочками и воротниками. Надо прибавить, что какъ только лордъ Джонъ Рѣссель узналъ про происхожденіе этихъ листовъ, пересланныхъ ему, онъ немедленно запретилъ атташе пользоваться услугами прачки. „Анекдотъ" этотъ надо назвать, конечно, очень отвратительнымъ словомъ; но „Лэбби" долго потомъ изумлялся щепетильности британскаго министра иностранныхъ дѣлъ и неизмѣнно заканчивалъ свой „анекдотъ" такъ: „Удивляюсь только, зачѣмъ, по мнѣнію Рѣсселя, существуетъ дипломатія?"

Изъ Германіи Лабушеръ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ, но въ промежуткѣ выгадалъ себѣ цѣлый годъ, который провелъ во Флоренціи. Городъ этотъ очень полюбился Лабушеру, великолѣпно знавшему итальянскій языкъ и литературу. Родина Боккачіо такъ нравилась Лэбби, что онъ наѣзжалъ туда, какъ только представлялась возможность, а на старости, покончивъ съ парламентской дѣятельностью, совсѣмъ переселился туда. Во Флоренціи Лабушеръ и умеръ. Такъ вотъ онъ разсказываетъ, какимъ образомъ получилъ возможность прожить цѣлый годъ во Флоренціи, считаясь на службѣ въ другомъ мѣстѣ. „Я находился въ отпускѣ въ Италіи, когда получилъ увѣдомленіе, что ея величеству королевѣ Викторіи благоугодно было назначить меня секретаремъ дипломатической миссіи въ республикѣ Парана,—разсказываетъ Лабушеръ.—Я никогда не слыхалъ про подобную республику. Послѣ долгихъ розысковъ я узналъ, что Парана представляла собою до недавняго времени родъ федеральнаго города и лежитъ гдѣ-то на Ріо-Плата; но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ городъ перестал существовать, какъ независимая единица. Узнавъ это, я спокойно остался въ Италіи, гдѣ продолжалъ получать мое жалованье, какъ епископъ in partibus infidelium. Черезъ годъ я получилъ депешу, болѣе замѣчательную по энергичности, чѣмъ по вѣжливости выраженій. Въ депешѣ лишь спрашивали, что означаетъ мое продолжительное пребываніе во Флоренціи, когда я долженъ находиться въ Паранѣ? Я отвѣтилъ, что весь этотъ годъ разыскивалъ, гдѣ именно находится эта республика, но до сихъ поръ всѣ мои поиски остались тщетными. Я прибавилъ, что немедленно отправлюсь на мой новый постъ, если только министръ иностранныхъ дѣлъ сообщитъ мнѣ, гдѣ республика Парана"...

IV.

Повидимому, Лабушеръ не былъ и тогда такимъ „циникомъ" и „безстыдникомъ", какимъ стремился себя изобразить. Выдающіеся люди, встрѣчавшіе его въ пятидесятыхъ годахъ, писали о

немъ, какъ о „замѣчательномъ оригиналѣ“, талантливомъ, умномъ, образованномъ и добромъ, „притворяющемся циникомъ“ [1]).

Въ „интересахъ службы“ Лабушеръ былъ переведенъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургъ, но тотъ кругъ русскихъ, въ которомъ онъ вращался, ему не понравился. Высшее барство, „стараясь копировать цивилизованную Европу, карикатурило ее“. Въ особенности это видно, когда оно старается показаться „просвѣщенными европейцами“. „Когда русскіе подражаютъ французамъ, то становятся похожи на учителей танцевъ. Когда же они подражаютъ англичанамъ, то напоминаютъ грумовъ“. Помѣщичья жизнь тоже не привлекла Лабушера. По наблюденіямъ его, въ тѣхъ барскихъ усадьбахъ, гдѣ Лабушеръ побывалъ, жизнь исчерпывается „картами, ѣдой и питьемъ, въ особенности послѣднимъ“. Въ карты русскіе „могутъ играть съ утра до вечера и съ вечера до утра“. Лабушеръ прогостилъ день въ усадьбѣ знатнаго барина. Гостей набралось очень много. „Я никакъ не могъ узнать, гдѣ именно я буду спать,—повѣствуетъ Лэбби.—Въ концѣ концовъ я понялъ, что никому изъ гостей не отведена отдѣльная комната. Мы играли и пили до поздняго часа. Затѣмъ гости достали подушки съ дивановъ и прикурнули, гдѣ каждый могъ. Я послѣдовалъ общему примѣру. На другое утро, проснувшись, я тщетно искалъ, гдѣ бы умыться. Тогда я наполнилъ фаянсовую лоханку водой, умылся и утерся скатертью, которую нашелъ въ сосѣдней комнатѣ“.

Послѣ десятилѣтней дипломатической службы въ разныхъ европейскихъ столицахъ, Лабушеръ вышелъ въ отставку. Явилось это послѣдствіемъ маленькаго инцидента. Лѣтомъ 1864 г. Лабушеръ жилъ въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ отдыхалъ за зеленымъ полемъ отъ тяжелыхъ дипломатическихъ трудовъ. И здѣсь именно Лабушеръ получилъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ увѣдомленіе, что атташе повышенъ по службѣ. „Увѣдомляю васъ, — писалъ лордъ Рёссель—что королевѣ угодно было повысить васъ. Вы назначаетесь вторымъ секретаремъ при британскомъ посольствѣ въ Буэносъ-Айресѣ“. Такъ какъ Лабушеру очень понравилось въ Баденъ-Баденѣ и совсѣмъ не хотѣлось ѣхать въ Аргентину, то онъ немедленно написалъ отвѣтъ: „Я имѣлъ честь получить ваше письмо съ увѣдомленіемъ о моемъ повышеніи и командировкѣ въ Буэносъ-Айресъ. Если я, проживая въ Баденъ-Баденѣ, смогу исполнять свои дипломатическія обязанности въ Буэносъ-Айресѣ, то съ удовольствіемъ приму повышеніе“. На это лордъ Рёссель отвѣтилъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ не нуждается больше въ службѣ мистера Лабушера. Такъ закончилась дипломатическая карьера его.

---

[1]) Такъ говоритъ, между прочимъ, сэръ Хорасъ Рёмбольдъ въ своей книгѣ „Recollections of a Diplomat“.

„Лэбби" добился избранія въ парламентъ, но объ его общественной дѣятельности рѣчь будетъ въ слѣдующемъ письмѣ. А теперь скажу, какъ Лабушеръ былъ въ Парижѣ во время осады и что онъ видѣлъ тамъ. Лабушера всегда тянуло быть журналистомъ. Писалъ онъ такъ же остроумно, какъ и разсказывалъ. Передъ франко-прусской войной Лабушеръ пріобрѣлъ пай въ Daily News. Когда началась война, Лэбби предложилъ газетѣ свои корреспонденціи. И онѣ были такъ живы и такъ остроумны, что значительно содѣйствовали матеріальному успѣху газеты. Статьи, подписанныя псевдонимомъ Осажденный Обыватель, до сихъ поръ могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для изученія жизни въ Парижѣ въ началѣ войны и во время осады. Не смотря на то, что тонъ этихъ писемъ веселый и беззаботный, Лабушеръ очень много пережилъ за нѣсколько мѣсяцевъ войны. Извѣстный парижскій корреспондентъ Daily Telegraph, видѣвшій Лабушера до осады и послѣ нея, отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ: „Лэбби ужасно измѣнился. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда мы разстались, онъ былъ молодой человѣкъ. Теперь ко мнѣ явился почти старикъ". Съ перваго же письма Лабушеру пришлось отмѣтить стремительное паденіе монархіи, доведшей великую героическую страну до страшной катастрофы. Наполеонъ III разсчитывалъ собрать 150.000 тысячъ солдатъ въ Мецѣ, 100.000 — въ Страсбургѣ и 50.000 въ Шалонѣ. Затѣмъ, согласно плану, мецская и страсбургская армія должны были соединиться и переправиться черезъ Рейнъ, чтобы принудить южно-германскія государства къ сохраненію нейтралитета. Затѣмъ эта армія идетъ на встрѣчу пруссакамъ. Въ дѣйствительности же вышло далеко не такъ, какъ на бумагѣ. Въ Мецѣ, вмѣсто 150.000, удалось собрать только 100.000. Въ Страсбургѣ, вмѣсто 100.000, оказалось только 40.000 солдатъ. Одна дивизія того корпуса, которымъ командовалъ маршалъ Канроберъ, находилась въ Парижѣ, а другая—въ Суассонѣ. Ни артиллерія, ни кавалерія этого корпуса не были готовы. Ни одинъ корпусъ не былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ, чтобы выступить въ походъ.

Имперія, державшаяся восемнадцать лѣтъ на внѣшнемъ блескѣ и на подавленіи самостоятельной жизни великаго народа, способнаго на героическіе подвиги, — рушилась въ нѣсколько дней. Двадцать восьмого іюля 1870 г. Наполеонъ III отправился въ Мецъ, гдѣ состоялся военный совѣтъ, на которомъ присутствовали маршалы Макъ-Магонъ и Базэнъ. Въ этотъ самый день прусскій кронпринцъ напалъ въ Вейссенбургѣ на часть арміи Макъ-Магона и почти уничтожилъ ее. Генералъ, командовавшій этой арміей (Абель Дуэ), былъ убитъ. Пруссаки взяли тогда 600 плѣнныхъ. Пруссаки подавили численностью: у французовъ было 4000 человѣкъ, тогда какъ у пруссаковъ—25.000. Теперь мы привыкли къ тому, что смерть работаетъ въ громадномъ масштабѣ. Теперь сраженіе, какъ

при Вейссенбургѣ, въ которомъ нѣмцы потеряли 1500 человѣкъ, показалось бы небольшой стычкой. Надо вспомнить только, что за *всю* кампанію 1870—1871 гг. нѣмцы потеряли убитыми 28.000, а ранеными 101.000. Французы пострадали тогда гораздо сильнѣе; но и они потеряли убитыми 156.000 (изъ нихъ, собственно говоря, 17.000 умерли отъ „хорошей жизни" въ германскомъ плѣну) и ранеными 143.000. Теперь, когда убитые исчисляются милліонами, цифры, казавшіяся поразительными въ 1870 г., не могутъ, конечно, импонировать. Но въ 1870 г. битва при Вейссенбургѣ являлась очень большимъ сраженіемъ. Нѣмцы, преслѣдуя правило о молніеносныхъ ударахъ (согласно которому хотѣли дѣйствовать и въ августѣ 1914 г.), и на другой день, послѣ Вейссенберга, напали на другую часть арміи Макъ-Магона при Вёртѣ. Тутъ опять значительный численный перевѣсъ былъ на сторонѣ пруссаковъ Французы потеряли 6000 человѣкъ убитыми и ранеными, тридцать пушекъ и шесть картечницъ. Въ то время, какъ происходило сраженіе при Вёртѣ, армія генерала Фруассара, занимавшая высоты при Саарбрюкѣ, была смята и отброшена къ Мецу. Восьмого августа вся Европа съ изумленіемъ узнала про этотъ рядъ французскихъ пораженій. Никто не ждалъ такого стремительнаго разгрома.

Вообще, такъ называемая „барометрическая" внутренняя политика, находящаяся въ зависимости отъ успѣховъ или отъ пораженій на полѣ битвы,—очень стара. Къ ней часто прибѣгаютъ въ странахъ, гдѣ судьбы народа вырабатываются не имъ самимъ, а для него. „Барометрическая" внутренняя политика можетъ быть формулирована такъ: „Успѣхи на полѣ битвы обратно пропорціональны уступкамъ населенію". Пруссаки надвигались такъ стремительно, что у Наполеона III не было даже времени для осуществленія „барометрической" политики. Кѣмъ-то была послана въ Парижъ ложная телеграмма о блестящей побѣдѣ, одержанной Макъ-Магономъ. Въ телеграммѣ сообщалось, что вся армія кронпринца и самъ онъ взяты въ плѣнъ. Энтузіазмъ парижскаго населенія не зналъ предѣловъ; но мало-по малу народъ началъ узнавать дѣйствительное положеніе дѣлъ и тогда въ настроеніи его наступила вполнѣ понятная реакція. Наполеонъ III прислалъ изъ Меца успокоительную телеграмму, но она не произвела ожидаемаго дѣйствія. Императоръ телеграфировалъ „Tout peut se rétablir", но теперь никто уже не вѣрилъ. Передъ французами былъ тотъ фактъ, что хотя война продолжается всего лишь три недѣли, пруссаки находятся уже на территоріи имперіи. Франція оставалась ею не долго. Полководцы Наполеона III проявили или неспособность, или трусость. Базэнъ напрасно пытался отступить изъ Меца къ Вердену. Пятнадцатаго августа произошла кровопролитная битва при Гравелоттѣ, въ результатѣ которой Базэнъ былъ отброшенъ и долженъ былъ запереться въ Мецѣ. Перваго сентября произошла битва

при Седанѣ, а второго сентября Наполеонъ сдался со всей своей арміей. Пруссаки стремительно двинулись на Парижъ.

Въ своей первой корреспонденціи изъ Парижа въ Daily News Лабушеръ описываетъ, какъ французская столица приняла поразительное извѣстіе о томъ, что императоръ сдался въ плѣнъ. „Тотъ фактъ, что Наполеонъ III сдался въ плѣнъ, сталъ извѣстенъ здѣсь въ посольствѣ вчера утромъ, третьяго сентября. Сегодня утромъ, въ 8 часовъ, населеніе въ свою очередь узнало про катастрофу въ Седанѣ. Я встрѣтилъ толпу человѣкъ въ 2000. Она шла по большимъ бульварамъ, выкликая „La déchéance". Тутъ мнѣ попался знакомый французъ, съ которымъ мы оба вслѣдъ за толпой отправились къ генералу Трошю. Военный губернаторъ Парижа появился наконецъ послѣ того, какъ мы съ полчаса прокричали у него подъ окнами. Какъ только Трошю показался на балконѣ, наступила мертвая тишина, такъ что слышно было каждое слово. Трошю сказалъ, что вѣсть про плѣненіе императора вѣрна. Что же касается требованія со стороны населенія, чтобы ему дать оружіе, то оно не можетъ быть удовлетворено. Трошю выразилъ еще сожалѣніе по поводу того, что милліоны солдатъ, существовавшіе на бумагѣ, въ дѣйствительности не явились. Втеченіе слѣдующихъ двадцати четырехъ часовъ въ Парижѣ произошла безкровная революція". Лабушеръ въ слѣдующей своей корреспонденціи приводитъ нѣсколько эпизодовъ переворота 4 сентября.

„Отъ моста Сольферино до набережной d'Орсэ я наблюдалъ интересныя сцены,—говоритъ Лабушеръ.—Вотъ громадныя казармы, забитыя войсками, которыя только вчера еще, согласно оффиціальному утвержденію, „обожали" Наполеона III и горѣли желаніемъ возможно скорѣе отдать за него жизнь. Теперь въ открытыхъ окнахъ я вижу всюду улыбающихся солдатъ, которые машутъ платками и, въ отвѣтъ на выкликанія толпы, тоже кричатъ: „Vive la République!". Совершенно незнакомые обнимаются на улицахъ. Возлѣ Новаго моста я вижу такую сцену. Толпа приставила лѣстницы и снимаетъ бюсты императора, помѣщенные въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ, какъ выраженіе лойяльности парижскаго населенія. Я видѣлъ, какъ толпа носила потомъ эти бюсты съ смѣшной торжественностью и бросала ихъ черезъ парапетъ моста въ Сену. И когда доносился всплескъ воды, когда изображеніе Наполеона III, которому оффиціальные художники и скульпторы придавали всегда необыкновенно торжественное выраженіе, исчезало,—на мосту раздавались громкіе аплодисменты. Я дошелъ до городской ратуши и убѣдился, что она занята народомъ. На каждомъ балконѣ виднѣлись блузники. Какъ это они попали туда?..

Громадная площадь передъ ратушей занята была національными гвардейцами, большею частью, въ мундирахъ. Національная гвардія обернула свои ружья прикладами вверхъ, какъ знакъ братанья

съ народомъ. Портреты Наполеона III и Евгеніи, висѣвшіе въ банкетной залѣ ратуши, были выброшены на мостовую, гдѣ толпа плясала на нихъ. Всюду толпа была настроена необыкновенно добродушно. На обратномъ пути домой отъ Hôtel de Ville я встрѣтилъ Рошфора, только-что освобожденнаго изъ тюрьмы. Онъ сидѣлъ въ тріумфальной каретѣ и былъ опоясанъ краснымъ шарфомъ. За каретой слѣдовала громадная толпа, кричавшая: „Vive Rochefort". Въ тотъ же день, въ четыре часа пополудни, въ ратушѣ провозглашена была республика и назначено временное правительство, въ составъ котораго вошли Гамбетта, Жюль Фавръ, Пелльтанъ, Рошфоръ, Жюль Ферри, Жюль Симонъ и Эрнестъ Пикаръ. Префектомъ полиціи назначили Кератри, а парижскимъ мэромъ—Араго.

V.

А въ это время пруссаки стремительно надвигались на Парижъ. Десятаго октября они заняли Ланъ. Генералъ Амъ (Hame), командовавшій цитаделью, сдалъ ее, чтобы спасти городъ отъ разгрома. Восемнадцатаго сентября третья армія (кронпринца) заняла Шомъ, а еще черезъ два дня она вступила въ Версаль. Съ того дня правильное почтовое сообщеніе между Парижемъ и остальнымъ міромъ прекратилось. Осажденные посылали письма на воздушныхъ шарахъ или съ почтовыми голубями. Иногда какой-нибудь смѣльчакъ-блузникъ брался пройти черезъ непріятельскую линію: онъ пряталъ письмо въ подошвахъ башмаковъ. Иногда удавалось переслать письма при помощи другихъ хитростей. Изобрѣтательность парижанъ въ этомъ отношеніи была неистощима. Лабушеръ рѣшилъ остаться въ осажденномъ городѣ и находилъ способы пересылать свои корреспонденціи въ Daily News. Крайне замѣчателенъ тонъ всѣхъ этихъ писемъ. „Отъ Трошю я отправился къ знакомымъ, — писалъ Лабушеръ 25 сентября—я нашелъ, что каждый мой знакомый занятъ измѣреніемъ разстоянія, существующаго между его квартирой и прусскими пушками. Одного пріятеля я нашелъ въ погребѣ, на потолкѣ котораго навалено было много тюфяковъ. Мой пріятель вынырнулъ изъ своего подземнаго Патмоса, чтобы поговорить со мною и отдать за одно приказъ объ укрѣпленіи потолка новыми тюфяками. Затѣмъ мой другъ снова спрятался въ погребъ".

„Все обстоитъ благополучно, — писалъ Лабушеръ на другой день, т. е. 26 сентября. — Пруссаки обстрѣливаютъ форты, но покуда еще не бомбардировали городъ. Здѣсь очень скучно. Въ сущности говоря, маленькая бомбардировка развлекла бы насъ... Жизненные припасы становятся съ каждымъ днемъ все дороже и дороже". „Если осада продолжится долго, — писалъ онъ черезъ нѣсколько дней—то горе собакамъ, крысамъ

и кошкамъ!.. У меня тысяча франковъ. Такъ какъ я не могу получать денегъ изъ Англіи, то предвижу то время, когда смогу себѣ дозволить только разъ въ недѣлю такую роскошь, какъ жареная крыса." Еще черезъ два дня Лабушеръ отмѣчаетъ. „Роскошествую. Ѣмъ конину и кошекъ. Послѣднія великолѣпны: Вкусъ у нихъ, какъ у кроликовъ, но только еще лучше". Въ началѣ декабря Лабушеръ описываетъ свой туалетъ: „Мой гороховый пиджакъ изорвался и протерся до нитокъ. Панталоны мои обтрепались внизу и стали отъ пятенъ всѣхъ цвѣтовъ, какъ сорочка, которую Іаковъ сшилъ Іосифу. Что касается бѣлья, то скажу, что прачки въ Парижѣ болѣе не работаютъ вслѣдствіе отсутствія топлива. Кажется, моя сорочка была когда-то бѣлая, хотя я не увѣренъ въ этомъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ я израсходовался на башмаки, превратившіеся въ мученіе. Наконецъ, они лопнули во многихъ мѣстахъ, и теперь я прикрываю ихъ поповскими лиловыми гетрами, которыя пріобрѣлъ на большихъ бульварахъ. До пояса сверху я похожъ на человѣка, промышляющаго кражей собакъ, а отъ пояса я напоминаю епископа".

Парижскія газеты были вышколены правительствомъ Наполеона III и пріучены кормиться ложью и несообразностями. Эти газеты не могли пріобрѣсти другой тонъ съ перемѣной режима. Затѣмъ надо вспомнить, что Парижъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ внѣшняго міра. Лабушеръ въ своихъ письмахъ въ Daily News приводитъ любопытныя выдержки изъ парижскихъ газетъ во время осады. Газеты сообщали, что Мольтке умеръ, что кронпринцъ умираетъ отъ тифа, что Бисмаркъ горитъ желаніемъ начать переговоры о мирѣ, но единственнымъ препятствіемъ является упрямство прусскаго короля. Еще сообщалось, что поляки, служащіе въ прусской арміи, перешли на сторону французовъ, затѣмъ, что баварскія и вюртембергскія войска близки къ мятежу. Изъ того факта, что пруссаки въ одномъ мѣстѣ отодвинули свои форпосты, выводилось заключеніе, что непріятель потерялъ надежду овладѣть городомъ и собирается снять осаду. Или вотъ, напримѣръ, передовая статья, съ которой извѣстная реакціонная газета Gaulois обратилась подъ новый годъ къ пруссакамъ: „Вы, прусскіе нищіе! Вы, прусскіе негодяи! Вы, бандиты и вандалы! Вы взяли все у насъ. Вы насъ раззорили и морите насъ голодомъ. Вы бомбардируете насъ, и мы поэтому имѣемъ неотъемлемое право ненавидѣть васъ отъ всей души. Что-жъ? быть можетъ, когда-нибудь мы простимъ вамъ грабежи, убійства, обобранные города и тяжелое ярмо, наложенное вами. Французскій народъ такъ легкомысленъ и такъ мягкосердеченъ, что можетъ простить все. Не забудемъ мы только одного: что въ этотъ новый годъ остались безъ вѣстей отъ близкихъ намъ людей. Вы получили въ этотъ день отъ вашихъ голубоглазыхъ Гретхенъ письма, представляющія собою удивительный винигретъ изъ кислой капусты, гаруса, незабудокъ, грабежа, бом

бардированія, чистой любви и трансцендентальной философіи.. Ваши отвратительныя рыла получили поцѣлуи по почтѣ; но мы не можемъ получать писемъ. Вы убиваете нашихъ почтовыхъ голубей, подстрѣливаете аэростаты и перехватываете посланія, полныя любви и надеждъ", и т. д.

По мѣрѣ того, какъ осада продолжалась, для Лабушера назрѣвалъ вопросъ о питаніи. „Я отправился провѣдать, какъ идутъ дѣла въ домѣ моего знакомаго на Avenue de L'Impératrice, уѣхавшаго изъ Парижа, — пишетъ Лабушеръ 21 декабря 1870 г. — Слуга, на попеченіи котораго остался домъ, сказалъ мнѣ, что вотъ уже три дня, какъ не удается получать хлѣбъ по карточкѣ. Въ послѣдній разъ, вмѣсто хлѣба, по этой карточкѣ выдали только ломтикъ сыра.

— Чѣмъ же вы живете въ такомъ случаѣ?—спросилъ я.

Слуга оглянулся съ видомъ заговорщика, затѣмъ повелъ меня въ погребъ, гдѣ указалъ на мясо, хранившееся въ бочкѣ.

— Тутъ часть коня, — сказалъ слуга таинственнымъ тономъ убійцы, показывающаго трупъ своей жертвы. — Нашъ сосѣдъ извозчикъ убилъ своего коня. Мы раздѣлили мясо и посолили.

Затѣмъ слуга отперъ шкафъ. Тамъ сидѣлъ громадный котъ.

— Мы его откармливаемъ къ Рождеству, — конфиденціально продолжалъ лакей.—Мы зажаримъ кота и подадимъ его, вмѣсто сосисокъ, съ жареными мышами".

Шестого января 1871 г. Лабушеръ отмѣчаетъ: „Вчера я имѣлъ на обѣдъ кусокъ *Поллукса*. Онъ и братъ его *Касторъ*— слоны, которыхъ недавно убили. Мясо было жестко, твердо и маслянисто. Я настоятельно рекомендую англичанамъ не ѣсть слонины, если они могутъ доставать говядину и баранину. Многіе рестораны закрыты вслѣдствіе отсутствія топлива. Рестораторамъ рекомендуется стряпать на лампахъ, служащихъ и для освѣщенія. И хотя французскіе повара въ состояніи производить чудеса при помощи самыхъ простыхъ матеріаловъ, но и они оказываются безсильны, когда приходится стряпать слонину на лампѣ. Тутъ даже французская изобрѣтательность пасуетъ. Хоботы Кастора и Поллукса проданы по сорока пяти франковъ за фунтъ. Остальныя части достопамятныхъ близнецовъ сбыты по 10 франковъ за фунтъ". Веселое настроеніе не покидаетъ Лабушера. „Вотъ уже нѣсколько дней, какъ пруссаки обстрѣливаютъ насъ гранатами, что дѣлаетъ положеніе дѣлъ болѣе веселымъ,—пишетъ Лабушеръ матери 8 января 1871 г. — Я не думаю, что городъ можетъ долго продержаться. Здѣсь очень холодно, такъ какъ только что срубленныя деревья не горятъ... Прачки не работаютъ, вслѣдствіе отсутствія топлива, поэтому мы всѣ очень грязны... Платье мое разваливается на куски. Могу гордиться тѣмъ, что теперь я знаю вкусъ всѣхъ животныхъ изъ Ноева ковчега... Са-

мое лучшее мясо это — ослятина. Вкуснѣе этого ничего нѣтъ. Ослятина гораздо лучше на вкусъ, чѣмъ говядина или баранина. Въ Парижѣ это быстро открыли, и теперь ослиное мясо продается впятеро дороже конины. У Вуазэна (извѣстнаго ресторатора) можно ежедневно имѣть къ завтраку холодную ослятину. Пусть гурманы въ Англіи попробуютъ это мясо... Крысы не такъ вкусны, какъ ослятина. Жареное мясо ихъ хрящевато и непріятно хруститъ подъ зубами; но въ общемъ крысы представляютъ здоровое и питательное блюдо". Лабушеръ даже совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ устроить „крысиные клубы" для пропаганды этого источника питанія.

Десятаго февраля 1871 г. Лабушеръ черезъ посредство Ротшильда получилъ разрѣшеніе выѣхать изъ Парижа. До Амьена Лабушеръ доѣхалъ сперва въ открытомъ скотскомъ вагонѣ, а потомъ—въ багажномъ отдѣленіи. „Изъ Парижа я выѣхалъ какъ быкъ, а въ Амьенъ былъ доставленъ, какъ чемоданъ", — писалъ потомъ Лабушеръ. Въ семь часовъ вечера Лабушеръ былъ уже въ Кàлэ, гдѣ съ наслажденіемъ съѣлъ обѣдъ, составленный не изъ обитателей Ноева ковчега.

По порядку мнѣ слѣдовало бы теперь разсказать о парламентской дѣятельности Лабушера, но такъ какъ я выдѣляю это въ отдѣльное письмо, то скажу теперь о „Лэбби", какъ о публицистѣ и издателѣ отдѣльнаго журнала „Truth", представлявшаго собою втеченіе многихъ лѣтъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ англійской печати.

VI.

Какъ журналистъ, „Лэбби" старался, прежде всего, быть „циникомъ". Журналъ, по мнѣнію Лабушера, не долженъ ничего „проповѣдывать"; ему не для чего доставлять даже информаціонный матеріалъ. Онъ долженъ отражать индивидуальность публициста, а, наипаче, преслѣдовать насмѣшками неискренность всякаго рода или „humbug", по терминологіи Лабушера, въ области политики, культа, литературы. „До конца жизни Лабушеръ продолжалъ увѣрять, что ничего нѣтъ болѣе смѣшного, чѣмъ журналистъ, смотрящій на себя, какъ на носителя миссіи",—говоритъ біографъ. И это, однако, не мѣшало изданіямъ, предпринятымъ Лабушеромъ, а именно World и Truth, быть наиболѣе независимыми и смѣлыми журналами въ Англіи. Лабушеръ предпринималъ изданіе своихъ журналовъ не ради денегъ. Онъ былъ и безъ того очень богатъ. Когда же журналъ Truth имѣлъ большой матеріальный успѣхъ, то „Лэбби" предоставилъ доходы сотрудникамъ. Лабушеру журналъ надобенъ былъ, прежде всего, для того, чтобы имѣть возможность говорить о чемъ угодно и притомъ говорить въ „стилѣ Лэбби". Лабушеръ писалъ самъ ужасно много. Статьи его — оригинальны по формѣ и по содержанію. Кажется, что примитивнѣе замѣтки о томъ,

что завтра въ театрѣ дебютируетъ новый актеръ Бэлью? А между тѣмъ, замѣтка даетъ поводъ Лабушеру написать интересное воспоминаніе о такомъ же оригиналѣ, какъ онъ самъ. Вотъ что разсказываетъ Лабушеръ. Возвращается онъ разъ послѣ прогулки по Венеціи въ свой отель и видитъ, какъ незнакомый англичанинъ крайне эксцентричнаго вида расплачивается по счету. Багажъ эксцентричнаго джентльмена былъ сложенъ у дверей гостиницы.

— Куда вы ѣдете?—спросилъ Лабушеръ незнакомца.

— Въ Палестину,—отвѣтилъ тотъ.

— Подождите пять минутъ, и я поѣду съ вами.

Лабушеръ взбѣжалъ по лѣстницѣ въ свой номеръ, поспѣшно сунулъ вещи въ чемоданъ и присоединился къ джентльмену, спокойно ждавшему его у входа. Эксцентричнаго джентльмена, оказавшагося священникомъ, звали Монтескіе Бэлью.

Но фамилію и званіе попутчика Лабушеръ узналъ только въ Іерусалимѣ. Каждый вечеръ, когда попутчики разставались, Бэлью вручалъ Лабушеру душеспасительную брошюру съ совѣтомъ „просмотрѣть ее". Священникъ былъ горячо вѣрующій, а Лэбби до самой смерти остался „вольтеріанцемъ", но это не мѣшало имъ очень сблизиться. Въ Іерусалимѣ Лабушеръ узналъ отъ Бэлью, что въ городѣ находится его епископъ, который предложитъ ему, вѣроятно, произнести проповѣдь въ англиканской церкви. „Лэбби" понялъ это, какъ намекъ, что Бэлью хотѣлъ бы видѣть его въ церкви, и соотвѣтственно съ этимъ выработалъ такой планъ. Въ тотъ самый моментъ, когда священникъ началъ проповѣдь, въ церковь вошелъ Лабушеръ въ сопровожденіи громадной толпы арабовъ, которыхъ онъ путемъ бакшиша убѣдилъ идти за собою. Лабушеръ потомъ объяснилъ Бэлью, что желалъ произвести и внушить епископу выгодное представленіе о популярности проповѣдника. То обстоятельство, что епископъ выразилъ недовольство, Лабушеръ объяснилъ „завистью" къ популярности священника. Лабушеръ и Бэлью ссорились каждый день и тѣмъ не менѣе все больше и больше сближались. Столкновенія происходили по поводу каждой мелочи. Ѣдутъ, напримѣръ, путешественники и встрѣчаютъ небольшой ручей.

— Вотъ истокъ Іордана,—объясняетъ Бэлью. Лэбби на это отвѣчаетъ, что у истока Іордана они были три часа тому назадъ и что это совсѣмъ другая рѣчка.

Попутчики такъ горячо поспорили, что Бэлью надулся и впервые въ тотъ вечеръ оставилъ Лабушера безъ душеспасительной брошюры. Но священникъ былъ очень добрый человѣкъ. На другой день они снова встрѣтили какой-то ручей.

— А знаете,—примирительно началъ Бэлью—вѣдь вчера мы оба ошиблись. Вотъ начало Іордана.

— Ну, да, конечно такъ, — согласился Лабушеръ. — Не могу даже понять, какъ это мы сдѣлали ошибку.

Изъ Іерусалима Лабушеръ и Бэлью отправились къ берегамъ Мертваго моря. У священника были длинные сѣдые кудри, которыя онъ ежедневно долго расчесывалъ и поправлялъ передъ зеркаломъ. Это зеркальце почему-то дѣйствовало на нервы Лабушера, который похитилъ его и швырнулъ потихоньку въ воды Мертваго моря, чтобы оно упало среди развалинъ Содома и Гоморры.

„По всей вѣроятности, когда-нибудь знаменитый путешественникъ,—прибавляетъ Лабушеръ—изслѣдуя дно Мертваго моря, извлечетъ это зеркальце. И тогда взгляды археологовъ раздѣлятся: одни ученые будутъ утверждать, что зеркало принадлежало какой-нибудь знатной содомской дамѣ, а другіе неопровержимо докажутъ, что оно представляло собственность гоморрскаго щеголя". Съ того дня Бэлью сталъ причесываться передъ серебряной столовой ложкой. И весь этотъ эпизодъ разсказанъ въ театральной замѣткѣ о дебютѣ актера Бэлью. Этотъ актеръ приходился сыномъ священнику съ сѣдыми кудрями.

Лабушеръ велъ въ своемъ журналѣ финансовый и биржевой отдѣлъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ въ англійскихъ газетахъ. Онъ, говорятъ, былъ замѣчательный дѣлецъ, отлично разбиравшійся въ тонкостяхъ биржи, чутьемъ вынюхивавшій каждый „humbug" (надувательство) въ видѣ грюндерской компаніи и смѣло обличавшій такія общества. Въ Англіи, гдѣ по закону о клеветѣ и диффамаціи накладываются колоссальные штрафы, отъ редактора требуется большое мужество, чтобы обличать грюндеровъ. Чисто мошенническое предпріятіе юридически обставлено такъ, что комаръ носа не подточитъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ такіе грюндеры, какъ Джабетъ Бальфуръ, Гулли или Уайтекеръ Райтъ, попадаютъ на скамью подсудимыхъ. Обычно же грюндеры безнаказанно стригутъ довѣрчивую публику. Лабушеръ всю жизнь въ своемъ журналѣ боролся съ грюндерами. Всю жизнь разоблачаемые грюндеры таскали его въ судъ. Лабушеру это стоило ужасно много; но онъ *постоянно* выигрывалъ процессы, такъ какъ доказывалъ, что былъ правъ. Итакъ, биржевая хроника, которую велъ Лабушеръ, представляла большую цѣнность вслѣдствіе своей независимости; но она представляла по формѣ нѣчто, совершенно исключительное. Лэбби, напримѣръ, пишетъ о мексиканскихъ бумагахъ, упавшихъ въ цѣнѣ, и находитъ возможнымъ ввернуть забавное приключеніе, въ которомъ играютъ роль мексиканскіе разбойники. Или вотъ Лабушеръ обсуждаетъ выгодность греческихъ бумагъ и вспоминаетъ про свои приключенія въ Греціи. Все это сдобрено нѣсколькими анекдотами. Такъ финансовыя обозрѣнія, конечно, не пишутся. Изъ „уваженія къ читателю", ищущему ука-

ваній о цѣнныхъ бумагахъ, авторъ не долженъ, конечно, пускаться въ воспоминанія. Но какое дѣло „Лэбби“ до читателя?

Затѣмъ, кромѣ независимости мнѣнія, въ статьяхъ Лабушера надо отмѣтить еще одну черту. Онъ совершенно лишенъ былъ „шишки почтительности“. „Для Лабушера не было ничего заповѣднаго,—говоритъ его біографъ.—Лэбби инстинктивно находилъ изнанку всего того, къ чему толпа относилась съ благоговѣніемъ. Ему доставляло величайшее наслажденіе указывать на эту изнанку“. Надо прибавить, что разыскиваніе „изнанки“ обусловливалось не завистливостью Лабушера и не злостью его (онъ былъ великодушный и очень добрый человѣкъ), а любовью его къ умственной свободѣ. Лабушеръ зналъ, что героепоклоненіе всегда означаетъ умственное рабство... Знаменитое выраженіе Бюффона Le style c'est l'homme ужь во всякомъ случаѣ относилось къ Лабушеру. Стиль Лэбби совершенно особый и отражаетъ вполнѣ индивидуальность автора. Лабушеръ по складу ума, по манерѣ выраженія и по міровоззрѣнію былъ типичный французъ XVIII вѣка, французъ-„вольтеріанецъ“. За день до смерти, бесѣдуя съ племянникомъ, Лабушеръ коснулся бытія за предѣлами земного существованія. Бесѣду эту я не могу привести, но скажу только, что она обильно уснащена „вольтеровскими“ остротами. Въ вопросахъ подобнаго рода Лабушеръ, собственно говоря, подходитъ гораздо ближе къ Дидро и Гольбаху, чѣмъ къ Вольтеру, котораго пугали рѣшительность и прямолинейность другихъ энциклопедистовъ. Въ девяностыхъ годахъ XIX вѣка „респектабельность“, т. е. почтительное отношеніе ко всему утвержденному, стала своего рода лозунгомъ для многихъ англійскихъ писателей, отрицательно относившихся къ традиціи. „Респектабельность“ эта, т. е. неискренность, стала признакомъ хорошаго тона въ литературѣ. Блестящимъ разрушителемъ условностей явился Бернардъ Шоу; но до него кампанію велъ въ своемъ журналѣ Truth Лабушеръ. Бернардъ Шоу гораздо глубже, чѣмъ Лэбби, копнулъ все условное. Лабушеръ, какъ я сказалъ, боролся, главнымъ образомъ, во имя свободы. У Бернарда Шоу и у Лабушера общее то, что оба они, выражаясь терминологіей Макъ-Грегора, потомки „одинокихъ, сидѣвшихъ на деревьяхъ“.

А теперь перейду къ политической дѣятельности Лэбби.

Діонео.

Буржуазія и трудовая демократія Франціи во время войны.

Непомѣрно затянувшаяся война, расшатывающая экономическій и правовой укладъ воюющей Европы, выдвинула во Франціи важныя и сложныя соціально-экономическія проблемы, властно требующія немедленныхъ рѣшеній. Вокругъ этихъ проблемъ, рѣзко сталкивающихъ интересы имущихъ и трудовыхъ слоевъ, ведется упорная и напряженная борьба, которой французскій демократическій строй и исключительныя условія военнаго времени придаютъ своеобразный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко поучительный характеръ.

Громы войны разбудили національную страсть народа, наэлектризовали его единой волей къ спасенію страны отъ поднявшейся надъ нею угрозы насилія, но эта страсть не покрыла собою основныхъ внутреннихъ антагонизмовъ. И въ то время, какъ армія, въ которой братски смѣшались всѣ классы, стойко и единодушно заграждаетъ дорогу непріятелю, за этимъ живымъ барьеромъ тѣ же классы продолжаютъ, правда, въ нѣсколько измѣненной формѣ, взаимно бороться за свои интересы.

I.

Одной изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ проблемъ, обостренныхъ войной, является, несомнѣнно, проблема финансовая. Деньги — нервъ войны, говорили еще въ старину, когда человѣчество не знало такихъ ужасныхъ, утилизирующихъ всѣ открытія высоко развитой научной техники и поглощающихъ милліарды, войнъ, какъ настоящая. Старое изреченіе теперь получило поистинѣ зловѣщій характеръ, а финансовый вопросъ пріобрѣлъ гораздо большее значеніе, чѣмъ даже вопросъ о „человѣческомъ матеріалѣ“. Для превращенія послѣдняго въ боевую силу требуются, при нынѣшнихъ условіяхъ, колоссальныя суммы. А такъ какъ война затянулась, то добываніе денегъ, укрѣпленіе своей финансовой устойчивости является для каждой изъ воюющихъ державъ вопросомъ жизни и смерти.

Но добываніе денегъ — лишь одна сторона проблемы. Недостаточно добыть деньги, нужно еще, чтобы способы ихъ добыванія были наиболѣе цѣлесообразными, чтобы не упускались изъ виду интересы будущаго развитія страны и ея государствен-

наго хозяйства. Сейчасъ всѣ воюющія державы вынуждены прибѣгать къ займамъ, безъ которыхъ невозможно покрытіе милліардныхъ расходовъ. Элементарная осторожность требуетъ однако, чтобы были созданы теперь же, во время войны, новые финансовые рессурсы. И тутъ проблема сразу принимаетъ соціальный характеръ. На какіе классы общества и въ какой мѣрѣ должно быть возложено новое налоговое бремя? Каждая изъ странъ, участвующихъ въ войнѣ, рѣшаетъ этотъ вопросъ въ соотвѣтствіи со своимъ политическимъ строемъ. Во Франціи этотъ вопросъ долго оставался открытымъ, да и сейчасъ онъ еще, въ сущности, не рѣшенъ. Достаточно сказать, что въ то время, какъ годовой государственный расходъ Франціи увеличился за періодъ войны болѣе чѣмъ въ девять разъ и приближается къ колоссальной цифрѣ въ 50 милліардовъ,—ея государственный доходъ не только не увеличился, но еще слегка уменьшился. Между тѣмъ въ Англіи за періодъ войны доходы государственнаго казначейства поднялись съ 5½ до 12½ милліардовъ франковъ, т. е. почти утроились.

Объясняется это странное явленіе той финансовой политикой, которую съ самаго начала войны проводило французское правительство. Основной принципъ этой политики заключался въ томъ, чтобы во время войны не вводить никакихъ новыхъ налоговъ. Такая политика была чрезвычайно выгодна для имущихъ классовъ, избавляя ихъ отъ необходимости принесенія матеріальныхъ жертвъ на алтарь отечества, —она могла казаться и чрезвычайно искусной, ибо массы, не чувствуя на себѣ тяжести новыхъ обложеній, не имѣли повода выступать съ требованіемъ широкихъ и демократическихъ фискальныхъ мѣропріятій во время войны. Правительство добывало до сихъ поръ нужныя ему суммы двумя примитивными способами: краткосрочными и долгосрочными займами и усиленнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ.

Краткосрочные займы (bons et obligations de défense nationale) приносятъ ежемѣсячно около милліарда франковъ,—долгосрочный внутренній заемъ далъ 15 милліардовъ, а бумажныхъ денегъ уже выпущено на 18 милліардовъ. (Золотой запасъ Франціи достигаетъ сейчасъ 6 милліардовъ франковъ).

Еще въ мотивировкѣ проекта росписи на 1915 годъ Рибо писалъ, что „при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ мы не предлагаемъ вамъ ни ввести новые налоги, ни повысить налоги, уже существующіе. Изъ приведенныхъ цифръ вы можете убѣдиться, какъ затруднено сейчасъ поступленіе налоговъ. Мы не должны помышлять о томъ, чтобы увеличить въ данный моментъ тяготы, переносимыя страной“.

Въ декабрѣ прошлаго года министръ финансовъ еще счелъ возможнымъ оправдывать съ трибуны палаты свою политику страуса. Онъ доказывалъ, что нельзя ни въ коемъ случаѣ сравнивать Францію съ Англіей, „это было бы большимъ заблужденіемъ

и большой иллюзіей". Англія не подверглась нашествію, она работаетъ, ея доходы за время войны не только не уменьшились, но еще увеличились. Англія можетъ платить налоги. Не то во Франціи. Нѣсколько самыхъ богатыхъ и промышленныхъ французскихъ департаментовъ заняты врагомъ, большинство взрослаго населенія на фронтѣ, да и, наконецъ, во Франціи война вообще вызвала болѣе глубокое экономическое замѣшательство, чѣмъ въ Англіи. „Правительство—заявилъ Рибо—не желало предлагать вамъ проектовъ новыхъ налоговъ, и я думаю, что оно поступило правильно. Мы выдержали семнадцать мѣсяцевъ войны съ помощью страны,—правительство желаетъ щадить ее (?!)".

Политика Рибо, его финансовая безпечность, его упорное желаніе щадить интересы господствующихъ классовъ какъ разъ въ моментъ, когда отъ нихъ легче всего можно было бы добиться матеріальныхъ жертвъ, вызывали однако все большее неудовольствіе въ лѣвыхъ кругахъ палаты. Казалось поистинѣ скандальнымъ, что богатый буржуазный классъ Франціи избавленъ отъ необходимости пожертвовать хотя бы небольшой частью своихъ доходовъ въ пользу страны въ столь исключительно тягостное для нея время. Больше того, безконечные займы лишь открывали для буржуазіи возможность для болѣе усиленной эксплуатаціи націи.

Къ тому же, необходимо принять во вниманіе, что устарѣвшая и антидемократическая фискальная система Франціи какъ разъ наканунѣ войны должна была подвергнуться коренной реорганизаціи. Въ 1914 г. въ сенатѣ горячо и страстно обсуждались два финансовыхъ законопроекта, вотированныхъ палатой депутатовъ.

Первый законопроектъ, авторомъ котораго былъ Кайо, упразднялъ четыре главныхъ прямыхъ налога, существовавшихъ до сихъ поръ, и вводилъ вмѣсто нихъ общій прогрессивный подоходный налогъ. Законопроектъ раздѣлялъ всѣ виды доходовъ на семь категорій, причемъ доходы отъ капиталовъ и собственности подвергались болѣе высокому обложенію, чѣмъ доходы чисто-трудовые. Это была основная мѣра фискальной реорганизаціи, — она давала возможность государству наложить свою руку на всѣ источники доходовъ. Второй законопроектъ вводилъ дополнительный и равномѣрный налогъ на доходы, начиная съ пяти тысячъ франковъ. Его максимумъ не долженъ былъ превышать 5%.

Первый законопроектъ встрѣтилъ непримиримую оппозицію въ сенатѣ, — вспыхнувшая война прекратила пренія о немъ. Сенатъ вотировалъ лишь второй изъ названныхъ законопроектовъ, а именно законопроектъ о дополнительномъ подоходномъ налогѣ, но предварительно сильно урѣзавъ его. Достаточно сказать, что максимумъ обложенія былъ пониженъ до двухъ процентовъ. Дополнительный подоходный налогъ не представлялъ большого значенія для демократіи, такъ какъ не упразднялъ старой фискальной системы и не сократилъ ни одного изъ существующихъ налоговъ

Насколько онъ вообще ничтоженъ и какъ мало онъ нарушаетъ интересы буржуазіи, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ цифръ.

Налогъ распространяется на доходы, начиная съ 5.000 франковъ; для семейныхъ плательщиковъ этотъ минимумъ повышенъ до семи тысячъ, онъ повышается далѣе по одной тысячѣ за каждаго ребенка семейнаго плательщика. Холостой гражданинъ, обладающій доходомъ въ 6.000 франковъ, долженъ платить 4 франка налога; семейный, не имѣющій дѣтей и обладающій такимъ же доходомъ, ничего не платитъ. Холостой, получающій 8.000 франковъ дохода, платитъ 12 франковъ,—бездѣтный семейный съ такимъ же доходомъ платитъ всего 4 франка; семейный, имѣющій трехъ дѣтей, начинаетъ платить налогъ, когда его доходъ превышаетъ 10.000, но и въ этомъ случаѣ онъ платитъ лишь 8 франковъ. Холостой съ доходомъ въ 15.000 платитъ 60 франковъ. Прогрессія начинаетъ замѣтно повышаться лишь съ переходомъ къ болѣе крупнымъ категоріямъ доходовъ. Такъ, холостой, получающій 100.000 франковъ годового дохода, долженъ уже платить 1.700 франковъ. Но во всякомъ случаѣ крайній максимумъ налога—2%. По вычисленіямъ министерства финансовъ, указанный налогъ могъ дать государству не болѣе 60—70 милліоновъ франковъ въ годъ. Сумма, какъ видите, прямо ничтожная. И однако въ первые же дни войны правительство поспѣшило заявить, что законъ о дополнительномъ подоходномъ налогѣ, который долженъ былъ войти въ силу съ 1 января 1915 г., не будетъ примѣненъ ранѣе окончанія военныхъ дѣйствій.

Однако, по мѣрѣ того, какъ война затягивалась, палата, въ которой назрѣвало недовольство политикой Рибо, стала настойчиво требовать примѣненія закона.

Буржуазная печать не преминула тотчасъ же начать энергичную кампанію противъ „притязаній“ палаты. Какъ водится, газета „Temps“ держала въ этой кампаніи дирижерскую палочку. Вотъ маленькая цитата изъ этой газеты, всегда вѣрно отражающей умонастроенія наиболѣе культурной и просвѣщенной части французской буржуазіи.

„Когда наканунѣ войны было выдвинуто требованіе этого налога, то партизаны классовой борьбы увидѣли въ немъ средство для созданія того, что они называютъ „кадастромъ состояній“. Дѣло шло въ сущности объ учрежденіи фискальной инквизиціи Противники частной собственности и капиталистическаго общества не сложили оружія. Они теперь стараются ослѣпить глаза ресурсами, которые доставитъ государству личный налогъ. Но вѣдь и въ мирное время, когда законъ можно было бы распространить на всю страну, т. е. и на наши наиболѣе богатые департаменты, занятые сейчасъ врагомъ, онъ не далъ бы даже ста мил

ліоновъ франковъ. Сейчасъ онъ можетъ дать лишь ничтожную сумму" [1]).

Логическимъ выводомъ изъ замѣчаній газеты должно было бы быть требованіе повышенія нормы обложенія. Но буржуазный органъ, исходя изъ того, что налогъ не дастъ большихъ суммъ, энергически возставалъ противъ его примѣненія, характеризуя его, какъ маневръ соціалистовъ.

Замѣчательно, что самъ Рибо не щадилъ усилій, чтобы сломить неуступчивость палаты. Въ бюджетной комиссіи онъ привелъ рядъ аргументовъ противъ введенія дополнительнаго подоходнаго налога во время войны. Онъ ссылался, между прочимъ, на то, что министерство финансовъ не обладаетъ сейчасъ достаточнымъ контингентомъ чиновниковъ для производства операцій, которыхъ требуетъ примѣненіе закона. Онъ напоминалъ также, что громадное число плательщиковъ находятся сейчасъ въ траншеяхъ „лицомъ къ лицу съ непріятелемъ".

Но, не смотря на кампанію буржуазной прессы и усилія министра финансовъ, бюджетная коммиссія, въ которой представлены всѣ партіи, отъ соціалистовъ до крайнихъ правыхъ, единогласно вотировала резолюцію о необходимости немедленнаго примѣненія закона о дополнительномъ подоходномъ налогѣ, съ приданіемъ ему обратной силы. Иными словами, законъ долженъ былъ считаться вступившимъ въ силу съ 1 января 1915 года.

Палата депутатовъ, не смотря на новое выступленіе министра финансовъ въ общемъ засѣданіи, вотировала огромнымъ большинствомъ резолюцію своей бюджетной коммиссіи. Рибо пришлось подчиниться — онъ долженъ былъ еще взять на себя обязанность защищать резолюцію палаты въ сенатѣ.

Сенатъ, какъ и слѣдовало ожидать, не утруждая себя долгими дебатами, отвергъ резолюцію подавляющимъ числомъ голосовъ, но палата не желала сдаваться. Законопроектъ, возвращенный изъ сената, снова былъ ею вотированъ и снова вернулся въ сенатъ. Положеніе послѣдняго стало довольно щекотливымъ. Отвергнуть второй разъ законопроектъ, дважды вотированный палатой,—значило для него вступить въ открытое столкновеніе съ учрежденіемъ, наиболѣе полно выражающимъ народную волю.

Конечно, буржуазная печать не теряла времени и еще болѣе усилила свою кампанію противъ „фискальной ликвидаціи". „Temps" рисовалъ поистинѣ трагическія картины будущаго. Газета снова и снова разоблачала тайныя злокозненныя намѣренія соціалистовъ.

„Не обращайте вниманіе на то, что ставки налога низки,—взывала она.—О, соціалисты хитры. Для нихъ не важны непосредственные результаты,—имъ важна система. Разъ машина будетъ пущена въ ходъ, то она уже не остановится. Фискальная инквизиція будетъ

[1]) Le Temps, 17 Décembre 1915.

развиваться согласно разнузданнымъ демагогическимъ страстямъ. Государство наложитъ свою тяжелую руку на всю совокупность французскихъ гражданъ. Бдительное око фискальной полиціи будетъ слѣдить за всѣми, будетъ проникать въ чужія тайны, въ коммерческіе секреты“.

Профессіональныя организаціи буржуазіи въ свою очередь не дремали. Торговыя палаты и экономическіе союзы выносили резолюціи за резолюціями, протестуя противъ примѣненія во время войны дополнительнаго подоходнаго налога и ссылаясь на то, что такая мѣра парализуетъ начавшееся въ странѣ экономическое оживленіе, столь необходимое въ интересахъ національной обороны.

Но, увы, сенату все же пришлось капитулировать. Одинъ изъ аргументовъ Рибо въ пользу проекта палаты произвелъ особенно сильное впечатлѣніе на французскихъ „pères conscrits“. „Что касается меня,—заявилъ Рибо—то я предпочелъ бы, чтобы примѣненіе закона было отложено, какъ по причинѣ дѣйствительныхъ затрудненій, которыя оно встрѣтитъ, такъ и потому, что результаты, быть можетъ, не будутъ соотвѣтствовать затраченнымъ усиліямъ. Но для того, чтобы отложить, нужно было согласіе всѣхъ партій. Нельзя допустить, чтобы этотъ вопросъ сдѣлался предметомъ споровъ между партіями. Нельзя позволить, чтобы можно было говорить въ странѣ, что тѣ, которые могутъ платить подоходный налогъ, у которыхъ нѣтъ никакихъ основаній, чтобы не платить его, желали найти въ отсрочкѣ примѣненія закона средство для уклоненія отъ исполненія патріотическаго долга. Было бы опасно допустить это“. Сенатъ долженъ былъ уступить настояніямъ Рибо, опиравшагося на двукратный вотумъ палаты. Скрѣпя сердце, сенаторы вотировали законопроектъ, который сдѣлался, такимъ образомъ, закономъ.

Но и послѣ этого буржуазная печать не успокоилась и не признала себя побѣжденной. Ея нападки противъ подоходнаго налога сдѣлались еще болѣе ожесточенными. Для нея важно было дискредитировать во что бы то ни стало ненавистную мѣру, чтобы предупредить возможность ея болѣе широкаго и радикальнаго примѣненія.

Чего же собственно добивались французскіе имущіе классы, какой финансовой политики желали они? Это обнаружилось съ особенной ясностью во время преній по поводу другого законопроекта правительства, законопроекта объ обложеніи спеціальнымъ налогомъ военной прибыли.

II.

Необходимость обложенія спеціальнымъ налогомъ военной прибыли выдвинулась съ особенной настойчивостью послѣ сенсаціонныхъ разоблаченій въ парламентѣ и прессѣ о дѣятельности

многихъ крупныхъ поставщиковъ, наживающихъ темными и „честными" путями громадныя состоянія на почвѣ войны. Общественное мнѣніе было глубоко возмущено и ему нужно было дать удовлетвореніе.

Съ другой стороны, соціалисты энергически требовали обложенія военной прибыли и поставили осуществленіе этого требованія однимъ изъ условій вступленія своихъ лидеровъ въ ряды министерства Бріана.

Въ январѣ правительство внесло въ бюро палаты соотвѣтствующій законопроектъ. Согласно этому законопроекту, обложенію подлежитъ излишекъ средней чистой прибыли, установленной путемъ учета прибылей за 1911, 1912 и 1913 годы. Прибыль, не достигающая пяти тысячъ франковъ или 6% вложеннаго въ предпріятіе капитала, освобождена отъ налога. Размѣръ обложенія опредѣленъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

Излишекъ, не достигающій 10 тысячъ франковъ	5%
„ отъ 10 до 50 „ „	10%
„ „ 50 „ 100 „ „	10%
„ „ 100 „ 200 „ „	20%
„ „ 200 „ 500 „ „	25%
„ свыше 500 „ „	30%

Отъ лицъ, занимавшихся или занимающихся операціями, которыя подводятся закономъ подъ понятіе коммерческихъ, требуется представленіе декларацiи, заключающей всѣ данныя объ ихъ коммерческомъ положеніи. Отъ этого обязательства не освобождаются и мобилизованные,—они имѣютъ лишь право на дополнительную отсрочку. Далѣе, назначается спеціальная коммиссія для разсмотрѣнія полученныхъ заявленій. Она уполномочена производить на мѣстѣ, черезъ посредство агентовъ фиска и въ присутствіи заинтересованныхъ, провѣрку поданныхъ заявленій. Агенты фиска могутъ потребовать отъ лицъ, подавшихъ заявленія, представленія документовъ счетоводства. Наконецъ, налогомъ долженъ быть обложенъ излишекъ прибыли, реализованный втеченіе періода отъ 1 августа 1914 года по истеченіи двѣнадцати мѣсяцевъ послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій.

Основная особенность законопроекта заключается въ томъ, что вводимый имъ налогъ распространяется не на спеціальную категорію лицъ, занимающихся казенными поставками, но на всѣхъ промышленниковъ, торговцевъ и посредниковъ, реализовавшихъ излишекъ прибыли во время войны, причемъ между ними не проводится никакихъ разграниченій. Торговецъ, увеличившій свою прибыль путемъ расширенія своихъ торговыхъ операцій, и посредникъ, нажившій состояніе благодаря ловко полученному подряду, подвергаются обложенію въ одинаковой мѣрѣ.

Вотъ это-то обстоятельство и вызвало раньше всего критику и протесты, какъ со стороны соціалистовъ, такъ и со стороны бур-

жуазныхъ партій и ихъ прессы. Но, конечно, требованія обѣихъ сторонъ были рѣзко противоположны.

„Humanité“ указывало, что даже всѣхъ казенныхъ поставщиковъ нельзя ставить на одну доску. „Всѣмъ извѣстно,—писала газета—что въ то время, какъ одни — и такихъ, несомнѣнно, большинство—выполнили добросовѣстно и безупречно условія контрактовъ, другіе,—а такихъ, увы, очень много—увидѣли въ трагическихъ условіяхъ переживаемаго момента лишь удобный случай для легкаго обогащенія... Если смѣшеніе торговцевъ и промышленниковъ, реализовавшихъ прибыль, благодаря развитію своихъ обычныхъ операцій, съ поставщиками, нормально выполнившими свои обязательства, уже само по себѣ спорно, то смѣшеніе ихъ съ поставщиками, совершившими злоупотребленія, — совершенно недопустимо“ [1]).

Газета, конечно, не требовала, чтобы проектируемый налогъ распространялся лишь на однихъ поставщиковъ. Но она доказывала, что необходимо предварительно подвергнуть тщательной ревизіи всѣ контракты, заключенные казною съ поставщиками. Если обнаружится, что тѣ или иные поставщики назначили слишкомъ высокія цѣны за свои продукты, то нужно будетъ цѣны эти понизить и, кромѣ того, заставить поставщиковъ вернуть казнѣ *весь излишекъ* реализованной ими прибыли, беря въ основаніе учета разумную норму прибыли, которая не должна превышать 10%.

Совсѣмъ иначе разсуждали органы буржуазной прессы. Такъ, напримѣръ, „Temps“ также протестовалъ противъ приравниванія недобросовѣстныхъ поставщиковъ къ добросовѣстнымъ и ко всѣмъ торговцамъ и промышленникамъ. Но, исходя изъ этого, онъ требовалъ, чтобы былъ отклоненъ весь законопроектъ. „Temps“, конечно, не рѣшался взять подъ свою защиту рыцарей легкой наживы, нагрѣвшихъ себѣ руки на скандальныхъ поставкахъ. Но вѣдь для борьбы противъ нихъ существуетъ судебная власть, имѣется, наконецъ, спеціальная парламентская коммиссія, контролирующая закупочныя операціи военнаго вѣдомства. Между тѣмъ, по словамъ газеты, подъ предлогомъ репрессій противъ недобросовѣстныхъ поставщиковъ, законопроектъ правительства имѣетъ цѣлью создать настоящій инквизиціонный режимъ для громадной категоріи добрыхъ французовъ.

„Вотъ чего — увѣрялъ „Temps“—не замѣтили, одушевленные благими намѣреніями люди, удивляющіеся тому, что законопроектъ встрѣтилъ такое энергичное сопротивленіе. Они воображали, что государство, нуждаясь въ деньгахъ, вознамѣрилось обложить спеціальнымъ налогомъ чрезвычайную прибыль, чтобы создать себѣ значительные ресурсы. Но законопроектъ имѣетъ совершенно иное значеніе. Во-первыхъ, его дѣйствіе распространяется на не-

[1]) L'Humanité, 28 Janvier 1916.

ріодъ болѣе долгій, чѣмъ періодъ военныхъ дѣйствій. И уже нѣкоторые ораторы выразили желаніе, чтобы основные принципы законопроекта были включены въ наше фискальное законодательство. Во-вторыхъ, значительное число лицъ, которыя окажутся подверженными новому налогу, показываетъ, какъ велика будетъ непредусмотрительность тѣхъ, которые, обманувшись на счетъ характера законопроекта, будутъ упорствовать въ своемъ нежеланіи признать заключающуюся въ немъ опасность" [1]).

Въ чемъ же та страшная опасность, которая такъ встревожила „Temps"? Она въ той „инквизиціи", которую учреждаетъ проектъ закона, предписывая всему торгово-промышленному классу Франціи представлять деклараціи о своемъ коммерческомъ положеніи и уполномочивая агентовъ фиска провѣрять *на мѣстѣ* эти деклараціи.

„Даже ограниченное періодомъ, который указанъ въ первомъ проектѣ закона,—писалъ „Temps"—обложеніе прибылей посѣетъ въ странѣ безпокойство и создастъ затрудненія, не желая предвидѣть которыя, палата совершаетъ очень большую ошибку... Обложить прибыль—это значитъ поистинѣ обезкуражить съ легкимъ сердцемъ всякую инициативу и рисковать разрушить во Франціи духъ предпріимчивости" [2]).

Профессіональныя организаціи буржуазіи и па этотъ разъ не преминули выступить на сцену. Въ печати появился рядъ ихъ протестующихъ резолюцій. При этомъ всю силу своего негодованія онѣ направляли противъ пункта объ обязательной деклараціи, которая каждому французскому буржуа кажется покушеніемъ на самыя священныя его права. Извѣстно, что еще при обсужденіи проекта Кайо о подоходномъ налогѣ борьба вокругъ параграфа объ обязательной деклараціи, заключавшагося въ этомъ проектѣ, вызвала особенный разгаръ страстей.

Парижская торговая палата въ своей резолюціи напомнила парламенту, что въ свое время онъ долженъ былъ капитулировать въ вопросѣ о деклараціи „передъ болѣе чѣмъ обоснованными и энергическими протестами всѣхъ представителей торговли и промышленности". И вотъ эту-то мѣру, которая даже въ мирное время была признана недопустимой, желаютъ осуществить сейчасъ, не взирая на тяжелыя условія, въ которыхъ находится страна. „Возсоздать въ настоящій моментъ причины разногласій, столь серьезныхъ, было бы тяжелой ошибкой, противъ которой палата считаетъ своимъ важнѣйшимъ долгомъ протестовать и бороться до конца (jusqu'au bout!)". Терминъ „jusqu'au bout", который употребляютъ патріоты, имѣя въ виду войну съ Германіей, усвоенъ, какъ видимъ, парижскими капиталистами и для внутренней войны.

---

[1]) "Le Temps" 13 Fevrier 1916.

[2]) „Le Temps", 19 Fevrier 1916.

Резолюціи другихъ профессіональныхъ организацій буржуазіи были проникнуты такимъ же воинственнымъ духомъ.

Но особенно ярко принципы той финансовой политики, которой добиваются французскіе имущіе классы, были формулированы въ самой палатѣ депутатовъ Лазаромъ Вейлеромъ, крупнымъ заводчикомъ и милліонеромъ. Его рѣчь вызвала настоящій энтузіазмъ на скамьяхъ правыхъ и умѣренныхъ и горячее одобреніе всѣхъ органовъ буржуазіи. Ораторъ раньше всего старался доказать, что нельзя проводить аналогію между германской и французской промышленностью. Германія создавала свою промышленную организацію втеченіе десятилѣтій и, сознательно готовясь къ войнѣ, приспособляла ее къ военнымъ цѣлямъ. Французская же индустрія не приспособлялась къ такимъ цѣлямъ; ее пришлось приспособлять къ нимъ уже въ самомъ процессѣ войны. И отсюда прямой выводъ: въ Германіи гораздо легче осуществить обложеніе военной прибыли, чѣмъ во Франціи, гдѣ военная индустрія была импровизирована. Но этого мало. Во Франціи, въ виду импровизированнаго характера ея индустріи, не только трудно ввести обложеніе военной прибыли, но и чрезвычайно опасно сдѣлать это. Для своего успѣшнаго развитія, отъ котораго зависитъ и успѣхъ національной обороны, индустріальное производство нуждается во все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ капиталахъ. Такъ пусть же фискъ не торопится изсушить источники, которые оплодотворяютъ дѣло обороны. Да, наконецъ, развѣ государство, страна, не заинтересованы въ томъ, чтобы обогащались промышленники? Чѣмъ богаче будутъ послѣдніе, тѣмъ надежнѣе и обильнѣе будутъ финансовые рессурсы государства.

„Богатство, патетически восклицалъ Вейлеръ, является резервуаромъ, который питаетъ и не обладающихъ собственностью. И еслибы я не участвовалъ въ индустріальныхъ битвахъ, за что упрекаютъ меня мои соціалистическіе коллеги, и могъ разсуждать съ спокойнымъ безстрастіемъ фисософа, то я потребовалъ бы, чтобы не только не наказывали, но чтобы награждали тѣхъ, которые въ эти трудныя времена сумѣли честно увеличить свои рессурсы. Кто, какъ не они, сможетъ оплодотворить нашу землю, землю, опустошенную войной и взрастить на ней завтра пышную жатву будущаго? Довѣрьтесь, господа, промышленникамъ Франціи, которые уже съимпровизировали много великаго, но которые еще не закончили своего дѣла!“.

Итакъ, не надо мѣшать буржуазіи обогащаться на почвѣ войны, на почвѣ всеобщаго и небывалаго народнаго бѣдствія,—не надо стѣснять ея дѣятельности налогами, воздвигать фискальныя рогатки на ея пути къ чрезмѣрному обогащенію. Пусть государство не безпокоится на счетъ своихъ финансовыхъ рессурсовъ—буржуазія дастъ ему денегъ, сколько понадобится, платите ей лишь хорошіе проценты.

Не трудно понять, насколько выгодной была бы такая финансовая политика для господствующихъ классовъ; она не только избавила бы ихъ отъ необходимости принесенія матеріальныхъ жертвъ въ пользу націи, но еще закабалила бы имъ экономически современное и цѣлый рядъ грядущихъ поколѣній французовъ...

Но тѣмъ не менѣе ни правительство, ни палата не могли открыто одобрить эти принципы финансовой политики. И вотъ, та же самая палата, въ которой большое число депутатовъ бурно апплодировало Вейлеру, вотировала всѣми голосами противъ одного проектъ объ обложеніи военной прибыли.

Однако означало ли это, что правящіе круги Франціи рѣшительно ступили на путь демократической политики въ финансовой области? Законопроектъ, вотированный палатой, долженъ еще пройти черезъ сенатъ, и если даже послѣдній и утвердитъ его безъ сильныхъ искаженій, то общій курсъ финансовой политики Франціи отъ этого еще не измѣнится. Обложеніе одной лишь военной прибыли вѣдь ни въ коемъ случаѣ не можетъ замѣнить дѣйствительнаго прогрессивнаго подоходнаго налога, не можетъ осуществить принципы широкой справедливости въ фискальной области.

Правительство боялось демократіи и дѣлало видъ, что идетъ на крупныя уступки, но оно не менѣе боялось и имущихъ классовъ. Рибо, почти безъ обиняковъ, высказалъ это въ своемъ отвѣтѣ на декларацію соціалистической парламентской группы, въ которой послѣдняя заявила, что не согласится на введеніе новыхъ косвенныхъ налоговъ, пока не будетъ принятъ сенатомъ проектъ всеобщаго подоходнаго налога, облагающій всѣ виды доходовъ и вотированный еще семь лѣтъ тому назадъ палатой депутатовъ.

„Соціалисты,—сказалъ Рибо—повидимому, опасаются, что финансовое бремя навалится всей своей тяжестью на плечи трудовыхъ классовъ, если теперь же не будутъ вотированы необходимые фискальные законы. Это—опасность воображаемая. Ни въ какомъ законодательномъ собраніи не найдется большинства, которое согласилось бы взвалить на трудовые классы главную тяжесть новыхъ налоговъ. Не найдется ни одного правительства, которое согласилось бы взять на себя такую отвѣтственность". Но... но вмѣстѣ съ тѣмъ министръ боится, что ему не удастся найти систему налоговъ, падающихъ на богатство, не рискуя разрушить столь необходимое въ интересахъ побѣды священное національное единеніе. Итакъ, правительство, въ сущности, намѣревалось проводить въ нѣсколько смягченной формѣ какъ разъ ту политику, которой добиваются имущіе классы.

Но правительство все же не могло удержаться на этой позиціи. Требованія войны оказались слишкомъ властными и ростущія нужды государственной казны — неотложными. И вотъ, ровно черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ Рибо сдѣлалъ въ палатѣ свои

торжественныя заявленія о невозможности облагать въ военное время новыми налогами ни трудовые классы, ни буржуазію, правительство внесло въ бюро парламента финансовый законопроектъ, сильно повышающій цѣлый рядъ старыхъ налоговъ и учреждающій новые. Правительство предложило повысить обложеніе всѣхъ классовъ общества, но далеко не къ выгодѣ трудовыхъ слоевъ его. Краткое ознакомленіе съ законопроектомъ тотчасъ же обнаруживаетъ это.

Раньше всего *удваиваются* три изъ четырехъ прямыхъ налоговъ (поземельный, личный съ движимой собственности, патентный), составлявшихъ основу отжившей и глубоко антидемократической фискальной системы Франціи, что должно дать казнѣ новый доходъ въ 275 милліоновъ франковъ. Затѣмъ повышается отъ 2 до 5% максимумъ только-что вотированнаго парламентомъ дополнительнаго подоходнаго налога и отъ 4 до 5% доходъ отъ бумажныхъ цѣнностей (за исключеніемъ государственныхъ). Кромѣ того, удваивается также прямо ничтожный налогъ на рудники, копи, экипажи, лошадей, билліарды, клубы и вводится спеціальный налогъ на собакъ. Далѣе, въ проектѣ предложены еще слѣдующія мѣры: повышеніе акциза на алкоголь до 400 франковъ на гектолитръ и временное упраздненіе привилегіи винокуровъ [1]), повышеніе акциза на табакъ, пиво, вино и сидръ, повышеніе акциза на сахаръ въ 15 франковъ на 100 килограммовъ, а также акциза на сушеный виноградъ.

Въ общемъ всѣ предложенныя мѣры должны дать новыхъ 900 милліоновъ. Большая часть этой суммы падетъ всей своей тяжестью на трудовыя массы. Повышеніе подоходнаго налога дастъ всего лишь 60 милліоновъ франковъ,—а налога на доходъ отъ бумажныхъ цѣнностей—38 милліоновъ, а удвоеніе налога на рудники, копи, экипажи, лошадей и т. д. принесетъ не болѣе 27 милліоновъ. Но за то мы имѣемъ удвоеніе трехъ главныхъ прямыхъ налоговъ, за упраздненіе которыхъ втеченіе десятилѣтій не переставала бороться французская демократія (правительство исчислило доходъ отъ этого удвоенія въ 275 милліоновъ, такъ какъ предполагается, что, по случаю войны, часть плательщиковъ не въ состояніи будетъ платить сейчасъ-же) и повышеніе косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія. Одно лишь повышеніе акциза на сахаръ должно дать 90 милліоновъ.

Но что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что въ проектѣ росписи, въ который включены предполагаемые доходы отъ предложеннаго правительствомъ финансоваго законопроекта, не фигурируютъ доходы отъ обложенія военной прибыли. Въ мотивировкѣ

[1]) Винокуры, выкуривающіе коньякъ и прочіе спиртные напитки изъ продуктовъ собственнаго производства, пользуются правомъ на безакцизную выкурку опредѣленнаго количества алкоголя

росписи министръ объяснилъ это тѣмъ, что въ виду разногласій между палатой и сенатомъ по вопросу объ этомъ обложеніи нельзя надѣяться, чтобы эта мѣра могла быть осуществлена въ ближайшее время.

Такъ разрѣшилъ Рибо стоявшую передъ нимъ проблему: создать новые источники государственныхъ доходовъ, не нарушая національнаго единенія. Бросивъ народнымъ массамъ кость въ видѣ повышенія на 98 милліоновъ подоходнаго налога и налога на доходы отъ бумажныхъ цѣнностей, онъ предъявилъ имъ счетъ на сотни милліоновъ.

Естественно, что буржуазная печать встрѣтила сочувственно финансовый законопроектъ правительства. Правда, органы буржуазіи протестовали противъ повышенія дополнительнаго подоходнаго налога, но дѣлали они это ужъ, такъ сказать, по долгу службы. Въ дѣйствительности, удвоеніе трехъ изъ главныхъ прямыхъ налоговъ являлось для имущихъ классовъ гарантіей, что прогрессивный подоходный налогъ, который какъ разъ долженъ замѣнить эти прямые налоги, не будетъ введенъ во время войны. Къ тому же имущіе классы надѣются еще взять въ свое время полный реваншъ.

„Французская буржуазія—писало „Figaro"—проявитъ въ своей совокупности готовность къ жертвамъ въ истинно-французскомъ духѣ, т. е. она приметъ новыя финансовыя тяготы съ тѣмъ же стоицизмомъ, примѣры котораго даютъ ея сыновья на поляхъ сраженій. Отвращеніе и протесты, которые вызвалъ дополнительный налогъ на доходы, являются вполнѣ законными... И если принять еще во вниманіе, что эта мѣра принесетъ казнѣ едва-ли третью часть того, что приносятъ ей старые прямые налоги, то можно съ полнымъ правомъ разсматривать установленный подоходный налогъ, какъ широкую демагогическую операцію, безъ дѣйствительной пользы для государства. Но буржуазія сумѣетъ позже защитить себя противъ этого предпріятія, и она будетъ защищаться съ тѣмъ бо́льшимъ авторитетомъ, чѣмъ охотнѣе она будетъ давать сейчасъ деньги, необходимыя для завершенія побѣды" [1]). Врядъ-ли можно быть болѣе откровеннымъ.

Однако въ демократическомъ лагерѣ проектъ Рибо встрѣтилъ совершенно иное отношеніе. Раньше всего съ рѣзкимъ протестомъ противъ него выступилъ „Comitè d'action", организація, объединяющая представителей Конфедераціи Труда и Федераціи Кооперативовъ съ представителями центральнаго комитета и парламентской группы соціалистической партіи. Въ резолюціи отъ 20 мая „Comitè d'action" провозгласилъ, что „проектъ правительства не сможетъ быть одобренъ представителями рабочаго класса, которые могутъ опасаться, что вся тяжесть военныхъ расходовъ по-

1) Figaro, 21 mai 1916.

степенно будетъ возложена на рабочій и крестьянскій трудъ". Резолюція считаетъ недопустимымъ, чтобы были удвоены старые прямые налоги и въ то же время освобождены отъ обложенія военная прибыль, капиталы и наслѣдства. Она считаетъ также недопустимымъ повышеніе косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости, между тѣмъ, какъ правительство и не думаетъ обложить налогомъ доходы держателей государственной ренты, а подоходный налогъ, по его проекту, долженъ дать лишь 60 милліоновъ. Иными словами, резолюція комитета, выражающаго мнѣніе организованнаго рабочаго класса Франціи, высказываясь противъ финансоваго проекта правительства, требовала обложенія военной прибыли, вотированія спеціальнаго военнаго налога на капиталы, а также налога на наслѣдства и примѣненія прогрессивнаго подоходнаго налога, замѣняющаго старую фискальную систему.

Въ свою очередь, парламентская группа радикальной партіи, самая многочисленная группа палаты, обсудивъ проектъ Рибо, высказалась противъ удвоенія старыхъ прямыхъ налоговъ. Она вотировала резолюцію, требующую, чтобы правительство добилось отъ сената вотированія налога на военную прибыль и основного проекта о налогѣ на всѣ категоріи доходовъ. Наконецъ,—и это самое важное—бюджетная коммиссія палаты депутатовъ, по предложенію соціалистовъ, *единогласно*, при четырехъ воздержавшихся, отвергла проектъ министра финансовъ и предложила правительству добиться отъ сената: 1) вотированія обложенія военной прибыли; 2) вотированія проекта объ общемъ подоходномъ налогѣ.

Итакъ, финансовая проблема уже получила весьма обостренный характеръ. Эта проблема встала во весь ростъ не только передъ правящими кругами, но и передъ народными массами, которыя до сихъ поръ непосредственно не ощущали ея вліянія. Теперь положеніе измѣнилось и борьба вокругъ этой проблемы вступаетъ въ наиболѣе рѣшительный фазисъ. Сейчасъ, когда я пишу эти строки, еще нельзя предвидѣть исхода борьбы. Буржуазія будетъ, конечно, защищаться отчаянно и пуститъ въ ходъ всѣ имѣющіяся въ ея распоряженіи могущественныя средства. Но, въ концѣ концовъ, разрѣшеніе финансовой проблемы въ томъ или иномъ направленіи будетъ зависѣть отъ степени и силы давленія общественнаго мнѣнія массъ, которое сейчасъ, въ военное время, получаетъ во Франціи особенно важное значеніе. Внеся свой законопроектъ въ парламентъ, правительство, въ сущности лишь сдѣлало пробный шагъ. Оно опасалось выступить слишкомъ рѣзко противъ интересовъ буржуазнаго класса и предпочло, чтобы парламентъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи за свой страхъ и рискъ. Мы это видѣли въ вопросѣ о дополнительномъ подоходномъ налогѣ, видѣли отчасти и въ вопросѣ объ обложеніи военной прибыли. Но особенно рельефно эта тактика правительства обнаружи-

лась при обсужденіи сложной и запутанной проблемы объ урегулированіи отношеній между домовладѣльцами и квартирантами, нарушенныхъ квартирными мораторіями.

III.

Въ первые же дни войны правительство, какъ извѣстно, объявило спеціальнымъ декретомъ квартирный мораторіумъ, отсрочившій на три мѣсяца взносъ квартирной платы. Мораторіумъ въ дальнѣйшемъ возобновлялся съ легкими измѣненіями каждые три мѣсяца,—онъ дѣйствуетъ еще и понынѣ. Я не буду здѣсь останавливаться на подробностяхъ мораторнаго режима,—въ свое время мнѣ пришлось писать въ этомъ въ „Р. Запискахъ" (см. „Р. Записки", августъ 1915). Напомню лишь, что мораторіумъ, въ сущности, распространялся на всѣхъ квартиронанимателей, въ томъ числѣ и подданныхъ союзныхъ и нейтральныхъ державъ.

Франція — единственная изъ воюющихъ странъ, въ которой былъ примѣненъ въ такой широкой мѣрѣ квартирный мораторіумъ. Это обстоятельство само по себѣ уже свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно заботится правительство объ устраненіи причинъ, могущихъ вызвать броженіе или широко разлитое недовольство въ народѣ. Квартирный вопросъ — одинъ изъ самыхъ острыхъ и больныхъ вопросовъ во Франціи, онъ затрагиваетъ насущнѣйшіе и непосредственные интересы громадныхъ слоевъ населенія. На почвѣ всеобщей мобилизаціи и войны этотъ вопросъ могъ бы вызвать глубоко драматическіе конфликты — и правительство, прекрасно понимая положеніе, не остановилось передъ мѣрой, посягающей на священнѣйшія права собственниковъ.

Вначалѣ квартирная проблема, обостренная мораторіумомъ, не казалась слишкомъ сложной, такъ какъ никто не предполагалъ, что война затянется на годы. Но война затянулась, „термы" шли за „термами" и тѣмъ самымъ проблема все болѣе осложнялась. За квартиронанимателями накоплялся все большій долгъ, и было совершенно очевидно, что люди, не имѣющіе возможности уплатить за одинъ лишь термъ, не въ состояніи будутъ послѣ войны удовлетворить своихъ домохозяевъ, когда тѣ потребуютъ отъ нихъ квартирную плату за два года, а, можетъ быть, еще и за большій срокъ. Завязывался, такимъ образомъ, узелъ, распутать который не было никакой надежды и который можно было лишь разрубить. Но какъ разрубить его, не нарушая интересовъ той или иной изъ заинтересованныхъ сторонъ, не рискуя разрушить „національное единеніе"? И правительство, и парламентъ очень долго колебались, все откладывая рѣшеніе опасной проблемы, въ надеждѣ, что удастся какъ-нибудь дотянуть до конца войны,—а тамъ ужь видно будетъ. Но такая политика не удовлетворяла ни домохозяевъ, ни квартиронанимателей. Первые пони-

мали, что чѣмъ дольше продлится режимъ мораторіума, тѣмъ труднѣе имъ будетъ добиться рѣшенія, удовлетворяющаго ихъ интересы. Вторые не желали оставаться въ неизвѣстности на счетъ будущаго, опасаясь, какъ бы послѣ войны домовладѣльцы не затянули на ихъ шеѣ мертвой петли. Начались движеніе и агитація съ обѣихъ сторонъ, образовались многочисленныя лиги домовладѣльцевъ и квартиронанимателей, выставлявшія боевые лозунги и программы.

Домовладѣльцы въ концѣ истекшаго года стали дѣйствовать съ удвоенной энергіей. Потерпѣвъ фіаско, благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ правительства, въ своихъ попыткахъ нарушить всякими способами предписанія мораторныхъ декретовъ, они выдвинули требованіе о немедленномъ упраздненіи квартирнаго мораторіума и полнаго вознагражденія со стороны государства за неоплаченные термы.

Требованія домовладѣльцевъ вызвали сочувственное эхо въ сенатѣ, состоящемъ почти поголовно изъ собственниковъ. Въ концѣ декабря сенаторъ де-Сельвъ, бывшій префектъ департамента Сены и бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, интерпеллировалъ правительство по квартирному вопросу. Эта интерпелляція пролила яркій свѣтъ на психологію и домогательства французскихъ собственниковъ, а также и на тѣ мотивы, которые опредѣлили позицію правительства въ названномъ вопросѣ.

Де-Сельвъ утверждалъ, что значительное число квартиронанимателей имѣетъ полную возможность вносить квартирную плату, но предпочитаетъ прикрываться мораторіумомъ. По мнѣнію сенатора, война сократила доходы далеко не всѣхъ категорій французскаго населенія. Даже многіе мобилизованные сейчасъ зарабатываютъ больше, чѣмъ въ мирное время. Между тѣмъ почти никто не платитъ. Ораторъ особенно возмущался противъ той статьи мораторіума, которая разрѣшаетъ взыскивать плату съ опредѣленнаго разряда квартиронанимателей (до 600 франковъ въ годъ для обычныхъ квартиронанимателей и до 1.200 фр. для лицъ, выбирающихъ промысловыя свидѣтельства) лишь въ томъ случаѣ, если домовладѣлецъ сможетъ доказать ихъ платежеспособность. „Невозможно допустить, — восклицалъ де-Сельвъ—чтобы нормы права были опрокинуты. Не домохозяинъ долженъ доказывать платежеспособность своего квартиронанимателя, а, наоборотъ, послѣдній долженъ доказать, что онъ не можетъ платить. Въ противномъ случаѣ, вы извратите правовыя понятія. Вы дадите укорениться той идеѣ, что можно, не нарушая справедливости, избавить себя отъ необходимости платить за свою квартиру“.

Не думайте, что почтенный сенаторъ, выступивъ въ защиту домовладѣльцевъ, заботился лишь объ интересахъ собственниковъ. Онъ имѣлъ въ виду, по его словамъ, интересы права, справедливости и даже... соціальнаго мира.

„Сенатъ, провозгласилъ онъ патетически, является собраніемъ, гдѣ имѣютъ смѣлость защищать право, гдѣ заботятся о справедливости и соціальномъ мирѣ. Мы вовсе не думаемъ, чтобы мы не обладали политической мудростью, но послѣдняя заключается не въ томъ, чтобы откладывать разрѣшеніе затрудненій, а въ томъ, чтобы ихъ предвидѣть и разрѣшать". И вотъ, повинуясь этой политической мудрости, де-Сельвъ требовалъ, чтобы для наиболѣе многочисленной и бѣдной категоріи квартиронанимателей были отмѣнены основныя гарантіи мораторіума.

На патетическія заявленія и громкія фразы де-Сельва министръ юстиціи отвѣтилъ простымъ изложеніемъ фактическаго положенія вещей. И сразу же выяснилось, какого сорта та политическая мудрость, къ которой взывалъ „умѣренно-республиканскій" сенаторъ.

Остановившись на одномъ Парижѣ, Вивіани привелъ весьма интересныя цифры.

Въ столицѣ и ея предмѣстьяхъ насчитывается 1.145 тысячъ квартиръ, годовая плата за которыя не превышаетъ 600 франковъ. Если считать, что въ каждой изъ такихъ квартиръ обитаетъ, въ среднемъ, три человѣка, то окажется, что квартиры указанной категоріи заняты населеніемъ въ 3 милліона 400 тысячъ душъ. Изъ этого числа нужно вычесть 425 тысячъ человѣкъ мобилизованныхъ, а также 90 тысячъ гражданъ, получающихъ пособія для безработныхъ. Такимъ образомъ, имѣется уже на-лицо болѣе полумилліона лицъ, ни въ коемъ случаѣ не могущихъ вносить квартирную плату. Остается еще приблизительно 2 милліона 800 тысячъ. Нужно предположить, что изъ нихъ третья часть, т. е. 900 тысячъ являются главами семей. Правительство полагаетъ, что для нихъ нужно установить презумпцію неплатежеспособности. Домовладѣльцамъ предоставлено право оспаривать эту презумпцію путемъ представленія доказательствъ. Но возложить обязанность предъявленія доказательствъ на квартиронанимателей и снять ее съ домохозяевъ—было бы чрезвычайно опасно. Нельзя сразу измѣнить положеніе болѣе чѣмъ милліона человѣкъ. Предположимъ даже, доказывалъ Вивіани, что въ случаѣ такого измѣненія только 300 тысячъ человѣкъ будутъ вызваны въ камеры мировыхъ судей— и это большая опасность.

Чтобы всколыхнуть немного застоявшуюся атмосферу сената и заставить сенаторовъ подойти вплотную къ дѣйствительности, Вивіани, членъ правительства, не постѣснялся громко заговорить о „политическихъ соображеніяхъ" и вызвать пугающій призракъ „парижскаго народа".

„Парижъ—сказалъ министръ—живетъ подъ особеннымъ режимомъ. У парижскаго народа была отнята его муниципальная автономія, потому что онъ находится въ особомъ положеніи. Четыре милліона гражданъ сгруппированы въ столицѣ, волненія распространяются среди нихъ легко и быстро, *манифестаціи въ*

столицѣ могутъ принять тревожный характеръ. Хотите-ли вы, чтобы тысячи и тысячи гражданъ были вызваны въ камеры 34 мировыхъ судей департамента Сены?"

Но и эти заявленія министра не убѣдили сенаторовъ, по-своему заботящихся о поддержаніи соціальнаго мира. Сенатъ огромнымъ большинствомъ вотировалъ резолюцію, какъ нельзя лучше характеризующую косный соціальный консерватизмъ французской верхней палаты и буржуазнаго класса Франціи, котораго онъ является подлиннымъ представителемъ.

„Сенатъ,—гласила резолюція — убѣжденный, что нельзя допустить далѣе, чтобы тѣ, интересы которыхъ война нисколько не нарушила, могли думать, будто они будутъ освобождены отъ своихъ обязательствъ, и что мѣры, постепенно приближающія къ обычному праву въ области исполненія контрактовъ, однѣ только могутъ спасти соціальный миръ и общественное довѣріе, переходитъ къ текущимъ дѣламъ".

Итакъ, сенатъ торжественно провозгласилъ, что для спасенія соціальнаго мира необходимо, чтобы милліоны квартиронанимателей были принуждены заплатить своимъ домохозяевамъ свой квартирный долгъ. Буржуазная пресса горячо привѣтствовала это проявленіе политической мудрости сената и подвергла суровой критикѣ заявленія Вивіани, въ которыхъ она увидѣла чуть-ли не угрозу революціей. „Temps", въ особенности, металъ громъ и молнію.

Зачѣмъ Вивіани позволилъ себѣ сдѣлать заявленія, которыя въ устахъ министра получаютъ чрезвычайное значеніе? „Спокойствіе парижскаго народа въ эти трагическіе дни какъ будто не оправдывало этого". Да и можно-ли превращать квартирный вопросъ въ вопросъ политическій?

„Въ сенатѣ, писала газета, г. Вивіани заявилъ, что квартирный вопросъ есть вопросъ политическій, оговорившись, впрочемъ, что послѣднее слово нужно понимать въ его самомъ благородномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ охраненія общественнаго спокойствія. Но уже одно высказываніе той мысли, что вопросъ экономическій, дѣловой и юридическій, какимъ является квартирный вопросъ, можетъ превратиться въ вопросъ чистой политики, является настоящей опасностью" [1]).

Буржуазная пресса и организація домовладѣльцевъ всѣми силами старались доказать, что въ квартирномъ вопросѣ не имѣется и грана политики и что его нужно разрѣшить согласно буквѣ и духу гражданскаго кодекса, предписывающаго строгое и точное исполненіе контрактовъ.

Правда, среди домовладѣльцевъ не было полнаго согласія. Нѣкоторые изъ нихъ выражали готовность пойти на уступки и

---

1) „Le Temps", 24 Décembre 1915.

примириться съ необходимыми жертвами, нѣкоторые, изъ числа наиболѣе прогрессивныхъ и просвѣщенныхъ элементовъ собственническаго класса, присоединились даже съ оговорками къ требованіямъ соціалистовъ, о которыхъ ниже. Но большинство продолжало занимать непримиримую позицію.

Противъ требованій домовладѣльцевъ соціалисты, вмѣстѣ съ лигами квартиронанимателей, выдвинули противоположныя требованія.

Исходя изъ того, что война есть всеобщее бѣдствіе, отъ котораго страдаютъ матеріально всѣ французы, что въ то время, какъ сотни тысячъ гражданъ лишились не только своихъ доходовъ, но и своихъ капиталовъ и сбереженій, у собственниковъ остаются ихъ дома и земельная собственность, что, наконецъ, нельзя допустить, чтобы милліоны воиновъ, проливающихъ свою кровь за отечество, по возвращеніи съ войны оказались въ неоплатномъ долгу у собственниковъ, они формулировали слѣдующую программу: полное освобожденіе отъ квартирной платы всѣхъ мобилизованныхъ; сокращеніе платы для всѣхъ прочихъ квартиронанимателей, пропорціонально сокращенію ихъ доходовъ или заработковъ; что же касается до домовладѣльцевъ, среди которыхъ одни получили полностью со своихъ квартиронанимателей, нѣкоторые получили лишь часть платы, а другіе ничего не получили,—то пусть они организуютъ „солидарность собственниковъ" и распредѣлятъ между собою пропорціонально своимъ потерямъ всю совокупность полученной домовладѣльцами за время войны платы. Государство имъ ничего не должно платить, ибо государство — это налогоплательщики, т. е. тѣ же квартиронаниматели.

IV.

Въ виду возроставшей агитаціи вокругъ квартирной проблемы правительство и парламентскія группы поняли, что необходимо такъ или иначе разрѣшить ее. Въ бюро палаты было внесено около двадцати законопроектовъ; наконецъ, внесло свой законопроектъ и правительство, но онъ вызвалъ жестокое разочарованіе среди демократіи.

Правительственный проектъ устанавливалъ право на сокращеніе квартирной платы для мобилизованныхъ и для тѣхъ категорій квартиронанимателей, которые, согласно мораторнымъ декретамъ, пользовались отсрочкой платы безъ обязательства доказать свою неплатежеспособность. Но сокращеніе распространялось лишь на истекшіе термы, а отнюдь не на будущіе. При томъ и для полученія такого сокращенія на квартиронанимателей названныхъ категорій возлагалась обязанность доказать, что они не въ состояніи заплатить полностью домохозяевамъ, даже если имъ

дана будетъ разсрочка на пять лѣтъ. Всѣ остальные квартиронаниматели обязывались уплатить за всѣ термы, съ самаго начала войны, съ правомъ полученія разсрочки платежа отъ двухъ до пяти лѣтъ. Вопросъ о вознагражденіи домовладѣльцевъ правительственный проектъ оставлялъ открытымъ. Въ мотивировкѣ проекта правительство указывало, что этотъ вопросъ необходимо выдѣлить и разрѣшить его особо.

Обсужденіе этого проекта въ палатѣ должно было начаться въ концѣ января и этому обсужденію предшествовала страстная полемика въ прессѣ.

Противоположныя и рѣзко сталкивающіяся точки зрѣнія были формулированы съ особенной авторитетностью въ „Temps“ и въ „Humanité“.

Органъ буржуазіи допускалъ, что домовладѣльцамъ придется пойти на нѣкоторыя уступки, но считалъ необходимымъ, чтобы при разрѣшеніи проблемы было свято соблюдены принципы французскаго гражданскаго кодекса, составляющіе правовой фундаментъ буржуазнаго строя. Газета не желала считаться съ тѣмъ, что кодексъ былъ составленъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, что съ тѣхъ поръ произошли глубокія измѣненія въ экономической жизни, что, наконецъ, составители кодекса не могли предвидѣть такого явленія, какъ современная война, подъ ударами которой шатается вѣковое зданіе европейской культуры. Нѣтъ, для „Temps“ кодексъ—это, своего рода, скрижали завѣта.

„Temps“ печаталъ восторженные панегирики въ честь „великаго“, „безсмертнаго“ французскаго кодекса, геніальнаго творенія французскаго разума и обрушивался съ страстными упреками на соціалистовъ за ихъ недостаточно благоговѣйное отношеніе къ нему, видя въ этомъ результатъ „заражающаго вліянія зарейнскихъ софизмовъ, которые пропагандировалъ Карлъ Марксъ“. Наконецъ, газета дошла до того, что стала сравнивать нарушеніе принциповъ гражданскаго кодекса съ нарушеніемъ международныхъ договоровъ, совершеннымъ Германіей. Газета призывала дать такой же отпоръ внутреннимъ нарушителямъ права, какой дается внѣшнему врагу, растаптывающему дипломатическія конвенціи.

Въ статьѣ „La loyauté française“ буржуазный органъ доказывалъ, что „уваженіе къ контрактамъ всегда было въ нашей странѣ тѣмъ чувствомъ, которое одухотворяло законодательные акты и регламенты общественной администраціи... Идетъ ли рѣчь о частныхъ сдѣлкахъ или о международныхъ трактатахъ—наше сознаніе въ обоихъ случаяхъ остается одинаково требовательнымъ. Мы приняли рискъ ужасной войны противъ нелойяльной имперіи, которая разрываетъ, какъ „бумажные лоскутки“, дипломатическія конвенціи, на которыхъ зиждется общество націй. Мы твердо намѣрены оставаться послѣдовательными. Мы пойдемъ до конца въ

защитѣ цѣнностей, составляющихъ наше матеріальное, интеллектуальное и моральное достояніе. Наши отцы, трагически разорвавъ съ королевскимъ домомъ, слава котораго не имѣла себѣ равной въ исторіи, пожелали, чтобы новая республика въ первую голову создала систему законовъ, свободно соотвѣтствующихъ идеалу французскаго сознанія. Именно это обстоятельство должно побуждать насъ охранять отъ всякихъ покушеній ихъ твореніе, которому угрожаютъ сейчасъ послѣдователи и соревнователи Карла Маркса" [1]).

Но угрозы буржуазной прессы ничуть не смутили соціалистовъ.

„Пусть страстные защитники собственности берегутся,—писалъ въ „Humanité" депутатъ Парижа, Марсель Кашенъ.—Сейчасъ не время для чрезмѣрныхъ требованій. Въ періодъ, когда неимущіе слои населенія переносятъ столько матеріальныхъ и моральныхъ страданій съ такой душевной стойкостью, болѣе, чѣмъ необходимо, чтобы священное единеніе не оказалось для нихъ лишній разъ пустымъ словомъ. Обсужденіе квартирнаго вопроса въ палатѣ должно вестись въ духѣ самой широкой гуманности, доброты и толерантности. *Нужно забыть брутальныя формулы относительно контрактовъ* и отказаться отъ ихъ талмудическаго толкованія. Мы ничего не желаемъ драматизировать, но тѣ, которые живутъ среди угрожаемаго бѣднаго класса, знаютъ, какое волненіе вызвали въ немъ недавнія рѣшенія нѣкоторыхъ мировыхъ судей. Эти рѣшенія произвели самое плачевное впечатлѣніе въ предмѣстьяхъ и даже въ траншеяхъ. Очень неосторожны и слѣпы тѣ, которые не замѣчаютъ этой серьезной опасности" [2]).

Въ другихъ своихъ статьяхъ талантливый депутатъ съ еще большей рѣзкостью ставилъ вопросъ. Онъ прямо заявлялъ, что „если квартирный вопросъ не будетъ рѣшенъ въ направленіи, диктуемомъ фактами жизни, то это приведетъ къ катастрофѣ" Собственники должны отказаться отъ своихъ недопустимыхъ требованій, они не должны настаивать, чтобы имъ уплатили полностью то, что имъ слѣдуетъ", иначе они создадутъ угрозу для общественнаго спокойствія.

„Небывалыя событія, при которыхъ мы присутствуемъ,—писалъ Кашенъ—требуютъ исключительныхъ законовъ, политическихъ законовъ. Это значитъ, что нужно понять свое время, понять нужды момента и отказаться отъ предубѣжденій, затемняющихъ способность къ ясной оцѣнкѣ положенія. Необходимо, чтобы юристы отказались отъ окаменѣвшихъ формулъ гражданскаго кодекса, чтобы парламентаріи обѣихъ палатъ интерпретировали въ свѣтѣ фактовъ нынѣшнюю цѣнность контрактовъ, заключенныхъ въ мирное время, чтобы экономисты вспомнили о размѣрахъ дороговизны жизни послѣ восемнадцати мѣсяцевъ войны,

1) „Le Temps", 28 Janvier 1916.
2) „L'Humanité", 11 Janvier 1916.

чтобы правительство не декретировало въ пустоту. Короче, необходимо, чтобы среди всеобщаго траура проявились, для успокоенія недовольства, горечи и раздраженія, чувства солидарности и братства. Неужели это значитъ требовать слишкомъ многаго отъ собственниковъ и ихъ защитниковъ?" [1]).

Въ сущности, квартирная проблема, по самому характеру своему, рѣзко противорѣчила всѣмъ принципамъ буржуазнаго права. Для ея разрѣшенія нужно было создать новое право, опредѣленное коллективнымъ интересомъ націи, а отнюдь не интересами частной собственности. Указывая на это, соціалисты лишь констатировали фактъ.

Въ концѣ января началось въ палатѣ депутатовъ обсужденіе проекта правительства, слегка измѣненнаго парламентской коммиссіей гражданскаго законодательства. Представители всѣхъ партій выступили съ длинными рѣчами, и всѣ они критиковали проектъ. Даже ораторы крайней правой признавали, что домовладѣльцы обязаны принести жертвы,—они требовали лишь, чтобы часть этихъ жертвъ была покрыта государствомъ.

Соціалисты аттаковали правительственный проектъ съ большой энергіей и искусствомъ. Рѣчи ихъ ораторовъ, Кашена, Лаваля и Поша, произвели глубокое впечатлѣніе на депутатовъ. Особенно великъ былъ успѣхъ перваго, которому палата устроила бурную овацію, когда онъ въ яркихъ и сильныхъ словахъ показалъ всю несправедливость, кроющуюся въ требованіяхъ домовладѣльцевъ.

„Какъ, восклицалъ Кашенъ, среди всеобщаго бѣдствія, обнаружившагося на всю Францію, право домовладѣльцевъ будетъ по прежнему горделиво и нерушимо возвышаться надъ развалинами всѣхъ прочихъ формъ собственности и труда? Они одни выйдутъ изъ періода общественныхъ несчастій, не понеся ни малѣйшаго матеріальнаго ущерба? Кто осмѣлится одобрить такой тезисъ?".

По мѣрѣ того, какъ развивались общіе дебаты, правительство поняло, что оно идетъ на встрѣчу полному пораженію. Желая избѣжать его, Вивіани предложилъ палатѣ временно прекратить пренія, чтобы дать возможность правительству измѣнить свой проектъ и внести въ него поправки. Дебаты снова возгорѣлись, когда правительство огласило свой измѣненный и исправленный проектъ. Особенно важными были два новыхъ параграфа, вставленные въ него правительствомъ. Первый изъ нихъ совершенно освобождалъ отъ внесенія квартирной платы за все время войны и шести мѣсяцевъ послѣ ея окончанія, но съ правомъ для домовладѣльцевъ доказать ихъ платежеспособность, слѣдующія кате-

[1]) „L'Humanité", 25 Janvier 1916.

горіи квартиронанимателей: 1) въ Парижѣ и его предмѣстьяхъ,— платящихъ не болѣе 600 франковъ въ годъ за квартиру; 2) въ городахъ и коммунахъ, съ населеніемъ, превышающимъ 5 тысячъ жителей, — платящихъ не болѣе 300 франковъ; 3) во всѣхъ прочихъ коммунахъ — платящихъ не болѣе 100 франковъ. Что касается квартиронанимателей, не входящихъ въ перечисленныя категоріи—будь то мобилизованные или нѣтъ, то ихъ квартирный долгъ и квартирная плата *могутъ* быть сокращены лишь при наличности ряда условій, которыхъ я не могу излагать здѣсь подробно. Полное освобожденіе отъ квартирной платы они смогутъ получить лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Второй параграфъ устанавливалъ для домовладѣльцевъ право на вознагражденіе. Этотъ параграфъ возлагалъ на департаменты обязанность уплатить всѣмъ домовладѣльцамъ $^2/_5$ всей суммы невзысканной ими квартирной платы, но при слѣдующихъ двухъ условіяхъ: 1) если домовладѣльцы откажутся требовать отъ своихъ квартиронанимателей плату за неоплаченные термы и выдадутъ имъ росписки въ полученіи; 2) если они обяжутся не выселять своихъ квартиронанимателей втеченіе всего періода военныхъ дѣйствій и шести мѣсяцевъ послѣ ихъ прекращенія. Государство, въ силу этого же параграфа, обязывалось вернутъ департаментамъ половину суммъ, которыя ими будутъ потрачены на вознагражденіе домовладѣльцевъ.

Соціалистическіе депутаты не удовлетворились и новыми поправками, которыя внесло правительство въ свой проектъ.

Они считали недопустимымъ, чтобы квартиронаниматели, платящіе болѣе 600 франковъ, каково бы ни было ихъ положеніе, могли пользоваться только правомъ на сокращеніе своей квартирной платы, да и то лишь условнымъ. Еще менѣе допускали они отсутствіе спеціальныхъ льготъ для мобилизованныхъ. Они, наконецъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ уплаты какого бы то ни было вознагражденія домовладѣльцамъ. И соціалисты стали бороться шагъ за шагомъ, выдвигая противъ каждаго изъ наиболѣе важныхъ параграфовъ проекта свои поправки, нерѣдко рѣзко противоположнаго характера.

Особенно жаркій бой загорѣлся вокругъ двухъ главныхъ параграфовъ, изложенныхъ выше.

Къ первому изъ нихъ соціалисты предложили поправку, въ силу которой освобождались совершенно отъ внесенія квартирной платы, *безъ права для домовладѣльцевъ доказывать ихъ платежеспособность*, всѣ мобилизованные или освобожденные отъ воинской повинности вслѣдствіе болѣзней и ранъ, полученныхъ на войнѣ. Точно также освобождались и всѣ лица, получающія военное пособіе, либо пособіе для безработныхъ, либо регулярное вспомоществованіе отъ коммунальныхъ благотворительныхъ учрежденій. Лица, получающія военное пособіе (жены, дѣти или ма-

тери мобилизованныхъ), освобождались отъ внесенія платы, *каковы бы ни были размѣры послѣдней.*

Не смотря на всѣ усилія соціалистическихъ ораторовъ, эта поправка была, по настоянію правительства, отвергнута палатой. Но тріумфъ министра юстиціи оказался эфемернымъ, какъ мы увидимъ ниже.

Когда дѣло дошло до параграфа о вознагражденіи домовладѣльцевъ, то подъ повторными ударами соціалистовъ позиція правительства стала расшатываться.

Пламенное краснорѣчіе молодого соціалистическаго депутата Лаваля, который велъ аттаку противъ названнаго параграфа, увлекло за нимъ почти всю палату.

„Если вы вознаградите домовладѣльцевъ,—воскликнулъ Лаваль—то что отвѣтите вы рабочимъ, коммерсантамъ, промышленникамъ, которые скажутъ вамъ: „Разъ создается привилегія въ пользу собственниковъ, то мы требуемъ, чтобы и насъ тоже вознаградили за наши потери". Мы просимъ васъ подумать о послѣдствіяхъ,—продолжалъ ораторъ—когда страна узнаетъ, что вы создали привилегію для крупныхъ собственниковъ и что тѣмъ самымъ священное единеніе оказалось нарушеннымъ!".

На помощь Лавалю выступили всѣ депутаты столицы и въ томъ числѣ, ко всеобщему изумленію, депутаты правыхъ партій. Правый депутатъ Борэгаръ, извѣстный экономистъ ортодоксально-буржуазной школы, обрушился съ большимъ пыломъ на злополучный параграфъ о вознагражденіи и подвергъ ѣдкой критикѣ всѣ аргументы правительства въ его пользу, — онъ присоединялся къ требованію соціалистовъ объ организаціи „солидарности домохозяевъ". Было совершенно очевидно, что, по мѣрѣ развитія дебатовъ, огромное большинство депутатовъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія широкихъ круговъ избирателей, все болѣе вынуждено было приближаться къ позиціи соціалистовъ.

Тогда правительство снова предложило временно прекратить пренія и снова взяло обратно свой проектъ для исправленія. Когда проектъ въ третій разъ вернулся въ палату, то оказалось, что онъ подвергся значительной метаморфозѣ. Параграфъ о вознагражденіи домовладѣльцевъ департаментами былъ выкинутъ и вмѣсто него правительство предложило слѣдующую комбинацію. Банкъ поземельнаго кредита (Crédit Foncier) уполномочивается выдавать домовладѣльцамъ ссуду въ размѣрѣ, не превышающемъ 50% тѣхъ суммъ, которыя они не дополучили отъ своихъ квартиронанимателей съ самаго начала войны. Домовладѣльцы, получающіе болѣе 6 тысячъ франковъ годового дохода, обязаны выплачивать занятый ими капиталъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, — они пользуются лишь гарантіей государства. Домовладѣльцы, получающіе доходъ отъ 3 до 6 тысячъ франковъ, выплачиваютъ лишь половину,—вторую половину выплачиваетъ за нихъ государство. Послѣд-

нее выплачиваетъ, наконецъ, полностью за домовладѣльцевъ, получающихъ менѣе 3 тысячъ франковъ въ годъ. При этомъ имѣется въ виду не только доходъ съ домовъ, но общій доходъ владѣльца. Такимъ образомъ вознагражденіе домовладѣльцамъ оказалось сильно ограниченнымъ по размѣрамъ, причемъ категоріи домовладѣльцевъ, получающихъ вознагражденіе, ограничены наименѣе состоятельными изъ нихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство предложило палатѣ вотировать ту самую поправку соціалистовъ о полномъ и безусловномъ освобожденіи отъ внесенія квартирной платы мобилизованныхъ и получающихъ пособія, которая нѣсколькими днями раньше, по его же настоянію, была отвергнута большинствомъ. Вивіани объяснилъ это свое предложеніе тѣмъ, что, такъ какъ изъ проекта выкинутъ параграфъ о вознагражденіи домовладѣльцевъ департаментами, съ которымъ были связаны гарантіи для большинства квартиронанимателей, то необходимо создать для нихъ новыя гарантіи.

Соціалисты одержали, такимъ образомъ, частичную побѣду въ вопросѣ о вознагражденіи домовладѣльцевъ и полную побѣду въ вопросѣ объ освобожденіи отъ платы мобилизованныхъ и получающихъ пособія. Послѣ этого палата приняла еще рядъ другихъ соціалистическихъ поправокъ, ранѣе ею отвергнутыхъ. Такова поправка о томъ, чтобы внесенная квартиронанимателями плата за одинъ или нѣсколько термовъ пошла въ счетъ той суммы, которую квартиронаниматель долженъ будетъ, по опредѣленію спеціальной коммиссіи, уплатить домохозяину за все время войны и добавочные шесть мѣсяцевъ. Была принята также другая важная поправка соціалистовъ, запрещающая домовладѣльцамъ повышать квартирную плату втеченіе трехъ лѣтъ послѣ окончанія войны. Наконецъ, по иниціативѣ соціалистическихъ депутатовъ были вотированы еще двѣ интересныя поправки. Первая запрещаетъ домохозяевамъ удерживать спальную, столовую и кухонную мебель и принадлежности квартиронанимателей, съѣзжающихъ съ квартиры до ликвидаціи своего долга. Вторая значительно расширяетъ категоріи лицъ, которые освобождаются отъ платы, но съ правомъ для хозяина доказывать ихъ платежеспособность. Такъ, максимумъ квартирной платы этихъ лицъ въ провинціи повышенъ, въ общемъ, на 100 франковъ въ годъ,—въ Парижѣ онъ повышается на 100 франковъ за каждаго ребенка квартиронанимателя и только на 100 франковъ, если квартиронаниматель семейный, но не имѣетъ дѣтей.

Лишь въ пунктѣ о способахъ образованія спеціальныхъ коммиссій, которыя будутъ рѣшать вопросы объ освобожденіи отъ платы и опредѣлять размѣры ея сокращенія, правительство и большинство остались непреклонными.

Согласно проекту правительства, каждая изъ такихъ коммиссій должна состоять изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ: двухъ домохозяевъ и двухъ квартиронанимателей. Предсѣдатель коммиссіи

назначается первымъ президентомъ судебной палаты изъ числа членовъ суда, или мировыхъ судей, или совѣтниковъ префектуры,—въ крайнемъ случаѣ можетъ быть назначенъ адвокатъ, состоявшій не менѣе 15 лѣтъ въ адвокатскомъ сословіи. Что же касается членовъ коммиссіи, то они назначаются путемъ двойной и сложной процедуры жеребьевки, матеріаломъ для которой служатъ три списка именъ: домохозяевъ, квартиронанимателей, платящихъ патенты, и всѣхъ остальныхъ квартиронанимателей даннаго округа. Соціалисты находили, что такой способъ образованія коммиссій не даетъ полныхъ гарантій, и предлагали составлять ихъ путемъ избранія всеобщей подачей госос овъ. Но въ этомъ пунктѣ они успѣха не имѣли...

Вивіани назвалъ вотированный палатой проектъ „великимъ закономъ“, закономъ общественной солидарности, и призывалъ всѣхъ принять его честно, безъ задней мысли. Несомнѣнно, что квартирный законъ, не смотря на всѣ его несовершенства, представляетъ собою весьма крупную и оригинальную соціальную мѣру. Этотъ законъ, такъ рѣзко противорѣчащій буржуазному праву, плодъ исключительныхъ условій, созданныхъ войной, а также національныхъ и политическихъ особенностей современной Франціи. Соціалистическіе депутаты все же воздержались отъ вотированія его. Въ своей деклараціи по этому поводу они признали, что многія изъ ихъ требованій вошли въ текстъ проекта; они заявили даже, что еслибы дѣло шло объ его окончательномъ утвержденіи, то они подали бы за него свои голоса, но, такъ какъ проектъ долженъ еще пройти черезъ Кавдинскія ущелья сената и, несомнѣнно, вернется еще оттуда въ палату, то они желаютъ сохранить свободу дѣйствій.

Домовладѣльцевъ проектъ, вотированный палатой, конечно, не удовлетворилъ. Среди нихъ поднялась настоящая буря, ихъ организаціи вотировали одна за другой грозныя предостерегающія резолюціи, и они прилагаютъ всѣ усилія, чтобы повліять на сенатъ. Самый крупный союзъ домовладѣльцевъ, „Union de la propriété bâtie“, объединяющій восемьдесятъ обществъ, въ своей резолюціи повелительно требовалъ, чтобы были приняты „мѣры противъ худшихъ поползновеній, предметомъ которыхъ является сейчасъ застроенная собственность и которыя не преминутъ распространиться противъ всѣхъ вообще формъ владѣнія, угрожая самому кредиту Франціи“.

Сенатъ, впрочемъ, и безъ того преданъ душой и тѣломъ интересамъ собственниковъ. Большинство членовъ избранной имъ коммиссіи для обсужденія проекта палаты заявили, что они придерживаются принципа: „Кто можетъ платить—долженъ платить“. Сенатъ, вѣроятно, провалитъ проектъ, вотированный въ палатѣ, но послѣдняя въ этомъ вопросѣ не сможетъ пойти на уступки. И тогда сенату придется или утвердить проектъ палаты, или, отвер-

гнувъ его во второй разъ, заставить правительство продолжить режимъ мораторіумовъ. Такую отвѣтственность сенатъ, не смотря на всю свою любовь къ собственникамъ, врядъ-ли осмѣлится взять на себя.

V.

Мы видѣли, какъ упорно и страстно защищаютъ имущіе классы Франціи свои интересы, съ какимъ отчаяніемъ отстаиваютъ они принципъ буржуазнаго индивидуализма, которому война нанесла и наноситъ столько ударовъ. Этой тактики французская буржуазія придерживается и въ вопросахъ даже не такого крупнаго соціальнаго значенія, какъ изложенные выше. Сколько, напримѣръ, шуму, протестовъ и противодѣйствія вызвалъ проектъ правительства о таксировкѣ и реквизиціи продуктовъ!

Правительство внесло свой проектъ, желая задержать принявшій грозные размѣры ростъ дороговизны жизни, обусловленный, какъ это выяснили правительственныя анкеты, въ весьма значительной степени спекуляціей и алчностью посредниковъ и торговцевъ. Но проектъ правительства нарушаетъ, правда, временно, священный принципъ экономической свободы, а такого нарушенія французская буржуазія ни въ какомъ случаѣ не желаетъ допустить даже во время войны, опасаясь, что если коготокъ увязнетъ, то всей птичкѣ пропасть.

Упомянутый проектъ предоставлялъ префектамъ условное право таксировки и реквизиціи продуктовъ, „необходимыхъ для питанія, отопленія и освѣщенія, а также и химическихъ удобреній, употребляемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ“. Если въ департаментѣ или въ отдѣльныхъ коммунахъ его замѣчается сильный ростъ цѣнъ на одинъ или нѣсколько продуктовъ указанной категоріи, то префектъ долженъ объявить таксу для всего департамента или для части его, мотивируя свою мѣру спеціальнымъ декретомъ Для опредѣленія таксы префектъ имѣетъ право потребовать отъ торговцевъ предъявленія счетовъ, накладныхъ и вообще всѣхъ документовъ счетоводства. Если торговцы отказываются продавать таксированные продукты по таксѣ, то префектъ обязанъ реквизировать эти продукты и передать ихъ въ распоряженіе мѣстныхъ муниципалитетовъ. Послѣдніе организуютъ розничную продажу этихъ продуктовъ населенію. Кромѣ того, проектъ давалъ въ руки префектамъ оружіе для борьбы съ сокрытіемъ продуктовъ. Префекты могли требовать отъ торговцевъ представленія точныхъ описей имѣющихся въ ихъ магазинахъ или складахъ товаровъ и производить провѣрку описей *на мѣстѣ*, при содѣйствіи чиновниковъ министерства финансовъ. Виновные въ представленіи невѣрныхъ инвентарей подвергаются денежному штрафу до 2 тысячъ франковъ и тюремному заключенію до 6 мѣсяцевъ.

Наконецъ, проектъ предвидѣлъ также необходимость борьбы съ спекуляціей крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ. 7-ой параграфъ проекта гласилъ, что лица или фирмы, вызвавшія или пытавшіяся вызвать повышеніе цѣнъ на продукты съ цѣлью спекуляціи, даже не прибѣгая къ незаконнымъ средствамъ, подвергаются такому же наказанію, какъ и виновные въ сокрытіи продуктовъ. Если же они вызвали или пытались вызвать повышеніе цѣнъ на такіе продукты, какъ хлѣбное зерно, мука, мучнистые продукты, хлѣбъ, вино или всякій другой напитокъ и предметъ питанія, то мѣра наказанія опредѣляется тюремнымъ заключеніемъ до двухъ лѣтъ и денежнымъ штрафомъ отъ одной до двадцати тысячъ франковъ.

Таковъ былъ проектъ въ его главныхъ чертахъ. Важнѣйшимъ недостаткомъ его являлось то обстоятельство, что права таксировки и реквизиціи, предоставленныя имъ префектамъ, условны, а не обязательны, но тѣмъ не менѣе буржуазная пресса обрушилась на него съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ.

Правыя и умѣренныя газеты доказывали, что мѣры, формулированныя въ проектѣ, ни въ коемъ случаѣ не достигнутъ цѣли. Цѣны на товары опредѣляются соотношеніемъ спроса и предложенія,—это желѣзный законъ, противъ котораго безсильны такса и реквизиція. Чтобы задержать ростъ дороговизны, доказывали эти газеты, необходимо лишь содѣйствовать оживленію экономической дѣятельности въ странѣ, но проектъ правительства, создавая рядъ препонъ и препятствій для торговцевъ, дастъ какъ разъ обратные результаты.

Буржуазная печать выдвигала и доводы „моральнаго" порядка. Проектъ, утверждала она, беретъ подъ подозрѣніе обширную категорію добрыхъ гражданъ, которые ничѣмъ не заслужили такого оскорбленія. Его примѣненіе обезкуражитъ частную иниціативу, дѣловую энергію торгово-промышленнаго класса.

Но особенно возмущалъ буржуазныхъ публицистовъ самый принципъ проекта, въ которомъ они видѣли принципъ самаго подлиннаго соціализма. Наконецъ, „Temps" заботился и о послѣдствіяхъ для будущаго. „Хотя, писала газета, проектъ названъ временной, исключительной мѣрой, но не надо забывать, что срокъ его примѣненія не ограниченъ періодомъ военныхъ дѣйствій". Этотъ аргументъ получалъ, конечно, особенное значеніе въ глазахъ защитниковъ экономической свободы.

Палата депутатовъ и въ этомъ вопросѣ не могла противиться властнымъ требованіямъ жизни,—она вотировала проектъ единогласно, не смотря на то, что въ ея рядахъ насчитывается не мало патентованныхъ защитниковъ интересовъ имущихъ классовъ. Но когда проектъ перешелъ изъ палаты въ сенатъ, то получилась ужъ совсѣмъ иная картина. Засѣданія сената, въ которыхъ обсуж-

дался проектъ, были поистинѣ поучительными. Сенатская коммиссія, въ которую поступилъ проектъ, высказалась сначала рѣзко отрицательно. Но въ публичномъ засѣданіи министръ внутреннихъ дѣлъ Мальви привелъ прямо-таки неопровержимые аргументы въ его пользу. Рядомъ неоспоримыхъ документальныхъ и цифровыхъ данныхъ министръ доказалъ роль спекуляціи въ ростѣ дороговизны. Онъ, напримѣръ, процитировалъ результаты правительственной анкеты, изъ которой явствуетъ, что за время войны доходы торговыхъ посредниковъ болѣе, чѣмъ удвоились. Беря одинъ за другимъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ продуктовъ, министръ показалъ, опять-таки на основаніи правительственныхъ анкетъ, какъ цѣны на каждый изъ этихъ продуктовъ взвинчивались, благодаря недобросовѣстнымъ маневрамъ посредниковъ и торговцевъ. Наконецъ, Мальви огласилъ письмо главнокомандующаго Жоффра, въ которомъ послѣдній сообщаетъ о невѣроятной эксплуатаціи, которой подвергаются солдаты со стороны торговцевъ въ военной зонѣ, и о недостаточности тѣхъ мѣръ для борьбы съ этимъ явленіемъ, которыя онъ могъ принять въ силу предоставленной ему власти. Жоффръ настаивалъ въ письмѣ на необходимости вотировать, какъ можно скорѣе, законъ о таксировкѣ и реквизиціи продуктовъ, необходимыхъ для питанія, освѣщенія и отопленія. „Я надѣюсь, сказалъ министръ, что сенатъ отвѣтитъ на призывъ главнокомандующаго. Но, съ другой стороны, нельзя создать во Франціи два различныхъ режима: одинъ для военной зоны,— другой для зоны внутренней“.

Однако энергія министра оказалась безсильной сломить окончательно упорство сенаторовъ. Сенатъ, въ концѣ концовъ, вотировалъ принципъ проекта, но, по предложенію докладчика коммиссіи, рѣшилъ, чтобы въ законѣ были точно перечислены продукты, могущіе подвергнуться таксировкѣ и реквизиціи. Списокъ такихъ продуктовъ, предложенный докладчикомъ, не былъ длиненъ,—въ немъ фигурировали: керосинъ, уголь, сахаръ и кофе, и только. Мальви тотчасъ противопоставилъ этому списку свой собственный, включавшій перечень слѣдующихъ продуктовъ: хлѣбъ, мясо, картофель, сырые овощи, сухіе овощи, молоко, коровье масло, сыръ, яйца, маргаринъ, жиры, растительное масло, вино, сидръ, пиво, минеральныя масла, денатурированный спиртъ, дрова, сахаръ, кофе, удобренія, синій купоросъ и сѣра.

Какъ видите, разница между обоими списками была немалая. Изъ-за этихъ списковъ между сенатомъ и министромъ завязалась сильная борьба. Министръ боролся съ энергіей отчаянія, не уступая безъ боя ни одного изъ своихъ требованій, но полная побѣда все-таки не оказалась на его сторонѣ. Послѣ трехдневныхъ дебатовъ сенатъ вотировалъ окончательный списокъ; въ немъ значатся: сахаръ, кофе, керосинъ, минеральныя масла, картофель, маргаринъ, молоко, жиры, растительное

масло, сухіе овощи, удобренія, синій купоросъ и сѣра. Это все что Мальви удалось выторговать у сенаторовъ. Такса на сырые овощи, необычайная дороговизна которыхъ ложится тяжелымъ гнетомъ на бюджетъ трудовыхъ слоевъ, на коровье масло, яйца, сыръ, на вино, пиво и сидръ, на дрова и спиртъ была отвергнута сенатомъ, не смотря на всѣ усилія министра. Непримиримые сенаторы съ апломбомъ доказывали, что всѣ эти продукты вовсе не являются продуктами первой необходимости и что бѣдняки могутъ прекрасно обойтись и безъ нихъ.

Когда проектъ вернулся изъ сената въ палату, то министръ предложилъ депутатамъ вотировать его немедленно безъ измѣненій, обѣщавъ внести новый проектъ о таксировкѣ тѣхъ продуктовъ, которые сенатомъ были исключены изъ его списка. Такъ палата и поступила.

Еще болѣе печальная участь постигла проектъ соціалистическаго министра Марселя Самба о распредѣленіи, таксировкѣ и реквизиціи каменнаго угля.

Французскія угольныя копи и въ мирное время не могли удовлетворить всей нужды страны въ каменномъ углѣ; Франціи приходилось ввозить ежегодно около 20 милліоновъ тоннъ угля изъ-за границы, преимущественно изъ Бельгіи. Но теперь Бельгія въ рукахъ нѣмцевъ, точно такъ же, какъ и бо̀льшая часть угольнаго района самой Франціи. Приходится, слѣдовательно, ввозить огромное количество этого важнаго продукта изъ Англіи. Но англійскій уголь дорогъ, а сейчасъ цѣны на него особенно поднялись въ виду рѣзкаго повышенія тарифовъ морского транспорта. Англійскій уголь обходится теперь во Франціи почти вдвое дороже французскаго. И вотъ вслѣдствіе этого создалось слѣдующее положеніе. Всѣ заводчики и крупные промышленники, нуждающіеся въ углѣ, покупаютъ его во французскихъ копяхъ на мѣстѣ,—они скупаютъ его весь безъ остатка. Населеніе же вынуждено покупать чрезвычайно дорогой англійскій уголь. Проектъ Самба имѣлъ цѣлью устраненіе этой кричащей несправедливости. Основная сущность его такова. Устанавливается общая средняя цѣна на уголь — будь онъ англійскаго или французскаго происхожденія. Для выработки этой средней цѣны учитывается количество и стоимость угля, добываемаго во Франціи, и количество и стоимость угля, ввозимаго изъ Англіи. Общая сумма стоимости, получаемая такимъ образомъ, дѣлится на общее количество — частное и составляетъ среднюю цѣну. Для осуществленія этой операціи требуется, конечно, сложная организація. Правительство, согласно законопроекту, создаетъ центральное бюро распредѣленія и продажи угля, которое открываетъ отдѣленія во всѣхъ угольныхъ районахъ Франціи и французскихъ портахъ, черезъ которые ввозится уголь. Всѣ доставки угля съ копей и изъ Англіи регистрируются этими отдѣленіями,—къ нимъ же должны обращаться со своими заказами потребители, получающіе продуктъ

по установленной средней цѣнѣ. Отдѣленія разсчитываются по этой же цѣнѣ съ поставщиками. Главное счетоводство ведется въ центральномъ бюро, которое, черезъ мѣсяцъ послѣ доставки, производитъ окончательный разсчетъ. Оно взыскиваетъ съ французскихъ угольныхъ компаній излишекъ между средней цѣной и дѣйствительной стоимостью французскаго угля и уплачиваетъ этотъ излишекъ англійскимъ импортерамъ, которые, продавая уголь по средней цѣнѣ, терпятъ убытокъ. Само собою разумѣется, что и размѣры дѣйствительной стоимости французскаго и англійскаго угля опредѣляются тѣмъ же центральнымъ бюро, провѣряющимъ счетоводство угольныхъ компаній и ввозчиковъ. Кромѣ того, бюро пользуется также правомъ неограниченной реквизиціи, въ цѣляхъ образованія запасовъ. Наконецъ,—и это чрезвычайно важный пунктъ — всѣ частные договоры и контракты по продажѣ и доставкѣ угля, заключенные до вступленія въ силу законопроекта, объявляются недѣйствительными. Продажа угля, помимо бюро и его отдѣленій, наказуется денежнымъ штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ.

Проектъ Самба̀ вызвалъ сильную тревогу среди крупныхъ промышленниковъ и, конечно, бурные протесты въ буржуазной прессѣ. Представители французскихъ желѣзнодорожныхъ компаній явились къ министру и безъ обиняковъ заявили ему, что, въ случаѣ осуществленія угольнаго законопроекта, они лишены будутъ возможности обезпечить перевозку войскъ и товаровъ.—„Я могъ бы ихъ отправить въ тюрьму,—сказалъ по этому поводу Самба̀ въ палатѣ — но я предпочелъ доказать имъ неосновательность ихъ угрозы“.

Газеты буржуазнаго лагеря въ унисонъ провозгласили проектъ Самба̀ чисто соціалистическимъ проектомъ, „опытомъ примѣненія худшаго коллективизма“. То обстоятельство, что авторомъ проекта былъ соціалистъ, служило для нихъ наилучшимъ подтвержденіемъ ихъ критики. Напрасно Самба̀ въ палатѣ клялся, что, составляя свой проектъ, онъ меньше всего думалъ о соціалистическихъ принципахъ. „Рѣчь идетъ въ моемъ проектѣ не о соціализмѣ, а объ углѣ, — заявилъ министръ. — Я предлагаю лишь наиболѣе цѣлесообразный способъ для разрѣшенія угольнаго вопроса. Если вы знаете другой способъ, пожалуйста, изложите его намъ,—я же другого способа не нахожу“.

Но критики угольнаго проекта не унимались. „Temps“ въ цѣлой серіи статей, подъ общимъ ироническимъ заглавіемъ „Государство—угольный торговецъ“, доказывалъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ, что проекты, подобные угольному, грозятъ нарушить самыя основы экономическаго и соціальнаго прогресса. „Государство—писала газета—вычеркиваетъ изъ жизни личный интересъ, являющійся рычагомъ міра, оно вычеркиваетъ честолюбіе, свободное развитіе частной инициіативы и человѣческую личность. И тѣ, которые со-

дѣйствують этому регрессу, не понимаютъ, что они творятъ дѣло соціальной реакціи".

И все же палата вотировала проектъ Самба̀, вотировала, скрѣпя сердце и какъ бы противъ воли, но вотировала. Но въ сенатѣ проектъ встрѣтилъ самую непримиримую оппозицію. Сенаторы и слышать не хотѣли о какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ государства для урегулированія распредѣленія и продажи угля въ странѣ,—они не желали вводить „коллективизма".

Проектъ провалился бы въ сенатѣ цѣликомъ, безъ остатка, еслибы въ послѣднюю минуту Самба̀ не выдвинулъ дѣйствительно неотразимаго аргумента. Министръ сообщилъ, что имъ, отъ имени Франціи, заключено соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ, въ силу котораго послѣднее обязалось таксировать уголь, вывозимый изъ Англіи во Францію, а также назначить спеціальные пониженные морскіе тарифы для перевозки этого угля. Но англійское правительство поставило условіемъ, чтобы уголь былъ таксированъ и во Франціи, ибо, въ противномъ случаѣ, соглашеніе принесетъ выгоды лишь импортерамъ и торговцамъ, но отнюдь не французскому народу. Сенатъ долженъ былъ уступить, но онъ уступилъ въ одномъ лишь пунктѣ. Онъ вотировалъ обязательную таксировку англійскаго и французскаго угля, но безжалостно отвергъ всѣ параграфы проекта, дававшіе возможность установить среднюю цѣну и правильно распредѣлить уголь въ странѣ, т. е. параграфы объ учрежденіи центральнаго бюро, открытіи отдѣленій для регистраціи заказовъ и доставокъ и т. д. Отъ проекта правительства, въ сущности, ничего не осталось. Тѣмъ не менѣе, Самба̀, подобно Мальви, предложилъ палатѣ утвердить проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ вернулся изъ сената. Министръ заявилъ, что лучше имѣть пока хоть что-нибудь, чѣмъ ничего. Потомъ-де видно будетъ.

Въ предыдущихъ главахъ я пытался дать приблизительную картину той борьбы, которая происходитъ во Франціи вокругъ соціально-экономическихъ проблемъ, созданныхъ или обостренныхъ войной. Священное національное единеніе не смягчило классовыхъ антагонизмовъ, оно не создало такой могучей самозабвенной солидарности, въ пламени которой могъ бы растаять эгоизмъ имущихъ слоевъ, „хозяевъ жизни". Французская буржуазія среди всеобщаго траура, подъ ужасающій грохотъ небывалой войны, защищаетъ свои позиціи пядь за пядью. Правда, наличность демократическаго режима сейчасъ, въ военное время, когда необходимо поддерживать „духъ націи", связываетъ ей руки. Этотъ режимъ вынуждаетъ правящіе круги, на которыхъ лежитъ страшная отвѣтственность, въ вопросахъ, особенно больно затрагивающихъ непосредственные интересы массъ, принимать нѣкоторыя мѣры, идущія въ разрѣзъ съ требованіями буржуазнаго класса, и чѣмъ сильнѣе задѣваются эт

интересы массъ, тѣмъ крупнѣе уступки правящихъ круговъ. Но и въ такихъ случаяхъ буржуазія подчиняется даже не съ дѣланной улыбкой на лицѣ, а съ зубовнымъ скрежетомъ и съ угрозами. Матеріальныя жертвы, которыя она приноситъ на алтарь національной солидарности, не суть жертвы добровольныя, принесенныя въ порывѣ патріотическаго энтузіазма—ихъ нужно вырывать у нея. Ночи 4-го августа, увы, не повторяются. И буржуазная печать пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы предупредить, что вынужденныя уступки имущихъ слоевъ не должны разсматриваться, какъ готовность съ ихъ стороны измѣнить послѣ войны свои принципы и свою политику.

Конечно, эта печать не перестаетъ призывать къ единенію, къ забвенію классовой вражды, къ прекращенію борьбы классовъ, но со своими призывами она обращается лишь къ неимущимъ трудовымъ слоямъ. „Temps“ напримѣръ, недавно писалъ, что если какъ это предполагается, послѣ войны уже не будетъ борьбы классовъ и прекратятся „аттаки“ противъ капиталистическаго общества, то „можно будетъ почти сказать, что возмутительное германское нападеніе не обошлось намъ слишкомъ дорого“. Моря пролитой крови, сотни тысячъ жертвъ, разореніе цѣлыхъ странъ и провинцій — все это не кажется для буржуазной газеты слишкомъ дорогой цѣной за прекращеніе аттакъ противъ капитализма. Но въ той же статьѣ, откуда я взялъ эти строки, газета энергично протестуетъ противъ требованія о расширеніи синдикальныхъ свободъ, формулированнаго въ рѣчи министра Самба. „Не проскользнетъ ли случайно, подъ именемъ „синдикальныхъ свободъ“ весьма опасная доктрина? О свободѣ ли, дѣйствительно, идетъ рѣчь? Не идетъ ли скорѣе рѣчь о созданіи новаго господства, согласно идеѣ классовой борьбы, которая такъ дорога сердцу соціалистической партіи?“... [1]). Психологія французскихъ имущихъ классовъ ярко отразилась въ этой статьѣ. Они требуютъ и ждутъ послѣ войны подчиненія и покорности отъ трудового міра, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ твердо намѣрены не дѣлать ему никакихъ усту-

Е. Сталинскій.

---

1) „Le Temps“, 9 mai 1916.

Старыя традиціи и новый органъ.

Въ газетахъ послѣдніе 2-3 мѣсяца очень много толковали о проектѣ „новаго органа". Живя въ провинціи, вдали отъ источника всякихъ слуховъ о томъ, что происходитъ за кулисами столичной жизни, я зналъ о „новомъ органѣ" лишь то, что появлялось въ газетахъ. „Новый органъ возникаетъ"... „Пять милліоновъ"... „Новаго органа не будетъ, но одинъ изъ старыхъ преобразуется... Куплена такая-то газета... Нѣтъ, такая-то газета не куплена... Ея редакторъ уходитъ... Нѣтъ, редакторъ остается... Составъ сотрудниковъ весь мѣняется... нѣтъ, составъ тоже остается прежній... Участвуютъ такіе-то извѣстные писатели... Нѣтъ, такіе-то извѣстные писатели отказались... Пять милліоновъ, пять милліоновъ, пять милліоновъ... пять милліоновъ".

Происходила въ столицѣ какая-то многозначительная суматоха, точно нѣкая новая антреприза готовила первое представленіе невиданной пьесы, и публика нетерпѣливо ждала открытія занавѣса.

Я лично съ интересомъ стараго журналиста слѣдилъ за часто смѣняющимися и противорѣчивыми свѣдѣніями, но это было съ моей стороны совершенно объективное любопытство. Мнѣ приходили въ голову разныя мысли, но я полагалъ, что меня лично новая пьеса можетъ интересовать лишь какъ зрителя и что мое имя никоимъ образомъ на афишѣ ея стоять не можетъ.

Оказалось, что я ошибся, и многообѣщающая суета успѣла задѣть и меня въ моемъ деревенскомъ уединеніи.

Нѣкоторымъ читателямъ вѣроятно эта маленькая исторія извѣстна отчасти изъ газетъ. 15 іюля въ залѣ Гартмана произошло собраніе гг. представителей крупныхъ банковъ, подъ предсѣдательствомъ А. Д. Протопопова, который довольно рѣшительно приподнялъ завѣсу надъ приготовленіями къ открытію новаго органа. Изъ репортерскаго отчета г. Л. Львова, помѣщеннаго въ „Рѣчи" (21 іюля), публика узнала, что „давно уже возникла мысль о созданіи органа, который долженъ правильно освѣщать вопросы экономическіе и защищать промышленные и финансовые круги отъ несправедливыхъ нареканій, которыя нынѣ такъ часто раздаются въ печати".

Для меня тутъ оказалось новымъ многое. Во-первыхъ, я не зналъ, что иниціаторомъ дѣла является А. Д. Протопоповъ. Во-вторыхъ, что газета имѣетъ цѣлью отстаиваніе интересовъ (правда, только „справедливыхъ") промышленности и торговли и защиту

ихъ крупныхъ представителей отъ нападокъ (правда, „несправедливыхъ“) нашей печати.

Представители крупной промышленности, по словамъ г-на Протопопова, по этому поводу уже имѣли совѣщаніе. Совѣщались также и гг. представители торговли. Въ обоихъ совѣщаніяхъ идея А. Д. Протопопова о необходимости новаго органа встрѣтила сочувствіе. Очередь нынѣ за гг. банкирами. Они должны выяснить принципіальное отношеніе крупныхъ банковъ къ новому органу. Размѣръ средствъ, необходимыхъ для него, конечно, долженъ соотвѣтствовать удѣльному вѣсу тѣхъ группъ, интересы которыхъ подлежатъ защитѣ. Необходимо привлечь къ дѣлу авторитетныхъ и видныхъ представителей науки и литературы, профессоровъ, популярныхъ писателей... Средства на все это опредѣляются въ пять милліоновъ. Для реализаціи своей идеи г. Протопоповъ вошелъ въ соглашеніе съ издателемъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, г. Проппером. Что же касается литературной стороны, то... уже удалось заручиться солидными литературными силами. Въ томъ числѣ А. Д. Протопоповъ, по словамъ отчета, заявилъ о полученномъ уже согласіи „М. Горькаго, Леонида Андреева и Влад. Короленко“.

Это заявленіе „произвело большое впечатлѣніе на присутствующихъ“,—сказано въ отчетѣ. Могу сказать, что на меня оно произвело впечатлѣніе еще болѣе сильное. Я увидалъ свое имя на анонсѣ новой антрепризы совершенно неожиданно, такъ какъ ко мнѣ рѣшительно никто ни съ какими ангажементами не обращался, и у меня не было даже повода не только для согласія, но и для отказа. Мнѣ показалось поэтому, что тутъ есть какое-то непонятное недоразумѣніе.

Нѣкоторыя газеты поставили знаки вопроса по поводу этого заявленія г-на Протопопова, а газета „День“ сдѣлала замѣчаніе, котораго я не читалъ, но за которое повидимому долженъ благодарить газету; по крайней мѣрѣ вслѣдъ за этой замѣткой въ томъ же „Днѣ“ появилась бесѣда сотрудника съ г-мъ Протопоповымъ, заключавшая опредѣленное его заявленіе, что ему „приписали (въ отчетѣ газ. „Рѣчь“) то, чего онъ не говорилъ“. Онъ не утверждалъ, что Короленко и Горькій участвуютъ въ газетѣ. „И они—сказалъ г. Протопоповъ—дѣйствительно въ ней не участвуютъ. Замѣчаніе „Дня“ правильно“ [1]).

Такимъ образомъ недоразумѣніе какъ будто разсѣялось. Къ сожалѣнію, однако, за этимъ въ той же бесѣдѣ слѣдовало нѣчто, вызвавшее необходимость новыхъ возраженій. По мнѣнію г-на Протопопова (въ изложеніи интервьюэра), неучастіе Короленка лишь случайно. „Короленко боленъ и уже потому не можетъ въ настоящее время писать и вообще усиленно работать. Но, если бы былъ

---

1) „День“ 25 іюля.

здоровъ, онъ вѣроятно помогъ бы мнѣ поставить задуманное литературное предпріятіе, такъ какъ мы 20 лѣтъ дружны"...

Мнѣ пришлось послать новое категорическое возраженіе: изъ двухъ предположеній, высказанныхъ за меня съ двухъ сторонъ, правильно было мнѣніе „Дня". Если бы я былъ здоровъ, то все-таки въ новомъ органѣ участья принять бы не могъ. Причины, казалось мнѣ, для людей, сколько-нибудь внимательныхъ къ моей литературной работѣ, не требуютъ дальнѣйшихъ разъясненій:

Я привыкъ работать въ независимыхъ органахъ, а новая газета такимъ органомъ, судя по всему, мнѣ не представлялась.

До этихъ поръ шелъ лаконическій разговоръ въ газетахъ, репортерскія замѣтки, интервью и мои краткія на нихъ возраженія. Теперь на послѣднія г. Протопоповъ отвѣчалъ мнѣ въ „Днѣ" уже прямо отъ своего имени. Къ сожалѣнію, я не могъ прочитать всего письма г-на Протопопова въ „Днѣ", но изъ того, что дошло до меня въ выдержкахъ другихъ газетъ, вижу, что г-нъ Протопоповъ осуждаетъ меня за мои опроверженія.—„Съ самаго начала,—пишетъ онъ,—меня удивляетъ, почему В. Г. не провѣрилъ сначала у меня, насколько точно интервьюэрами воспроизводятся бесѣды со мной".

Этотъ упрекъ я, кажется, могу отклонить. Я опровергалъ то, что напечатано и что приносили мнѣ газетныя телеграммы. Думаю, что не я тутъ повиненъ въ торопливости, а г. Протопоповъ въ нѣкоторой медленности. Я живу въ глухомъ провинціальномъ углу. Онъ —въ Петроградѣ, и до него въ тотъ же день дошли сообщенія „Рѣчи" объ его заявленіяхъ въ собраніи. Опровергнуть ихъ немедленно—было въ его собственныхъ интересахъ. Я представляю себѣ такое обратное положеніе. Я говорю въ публичномъ собраніи въ Петроградѣ, а г. Протопоповъ находится далеко въ Симбирской губерніи. И въ какой-нибудь петербургской газетѣ появляется изложеніе моей бесѣды, въ которой я говорю якобы за г-на Протопопова (какъ извѣстно, раздѣляющаго взгляды октябристской партіи), что онъ примыкаетъ къ органу, скажемъ, соціалъ-демократовъ или радикаловъ-народниковъ. Я счелъ бы себя обязаннымъ тотчасъ опровергнуть невѣрно мнѣ приписанныя слова, не дожидаясь „правильнаго замѣчанія" „Дня" или другой газеты. А если бы не сдѣлалъ этого, то ни мало бы не ропталъ на его печатное опроверженіе. Я понималъ бы желаніе г-на Протопопова, чтобы его единомышленники октябристы и общество не оставались въ заблужденіи цѣлыя недѣли, пока онъ спишется со мной; онъ опровергалъ бы оглашенное извѣстіе въ той мѣрѣ, въ какой оно относится къ нему: онъ ни въ соц.-демократической, ни въ радикально-народнической газетѣ не участвуетъ. То же сдѣлалъ и я, предоставляя А. Д. Протопопову вѣдаться съ интервьюэромъ, если изложеніе послѣдняго неправильно.

Дальше г. Протопоповъ переходитъ къ самому существу дѣла [1]: „я долженъ—говоритъ онъ—остановиться на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ Владиміра Галактіоновича. „Новая газета издается на средства г.г. торговцевъ, промышленниковъ и банкировъ, которые, конечно, не напрасно рѣшаются тратиться на эту дорогую затѣю. Газета этимъ самымъ обязана разсматривать вопросы общественной справедливости въ зависимости отъ взглядовъ щедрыхъ издателей. А я привыкъ работать лишь въ независимыхъ органахъ и не вижу основанія измѣнять этой привычкѣ".

„Газета—говорится далѣе—дѣйствительно, будетъ издаваться на деньги акціонернаго общества, подобно тому, какъ на такія же деньги издаются и другія газеты въ Россіи и большинство органовъ Зап. Европы (приводятся примѣры). Смѣю полагать, что безличный капиталъ, собранный среди многихъ акціонеровъ, не имѣющихъ *никакого касательства къ литературной и политической части газеты* (курсивъ мой)—представляется болѣе забронированнымъ отъ какихъ бы то ни было вліяній на него, чѣмъ любыя матеріальныя средства отдѣльнаго лица, зачастую вынужденнаго думать не столько объ идейной сторонѣ журнала, сколько о собственныхъ выгодахъ... Если бы моимъ товарищамъ по будущей газетѣ пришлось „разсматривать вопросы общественной справедливости", руководясь чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ голоса совѣсти и сознанія отвѣтственности, лежащей на каждомъ прогрессивномъ журналистѣ, то, конечно, ни я, ни сотрудники газеты не объединились бы для выполненія этой тяжелой неблагодарной задачи. Тому порукой, какъ моя долгая земская и общественная дѣятельность, такъ и установившаяся репутація моихъ сотрудниковъ."

Наконецъ, г. Протопоповъ заключаетъ: „Для меня проектируемая газета—не затѣя, ея созданіе я считаю дѣломъ не личнымъ, а общимъ, и никакой другой задачи, кромѣ независимаго служенія обществу, газета преслѣдовать не будетъ. Моимъ противникамъ слѣдовало бы подождать выхода въ свѣтъ хотя бы перваго ея номера".

Таково новое заявленіе г. Протопопова. Иное толкованіе задачъ новаго органа онъ признаетъ невѣрнымъ.

Ранѣе, помнится, я встрѣчалъ указаніе г. Протопопова на то, что конкуренты новаго органа распространяютъ о немъ ложныя свѣдѣнія. Я, конечно, ни въ какомъ смыслѣ къ конкурентамъ причисленъ быть не могу и, значитъ, на меня лично можетъ падать лишь упрекъ въ слишкомъ большомъ довѣріи къ злостнымъ слухамъ, распускаемымъ конкурентами, и въ томъ, что я сталъ невольнымъ орудіемъ своекорыстной оппозиціи новому общепрогрессивному органу. Отклоняю и этотъ возможный упрекъ.

---

[1]) Цитирую по выдержкамъ „Кіевской Мысли" и „Южнаго Края". Оговариваюсь въ возможныхъ неточностяхъ и неполнотѣ. „Дня" у меня нѣтъ.

Я уже говорилъ, почему считалъ себя въ правѣ и даже обязаннымъ опровергнуть то, что относилось до меня лично, и въ той степени, въ какой это до меня относилось. Что касается до моихъ „общихъ положеній", то они опять основывались не на злостныхъ закулисныхъ слухамъ, а на очень точномъ (и сколько мнѣ извѣстно, не опровергнутомъ въ этой части) отчетѣ г. Львова. Тамъ говорится ясно о задачѣ новаго органа, выставленной передъ собраніемъ г. г. банкировъ: „правильное освѣщеніе интересовъ промышленности и защита ея представителей отъ несправедливыхъ нападокъ". Я никакъ не могу думать, что отчетъ г. Львова невѣренъ, какъ говорится, отъ а до z, и если бы г. Протопоповъ опровергъ не только фразу о Короленко и Горькомъ, но и опредѣленіе специфической задачи газеты, то и я, при второмъ упоминаніи моего имени, мотивировалъ бы инымъ образомъ свой принципіальный отказъ отъ участія въ новой газетѣ. Нѣтъ надобности считать промышленниковъ, торговцевъ и банкировъ шайкой бандитовъ, чтобы признать совершенно естественный фактъ: классовый коллективъ можетъ во многихъ случаяхъ имѣть свою собственную точку зрѣнія на „правильные интересы промышленности", не всегда совпадающую съ общепрогрессивной точкой зрѣнія и впередъ опредѣляющую нѣкоторые взгляды органа этого класса. Вотъ почему обѣщаніе, данное г.г. банкирамъ въ собраніи 15-го іюля (если оно было дано), конечно, не можетъ, по условіямъ его произнесенія, не порождать съ одной стороны нѣкоторыхъ надеждъ, а съ другой не внушать идею односторонности и даже зависимости новой газеты отъ узкоклассовой точки зрѣнія.

Вообще—едва ли правильно объяснять нѣкоторое предубѣжденіе, съ которымъ русская печать встрѣтила извѣстіе о новомъ органѣ „промышленниковъ, торговцевъ и банкировъ" исключительно низменными побужденіями конкурентовъ. Мнѣ кажется, вѣрнѣе будетъ объяснить это желаніемъ сохранить сложившуюся до сихъ поръ традиціонную физіономію русской прогрессивной печати. Дѣло, конечно, не въ томъ, существуетъ ли газета или журналъ на личныя или безличныя средства. Оно въ самомъ настроеніи.

Русская пресса (я не говорю, конечно, о субсидируемой правительствомъ) имѣетъ нѣкоторыя черты, уже въ значительной степени утраченныя на западѣ. Мнѣ вспоминается по этому поводу маленькій историческій эпизодъ. Въ ноябрѣ 1831 г. во Франціи вспыхнуло извѣстное Ліонское возстаніе рабочихъ. Тогдашній министръ Казиміръ Перье произнесъ въ палатѣ рѣчь, въ которой успокаивалъ депутатовъ, что въ Ліонскомъ движеніи нѣтъ признаковъ политическаго либерализма. Это движеніе бѣдныхъ противъ богатыхъ, рабочихъ противъ буржуазіи. Людвигъ Бёрне, отмѣчая эту рѣчь въ одномъ изъ своихъ „парижскихъ писемъ", желчно иронизируетъ надъ слѣпотой Казиміра Перье: „Народъ возстаетъ не противъ собственности, а противъ привилегій богатаго клас-

са,—писалъ онъ.—Прежде привилегія скрывалась за феодальнымъ щитами, и борьба велась противъ феодализма. Теперь, когда эти привилегіи укрываются за собственность, — можетъ ли народъ завоевать себѣ равенство иначе, какъ взявъ штурмомъ эту крѣпость".

Бёрне былъ чистокровный либералъ, но либералъ того времени, когда либерализмъ еще значилъ любовь къ свободѣ вообще, въ ея чистомъ видѣ. Въ этомъ либерализмѣ, какъ въ эмбріонѣ, дремали зародыши будущаго соціализма и другихъ системъ, нынѣ давно отдѣлившихся на западѣ отъ либерализма. Русская прогрессивная или, если хотите, „либеральная" печать,—по крайней мѣрѣ, ея огромное независимое большинство,—до сихъ поръ находилась еще въ стадіи этого общаго свободолюбія. Хорошо ли это, или плохо, остается ли это и въ будущемъ или русской печати предстоитъ подвергнуться общей дифференціаціи подъ вліяніемъ капитала и другихъ причинъ, — это, конечно, большой вопросъ. Но для настоящаго времени это фактъ въ общемъ еще живой и характерный. Русскій либерализмъ, — подъ общей кличкой прогрессивныхъ направленій нѣсколько, быть можетъ, безформенный и расплывчатый,—всегда склонялся въ сторону соціалистическихъ симпатій, и всюду, гдѣ специфическіе интересы капитала сталкивались съ интересами трудящихся классовъ, онъ становился безъ колебаній непосредственно на сторону труда, т. е. на сторону болѣе слабую въ настоящемъ, но стремящуюся освободиться отъ привилегій, скрывающихся и за капиталомъ. За конкретными частностями разныхъ порою запутанныхъ общественныхъ вопросовъ для него свѣтилась не идеологія капитала съ его мнимой „гармоніей интересовъ, водворяемой конкуренціей", а идеологія разныхъ оттѣнковъ соціализма и трудовыхъ симпатій.

Вотъ почему, когда разыгралась, напр., извѣстная ленская исторія, вся независимая печать единодушно встала на сторону рабочихъ и страстно потребовала наказанія преступныхъ приспѣшниковъ капитала... И махинаціи ленскихъ капиталистовъ были разоблачены всесторонне,—правда, только въ печати. Это, конечно, примѣръ слишкомъ рѣзкій. Но, вѣдь, есть безчисленное множество другихъ, не такъ рѣзко окрашенныхъ человѣческой кровью, гдѣ интересы капитала сталкиваются съ другими широкими интересами и гдѣ прогрессивная печать становилась противъ привилегій капитала, на защиту интересовъ рабочихъ или потребителя.

Нужно ли прибѣгать къ низменнымъ побужденіямъ конкуренціи, чтобы объяснить нѣкоторую тревогу при извѣстіяхъ, что идетъ „новость", которая направлена противъ этой „прогрессивной" традиціи. Органъ будетъ тоже „прогрессивный"? Въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, такъ же, какъ и въ весьма умѣренной степени его либерализма; но вотъ онъ все таки прежде всего обращается съ обѣщаніями къ представителямъ крупнаго

капитала... Было это? Или этого не было и это тоже выдумка репортера, и г-нъ Протопоповъ, склоняя гг. банкировъ „выяснить свое принципіальное отношеніе къ новому органу", подчеркивалъ, наоборотъ, полную независимость взглядовъ газеты отъ специфическихъ интересовъ торгово-промышленнаго класса?

Позволю себѣ взять опять грубый примѣръ изъ печати страны, не только конституціонной, но и республиканской. Во время Чикагской выставки происходилъ митингъ безработныхъ, которымъ грозили огромныя бѣдствія по окончаніи выставки. Впослѣдствіи всѣ самыя худшія опасенія оправдались и, несомнѣнно, для тревоги рабочаго класса были большія основанія. Полиція вызвала искусственно безпорядокъ и кинулась разгонять безработныхъ. Одна газета на слѣдующій день съ восторгомъ сообщала о превосходной музыкальной пьесѣ, которую бравые полисмены разыграли своими „клобами" на головахъ безработной „сволочи".

Конечно, и это примѣръ грубый, но онъ только иллюстрируетъ мою мысль... Въ полическомъ либерализмѣ республиканскаго джентльмена, писавшаго вышеприведенныя строки о полицейской музыкальной пьесѣ, едва ли можно сомнѣваться. Но это уже либерализмъ не Бёрне, не та эмбріональная любовь къ свободѣ, въ которой дремлютъ возможности всякой борьбы съ привилегіей... Это либерализмъ уже дифференцированный, отдѣлившійся отъ романтическаго свободолюбія. Я, конечно, понимаю, что у насъ есть много людей, приверженныхъ къ политической свободѣ и среди тѣхъ, кого г. Протопоповъ звалъ на свои собранія. Вообще, когда въ нѣкоторыхъ газетахъ по этому поводу говорили о „чумазомъ" и приводили извѣстное изреченіе Щедрина: „Идетъ Чумазый и на вопросъ: что есть истина, отвѣчаетъ: распивочно и на выносъ", то мнѣ это казалось фальшью и анахронизмомъ, отъ котораго приходится печати отказаться просто во имя истины. Торгово-промышленный классъ въ среднемъ сравнялся по образованію и культурности съ представителями другихъ культурныхъ классовъ, и наши крупные капиталисты нерѣдко уже вмѣсто пожертвованій на колокола даютъ своимъ милліонамъ назначеніе, достойное культурныхъ людей: Боткины собираютъ коллекціи для національныхъ музеевъ, Солдатенковы издаютъ дорогія научныя сочиненія, а въ послѣдніе годы всѣмъ памятны вклады москвичей на клиники, больницы, научно-медицинскія учрежденія.

Вообще крупный русскій капиталистъ уже не олицетворяется фигурой чумазаго. Это часто европеецъ и даже джентльменъ! А относительно болѣе широкаго слоя торгово-промышленной демократіи, еще 20 лѣтъ назадъ мнѣ приходилось отмѣчать роль ея во многихъ случаяхъ, гдѣ она идетъ на смѣну столбовому дворянству, напримѣръ, въ земствѣ („Голодный годъ").

Что касается роли личнаго и безличнаго капитала въ исторіи русской журналистики, то объ этомъ предметѣ тоже можно бы

сказать много. Пока достаточно указать хотя бы на сибирскую передовую печать (а сибирская печать вся передовая), которая пробивалась въ самыхъ трудныхъ условіяхъ при поддержкѣ богатыхъ уроженцевъ Сибири. Извѣстна въ этомъ отношеніи роль, напр., И. М. Сибирякова и его дружба съ Ядринцевымъ и Загоскинымъ, подвижниками и піонерами сибирской прессы. Нужно, конечно, пожелать, чтобы вся русская печать поскорѣе стала на свои ноги даже и въ Сибири и избавилась отъ необходимости хотя бы и такого просвѣщеннаго меценатства. Но—надо прибавить—никогда ни одной строчкой та же сибирская печать даже не намекала, что ея цѣлью (хотя бы и не исключительной) будетъ защита, напримѣръ, золотопромышленниковъ отъ „несправедливыхъ нападокъ“ остальной русской прессы. Сибиряковъ, самъ крупный золотопромышленникъ, никогда и не подумалъ бы обратиться съ этимъ къ Ядринцеву. „Личный“ капиталъ шелъ къ прессѣ безъ мысли о своихъ специфическихъ интересахъ. Онъ шелъ въ „святилище литературы, науки и искусства“ (тогда это не звучало такъ наивно) не какъ капиталъ, а какъ сочувствіе знанію и свободолюбію...

Все это не мѣшаетъ признавать, что у капитала есть свои специфическіе интересы, далеко не всегда совпадающіе съ общими интересами, и весь вопросъ не въ участіи личнаго или обезличеннаго капитала, а въ его отношеніи къ задачамъ печатнаго органа. Обстановка, въ которой афишировался новый органъ, и печатно оглашенныя обѣщанія его инціатора, данныя „классовымъ группамъ“, вызвали тѣ недоумѣнія и то предубѣжденіе остальной русской печати, котораго нѣтъ надобности объяснять исключительно низменными побужденіями конкуренціи. Вотъ на что болѣе всего г-ну Протопопову слѣдовало направить свои возраженія по поводу сообщенія г-на Л. Львова объ его рѣчи въ собраніи банкировъ 15 іюля.

Но, сколько мнѣ извѣстно, содержаніе рѣчи А. Д. Протопопова и его обѣщанія „защиты“, получавшія совершенно особенный смыслъ въ обстановкѣ даннаго собранія, такому категорическому опроверженію не подвергались. И вотъ чѣмъ, прибавлю отъ себя лично, объясняется и огорчившая г. А. Д. Протопопова торопливость и горячность, съ которыми я, старый журналистъ, поспѣшилъ отмежеваться отъ новаго органа. Если бы не эти обстоятельства, я, конечно, сдѣлалъ бы это болѣе спокойно.

Можетъ быть, это и предразсудокъ, но,—грѣшный человѣкъ,—я за мою долгую жизнь привязался къ обрисованной выше физіономіи русской прогрессивной печати и съ печалью думаю о томъ, что, быть можетъ, ей предстоитъ все-таки измѣниться въ сторону односторонняго „европейскаго либерализма“.

Вл. Короленко.

17 авг. 1916 г.

Наброски современности.

Въ людяхъ и дома.

I.

Въ настоящее время — сообщали недавно столичныя газеты— вниманіе правительства привлекаетъ къ себѣ вопросъ объ организаціи управленія во вновь занятыхъ нашими войсками частяхъ Галиціи и Буковины и въ правительственныхъ кругахъ происходитъ „оживленный обмѣнъ мнѣній“ по этому вопросу. Въ результатѣ такого обмѣна мнѣній правительствомъ, по словамъ газетъ, принимаются уже и нѣкоторыя рѣшенія. „На нѣкоторыхъ изъ устроенныхъ по этому поводу совѣщаній — разсказываетъ, напримѣръ, „День“—въ качествѣ свѣдущихъ лицъ были приглашаемы выборные отъ юго-западныхъ губерній члены Государственнаго Совѣта, а также велись бесѣды и съ представителями галичанъ, нашедшими пріютъ въ Россіи. На этихъ совѣщаніяхъ признано, между прочимъ, несвоевременнымъ возобновленіе изданія газеты „Прикарпатская Русь“ въ Тарнополѣ и перенесеніе сюда мѣстопребыванія галицко-русскаго совѣта подъ предсѣдательствомъ д-ра Дудыкевича“ [1]). По сообщеніямъ другихъ газетъ, дѣло не ограничилось этими рѣшеніями—признаніемъ „несвоевременности“ возобновленія „Прикарпатской Руси“ и переѣзда пресловутаго г. Дудыкевича въ Тарнополь. „Въ частномъ обмѣнѣ мнѣній — увѣряли нѣкоторыя газеты--въ правительственныхъ кругахъ признанъ неудачнымъ и вообще опытъ управленія оккупированными областями въ 1914—15 гг.“

Эти сообщенія вызвали чрезвычайно любопытный откликъ въ нѣкоторыхъ органахъ нашей прессы,—откликъ, тѣмъ болѣе любопытный, что онъ явился, можно сказать, совершенно неожиданнымъ.

„Послѣдуетъ-ли за частными разговорами какое-либо ощутательное рѣшеніе,—писало „Новое Время“—объ этомъ слухи умалчиваютъ. Между тѣмъ вся Буковина уже давно въ нашихъ рукахъ и не сегодня — завтра русскія войска, можетъ быть, займутъ добрую половину восточной Галиціи. А положеніе 1914 г., столь неудачно устроившее въ административномъ отношеніи

---

[1]) „День“, 4 августа.

занятыя австрійскія земли, все еще не отмѣнено и механически продолжаетъ дѣйствовать.

„Намъ скажутъ,—продолжала газета—что суть не въ положеніи, но въ тѣхъ людяхъ, которые будутъ призваны его исполнять. Поэтому стоитъ только подобрать хорошій личный составъ, и гражданское управленіе 1914 г изъ неудачнаго превратится въ удачное. Это, однако, безусловно невѣрно. Не говоря уже о томъ, что подбирать будутъ наспѣхъ, случайно,—необходимо еще помнить, что гражданская власть всегда имѣетъ свои гражданскія задачи, разрѣшать которыя по отношенію къ Галиціи пока еще преждевременно".

Въ виду этого „Новое Время" съ своей стороны находило, что не только положеніе 1914 г. должно быть упразднено, но и вообще русская власть должна пока довольствоваться въ Галиціи и Буковинѣ военнымъ управленіемъ.

„Отъ военнаго управленія — поясняла газета свою мысль — требуется только удовлетвореніе нуждъ арміи и тыла, да поддержаніе порядка, и оно не станетъ браться за національные, религіозные и экономическіе вопросы. Гражданское управленіе, наоборотъ, неминуемо за нихъ возьмется, ибо они придутъ къ нему сами собой, даже помимо его воли. Оно вынуждено будетъ, въ концѣ-концовъ, если не дѣйствовать, то хоть высказать о нихъ свое мнѣніе, и каждое его слово, каждый жестъ свяжутъ всю нашу послѣдующую дѣятельность въ завоеванномъ краѣ, которая, между тѣмъ, должна быть съ самаго начала строго обдуманной.

„Повторяемъ, если управленіе будетъ вводиться какъ-то само собой, да еще по признанному неудачнымъ образцу, — это будетъ величайшимъ грѣхомъ и непростительной ошибкой" [1].

Года полтора тому назадъ „Новое Время" держало другія рѣчи. Тогда оно участвовало въ дружномъ хорѣ, громко воспѣвавшемъ присоединеніе Галиціи къ „русской культурѣ". Теперь газета находитъ такое присоединеніе „преждевременнымъ". И даже не только преждевременнымъ. За мѣсяцъ до появленія только-что процитированной мною статьи то же „Новое Время", противопоставляя ежедневныя офиціальныя сообщенія о томъ, что творится на фронтѣ, „глубокой тайнѣ", которой покрыто все, происходящее „въ районѣ оккупаціи, внѣ непосредственной сферы военныхъ дѣйствій", писало:

„И полтора года тому назадъ въ этомъ вопросѣ соблюдалась такая же строгая таинственность, какую, повидимому, намѣреваются соблюсти и теперь. Въ концѣ-концовъ мы узнали, что въ Галиціи было введено какое-то половинчатое управленіе, не подчиненное центральному правительству въ Петроградѣ, но въ то же время не вполнѣ зависѣвшее и отъ военныхъ властей. Общеизвѣстнымъ сталъ и весь печальный составъ этого управленія изъ неподготовленныхъ и невѣжественныхъ лицъ, отличавшихся другъ отъ друга только тѣмъ, что одни вредили авторитету русскаго имени и приносили зло мѣстному населенію по недомыслію и ошибкѣ, другіе—преступно эксплуатировали что только могли, сознательно стремясь извлечь побольше личной пользы изъ „выгодной" командировки"...

[1] „Новое Время", 1 августа.

И газета высказывала опасенія, что „все идетъ по старой дорогѣ“ и „впереди слѣдуетъ ждать тѣхъ же старыхъ плачевныхъ результатовъ“.

„Мы съ болью въ сердцѣ за русское дѣло—говорила она—вспоминаемъ галиційскіе эксперименты гр. Бобринскаго и съ тревогой думаемъ: неужели придется опять пережить испытанныя уже нелѣпости случайнаго и безпорядочнаго нагроможденія разныхъ военныхъ, полувоенныхъ, полугражданскихъ и совсѣмъ гражданскихъ „начальствъ“, среди которыхъ будутъ съ прежнимъ невѣжествомъ рѣшаться серьезнѣйшіе и больные вопросы жизни измученнаго края, а набѣжавшіе на добычу хищники возобновятъ свои темныя дѣла? Дай Богъ, чтобы это было не такъ. Прошлое учитъ“ [1]).

Прошлое учитъ—это несомнѣнно. Вопросъ только въ томъ, кого и чему. Дѣло вѣдь не только въ учителѣ, но и въ ученикѣ. „Новое Время“, какъ мы видѣли, прошлое научило тому, что въ оккупированной русскими войсками Галиціи надо создать не „нагроможденіе разныхъ военныхъ, полувоенныхъ и гражданскихъ начальствъ“, а одно только военное начальство. Оно—увѣрена газета—не станетъ браться за національные, религіозные и экономическіе вопросы, а гражданское начальство станетъ, если же и не станетъ, то эти вопросы сами придутъ къ нему. Врядъ-ли однако надо доказывать, что эта увѣренность газеты не имѣетъ подъ собою никакого сколько-нибудь солиднаго основанія. Въ дѣйствительности тѣ или иные вопросы, стоящіе въ жизни страны, неизбѣжно „придутъ“ передъ всякое начальство.

. . . . И если въ моментъ первой оккупаціи Галиціи военное начальство въ общемъ проявило неизмѣримо больше благоразумія, такта и терпимости, чѣмъ гражданское, то это вовсе еще не является гарантіей того, что точно такъ же будетъ обстоять дѣло и всегда. Въ концѣ концовъ самый важный вопросъ сводится не къ тому, какую форму носитъ „начальство“, поставленное надъ населеніемъ, а къ тому какія задачи преслѣдуетъ это начальство и какими средствами пользуется для осуществленія своихъ задачъ.

Этому прошлое, очевидно, не научило „Новое Время“. Но тѣмъ не менѣе послѣднее все же какъ будто не желаетъ новаго повторенія недавняго прошлаго, вспоминаетъ объ этомъ прошломъ „съ болью въ сердцѣ“ и заднимъ числомъ высказываетъ по его адресу горькія сѣтованія. Сѣтуетъ сейчасъ на это прошлое и другой, близкій къ „Новому Времени“, органъ—„Колоколъ“.

„Въ 1914—15 гг.—писала недавно эта газета—наша власть находилась всецѣло подъ обаяніемъ галицкихъ „москвофиловъ“ въ лицѣ д-ра Дудыкевича и его друзей.

„Эта группа... явилась очень худымъ совѣтчикомъ для нашей галиційской администраціи. Фанатичные, нетерпимые друзья д-ра Дудыкевича вели

[1]) „Новое Время“, 2 іюля.

слишкомъ рѣзкую политику, видя измѣнника въ каждомъ читателѣ „Кобзаря"... Корней среди галицкаго крестьянскаго населенія „москвофилы" также не имѣли, они не могли быть прочной соціальной группой, на которую бы можно опереться для борьбы съ австрійскимъ вліяніемъ.

„Въ результатѣ отношеніе къ намъ перемѣнилось со стороны поляковъ, евреевъ, украинской интеллигенціи, малорусскаго крестьянства, плюсъ оппозиція уніатскаго духовенства, которое обращалось въ древле-отеческую вѣру не всегда миссіонерскимъ пастырскимъ путемъ" [1]).

Съ фактической стороны въ этихъ сѣтованіяхъ очень много справедливаго.

. . . .

Круто и рѣшительно проводилась въ 1914—15 гг. въ Галиціи политика воинствующаго національзма. Но ушли годъ тому назадъ русскія войска изъ Галиціи, и одинъ за другимъ недавніе дѣятели этой политики стали появляться въ нашихъ судахъ на скамьѣ подсудимыхъ. Одинъ за другимъ развертывались въ минувшемъ году судебные процессы, въ которыхъ то тотъ, то другой изъ этихъ дѣятелей обвинялся въ растратахъ, хищеніяхъ, вымогательствѣ, присвоеніи казеннаго и обывательскаго имущества и т. п. . . . .

. . . .

Вспоминать все это, конечно, не представляетъ большого удовольствія. И тѣмъ не менѣе чрезвычайно любопытно и неожиданно, что эти воспоминанія причиняютъ „боль въ сердцѣ" „Новому Времени" и огорчаютъ „Колоколъ". Вѣдь та политика, которая проводилась въ Галиціи, въ свое время наиболѣе горячо пропагандировалась никѣмъ инымъ, какъ именно „Новымъ Временемъ". Именно „Новое Время" всячески популяризировало идею о несовмѣстимости существованія украинской національности и русской государственности. Именно „Новое Время" третировало „украинцевъ", какъ „мазепинцевъ", и призывало русское общество и русскую власть изъ всѣхъ галицкихъ партій довѣряться только „москвофиламъ". Именно „Новое Время", наконецъ, совсѣмъ еще недавно, во время первой оккупаціи Галиціи русскими войсками, проповѣдывало необходимость полнаго уравненія этой области съ Россіей, самымъ пренебрежительнымъ образомъ относясь ко всѣмъ препятствіямъ, стоящимъ на пути такого уравненія. Словомъ, именно „Новое Время" втеченіе ряда лѣтъ проводило и популяризировало ту идею, которая легла въ основу „галиційскихъ экспериментовъ" и опредѣлила собою ихъ характеръ. И вотъ теперь, послѣ того, какъ эти эксперименты были продѣланы на практикѣ, то же „Новое Время" испытываетъ отъ нихъ „боль въ сердцѣ", громко заявляетъ о своемъ огорченіи и выражаетъ надежду, что они не будутъ повторены. Можно-ли было ожидать этого? И не любопытна-ли такая неожиданность?

Но, пожалуй, не менѣе любопытнымъ представляется огорченіе „Новаго Времени" и въ томъ случаѣ, если попытаться подойти къ

[1]) Цитирую по „Рѣчи", 3 августа

дѣлу съ другой стороны. Газета сѣтуетъ на то, что устроители Галиціи въ 1914—15 гг. оказались „неподготовленными" и „невѣжественными" людьми, и вмѣстѣ не питаетъ надеждъ на какія-либо перемѣны въ этомъ отношеніи и въ настоящемъ, если въ Галиціи вновь будетъ введено гражданское управленіе, — не питаетъ потому, что личный составъ такого управленія „подбирать будутъ наспѣхъ, случайно". Что и говорить, — невѣжества и неподготовленности въ Галиціи было проявлено достаточно.

. . . .

Это знаетъ, конечно, и „Новое Время". И въ значительной мѣрѣ именно поэтому оно и находитъ несвоевременнымъ введеніе въ Галиціи и Буковинѣ русскаго гражданскаго управленія. Огорченная результатами только - что продѣланнаго опыта, газета теперь уже опасается новаго его повторенія, но не находитъ никакихъ средствъ противъ этого, кромѣ отказа отъ немедленнаго введенія гражданскаго управленія въ оккупированныхъ областяхъ. Пусть послѣднія управляются исключительно военною властью, лишь бы въ нихъ не появлялись отечественные исправники и полицеймейстеры, — таковъ по существу смыслъ разсужденій „Новаго Времени". И то, что остается еще недосказаннымъ въ этихъ разсужденіяхъ, досказываетъ съ своей стороны „Колоколъ".

„Наши домашнія мѣрки — говоритъ эта послѣдняя газета — во вновь завоеванныхъ областяхъ неприложимы" [1]).

Такимъ образомъ результаты, получившіеся отъ примѣненія въ Галиціи націоналистической политики и отъ вывоза туда нашихъ отечественныхъ администраторовъ, убѣдили „Новое Время" и „Колоколъ" въ неприложимости къ оккупированнымъ областямъ „нашихъ домашнихъ мѣрокъ". Это не значитъ однако, что названные органы совершенно разочаровались въ пригодности „домашнихъ мѣрокъ". Неприложимы эти мѣрки, по ихъ мнѣнію, собственно сейчасъ, неприложимы пока въ томъ грубо-оголенномъ видѣ, въ какомъ онѣ только-что прилагались. Иное дѣло болѣе или менѣе близкое будущее. Въ этомъ будущемъ „Колоколъ" уже предвидитъ возможность примѣненія „домашнихъ мѣрокъ", хотя для начала и рекомендуетъ примѣнять ихъ съ нѣкоторой осторожностью:

„Буковинское уніатство, галиційское украйнофильство — говоритъ онъ немедленно вслѣдъ за фразой о неприложимости нашихъ домашнихъ мѣрокъ къ оккупированнымъ областямъ—явленія, имѣющія за собою историческую давность, а потому борьба съ ними должна вестись продуманно, учитывая сложную политическую обстановку въ Галиціи".

Выходитъ, стало быть, что и съ уніатствомъ, и съ украинофильствомъ, по мнѣнію „Колокола", все-таки надо бороться, только

---

[1]) Цитирую по „Рѣчи", 3 августа.

при этой борьбѣ слѣдуетъ учитывать сложную политическую обстановку даннаго момента. Иначе говоря, наши домашнія мѣрки неприложимы въ людяхъ, но существо этихъ мѣрокъ остается непоколебленнымъ и въ концѣ концовъ онѣ все же должны быть проведены въ жизнь тѣхъ областей, къ которымъ онѣ въ данный моментъ признаются неприложимыми.

Съ своей стороны не отказывается вполнѣ отъ „домашнихъ мѣрокъ" для оккупированныхъ земель и „Новое Время". Горячо осуждая прежній опытъ управленія въ Галиціи, оно вовсе не требуетъ для нея управленія, построеннаго на противоположныхъ принципахъ. Наоборотъ, рекомендуя оставить оккупированныя области въ исключительномъ вѣдѣніи военныхъ властей, настаивая на ненужности введенія въ этихъ областяхъ гражданскаго управленія и даже заявляя, что такое введеніе было бы „величайшимъ грѣхомъ и непростительной ошибкой", „Новое Время" въ сущности больше всего озабочено тѣмъ, чтобы сохранить по отношенію къ даннымъ областямъ полную свободу дѣйствій. Въ его представленіи все, что будетъ сдѣлано военными властями, само по себѣ явится временнымъ дѣломъ, никого не связывающимъ на будущее. Наоборотъ, все, что будетъ сдѣлано или даже только сказано гражданскими властями, „свяжетъ всю нашу послѣдующую дѣятельность въ завоеванномъ краѣ". А этого-то газета больше всего и не хочетъ. Продолжать примѣнять въ людяхъ „наши домашнія мѣрки", открыто провозглашая ихъ незыблемость, по ея мнѣнію, не слѣдуетъ. Но и осуждать эти мѣрки, повидимому, тоже не слѣдуетъ. Въ такомъ случаѣ остается только создать временное положеніе, ни къ чему не обязывающее и допускающее съ теченіемъ времени любой выходъ,—и именно такое положеніе и рекомендуетъ „Новое Время". Такъ и оно, подобно „Колоколу", сдѣлавъ одинъ шагъ въ оцѣнкѣ „домашнихъ мѣрокъ", останавливается передъ слѣдующимъ.

То, что эти мѣрки неприложимы въ людяхъ, теперь, послѣ результатовъ галиційскаго опыта, поняли, какъ можно думать по примѣру „Новаго Времени" и „Колокола", даже нѣкоторые изъ пропагандистовъ такихъ мѣрокъ. Но, повидимому, это пониманіе никого изъ нихъ не заставляетъ задуматься надъ тѣмъ, насколько вообще годны „наши домашнія мѣрки" и насколько приложимы онѣ у насъ дома, во внутренней жизни родной страны.

II.

Въ этой внутренней жизни все идетъ такимъ образомъ, какъ будто никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ не возникало и не возникаетъ. И какъ разъ послѣднія недѣли принесли съ собою рядъ извѣстій, наглядно показывающихъ, насколько незыблемыми оста-

ются въ нашемъ домашнемъ обиходѣ старыя мѣрки и старые принципы.

Одно изъ такихъ извѣстій связано съ именемъ пресловутаго Грегуса. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это имя прошумѣло на всю Россію въ связи съ разоблаченіемъ пытокъ, производившихся въ рижскомъ сыскномъ отдѣленіи. Начальникомъ послѣдняго былъ Грегусъ и именно ему приписывалась главная иниціатива въ производствѣ тѣхъ жестокихъ и утонченныхъ пытокъ, какимъ подвергали рижскіе сыщики попавшихъ въ ихъ руки заключенныхъ. О Грегусѣ тогда писали въ газетахъ и журналахъ, о немъ говорили въ Государственной Думѣ и имя его, какъ организатора „рижскаго застѣнка“, получило широкую извѣстность. Потомъ это имя стало понемногу забываться и многимъ даже казалось, что послѣ разоблаченія исторіи „рижскаго застѣнка“ главный его герой навсегда исчезъ съ арены русской жизни. Большую сенсацію поэтому вызвало появившееся около года тому назадъ въ газетахъ извѣстіе, что Грегусъ въ числѣ другихъ администраторовъ отправленъ въ Галицію насаждать тамъ русскіе порядки. Черезъ нѣкоторое время извѣстіе это было довольно рѣшительно опровергнуто· Былъ-ли Грегусъ въ числѣ галиційскихъ администраторовъ или нѣтъ, въ концѣ-концовъ такъ и осталось точно не установленнымъ, но не такъ давно онъ все же отыскался, и отыскался именно въ рядахъ администраціи.

Нѣсколько времени тому назадъ два околоточныхъ надзирателя харьковскаго сыскного отдѣленія заявили мѣстному полиціймейстеру, что они отказываются служить въ названномъ отдѣленіи, такъ какъ не могутъ примириться съ тѣми порядками, какіе завелъ въ немъ его начальникъ. Этимъ начальникомъ оказался никто иной, какъ Грегусъ, только перемѣнившій свою прежнюю фамилію на фамилію Марковскаго. А что касается порядковъ, заведенныхъ имъ въ харьковскомъ сыскномъ отдѣленіи, то объ нихъ могутъ дать понятіе хотя бы слѣдующія выдержки изъ офиціальныхъ рапортовъ упомянутыхъ околоточныхъ надзирателей.

„Покорнѣйше прошу — писалъ одинъ изъ этихъ надзирателей, Яковенко,—откомандировать меня обратно во 2 участокъ, такъ какъ я по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ служить въ сыскномъ отдѣленіи не могу. Не могу истязать и калѣчить людей, какъ это практикуется въ сыскномъ отдѣленіи. Не могу заковывать въ кандалы назадъ руки арестованнымъ и такъ оставлять ихъ въ одиночной камерѣ на нѣсколько сутокъ подрядъ, моря голодомъ... Арестованные съ закованными назадъ руками не въ состояніи не только защищаться, а даже пошевелить руками. За ночь, во время дежурства, нѣсколько разъ приходилось расковывать ихъ, чтобы арестованный могъ отправить естественныя надобности или расправить онѣмѣвшія руки. Ихъ избиваютъ по самымъ больнымъ мѣстамъ, стараясь бить по мягкимъ частямъ тѣла, чтобы не осталось знаковъ побоевъ. Я нравственно мучаюсь при видѣ инквизиторскихъ пріемовъ сыска, при выжиманіи показаній отъ арестованныхъ. Я неспособенъ такъ „заниматься“, какъ „занимаются“ самъ г. начальникъ сыскного отдѣленія или, какъ, напримѣръ, его правая рука Фридрихъ Карповичъ Юревичъ“.

„Въ послѣдиее время — заявлялъ въ своемъ рапортѣ другой надзиратель, Прунъ,—въ сыскномъ отдѣленіи имѣютъ мѣсто частые случаи избіенія до потери сознанія задержанныхъ лицъ. Подобнаго рода наказанія примѣняются съ особой ловкостью и умѣньемъ, иногда въ присутствіи и самого начальника сыскного отдѣленія, который угрожаетъ избиваемымъ рубашкой для душевно-больныхъ, кандалами. Руки избиваемаго предварительно связываются полотенцемъ... Означенные пріемы сыска на меня дѣйствуютъ удручающе и выраженіе начальника сыскного отдѣленія въ рапортѣ на имя полиціймейстера „Прунъ вообще послѣдніе дни пересталъ заниматься дѣломъ сыска“ вполнѣ справедливо, ибо я въ этихъ „германскихъ пыткахъ“ никакого участія не принимаю и держусь въ сторонѣ. Въ виду изложеннаго прошу объ откомандированіи меня изъ сыскного отдѣленія, такъ какъ я дальше нести службу въ подобной атмосферѣ не могу“ [1]).

Такимъ образомъ Грегусъ перемѣнилъ только мѣсто своей дѣятельности да измѣнилъ свою фамилію, черезчуръ ужь мало подходящую къ эпохѣ „борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ“. Во всемъ остальномъ никакихъ перемѣнъ не произошло. Подъ новой фамиліей Марковскаго Грегусъ благополучно состоитъ на той же самой службѣ, которая уже успѣла прославить его имя. И не только состоитъ на этой службѣ, но и продолжаетъ совершать на ней такіе же подвиги, какъ прежде, создавая при помощи ихъ въ харьковскомъ сыскномъ отдѣленіи такую атмосферу, которой не выдерживаютъ даже не особенно, казалось бы, слабонервные околоточные надзиратели. Въ Харьковѣ, какъ прежде въ Ригѣ, онъ организуетъ пытки арестованныхъ, заковывая ихъ въ кандалы, моря голодомъ, безпощадно избивая. И, какъ прежде въ Ригѣ, такъ теперь въ Харьковѣ эта дѣятельность признается, повидимому, вполнѣ нормальной.

Мѣстной харьковской прессѣ лишь съ большимъ трудомъ удалось сообщить своимъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой дѣятельности. Для того, чтобы такое сообщеніе стало возможнымъ, харьковскому „Южному Краю“ пришлось обратиться съ жалобой на мѣстную цензуру къ высшимъ военнымъ властямъ, и только вмѣшательство послѣднихъ позволило названной газетѣ напечатать статью о порядкахъ харьковскаго сыскного отдѣленія и о дѣйствіяхъ Грегуса. Вслѣдъ за мѣстною печатью о Грегусѣ и его подвигахъ заговорили и московскія и петроградскія газеты. На первыхъ порахъ это какъ будто произвело нѣкоторое впечатлѣніе. По словамъ газетъ, надъ дѣятельностью Грегуса было назначено слѣдствіе и это слѣдствіе сразу же дало рядъ новыхъ свѣдѣній о производившихся въ харьковскомъ сыскномъ отдѣленіи истязаніяхъ. Но прошло еще нѣкоторое время—и все дѣло получило новый оборотъ. По свѣдѣніямъ „Русскихъ Вѣдомостей“, департаментъ полиціи затребовалъ отъ харьковскаго губернатора свѣдѣнія о томъ, кто именно сообщилъ печати о дѣятельности Грегуса-Марковскаго и его сподвижниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ харьковскій гу-

[1]) Цитирую по „Дню“, 25 Іюня.

бернаторъ разрѣшилъ Грегусу-Марковскому привлечь къ отвѣтственности редакторовъ тѣхъ газетъ, въ которыхъ были помѣщены статьи, „порочащія честь и доброе имя“ Грегуса [1]).

Если Грегусъ рѣшится воспользоваться даннымъ ему разрѣшеніемъ, мы станемъ свидѣтелями весьма любопытныхъ судебныхъ процессовъ.

. . . .

Вотъ, напримѣръ, сценка, разыгрывшаяся, по словамъ „Сибири“, въ Балаганскѣ во время засѣданія выѣздной сессіи иркутскаго окружнаго суда.

„Судъ удалился для совѣщанія. За судейскимъ столомъ остался товарищъ прокурора г. Милашкевичъ; на скамьѣ подсудимыхъ — два обвиняемыхъ.

— Ваше благородіе!—раздается голосъ одного обвиняемаго—ваше благородіе, я къ вамъ...

— Что нужно? Что такое?—спрашиваетъ г. Милашкевичъ.

— Вся тюрьма—продолжаетъ обвиняемый—проситъ васъ пріѣхать въ тюрьму.

— Зачѣмъ?

— Сильно бьютъ. Никакъ невозможно. Прошенія писать нельзя, въ „карецъ“ сажаютъ... 27 мая мы позвали начальника, пришли надзиратели, избили“ [2])...

Бьютъ заключенныхъ въ Харьковѣ, бьютъ въ Балаганскѣ,

. . . .

Говоря о дѣятельности Грегуса, газеты отмѣчали, что наряду съ истязаніями, практиковавшимися въ харьковскомъ сыскномъ отдѣленіи, въ Харьковѣ наблюдалось замѣтное усиленіе уголовной преступности, причемъ виновники преступленій по большей части оставались необнаруженными. Однако и въ этомъ отношеніи текущая дѣйствительность знаетъ немало эпизодовъ, по своей яркости нимало не уступающихъ харьковской практикѣ, а то даже и превосходящихъ ее.

Въ Смоленскѣ—разсказывало не такъ давно „Русское Слово“—заключенъ въ тюрьму полицейскій надзиратель г. Рославля Ивановъ. Этотъ Ивановъ организовалъ шайку, спеціальностью которой было выслѣживаніе лицъ, торгующихъ спиртомъ. Къ такимъ лицамъ являлся съ обыскомъ полицейскій надзиратель, забиралъ спиртъ и составлялъ протоколы. Черезъ нѣкоторое время эти протоколы за крупныя взятки уничтожались, а отобранный спиртъ поступалъ въ распоряженіе шайки.

„Какъ установлено, — прибавляла газета—въ составъ шайки входили нѣсколько городовыхъ, околоточный, жандармъ и нѣсколько штатскихъ“ [3]).

---

1) Цитирую по „Рѣчи“, 22 іюля.
2) Цитирую по „Рѣчи“, 23 іюня.
3) Цитирую по „Рѣчи“, 28 іюля.

Въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи недавно была обнаружена особаго рода контора. Называлась она „агентствомъ по страхованію жизни и по страхованію скота отъ падежа“, а въ дѣйствительности занималась взысканіемъ съ крестьянъ коммиссіонныхъ за отстрочку мѣстнымъ становымъ приставомъ Золотаревымъ платежей налоговъ и недоимокъ. Между прочимъ, крестьяне слободы Барвенково были должны губернской земской кассѣ около 400.000 р. Къ приставу Золотареву поступали списки недоимщиковъ, съ которыхъ надо было производить взысканія, но онъ, получая съ конторы 2% коммиссіонныхъ, откладывалъ опись имущества должниковъ и отстрочивалъ имъ платежи. Такимъ путемъ названная контора въ сравнительно короткій промежутокъ времени „заработала“ около 50.000 р. Затѣмъ однако Золотаревъ поссорился на почвѣ денежныхъ разсчетовъ съ главнымъ дѣятелемъ конторы, бывшимъ приставомъ Барыкинымъ, и послѣдній подалъ жалобу прокурору. Въ результатѣ этой жалобы приставъ Золотаревъ былъ отстраненъ отъ должности и вмѣстѣ съ остальными агентами „конторы“ преданъ суду за мошенничество и подлоги [1].

Не будемъ перебирать другихъ эпизодовъ, не будемъ напоминать длиннаго ряда раскрытыхъ и раскрывающихся въ послѣднее время „панамъ“, въ которыхъ оказались замѣшанными лица выше околоточныхъ надзирателей и становыхъ приставовъ. Вмѣсто этого перейдемъ въ другую область отношеній администраціи къ государству и къ подвластнымъ ей обывателямъ.

Не такъ давно новый министръ земледѣлія, гр. А. А. Бобринскій, счелъ нужнымъ въ спеціальной програмной рѣчи подѣлиться съ своими сотрудниками планами своей дѣятельности. Сановный ораторъ, правда, при этомъ случаѣ нѣсколько увлекся своей автобіографіей и сообщилъ своимъ слушателямъ больше свѣдѣній о своемъ родовомъ имѣніи, чѣмъ о характерѣ своей будущей работы. Но кое-какія указанія на счетъ предполагаемой имъ работы онъ все-таки далъ. Въ частности, онъ заявилъ, что одной изъ главныхъ своихъ задачъ онъ будетъ считать поддержаніе „добрососѣдскихъ отношеній“ между крестьянами и помѣщиками.

„Читалъ я гдѣ-то — говорилъ гр. Бобринскій — поставленный мнѣ въ прессѣ саркастическій вопросъ: какъ-де станетъ представитель объединеннаго дворянства защищать интересы крестьянъ? Но дѣло въ томъ, что въ моемъ наглядномъ учебникѣ (въ имѣніи гр. Бобринскихъ), а, слѣдовательно, и въ моей программѣ антагонизма между интересами крестьянина и дворянина въ области сельскаго хозяйства вовсе не полагается.

„Мнѣ приходилось обращаться къ крестьянамъ, вышедшимъ на поля для уборки урожая. Работаютъ на снопъ, уплата натурой; спросишь, за какой снопъ они условились и работаютъ. И зачастую слышишь въ отвѣтъ: „не знаемъ“, „сколько въ экономіи скажутъ, столько и получимъ“. Помню безграничное удивленіе иностраннаго экономиста, посѣтившаго наши мѣста, когда ему перевели такой отвѣтъ.

[1] „День“, 5 августа.

„Всячески поддерживать такія добрососѣдскія отношенія между крестьянами и помѣщиками представляетъ существенную часть моей программы“ [1]).

Такимъ образомъ программа новаго министра земледѣлія оказалась чрезвычайно простой и, дѣйствительно, въ корнѣ разрѣшающей вопросъ о томъ, какъ можетъ представитель объединеннаго дворянства защищать интересы крестьянъ. Все дѣло въ томъ, что никакого антагонизма этихъ интересовъ въ жизни нѣтъ. Стоитъ отстаивать интересы помѣщиковъ, и тѣмъ самымъ будутъ защищены интересы крестьянъ. Нужно, напримѣръ, чтобы крестьянинъ работалъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ за ту плату, какую заблагоразсудится назначить помѣщику. Помѣщикъ, конечно, останется доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Крестьянинъ, по мнѣнію гр. Бобринскаго, тоже будетъ доволенъ. И государству, по программѣ вновь назначеннаго министра земледѣлія, предстоитъ создавать и поддерживать въ деревнѣ такія „добрососѣдскія отношенія“, ведущія къ всеобщему довольству.

Почти одновременно съ провозглашеніемъ этой программы выяснилось, что „добрососѣдскія отношенія“, дѣйствительно, налаживаются въ нашихъ деревняхъ. Въ началѣ августа въ газетахъ появилось состоявшееся еще 19 іюля обязательное постановленіе калужскаго губернатора г. Ченыкаева, устанавливавшее въ Калужской губерніи, подъ страхомъ трехтысячнаго штрафа или трехмѣсячнаго ареста, принудительныя сельскохозяйственныя работы.

„Вмѣняется—говорилось въ этомъ постановленіи—въ обязанность сельскихъ рабочихъ, бѣженцевъ и прочихъ лицъ обоего пола въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ, свободныхъ ко дню опубликованія сего постановленія отъ работъ и живущихъ въ условіяхъ крестьянскаго быта, немедленно же, а если они владѣютъ своими полями, то по окончаніи уборки хлѣбовъ на таковыхъ, поступить на сельскохозяйственныя работы къ находящимся въ предѣлахъ губерніи владѣльцамъ земель, арендаторамъ послѣднихъ и т. п., испытывающимъ нужду въ рабочихъ рукахъ, для уборки урожая хлѣбовъ и травъ за плату по назначенію уѣздной земской управы въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

„Требованіямъ уѣздной земской управы и полицейскихъ властей, а также по порученію ихъ, волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ о поступленіи на полевыя работы означенное населеніе обязано безпрекословно подчиняться, не уклоняясь отъ этихъ работъ подъ различными неуважительными предлогами, въ томъ числѣ и путемъ поступленія на иныя, не сельскохозяйственныя работы или занятія“ [2]).

Путемъ этого губернаторскаго постановленія въ Калужской губерніи въ сущности создавалась новая крѣпостная зависимость для „лицъ, живущихъ въ условіяхъ крестьянскаго быта“. Всѣ такія лица, по прямому смыслу губернаторскаго постановленія, лишались свободы распоряженія своимъ трудомъ и обязывались бро-

---

[1]) „День“, 7 августа.

[2]) „День“, 5 августа.

сить всѣ свои домашнія и иныя работы, за исключеніемъ лишь уборки своихъ полей, и немедленно по окончаніи такой уборки идти убирать помѣщичьи поля, притомъ убирать за плату, какую захотятъ дать за эту работу сами помѣщики въ лицѣ уѣздной земской управы. Немудрено, что появленіе этого постановленія въ печати вызвало сильное впечатлѣніе. Даже „Новое Время", всегда готовое восхвалять подвиги отечественныхъ администраторовъ, на этотъ разъ поняло, какого рода послѣдствія обѣщаетъ такая мѣра, и не нашло возможнымъ одобрить этой попытки возстановленія крѣпостного права.

„Въ настоящее время,—писала названная газета—когда всѣ сословія имперіи объединены въ общемъ стремленіи отстоять родину отъ тевтонскаго нашествія, когда ни о какой классовой розни нѣтъ и рѣчи, искусственное возбужденіе страстей является большимъ грѣхомъ передъ отечествомъ, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что сами помѣщики не поблагодарятъ усерднаго не по разуму калужскаго администратора. Обязательное постановленіе г. Ченыкаева должно быть немедленно отмѣнено и авторъ его призванъ къ отвѣту. Другого выхода изъ создавшагося положенія мы не видимъ. Но этого мало. Необходимо создать условія, при которыхъ подобнаго рода постановленія вообще не могли бы издаваться. Слишкомъ уже все это чудовищно-нелѣпо и незаконно" [1]).

Вскорѣ однако обнаружилось, что постановленіе о принудительной уборкѣ крестьянами помѣщичьихъ полей введено не въ одной только Калужской губерніи и что и въ послѣдней роль г. Ченыкаева была въ данномъ случаѣ только ролью простого исполнителя. Совершенно такія же постановленія, какъ оказалось, были изданы въ Минскомъ военномъ округѣ, въ Тверской губерніи и, повидимому, еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ [2]). Съ другой стороны, самъ г. Ченыкаевъ, запрошенный по поводу изданнаго имъ постановленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, указалъ, что это постановленіе не было издано имъ по его личной инціативѣ, а было составлено и передано ему въ совершенно готовомъ видѣ для опубликованія и примѣненія органомъ снабженія того района, въ который входитъ въ настоящее время Калужская губернія. Въ такомъ видѣ это постановленіе было передано, по заявленію г. Ченыкаева, не только ему, но и начальникамъ всѣхъ остальныхъ губерній, входящихъ въ данный районъ [3]). Въ свою очередь, и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по словамъ газетъ, „находятъ, что такая мѣра, какъ принудительное привлеченіе къ сельскохозяйственнымъ работамъ, по существу находитъ себѣ оправданіе въ условіяхъ времени". Дѣло въ томъ, что „всѣ большія экономіи испытываютъ въ настоящее время крайнюю нужду въ рабочихъ рукахъ", а между тѣмъ „крестьяне, снявъ хорошій урожай съ своихъ полей и имѣя

---

1) „Новое Время", 7 августа.

2) „Рѣчь", 9 и 14 августа.

3) „Бирж. Вѣдомости", 12 августа.

накопленныя деньги, совершенно не желаютъ наниматься на работы“ и „предпочитаютъ проводить время въ праздности“. „Въ результатѣ тысячи засѣянныхъ полей изъ-за отсутствія рабочихъ рукъ не могутъ быть убраны“, а „гибель милліоновъ пудовъ хлѣба отразится весьма печально на хозяйствѣ страны и на снабженіи населенія и арміи“ [1]).

Повидимому, не смотря на всѣ эти соображенія, обязательное постановленіе г. Ченыкаева въ настоящее время все-таки отмѣнено. Неизвѣстно однако, отмѣнены ли и всѣ такія же постановленія, изданныя въ другихъ губерніяхъ. И во всякомъ случаѣ чрезвычайно показательно уже то, что такія постановленія могли быть изданы и могли оправдываться „государственной необходимостью“. Послѣдняя можетъ, конечно, въ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ повести и къ созданію обязательныхъ работъ для населенія. Но нѣтъ надобности доказывать, что въ такихъ случаяхъ къ необходимымъ государству работамъ должны быть въ равной мѣрѣ привлечены всѣ элементы населенія и что самыя эти работы должны имѣть своюцѣлью непосредственное служеніе нуждамъ государства, а не интересамъ частныхъ лицъ. Отдача же одного класса населенія въ принудительную службу другому представляетъ собою воплощеніе въ государственной жизни совершенно иного принципа, сводящагося къ использованію силы государства въ частныхъ интересахъ одного опредѣленнаго класса, въ данномъ случаѣ—класса помѣщиковъ. И, конечно, ничего общаго съ „государственной необходимостью“ такое использованіе не имѣетъ и имѣть не можетъ.

Старые принципы управленія и старое пониманіе государственности продолжаютъ опредѣлять теченіе нашей жизни. И всѣ горькіе и тяжелые уроки послѣднихъ лѣтъ для нашихъ отечественныхъ консерваторовъ свелись лишь къ тому, что нѣкоторые изъ этихъ консерваторовъ успѣли понять неприложимость нашихъ „домашнихъ мѣрокъ“ въ людяхъ, за предѣлами родной страны. Но это нимало не мѣшаетъ старымъ „домашнимъ мѣркамъ“ по прежнему находить себѣ приложеніе въ нашемъ собственномъ обиходѣ. И это, конечно, не помѣшаетъ старымъ мѣркамъ и вновь быть вынесенными въ люди. Нельзя одной рукою дѣлать одно дѣло, а другой другое. Нельзя одновременно вести двѣ разныя политики и практиковать рѣзко различные пріемы управленія.

Впрочемъ, не нужно и вообще преувеличивать степень той серьезности, съ какой усвоили уроки текущей дѣйствительности даже тѣ изъ нашихъ отечественныхъ консерваторовъ, которые чему-нибудь у нея учились. Даже тѣ изъ нихъ, которые, по ихъ словамъ, поняли неприложимость нашихъ домашнихъ мѣрокъ въ

---

[1]) „Рѣчь“ 11 августа.

людяхъ, при случаѣ готовы заявлять, что въ рамкахъ нашего домашняго быта имѣется все, чего только можно пожелать для правильнаго развитія государственности. Такъ, тотъ самый „Колоколъ", который сѣтуетъ на прошлогоднее управленіе Галиціей, недавно въ громозвучной статьѣ справлялъ одиннадцатилѣтній „юбилей" возвѣщенныхъ въ 1905 г. „свободы слова, печати и собраній".

„Но гдѣ же обѣщанныя свободы?—крикнутъ намъ—писала восторженно настроенная газета—крайніе либералы, столь же близорукіе, какъ и крайніе консерваторы.

„Эти свободы—готовно отвѣчалъ „Колоколъ"—на линіи огня.

„Развѣ гремѣли бы такой стихіей русскія пушки, если бы на Руси воистину не было свободы слова?

„Развѣ сливались бы въ такія гранитныя стѣны милліоны русскихъ людей, еслибы на Руси не было свободы собраній" [1])?

Видите, какъ хорошо разрѣшаются всѣ вопросы о „свободахъ". Стоитъ только принять пушечный громъ за человѣческій голосъ, а батальоны и полки за собранія гражданъ, и окажется, что у насъ есть и свобода слова, и свобода собраній, и даже свобода печати. И, пожалуй, не будетъ и надобности заявлять о неприложимости нашихъ домашнихъ мѣрокъ гдѣ бы то ни было въ людяхъ.

Конечно, даже среди политическихъ единомышленниковъ „Колокола" не всѣ будутъ готовы, подобно ему, отожествлять свободу слова съ „стихійнымъ громомъ пушекъ". Но не одному только „Колоколу" трудно разобраться въ томъ, нужна или не нужна намъ подлинная свобода слова. И на этой почвѣ только-что разыгрался въ высшей степени характерный инцидентъ.

Одинъ изъ нашихъ черносотенныхъ публицистовъ, нѣкій г. Булацель, напечаталъ въ издаваемомъ имъ въ г. Торжкѣ журналѣ „Россійскій Гражданинъ" статью, въ которой рѣзко осуждалъ высказывавшееся въ нѣкоторыхъ кругахъ англійскаго общества требованіе суда надъ имп. Вильгельмомъ и, изображая дѣйствія британской арміи, какъ чрезвычайно малоуспѣшныя, доказывалъ, что осуществлять такое требованіе на дѣлѣ пришлось бы исключительно Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ въ „Новомъ Времени" появилось подписанное гр. Перовскимъ-Петрово-Соловово письмо президіума „Общества 1914 г."

„По почину нѣкоторыхъ членовъ общества, — говорилось въ этомъ письмѣ—президіумъ „Общества 1914 г." обратилъ вниманіе на появившуюся въ журналѣ „Россійскій Гражданинъ" статью, содержащую въ себѣ весьма враждебные отзывы о нашихъ союзникахъ англичанахъ и дышащую почти нескрываемою симпатіею къ нашему главному врагу—Вильгельму II.

„Глубоко возмущенный помянутой статьею редактора журнала П. Ф. Булацеля, президіумъ „Общества 1914 г." выражаетъ по этому поводу живѣйшее свое негодованіе, высказывая одновременно надежду, что наши союзники, если до ихъ свѣдѣнія дойдетъ статья, оцѣнятъ ее по достоинству

[1]) „Колоколъ", 6 августа.

и поймуть, что г. Булацель и его журналъ выразителями русскаго общественнаго мнѣнія не могутъ считаться ни въ какомъ, хотя бы самомалѣйшемъ смыслѣ.

„Съ другой стороны, усматривая въ самомъ фактѣ безпрепятственнаго появленія въ печати подобной статьи признакъ новаго и болѣе терпимаго отношенія со стороны властей къ печатному слову,—президіумъ общества не можетъ не высказать по поводу подобной перемѣны чувство искренняго удовлетворенія и полную увѣренность, что, конечно, не одному г. Булацелю и его единомышленникамъ, но и всей русской печати, суждено впредь испытывать на себѣ благодѣтельныя послѣдствія этой перемѣны".

Это письмо было напечатано въ „Новомъ Времени" 7 августа. А еще черезъ два дня газеты сообщили, что совѣтъ „Общества 1914 года" и существующій при послѣднемъ отдѣлъ пропаганды борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ признали статью Булацеля актомъ измѣны родинѣ, причемъ совѣту общества было поручено „возбудить передъ правительствомъ ходатайство о привлеченіи Булацеля къ отвѣтственности за измѣну" [1]). И, стало быть, тотъ же самый гр. Перовскій-Петрово-Соловово, который въ качествѣ предсѣдателя „Общества 1914 года" усматривалъ въ безпрепятственномъ появленіи статьи г. Булацеля „признакъ новаго и болѣе терпимаго отношенія со стороны властей къ печатному слову" и „съ чувствомъ искренняго удовлетворенія" привѣтствовалъ этотъ признакъ, едва успѣвъ высказать это удовлетвореніе, обратился къ тѣмъ же властямъ съ просьбой привлечь г. Булацеля къ отвѣтственности. Очевидно, гр. Перовскому-Петрово-Соловово и его товарищамъ по „Обществу 1914 года" не такъ-то легко рѣшить вопросъ, нужно или не нужно „терпимое отношеніе властей къ печатному слову".

Къ отвѣтственности за измѣну г. Булацель пока не привлеченъ и, надо думать, привлеченъ все-таки не будетъ. Но ему пришлось явиться къ англійскому послу, выслушать отъ послѣдняго рѣчь, весьма похожую на строгую нотацію, и принести ему свои извиненія, а затѣмъ „бюро печати" освѣдомило объ этомъ черезъ газеты всю читающую Россію, прибавивъ извѣщеніе, что „Россійскій Гражданинъ" взятъ подъ полную предварительную цензуру. Съ своей стороны и самъ г. Булацель счелъ нужнымъ дать своимъ читателямъ отчетъ о своемъ визитѣ въ англійское посольство. „Посолъ — заканчиваетъ онъ свой отчетъ—крѣпко пожалъ мнѣ руку. Той холодной враждебности, которая свѣтилась въ началѣ бесѣды въ его сѣрыхъ глазахъ, уже не было: онъ говорилъ о своей любви къ Россіи такъ тепло, что я понялъ, почему этотъ человѣкъ, не умѣющій даже говорить по-русски, могъ пріобрѣсти такое большое вліяніе въ Россіи" [2]). Г. Булацель такимъ образомъ вполнѣ удовлетворенъ,—англійскій посолъ пожалъ ему руку... .

. . . .

В. Мякотинъ.

---

[1]) „Бирж. Вѣдомости", 9 августа; „День" 12 августа.

[2]) „Цитирую по „Бирж. Вѣдомостямъ", 15 августа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Семенъ Юшкевичъ. Человѣкъ воздуха. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Изд-во „Жизнь и Знаніе". Петроградъ. 1916. Стр. 103. Ц. 1 р.

„Знаете, Левинъ, что такое человѣкъ воздуха? Птица. Какъ живетъ птица? Тутъ кусочекъ хлѣбца поймаетъ, тамъ зернышко или кусочекъ мушки, или ничего не поймаетъ. Все отъ Бога. И думаете, я одинъ такъ живу? Тысячи такъ живутъ, какъ я. Каждый еврей—„человѣкъ воздуха". И съ каждымъ днемъ насъ становится больше. Ой, что тамъ въ этомъ городѣ дѣлается". Такъ объясняетъ авторъ заглавіе своей пьесы устами ея героя мелкаго посредника Эли Гольда, то торговаго фактора, то свата, благодушнаго мученика, изъ послѣднихъ силъ обслуживающаго свою семью. Не стоитъ долго останавливаться на фабулѣ пьесы. Въ концѣ концовъ злополучному Эли Гольду удалось женить богатаго и избалованнаго барчука Моню Рубинштейна на подходящей невѣстѣ и тѣмъ добыть средства для того, чтобы прокормить жену и отправить своихъ дѣтей въ вожделѣнную Швейцарію: сына учиться, дочь лечиться. Все благополучно, однако читатель не смѣется, хотя пьеса названа комедіей; подъ этимъ комизмомъ есть трагедія, но это не трагедія художества, а трагедія жизни, и потому она трогаетъ никакъ не больше, чѣмъ хроника „Еврейской Недѣли". Ни съ однимъ изъ своихъ героевъ авторъ не сумѣлъ связать зрителя дѣйствительнымъ сочувствіемъ; нѣкоторая жизненность есть только въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ, Элѣ Гольдѣ, все остальное—хлопочущая мать, влюбленная чахоточная дѣвушка, пошлая банкирша, экстернъ, рвущійся къ университету, —сплошной шаблонъ, знакомый намъ изъ Юшкевича или другихъ еврейскихъ бытописателей. И все изображено съ внутренней неуравновѣшенностью, всѣ говорятъ однимъ эмоціонально-уродливымъ языкомъ, который Юшкевичъ разъ навсегда усвоилъ всѣмъ своимъ героямъ. О чемъ угодно—только не о наблюдательности, не о чуткомъ слухѣ художника говоритъ этотъ условный, дѣланный, мертвенный въ своей визгливости языкъ одесскаго еврейскаго анекдота. И—какъ всегда у Юшкевича—ни одного разумнаго человѣка: скопище мелкихъ ограниченныхъ манекеновъ; всѣ мономаны; у каждаго — одно обостренное устремленіе, а за предѣлами этого устремленія—нѣтъ человѣка.

Юшкевичъ несомнѣнно внесъ *свою* ноту въ изображеніе еврейской жизни. Его не смѣшаешь съ другими—и въ дурномъ, и въ хорошемъ. Онъ не далъ ни одного индивидуальнаго, живого человѣка, но онъ далъ общія схемы жизни, показалъ общую ея атмосферу, заразилъ ея тревогой, ея крикливой нервностью, ея истеріей. Все это хорошо для повѣсти, для романа, для исторіи и народной психологіи, но все это—ничто для драмы. Мы не сомнѣваемся, что пьеса Юшкевича можетъ въ соотвѣтственной аудиторіи найти откликъ: еще бы — покажите любому еврейскому экстерну, измученному тоской предъ запертыми дверями недоступнаго университета, такого же истерзаннаго Сёму Гольда—и онъ заплачетъ слезами Сёмы Гольда. Но въ жизни не о чемъ говорить съ Сёмой Гольдомъ — и онъ не существуетъ для драмы. Много хуже однако то, что все свое и цѣнное было сказано съ достаточной силой въ первыхъ произведеніяхъ Юшкевича, который съ тѣхъ поръ варіируетъ себя, взбивая пѣну своего темперамента и опьяняя себя этой буйной и безплодной игрой. Темпераментъ его—и темпераментъ творческій—внѣ сомнѣнія, и надо цѣнить это свойство, столько рѣдкое въ безкровномъ племени нынѣшнихъ писателей, но не все же только темпераментъ. И темпераментъ носитъ Юшкевича безъ удержа по волнамъ моря житейскаго. Двадцать лѣтъ онъ упрямо и сердито говоритъ все объ одномъ, все объ одномъ—и эта узость діапазона, эта скудость воображенія эта бѣдность наблюденіями, эта однотонность манеры давно стали столь же очевидными, сколь непріятными. Юшкевичъ перебралъ всю жизнь большого южнаго еврейскаго города; онъ перебралъ богачей и нищихъ, влюбленныхъ и стяжателей, проститутокъ и революціонеровъ, улицу и домъ, старость и дѣтство, идеализмъ и подлость: и все это разнообразіе невыносимо монотонно, напередъ предначертано, тускло въ своей крикливости, безсильно въ преувеличеніяхъ. Нѣтъ ничего труднѣе преувеличеній, и темпераментъ законно влечетъ Юшкевича къ преувеличеніямъ, но преувеличеніями надо владѣть, надо знать, гдѣ остановиться, а Юшкевича не останавливаетъ ни художественный тактъ, ни тактъ общественный. Послѣднее имѣетъ не только общественно-политическія, но и эстетическія, послѣдствія. Ни одинъ—и самый свободный — художникъ не творитъ въ безвоздушной атмосферѣ, и если онъ не считается съ окружающей его обстановкой, съ тѣмъ пониманіемъ, которымъ способна отвѣтить ему жизнь, то она жестоко мститъ за это невниманіе. Глупыя слезы однихъ и злорадное хихиканіе другихъ—вотъ что способны вызвать образы Юшкевича-созданные, вѣримъ, съ лучшими намѣреніями. Но развѣ эти намѣренія не обязываютъ? И не пора ли Юшкевичу пересмотрѣть свое прошлое и настоящее и, со всей строгостью взыскательнаго худож-

ника осудивъ въ немъ дурное, возвратить свои безспорныя художественныя силы къ достойному ихъ пути.

Т. Ефименко. Жадное сердце. Стихи. П. 1916. Стр. 12.

Чѣмъ изощреннѣе стихотворная техника, тѣмъ больше пишутъ стиховъ. Обыкновенно между обоими явленiями устанавливаютъ причинную связь такого рода: повысилась техника, значитъ, стихи писать легче. На самомъ дѣлѣ, конечно, чѣмъ выше техника, тѣмъ выше требованiя, предъявляемыя къ стихотворной формѣ, тѣмъ, стало быть, писать стихи труднѣе. И стихотворный потокъ ростетъ, не благодаря высотѣ техники, а вопреки ея трудностямъ. Тяготѣнiе къ стихотворной формѣ предшествуетъ; оно вызываетъ изощренное вниманiе къ формѣ, оно совершенствуетъ технику, оно подымаетъ техническiя требованiя,—преодолѣнiе ихъ не находится въ прямой зависимости отъ подлиннаго поэтическаго дара. Способность къ формѣ есть лишь одинъ изъ элементовъ этого дара, и именно въ стихотворной лирикѣ этотъ элементъ чаще всего является оторваннымъ отъ другихъ. Множество стиховъ, болѣе, чѣмъ удовлетворительныхъ технически, не даетъ глубокой художественной радости просто потому, что формальныя красоты—необходимый, но не единственный и не важнѣйшiй, элементъ поэтической завершенности. То, что мы называемъ истинной поэтичностью, требуетъ другого: требуетъ ощущенiя личности творившаго. Лирика должна заставить насъ почувствовать индивидуальнаго человѣка; безъ этого „необщаго выраженiя", знаменующаго не одни поэтическiя способности, но и извѣстную внутреннюю значительность, безсильны самыя блистательныя достиженiя формальнаго искусства.

Если мы связываемъ эти общiя разсужденiя съ скромнымъ лирическимъ сборникомъ мало-извѣстнаго поэта, то не потому, чтобы этотъ сборникъ казался намъ литературнымъ событiемъ. Скромность поэта вполнѣ законна и въ малой извѣстности пребудетъ онъ и въ дальнѣйшемъ. Но о подлинной, а не изъ чужихъ стиховъ вычитанной, духовной жизни говоритъ эта книжечка, тайны дѣйствительно жаднаго, неспокойнаго женскаго сердца раскрываетъ и подлинную поэзiю даетъ читателю. Авторъ очень внимателенъ къ формѣ, знаетъ ея новыя достиженiя, ищетъ своихъ созвучiй и если иногда бываетъ неловокъ, то не бываетъ баналенъ: значительное достоинство въ томъ, кто не ищетъ оригинальности во что бы то ни стало. Онъ охотно прибѣгаетъ къ бытовому убранству сельскаго классическаго мiра, особенно въ первой части сборника, гдѣ—подъ эпиграфомъ „Нѣтъ ничего сладостнѣе, какъ внимать заповѣдямъ Господнимъ",—воспѣваетъ мечту тихой, сладостной, довольной трудовой семейной жизни.

Зажженъ очагъ... Мой другъ беретъ свирѣль,
За труднымъ днемъ минуты ласкъ лѣнивы,
Но нашъ союзъ скрѣпляетъ колыбель,
Сплетенная изъ вѣтокъ гибкой ивы.

Что эти „буколики и георгики“— только мечта, и мечта несбыточная, показываетъ со всей остротой слѣдующая часть книжки. Съ сжимающей сердце тоской поетъ здѣсь дѣвушка о трагическомъ „единоборствѣ навѣки враждующихъ душъ“, о необрѣтенномъ счастьѣ любви, о роковыхъ противорѣчіяхъ полового міропорядка, столь же неизбѣжныхъ, сколь непреодолимыхъ. „Дай мнѣ дѣтей; если не такъ—я умираю“:—этотъ страстный призывъ библейской матери преобразуется здѣсь въ тоскливый вздохъ, хоть и чрезвычайно современнаго, однако въ основѣ своей неизмѣннаго женскаго сердца.

...И сердце плачетъ, плачетъ,
Безумное отъ двухъ своихъ скорбей.

Никакою радостью, конечно, не утолится эта жажда женскаго сердца, не умиротвореннаго въ обоихъ своихъ основныхъ тяготѣніяхъ. И тихая угрюмость охватываетъ поэта; въ тихой грусти ищетъ разрѣшенія его великая тоска. Есть еще радости жизни— есть покой и воля, есть очарованія искусства, есть трудъ, есть природа, есть люди. Но грустью неудовлетворенія подернуты всѣ эти малыя для женщины радости:

Этого достаточно для святыхъ,
Или больныхъ, или усталыхъ,
А для меня мало...

До подлинной трагедіи такимъ образомъ не доросъ поэтъ: въ мелкія жемчужинки безпорывной резиньяціи разсыпалась его большая скорбь. Онъ нашелъ достойную форму для своихъ печалей, столь женскихъ, столь человѣческихъ, и, конечно, найдетъ сочувственный откликъ въ тѣхъ, кому дорого всякое самобытное и законченное выраженіе общихъ запросовъ и тяготѣній. Къ чему бы ни было жадно сердце читателя, оно не пройдетъ безъ вниманія эти пѣсни жаднаго сердца.

П. Д. Успенскій. Разговоры съ дьяволомъ. Оккультные разсказы. Изд. А. Н. Брянчанинова. Петроградъ. 1916. Стр. 164. Ц. 2 р.

Давно уже извѣстно, что мистическія книги написаны раціоналистами, ибо подлинные мистики молчатъ. Книга г. Успенскаго, теософа, мистика и оккультиста, сочиненія котораго получили распространеніе въ послѣдніе годы, свидѣтельствуетъ объ этомъ съ достаточной убѣдительностью. Два разсказа, объединенные въ его сборникѣ, очень мало похожи одинъ на другой, но содержаніе ихъ объединено общей идеей: въ обоихъ авторъ, бойкій разсказ-

чикъ, повѣствуетъ о томъ, какъ бдящій надъ человѣчествомъ дьяволъ направляетъ къ худшему всѣ благія намѣренія людей и какъ избранные люди побѣдоносно справляются съ кознями злого духа. Не видно, чтобы авторъ бралъ въ серьезъ свою терминологію, не видно, чтобы вѣра въ личное, живое воплощеніе зла проникала его во всей конкретности; самый тонъ разсказа, ироническій и намѣренно поверхностный, показываетъ—быть можетъ, вопреки желанію автора,—что для него какъ дьяволъ, такъ и мелкіе черти, исполняющіе его замыслы, не столько религія, сколько словесность; не миѳологія, а метафора. Разсказъ объ изобрѣтателѣ автоматическаго пистолета Б. умѣло заканчивается не выводомъ, а вопросомъ: читатель такъ и не знаетъ, какъ, въ сущности, надо цѣнить техническое творчество героя,—принесло оно въ конечномъ результатѣ больше зла или добра? Но, конечно, дьяволъ притворяется, не давая никакого моральнаго вывода: авторъ уже привелъ своего читателя къ необходимой морали.

Второй разсказъ, собственно, почти не беллетристика: разговоры русскаго писателя съ дьяволомъ, комментирующіе мысли и поступки одного молодого англичанина, проживающаго въ Индіи, составляютъ главное его содержаніе: „Мелкій бѣсъ, изъ самыхъ нечиновныхъ“ соблазняетъ пытливаго и благороднаго Лесли Уайта, самозабвеннаго искателя жизненной правды, но лучшее *я* молодого англичанина побѣждаетъ на первыхъ порахъ чортовы соблазны; соблазны эти грубы: радости чревоугодія играютъ среди нихъ главную роль; естественно, что сила духа побѣждаетъ силу цейлонскаго соуса, не смотря на всю убійственную пикантность послѣдняго. Но есть соблазны болѣе странные: есть „ставка на благородство“—и на послѣднихъ страницахъ разсказа мы видимъ Лесли Уайта въ офицерской формѣ въ рядахъ шотландскаго отряда, отправляемаго на защиту Англіи отъ нѣмцевъ: „Всѣ шашки опять спутаны на доскѣ жизни,—такъ характеризуетъ авторъ наши дни:—изъ глухихъ подземелій пошлости выпущены на землю цѣлыя тучи лжи и лицемѣрія, которыми теперь должны дышать люди, я не знаю—сколько времени“. Такимъ образомъ, тому благородству, на которое спекулируетъ дьяволъ, очевидно, съ точки зрѣнія автора, нѣтъ мѣста въ войнѣ съ чьей бы то ни было стороны. Въ соотвѣтствіи съ этимъ г. Успенскій не кому иному, а именно дьяволу, влагаетъ въ уста бурный панегирикъ войнѣ: „Война есть высшее выраженіе цивилизаціи и прогресса. Что было бы съ людьми, еслибы не было войны? Дикость, варварство, полное отсутствіе всякой эволюціи... Война—моральная необходимость. Идеализмъ требуетъ войны“.

Страннымъ только кажется примѣчаніе, которымъ авторъ счелъ нужнымъ сопроводить слова дьявола. „Нѣкоторое сходство взглядовъ дьявола на вопросы міровой политики и морали съ философскими взглядами извѣстныхъ мыслителей—ген. фонъ-Бернгарди и проф. фонъ-Трейчке—объясняется, какъ мнѣ кажется,—говоритъ г. Успен-

скій, — не заимствованіями съ той или другой стороны, а скорѣе совпаденіемъ, зависящимъ отъ причинъ внутренняго свойства". По вопросу о „причинахъ внутренняго свойства" не смѣемъ спорить: въ дѣлахъ о дьяволѣ г. Успенскому книги въ руки. Но почему онъ сталъ искать у враговъ того, что онъ легко нашелъ бы у друзей? Онъ очень почтителенъ къ Достоевскому и ему, конечно, извѣстны тѣ страницы „Дневника Писателя", гдѣ война идеализована въ тѣхъ же почти выраженіяхъ, какими пользуется дьяволъ. Не беремся судить, чего здѣсь больше—„заимствованій" или „совпаденій, зависящихъ отъ причинъ внутренняго свойства", но явнымъ намъ кажется, что здѣсь духъ зла обошелъ своего обличителя и посмѣялся надъ г. Успенскимъ. Хитеръ тотъ, кого называютъ „отцомъ лжи" и умѣло находитъ исполнителей своей воли тамъ, гдѣ считаютъ, что ужь справились съ этой злопыхательной волей.

Н. Н. Русовъ. Золотое счастье. Романъ. Изд-ство „Трудъ". Москва. 1916. Стр. 184. Ц. 1 р. 25 коп.

Въ приложеніи къ роману напечатаны хвалебныя выдержки изъ отзывовъ о предыдущихъ произведеніяхъ г. Русова; неодобрительное опущено, одобрительное заботливо представлено читателю въ неприкосновенности. Здѣсь мы узнаемъ, между прочимъ, отъ г. Айхенвальда, что г. Русовъ „въ свои разсказы вводитъ реальныя фигуры современныхъ общественныхъ дѣятелей, иногда въ сатирическомъ освѣщеніи; онъ называетъ собственныя имена; и порою, когда его перомъ водитъ теплое и доброжелательное чувство, какъ, напримѣръ, въ задушевной характеристикѣ покойнаго князя С. Н. Трубецкого, это привлеченіе дѣйствительныхъ людей къ эстетическому сотрудничеству съ вымышленными только усиливаетъ привлекательную жизненность повѣствованія". Поощренный въ примѣненіи этого художественно-житейскаго пріема, г. Русовъ счелъ умѣстнымъ „привлечь къ эстетическому сотрудничеству" самого поощрителя, и въ новомъ его романѣ мы присутствуемъ вмѣстѣ съ его героемъ на лекціи г. Айхенвальда: „лекторъ въ черномъ сюртукѣ, изрѣдка близко наклоняясь къ лоскутку бумаги, поднималъ голову и завораживалъ пеструю людскую маску взорами и голосомъ, по-своему, по-айхенвальдовски расточая красивыя блестки: нанизывалось искусное ожерелье драгоцѣнныхъ мыслей, сравненій, намековъ"...

Шлемъ искреннее соболѣзнованіе бѣдному г. Айхенвальду, который, конечно, не предвидѣлъ, чѣмъ ему грозитъ поощреніе сомнительнаго пріема г. Русова. Г. Розановъ, также поощрившій г. Русова въ „Новомъ Времени", тоже выведенъ въ романѣ и—такъ какъ каждому герою соотвѣтствуетъ его стиль—выведенъ не въ публичности, а въ домашней обстановкѣ. Айхенвальдъ хоть въ „черномъ сюртукѣ", а Розановъ по-простецки, надъ умываль-

никомъ, надъ которымъ полощется, какъ утка, сіяя посѣтителю красной физіономіей; потомъ, впрочемъ, надѣлъ пиджакъ, показалъ герою „Аѳину, окруженную фаллосами"; а герой все время „таялъ отъ наслажденія". Оно, конечно, лучше пасквиля, но все-таки портретное живописаніе г-на Русова кажется намъ пріемомъ довольно скользкимъ и едва ли умѣстнымъ—не столько, впрочемъ, съ художественной, сколько съ бытовой точки зрѣнія. Онъ не играетъ существенной роли въ романѣ г. Русова—Айхенвальдъ и Розановъ мимолетные эпизоды въ исторіи его героя—но характерна самая мимолетность и случайность эпизодовъ. Г. Русовъ все не можетъ выбиться изъ эпизодовъ; мастеръ на эпизоды, онъ не можетъ перейти къ чему-либо болѣе цѣльному, болѣе связанному изнутри. Вотъ предъ нами исторія фельетониста Зета; сынъ мелкаго подмосковнаго трактирщика и лавочника, онъ искалъ „золотого счастія", искалъ людей, искалъ правды, искалъ міровоззрѣнія и умеръ, раненый въ отнятомъ у нѣмцевъ блиндажѣ. Смерть эта такъ же психологически случайна, какъ и все прочее; разрозненность матеріала доходитъ до того, что въ дневникѣ Зета безъ всякой необходимости вставленъ разсказъ объ офицерѣ, сошедшемъ съ ума оттого, что убилъ нѣмецкаго ребенка. Весь романъ унизанъ философскими размышленіями, публицистическими разсужденіями, критическими оцѣнками. Между тѣмъ эпизоды изображены въ немъ лучше, чѣмъ люди, второстепенныя дѣйствующія лица лучше, чѣмъ главныя. Остается впечатлѣніе незаурядныхъ литературныхъ и даже художественныхъ способностей, растраченныхъ втуне — на мелкую философію, на мелкую публицистику, на мелкія подмигиванія.

Архивъ села Карабихи. (Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову). Изд-ство К. Ф. Некрасова. Москва. 1916. Стр. 312. Ц. 2 р. 50 к.

Это не столько архивъ, сколько подполье: та незначительная часть бумагъ поэта, которая случайно сохранилась въ имѣніи его брата—Карабихѣ. Изъ боязни обыска Ѳ. А. Некрасовъ какъ-то связалъ въ одну пачку бумаги и письма брата и закинулъ ихъ подальше въ необитаемое подполье дома; тамъ пачка и пролежала около четверти вѣка, пока ее не разыскалъ въ пыли и мусорѣ племянникъ поэта, извѣстный издатель. Нынѣ изданный томъ содержитъ только письма; есть матеріалъ и для второго тома, который будетъ отданъ нѣкоторымъ неизданнымъ произведеніямъ Некрасова, а также многочисленнымъ вновь найденнымъ варіантамъ уже извѣстныхъ произведеній.

Чисто-литературный интересъ, представляемый письмами, не великъ; письма поэта обращены къ роднымъ и посвящены главнымъ образомъ *ихъ* дѣламъ и нуждамъ. Шире кругъ авторовъ и содержаніе писемъ, обращенныхъ къ Некрасову; однако и здѣсь

дѣла занимаютъ преимущественное мѣсто; правда, дѣла эти главнымъ образомъ журнальныя и съ этой стороны въ нихъ не мало цѣнныхъ для историка данныхъ, но, конечно, не матеріалы для исторіи журналистики составляютъ то важное, что мы ждемъ всегда отъ переписки поэта. Съ неизмѣнной жадностью мы ищемъ въ ней чего-то главнаго, пытливо стараемся вычитать между строкъ ея намеки на то недосказанное, чего мы не схватили въ произведеніяхъ поэта и что должно намъ освѣтить ихъ послѣднимъ свѣтомъ. Въ письмахъ, обращенныхъ къ избранникамъ, поэтъ долженъ раскрыться интимнѣе, чѣмъ въ общедоступныхъ произведеніяхъ, которыя предназначены для всѣхъ: эта вѣчная мечта слишкомъ часто обманывала насъ, чтобы новое разочарованіе было очень болѣзненно. И тому, кто подойдетъ къ письмамъ, нынѣ увидѣвшимъ свѣтъ, безъ этихъ повышенныхъ требованій, „Архивъ села Карабихи“ способенъ дать много. Не великъ его узко-литературный интересъ, однако тамъ и сямъ разсѣяны въ немъ черточки, уясняющія личность поэта. Но гораздо существеннѣе его бытовой, обще-историческій интересъ. Въ этомъ смыслѣ не знаешь даже, кто интереснѣе изъ корреспондентовъ Некрасова—безвѣстные ли люди, имѣвшіе дѣловыя или дружескія отношенія къ поэту, или его литературные современники, изъ громкихъ именъ коихъ мы лишь немногія не встрѣчаемъ въ „Архивѣ“. Здѣсь и начинающій Толстой, и Салтыковъ, и Островскій, и Писемскій, и Фетъ и т. д. вплоть до Плещеева, Кущевскаго и Каткова; многія письма цѣнны для біографій и характеристики ихъ авторовъ.

Отмѣтимъ трагическое письмо Помяловскаго, начинающееся словами: „Вамъ предстоитъ спасти меня отъ *позору*. Я, подъ пьяную руку, пропилъ 78 р., принадлежащихъ Р. школѣ“. Но важнѣе частностей тотъ общій тонъ журнальной работы 60-хъ годовъ, который обрисовывается въ письмахъ. Здѣсь и отдѣльные эпизоды—судъ надъ Пыпинымъ, полемика съ Буренинымъ—и характеристики; охотничьи интересы перемежаются съ журнальными: такъ и видишь это вчерашнее барство, сегодня перешедшее въ дѣла разночинныя. Но всего лучше освѣщена эта старая помѣщичья Русь въ письмахъ отца и младшаго брата Н. А. Некрасова, Константина. Точно странички бытового романа мелькаютъ эти жалобы безшабашнаго недоросля Константина, на „деспотическое правленіе отца“ и доводы, которыми онъ объясняетъ свой неравный бракъ: „Сдѣлайте милость не удивляйтесь и не сердитесь, что я женился на мѣщанкѣ, повѣрьте, что она гораздо умнѣе этихъ свѣтскихъ вертячекъ, у которыхъ головы набиты непотребными романами, вслѣдствіе чего онѣ вертятъ мужчинами, какъ чортъ палкой, да наконецъ сравните образъ одичалой угрюмой жизни моей съ уставами модницы барышни; ну мнѣ ли степняку возиться съ этими воздушными метеорами?“ Великолѣпенъ и отецъ въ стонахъ о томъ, что „фонтанель у меня на лѣвой ногѣ ничего не

помогаетъ, хотя она поставлена для отъ влеченія Влагъ". Въ общемъ письма рисуютъ поэта, какъ любящаго и заботливаго родственника; въ семьѣ чувствуется духъ здороваго и ровнаго вниманія другъ къ другу безъ всякаго надрыва. Надрывъ вышелъ не изъ раздольной и спокойной помѣщичьей жизни; здѣсь особенно очевидно, что онъ коренится въ нездоровыхъ условіяхъ ранней петербургской жизни поэта.

Редакція „Архива" могла быть тщательнѣе; неразобранныя въ письмахъ мѣста явно могли быть разобраны; примѣчанія бѣдноваты.

Юрій Соболевъ. Антонъ Чеховъ. Неизданныя страницы. К-во „Сѣверные дни". Москва. 1916. Стр. 130. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. О Чеховѣ. Изд. И. А. Бѣлоусова. Москва. Стр. 11. Ц. 50 коп.

Содержаніе брошюръ г. Соболева очень разнообразно: здѣсь и забытыя мелочи изъ произведеній Чехова, и забытые отзывы о его произведеніяхъ, и указатель литературы о немъ за послѣднее десятилѣтіе, и даже „опытъ изслѣдованія" на тему „Творческій путь Чехова". Послѣднее представляется наименѣе удачнымъ изъ трудовъ г. Соболева. Авторъ плохо уяснилъ себѣ, что собственно подлежитъ его изслѣдованію, и, называя большіе вопросы, отдѣлывается въ рѣшеніи ихъ словами. „Чеховъ не захотѣлъ ни однимъ краемъ приподнять ту завѣсу, которая преграждала путь къ его „мастерской", — говоритъ г. Соболевъ и всю свою статью строитъ на превосходныхъ „признаніяхъ" Чехова о процессѣ творчества, признаніяхъ, на которыя Чеховъ не былъ скупъ и которыя у него содержательнѣе, чѣмъ у многихъ другихъ. Надо только умѣть ихъ читать, а для этого уяснить себѣ, въ чемъ собственно заключаются подлежащіе рѣшенію вопросы. А г. Соболевъ на стр. 19 съ одобреніемъ цитируетъ Чехова: „Я подумалъ, что чутье художника стоитъ иногда мозговъ ученаго, что то и другое имѣютъ однѣ цѣли, одну природу", на слѣдующей же страницѣ съ такимъ же одобреніемъ цитируетъ Тэна: „цѣль художника—создать прекрасное, цѣль ученаго — познать истинное". Надо бы какъ-нибудь примирить эти утвержденія, но теоретическая легкость г. Соболева этого не требуетъ. Онъ все твердитъ, что изслѣдователь можетъ уяснить лишь внѣшніе пути творчества, что устремленія въ вѣчную тайну художественнаго созданія невозможны и кощунственны (?), но ни словомъ не пытается опредѣлить, какіе это такіе внѣшніе пути и гдѣ они переходятъ во внутренніе. Онъ съ удовольствіемъ цитируетъ Пуанкарэ, утверждающаго, что „человѣкъ бываетъ дѣйствительно творцомъ только тогда, когда онъ ни о чемъ не думаетъ", что даже математикъ „долженъ разсчитывать на неожиданность и непоколебимая точность его мето-

довъ, столь полезная при доказательствахъ, и къ чему не служитъ, когда онъ ищетъ". И это не мѣшаетъ г-ну Соболеву сдѣлать открытіе, что „методъ Чехова былъ методомъ, въ которомъ сложно и плѣнительно сплелись пріемы чисто-научные съ глубочайшимъ интуитивнымъ постиженіемъ". Содержанія это открытіе не имѣетъ, конечно, никакого.

Библіографическія работы г. Соболева гораздо полезнѣе его экскурсовъ въ область психологіи творчества. Правда, и здѣсь не безъ пропусковъ и не безъ недоразумѣній (статьи Ал. Чехова о братѣ разбросаны по разнымъ отдѣламъ), но указатель полонъ, а разныя мелочи—раннiе критическіе отзывы о Чеховѣ, его театральныя рецензіи, нѣкоторыя воспоминанія и т. д.—даютъ свѣдѣнія, которыхъ не обойдетъ будущее изслѣдованіе. Кстати—пора, наконецъ, снять съ покойнаго Скабическаго поклепъ, будто онъ въ одной рецензіи предсказалъ Чехову смерть въ пьяномъ видѣ подъ заборомъ. Эта рецензія перепечатана теперь въ сборникѣ г. Соболева—и если она въ свое время настолько затронула самолюбіе Чехова, что онъ долго не могъ забыть ея, то теперь и самая высокая оцѣнка Чехова не мѣшаетъ намъ признать, что Скабичевскій говоритъ не о Чеховѣ, а по поводу Чехова, и не о дарованіи его, а о мѣстахъ, гдѣ Чеховъ пишетъ, о лучшей участи, которой достойно его дарованіе. „Вы выносите изъ этихъ разсказовъ (рѣчь идетъ о „Пестрыхъ разсказахъ") такое впечатлѣніе, — говоритъ Скабичевскій—какъ будто на подмосткахъ какого-нибудь грязненькаго кафешантана вы встрѣтили вдругъ сильный, хватающій за душу, голосъ, который могъ бы, еслибы его обработать, сдѣлаться украшеніемъ любой европейской сцены, а между тѣмъ голосъ этотъ ограничивается тѣмъ, что увеселяетъ пьяную публику кафешантанчика пѣніемъ какихъ-нибудь скабрезныхъ куплетиковъ". На что уходилъ въ свое время великій даръ Чехова, показываютъ со всей очевидностью мелочи изъ его писаній, раскопанныя г. Соболевымъ въ забытыхъ юмористическихъ журналахъ. Здѣсь Чеховъ печаталъ такія остроумныя объявленія: „*Нужна кухарка.* Трезвая, умѣющая стирать и не сотрудничающая ни въ одномъ Листкѣ. Замоскворѣцкій пер., д. поручика Негодяева"; или: „*Присяжный повѣренный И. Н. Мошенниковъ.* Ведетъ дѣла. На случай обвинительнаго приговора предлагаетъ залогъ". Скабичевскій говоритъ въ рецензіи о тѣхъ работникахъ уличной прессы, которые, соблазнившись высокимъ заработкомъ, опускаются до требованій толпы. Понемногу такой писатель „начинаетъ повторяться, теряетъ популярность и дѣло кончается тѣмъ, что онъ обращается въ выжатый лимонъ и ему приходится въ полномъ забвеніи умирать гдѣ-нибудь подъ заборомъ". Кто знаетъ судьбу и нравы тѣхъ литераторовъ, въ средѣ которыхъ провелъ первые годы своей дѣятельности Чеховъ, едва-ли обвинитъ Скабичевскаго въ грубомъ преувеличеніи; отмѣтимъ еще, что раздраженный Чеховъ цитиро-

валъ неправильно: о „пьяномъ видѣ“ въ рецензіи нѣтъ ни слова. Напрасно Чеховъ говорилъ, что не слышалъ отъ критики ни одного добраго совѣта: нельзя не видѣть того, что, уходя отъ „Осколковъ“ къ „Сѣверному Вѣстнику“, отъ „Новаго Времени“ къ „Русскимъ Вѣдомостямъ“, Чеховъ шелъ по тому пути, который ему указывала критика. И это, конечно, не побѣда маленькаго Скабичевскаго надъ великимъ Чеховымъ, но побѣда той большой общественной и нравственной правды, которая была въ направленіи Скабичевскаго и которой не было въ индифферентизмѣ начинающаго Чехова и въ разгильдяйствѣ его тогдашней среды.

С. А. Золотаревъ. Синхронистическая діаграмма по исторіи русской литературы и историко-литературная карта Россіи. Изд-ство б. Попова. Петроградъ. 1916. Стр. 8+1 листъ. Ц. 80 коп.

„Синхронистическая діаграмма по исторіи русской литературы составлена съ цѣлью дать наглядное представленіе о развитіи русской литературы за два съ половиной столѣтія (1661—1904) и о хронологической преемственности или близости отдѣльныхъ писателей“. Этой цѣли діаграмма не достигаетъ. На большомъ листѣ горизонтально расположены рядами длинные прямоугольники; каждый соотвѣтствуетъ какому-либо писателю; длина прямоугольника пропорціональна числу лѣтъ, прожитыхъ писателемъ; расположены прямоугольники хронологически, то есть пересѣченія ихъ съ вертикалями, проходящими черезъ листъ, соотвѣтствуютъ годамъ нашей эры; наиболѣе примѣчательные моменты дѣятельности писателя обозначены на его прямоугольникѣ болѣе интенсивной окраской. Вертикальными линіями таблица раздѣлена на царствованія, а сверху помѣщены въ хронологическомъ соотвѣтствіи имена европейскихъ писателей, вліяніе которыхъ испытала русская литература. Ничего особенно нагляднаго изъ этого не получается. Создать наглядную діаграмму не такъ просто, какъ кажется составителю: здѣсь нужно если не настоящее творчество, то не малая изобрѣтательность; въ діаграммѣ прежде всего не должно быть ничего случайнаго, не обусловленнаго ея цѣлью. Она составляется для того, чтобы показать со всей очевидностью необходимую связь явленій, не внося ничего побочнаго. Между тѣмъ система г. Золотарева только вноситъ безпорядокъ; тѣ хронологическія свѣдѣнія, которыя она даетъ, укладывались бы такъ же хорошо, еслибы были представлены въ простой цифровой таблицѣ; все остальное въ ней способно только спутать. Вертикальный порядокъ писателей опредѣленъ ихъ хронологіей; но горизонтально они расположены такъ, что напр., въ полосѣ IV идутъ подрядъ: Тредіаковскій, Мерзляковъ, Чернышевскій; въ полосѣ XX: Хемницеръ, Батюшковъ, Гаршинъ, въ полосѣ XXXVIII: Сенковскій, Ѳедоръ Сологубъ.

Чѣмъ опредѣляется такая послѣдовательность, неизвѣстно, или, вѣрнѣе, она, очевидно, ничѣмъ не опредѣляется. При такихъ условіяхъ никакъ нельзя думать, что діаграмма можетъ дать представленіе „о хронологической преемственности отдѣльныхъ писателей“. Преемственность средствами столь механическими не устанавливается. „Составитель не добивался исчерпывающей полноты и не хотѣлъ бы догматически закрѣплять одно опредѣленное соотвѣтствіе между хронологической и идейной близостью отдѣльныхъ писателей“. Мы полагаемъ, что опредѣленіе такого соотвѣтствія—задача вообще недоступная для діаграммы, а въ „исчерпывающей полнотѣ“ также не видимъ необходимости. Но нужна была бы другая полнота, которой мы не находимъ ни слѣда въ таблицахъ г. Золотарева: та полнота, которая дается равновѣсіемъ элементовъ и строгимъ выборомъ ихъ. Между тѣмъ подборъ писателей, сдѣланный для таблицы составителемъ, нельзя не назвать совершенно случайнымъ. Съ классиками дѣло обстоитъ болѣе или менѣе благополучно, но за предѣлами именъ безусловныхъ начинается полный произволъ. Какъ непонятно, почему гранями исторіи русской литературы поставлены 1661 и 1904 года, такъ непонятно, почему въ таблицахъ есть Амфитеатровъ и нѣтъ Ольги Шапиръ, есть К. Р. и нѣтъ Случевскаго, есть Чюмина и нѣтъ З. Гиппіусъ, есть Костомаровъ и нѣтъ Ключевскаго, есть Чириковъ и нѣтъ Арцыбашева, есть Овсянико - Куликовскій и нѣтъ Страхова, есть Лохвицкая и нѣтъ К. Павловой, есть Венгеровъ и нѣтъ Пыпина, есть Танъ и нѣтъ Сергѣева-Ценскаго, есть, наконецъ, Грековъ, Ознобишинъ, Клушинъ и нѣтъ Марко Вовчка, Н. Ф. Павлова, кн. Вл. Одоевскаго и многихъ, многихъ. Совершенно ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ подборомъ, а съ произволомъ.

Другую часть таблицы составляетъ „историко-литературная карта“: на картѣ Россіи разнесены по мѣстамъ ихъ рожденія посредствомъ значковъ русскіе писатели; карта показываетъ, что въ Москвѣ родилось много писателей, много давалъ нѣкогда Кіевъ, за послѣдніе полвѣка большинство далъ Петербургъ. Изслѣдованіе такого рода имѣло бы смыслъ, еслибы матеріаломъ для него послужило не мѣсто рожденія писателя—во всякомъ случаѣ не оно одно, — но и другія мѣста, съ которыми связанъ его духовный ростъ. Изъ того же, что Бѣлинскій родился въ Нюландской губерніи, слѣдуетъ не болѣе, чѣмъ изъ того, что Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ.

Г. Касперовичъ. Лѣсное дѣло, лѣсная торговля и лѣсопромышленность Россіи въ связи съ пересмотромъ торговыхъ договоровъ Экономическо-статистическое изслѣдованіе съ 20 большими таблицами и 5 діаграммами въ особомъ приложеніи. Петроградъ. 1916. Ц. 2 руб. 50 к

Въ послѣднее время у насъ вышло нѣсколько работъ, посвященныхъ частью нашимъ лѣсамъ и ихъ эксплуатаціи, частью лѣсному хозяйству другихъ государствъ (Франціи, Бельгіи, Германіи), международной торговлѣ лѣсомъ и участію въ ней Россіи, а также выясненію роли различныхъ иностранныхъ рынковъ для нашего лѣсного экспорта. Помимо книжекъ и статей Дена, Орлова, Озерова, Давыдова (послѣднія двѣ относятся къ лѣсамъ сѣвера), мы имѣемъ въ виду въ особенности изданія отдѣла торговли и лѣсного департамента, а также совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли, совѣта съѣздовъ лѣсопромышленниковъ и сельскохозяйственнаго комитета по пересмотру торговыхъ договоровъ.

Г. Касперовичъ воспользовался всѣми этими экономическими и статистическими матеріалами и попытался на основаніи ихъ дать общую картину нашего лѣсного хозяйства и лѣсной торговли, обращая особое вниманіе на наши торговыя сношенія съ Германіей и отчасти съ Австро-Венгріей. Онъ прежде всего обращаетъ вниманіе на ту важную роль, которую играетъ экспортъ лѣса въ нашей вывозной торговлѣ. За столѣтній періодъ 1800—1913 гг. цѣнность нашего лѣсного экспорта увеличилась въ 126 разъ (съ 1,3 до 165 милл. руб.), тогда какъ общая цѣнность нашего вывоза возросла за это время всего въ 21 разъ (съ 71 до 1.520 милл. руб.) и даже вывозъ хлѣба повысился за тотъ же періодъ только въ 44 раза (съ 13 до 585 мил. руб.). За исключеніемъ одного лишь зерна, цѣнность отпуска нашего лѣсного товара превышаетъ въ настоящее время цѣнность вывоза всѣхъ другихъ продуктовъ, достигая въ 1913 г. 11 проц. всего нашего экспорта.

Изъ вывозимаго нами лѣса приблизительно 40 проц. направляется въ Великобританію и 30 проц. въ Германію, остальной экспортъ идетъ въ Голландію, Бельгію и Францію. Какъ мы видимъ, роль Германіи въ этомъ экспортѣ весьма велика. Она обнаруживается и въ томъ, что въ районахъ, находящихся поблизости отъ германской границы, отпускъ лѣсного матеріала на одну десятину гораздо больше, чѣмъ въ прочихъ районахъ, гдѣ отпускъ древесной массы сравнительно незначителенъ; выражается и въ болѣе высокомъ соотношеніи между удобною лѣсною почвою и общею площадью лѣсовъ въ районѣ рѣкъ Днѣпра и Днѣстра, въ Царствѣ Польскомъ и въ принѣманскомъ районѣ, т. е. тамъ, гдѣ совершается болѣе интенсивный отпускъ лѣса черезъ германскую границу.

Характерную особенность нашего лѣсного экспорта въ Германію составляетъ то обстоятельство, что Германія пріобрѣтаетъ у насъ сырой лѣсной матеріалъ, котораго она не можетъ получить въ достаточномъ количествѣ въ своихъ лѣсахъ (не смотря на то, что ея лѣсная площадь не только не сокращается, а даже нѣсколько увеличивается), и направляетъ этотъ матеріалъ на свои фабрики

и заводы для переработки его у себя и экспорта его на міровой рынокъ въ видѣ болѣе цѣннаго полупродукта и даже готовыхъ издѣлій. Россія доставляетъ Германіи круглый строительный и подѣлочный, т. е. сырой лѣсъ въ видѣ бревенъ и досокъ, а также дерева для спичекъ и целлюлознаго лѣса для писчебумажныхъ фабрикъ. Въ 1913 г. въ Германію было вывезено нами 76 проц. бревенъ (по цѣнности), 54 проц. досокъ и 69 проц. дерева для спичекъ и писчебумажной массы, причемъ цѣны на русскій лѣсъ, экспортируемый тогда, отличались, по сравненію съ нашимъ экспортомъ въ другія страны (Англію, Францію, Бельгію), своимъ низкимъ уровнемъ.

Между тѣмъ такой усиленный вывозъ круглаго лѣса весьма вредно отражается на нашей лѣсопромышленности. Г. Касперовичъ справедливо указываетъ на то, что сырой матеріалъ могъ бы съ большой выгодой подвергаться переработкѣ въ самой Россіи вмѣсто того, чтобы питать древообрабатывающую и писчебумажную промышленность Германіи. Такъ, напр., въ нашихъ интересахъ было бы сокращеніе того крупнаго вывоза целлюлознаго лѣса, который совершается изъ Польши, Литвы, Петрограда, Архангельска и использованіе его для надобностей собственной писчебумажной промышленности. Въ настоящее же время Германія захватила въ свои руки почти всю торговлю этимъ лѣсомъ, ей онъ обходитс особенно дешево, и она имѣетъ возможность выбрасывать на міровой рынокъ уже готовыя издѣлія изъ целлюлозы, какъ и изъ другихъ сортовъ лѣсного товара.

Въ результатѣ Германія снабжаетъ издѣліями своей древообрабатывающей промышленности не только западно-европейскія страны и Америку, но въ значительномъ количествѣ и Россію, которая получаетъ свой же лѣсъ обратно, но въ переработанномъ и гораздо болѣе цѣнномъ видѣ. Около 50 проц. всей импортируемой въ Россію столярной и токарной работы,—какъ видно изъ данныхъ, сообщаемыхъ г. Касперовичемъ,—привозятся къ намъ изъ Германіи, хотя эти издѣлія могли быть произведены внутри имперіи, тѣмъ болѣе, что всѣ тѣ породы лѣса, изъ которыхъ выдѣлываются эти предметы привоза, имѣются у насъ въ достаточномъ количествѣ. Правда, изъ приводимыхъ авторомъ цифръ производства механической обработки дерева въ Россіи (на основаніи анкетъ 1900 и 1908 гг.) можно усмотрѣть, что у насъ лѣсопильно-фанерное производство и выдѣлка издѣлій изъ гнутой мебели, изъ пробки и т. д. сдѣлали значительные успѣхи за послѣднее время. Но другія отрасли древообрабатывающей промышленности, напротивъ, даже сократили за это время свою дѣятельность; таковы паркетныя и столярно-строительныя фабрики, бондарныя, бочарныя, багетныя и рамочныя заведенія, рѣзная и выпиловочная отрасль производства.

Любопытно и то обстоятельство, что у насъ до сихъ поръ пре-

обладаетъ въ древообдѣлочныхъ отрасляхъ промышленности кустарное производство; число фабричныхъ рабочихъ, занятыхъ въ этой промышленности, по сравненію съ количествомъ кустарей, весьма невелико. Въ одномъ только производствѣ столярныхъ издѣлій, куда входятъ отрасли паркетная и столярно-строительная, изготовленіе оконныхъ рамъ, дверей, упаковочныхъ ящиковъ, сундуковъ, а также мебели, фабричный рабочій замѣтнымъ образомъ конкурируетъ съ кустаремъ. Но и въ этихъ отрасляхъ производство могло бы ещё гораздо болѣе расшириться, работая для міроваго рынка и успѣшно конкурируя съ Германіей, которая эти же предметы изготовляетъ изъ русскаго сырья.

Такіе рынки, какъ Великобританія, Голландія, Швейцарія, заатлантическія страны, гдѣ преобладаетъ въ настоящее время нѣмецкій товаръ, вполнѣ открыты и доступны для Россіи. „Въ первую очередь выступаетъ весьма серьезный вопросъ о технической сторонѣ дѣла—усовершенствованіи нашей отсталой техники, тѣсно и нераздѣльно связанномъ съ подъемомъ профессіональнаго образованія и дѣломъ подготовки кадра обученныхъ рабочихъ. Ростъ производства, улучшеніе качества и удешевленіе продукта неизмѣнно повлекутъ за собой расширеніе сбыта, какъ на внутреннемъ, такъ и на внѣшнемъ, рынкахъ, въ одинаковой мѣрѣ еще мало насыщенныхъ. Все это возможно лишь при тщательномъ изученіи рынка и детальномъ его изслѣдованіи“.

Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ подробнѣе, какіе принципы должны быть положены въ основаніе организаціи экспорта, какія требованія, хотя бы въ общихъ чертахъ, предъявляютъ европейскіе и заокеанскіе рынки; онъ не дѣлаетъ никакихъ указаній относительно желательной постановки коммивояжерскаго промысла, рекламы, агентуръ въ области лѣсообрабатывающей промышленности.

Трудно согласиться и съ его предложеніемъ въ области таможенной политики, поскольку рѣчь идетъ о пошлинахъ на привозимыя къ намъ издѣлія древообдѣлочной индустріи. Если слѣдуетъ бороться съ высокими пошлинами, установленными на нашъ пиленый лѣсъ въ Германіи, такъ какъ они стѣсняютъ вывозъ обработаннаго лѣса и поощряютъ экспортъ сырого матеріала, гораздо ниже облагаемаго или вовсе не обложеннаго, то едва-ли имѣется основаніе къ усиленію у насъ таможенной охраны лѣсопромышленности: авторъ и самъ признаетъ, что даже въ области производства болѣе тонкихъ издѣлій гораздо большаго можно достигнуть лучшей техникой и что въ этомъ отношеніи необходимо принять рядъ мѣръ.

То обстоятельство, что на первомъ планѣ среди странъ нашего экспорта стоитъ Великобританія, гдѣ къ тому же русскій лѣсъ расцѣнивается гораздо выше, чѣмъ въ Германіи, указываетъ, повидимому, на путь дальнѣйшаго развитія нашего лѣсного экспорта. Его

цѣлью должно быть расширеніе англійскаго рынка, какъ и рынковъ французскаго и бельгійскаго, гдѣ потребность въ нашемъ лѣсѣ послѣ войны будетъ ощущаться особенно сильно и гдѣ можно будетъ добиться весьма выгодныхъ для экспорта русскихъ лѣсныхъ товаровъ условій.

Книга г. Касперовича читается съ интересомъ; она снабжена рядомъ статистичесаихъ таблицъ и діаграммъ, дающихъ читателю возможность прослѣдить ходъ развитія нашего лѣсного хозяйства, лѣсопромышленности и экспорта лѣса.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

В. Н. Твердохлѣбовъ. Финансовые очерки. В. I. П. 1916. Ц.

Л. М. Ковальская. Дороговизна жизни и борьба съ ней. М. 1916. Ц. 2 руб.

Жераръ д'Увилля. Пора любви. Романъ. Пер. съ франц. П. 1916. Ц. 1 р. 75 коп.

Анна Маръ. Женщина на крестѣ. Романъ. М. 1916. Ц. 1 р.

Алекс. Закржевскій. Одинокій мыслитель (Константинъ Леонтьевъ). Кіевъ. 1916. Ц. 50 к.

В. Сенатовъ. Вавилонъ, Израиль и Германія. П. 1916. Ц. 75 к.

В. I. Дмитріева. Повѣсти и разсказы. Т. т. I и II. П. 1916. Ц. по 1 р. 25 к.

В. А. Поссе. Основы кооперативнаго движенія. П. 1916. Ц. 40 к.

Николай Морозовъ. Какъ прекратить „вздорожаніе жизни". М. 1916. Ц. 60 к.

Изд. П. Луковникова. П. 1916.—С. Князьковъ. С.-Петербургъ и Спб. Общество при Петрѣ В. Ц. 40 к. — Его же. Петръ В. и его современники за границей. Ц. 20 к.—Его же. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный и его время. Ц. 40 к.—Его же. Гангудскій бой и морской флотъ при Петрѣ В. Ц. 20 к. — Н. Ѳ. Денисюкъ. Государственное хозяйство въ популярномъ изложеніи. Ц. 1 р. 25 к.— Его же. Хозяйственная жизнь Россіи. Экономическая географія Россіи. Ц. 2 р. — В. К. Агафоновъ. Настоящее и прошлое земли. 3-е изд. совершенно переработанное. Ц. 3 р. 50 к.— А. В. Вережниковъ. Золотое дно. Ц. 25 к.—М. В. Клочковъ. Земскіе соборы. Ц. 40 к. — И. И. Мещерскій. Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ? Изд. десятое. Ц. 40 к.—Его же. Азбука сельскаго хозяйства. Изд. пятое. Ц. 75 к.

Б. А. Кистяковскій. Соціальныя науки и право. М. 1916. Ц. 5 р.

Р. Випперъ. Исторія Греціи въ классическую эпоху. IX—IV до Р. Х. М. 1916. Ц. 4 р. 50 к.

Стрѣлецъ. Сборникъ второй. П. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

Кн—во писателей въ Москвѣ. 1916.— Г. Жулавскій. Изъ дома отцовъ. Пер. съ польскаго. Ц. 1 р. 25 к. — Борисъ Зайцевъ. Земная печаль. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к. — Н. Тимковскій. Женихъ. Ц. 1 р. 50 к.

Андр. Вас. Круковскій. Плетневъ, какъ критикъ. Воронежъ. 1916.

К. Кульватенко. Авель и Каинъ. Трагедія. М. 1916. Ц. 75 к. — 1916 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи. В. III. П. 1916.

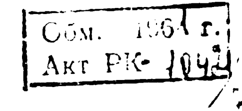
Отчетъ конторы журнала.

Въ контору журнала „Русскія Записки" поступило: въ пользу русскихъ волонтеровъ во Франціи и ихъ семей: отъ служащихъ Ставропольскаго губернскаго земства—300 р.; отъ комитета служащихъ Ярославской губернской земской управы—100 р.; отъ служащихъ въ оцѣн.-статист. бюро Черниг. губ. земск. управы—21 р. 10 к.; отъ П. Д. Железовцевой—12 р.; отъ Н. П. Котова изъ г. Барнаула, Томск. губ.—10 р.; отъ А. Г. Барулина изъ Кіева—3 р.; отъ И. и Е. Т—х. — 2 р.; отъ земскихъ служащихъ Кіевской губ. — 500 р.; отъ в-ча А. П. Нелидова — 5 р.; отъ служащихъ Ставропольскаго губерн. земства—25 р.; отъ вет. в-ча В. А. Матвѣева — 10 р.; отъ служащихъ въ оцѣн.-статист. бюро Черниг. губерн. земск. управы—23 р. 53 к.

Черезъ В. Г. Короленко: черезъ „Екатериносл. Земскую Газету": отъ Соловцова—1 р., отъ Рѣзникова—1 р., отъ Ю. И. Фридманъ—10 р., отъ Н. И. М.—3 р., отъ неизвѣстнаго—1 р.; черезъ Швецова изъ с. Петропавловскаго—11 р., отъ Н. А. Л. (черезъ П. С. Вол.)—10 р.

Итого . . . . . 1.048 р. 63 к.
А всего съ прежде поступившими . 15.096 р. 80 к.

На помощь дѣтямъ павшихъ воиновъ: отъ Л. Щичко изъ дѣйствующей арміи—3 р.

Редакторъ **В. Н. Цѣховская.** Издатель **Н. С. Русановъ.**

